

УРОВЕНЬ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ

2023 Том 19 №2

Издаётся с 1992 года

Выходит 4 раза в год

DOI: 10.52180/1999-9836_2023_19_2

ISSN: 1999-9836 (Print)

ISSN: 2713-3397 (Online)

РЕГИОНОВ РОССИИ

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

УЧРЕДИТЕЛЬ

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт экономики Российской академии наук (Институт экономики РАН)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации: серия ПИ № ФС77-78712 от 20 июля 2020 г.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР, РУКОВОДИТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА И РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Бобков Вячеслав Николаевич — доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, главный научный сотрудник, заведующий Сектором социально-экономических исследований качества и уровня жизни Центра развития человеческого потенциала Института экономики РАН; директор Научного центра экономики труда Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова

РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА «УРОВЕНЬ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ»

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Гулюгина Алефтина Александровна — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Сектора социально-экономических исследований качества и уровня жизни Центра развития человеческого потенциала Института экономики РАН

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА – ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Чащина Татьяна Викторовна — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Сектора социально-экономических исследований качества и уровня жизни Центра развития человеческого потенциала Института экономики РАН

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИИ

Мачхелян Гарри Григорьевич — кандидат экономических наук, доцент, независимый исследователь

Одинцова Елена Валерьевна — кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Сектора социально-экономических исследований качества и уровня жизни Центра развития человеческого потенциала Института экономики РАН; ведущий научный сотрудник Научного центра экономики труда Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова

Черных Екатерина Алексеевна — кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Сектора социально-экономических исследований качества и уровня жизни Центра развития человеческого потенциала Института эко-

номики РАН; ведущий научный сотрудник Научного центра экономики труда Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова

СЕКРЕТАРЬ

Рязанцев Вадим Игоревич — младший научный сотрудник Сектора социально-экономических исследований качества и уровня жизни Центра развития человеческого потенциала Института экономики РАН

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА «УРОВЕНЬ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ»

Бурак Пётр Иосифович — академик РАН, доктор экономических наук, профессор, вице-президент РАН, директор Института региональных экономических исследований, Россия

Волгин Николай Алексеевич — доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, советник генерального директора ВНИИ труда Минтруда России, главный редактор журнала «Социально-трудовые исследования», Россия

Головнин Михаил Юрьевич — член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, директор Института экономики РАН, Россия

Гонтмахер Евгений Шлёмович — доктор экономических наук, профессор, профессор Национального исследовательского университета Высшая школа экономики, Россия

Гринберг Руслан Семёнович — член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, научный руководитель Института экономики РАН, Россия

Долгушкин Николай Кузьмич — академик РАН, доктор экономических наук, профессор, вице-президент РАН, Россия

Ивченков Сергей Григорьевич — доктор социологических наук, профессор, декан социологического факультета, заведующий кафедрой социологии молодёжи Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского

Куклин Александр Анатольевич — доктор экономических наук, главный научный сотрудник Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Россия

Ленчук Елена Борисовна — доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель научного направления «Экономическая политика» Института экономики РАН, Россия

Музычук Валентина Юрьевна — доктор экономических наук, заместитель директора Института экономики РАН по научной работе, Россия

Одегов Юрий Геннадьевич — доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, главный научный сотрудник научной школы «Теория и технологии менеджмента» Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова

Рыбаковский Леонид Леонидович — доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Института демографических исследований ФНИСЦ РАН, Россия

Субетто Александр Иванович — доктор экономических наук, доктор философских наук, кандидат технических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, профессор Северо-Западного института управления РАНХиГС при Президенте РФ, почётный президент Ноосферной общественной академии наук, руководитель Философского Совета Русского Космического Общества, вице-президент Петровской академии наук и искусств, Россия

Тощенко Жан Терентьевич — член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник группы исследований социокультурной динамики, почётный доктор Института социологии РАН, заведующий Кафедрой теории и истории социологии социологического факультета Российского государственного гуманитарного университета, Россия

ЗАРУБЕЖНЫЕ ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

Риччери Марко — доктор политических наук, профессор, генеральный директор Института политических, экономических и социальных исследований, Италия

Хепп Рольф — доктор социологических наук, профессор Свободного Берлинского университета, Германия

Херрманн Петер — доктор социологических наук, профессор, научный сотрудник Центра по правам человека юридического факультета Центрального Южного университета, КНР

Хусаинов Булат Доскалиевич — доктор экономических наук, академик Казахстанской Национальной Академии естественных наук, доцент, советник по науке Института экономических исследований, Казахстан

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Авдеев Юрий Алексеевич — кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Тихоокеанского института географии ДВО РАН, Россия

Александрова Ольга Аркадьевна — доктор экономических наук, заместитель директора по научной работе Института социально-экономических проблем народонаселения ФНИСЦ РАН, профессор Департамента социологии Финансового университета, Россия

Архангельский Владимир Николаевич — кандидат экономических наук, заведующий сектором теоретических проблем воспроизводства и политики населения Центра по изучению проблем народонаселения МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия

Гришаев Сергей Васильевич — доктор социологических наук, доцент, директор Красноярского филиала Академии труда и социальных отношений, Россия

Дахин Андрей Васильевич — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры истории и теории государства и права Нижегородского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, директор Нижегородского центра социально-экономической экспертизы, Россия

Золотов Александр Владимирович — доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической теории и методологии Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, Россия

Иванова Алла Ефимовна — доктор экономических наук, профессор, заведующая отделом здоровья и самосохранения

тального поведения Института демографических исследований ФНИСЦ РАН, Россия

Каменова Татьяна Николаевна — доктор социологических наук, профессор Департамента социологии Финансового университета, Россия

Леонидова Галина Валентиновна — кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, заведующая Лабораторией исследования проблем развития трудового потенциала Вологодского научного центра РАН, Россия

Локтюхина Наталья Викторовна — доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра финансов социальной сферы ФГБУ НиФИ Минфина России; доцент, профессор кафедры экономики труда и управления персоналом экономического факультета Академии труда и социальных отношений, Россия

Мацуляк Иван Дмитриевич — доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры экономической политики и экономических измерений Государственного университета управления, Россия

Мотрич Екатерина Леонидовна — доктор экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института экономических исследований ДВО РАН, Россия

Наберушкина Эльмира Кямаловна — доктор социологических наук, доцент, профессор Департамента социологии Финансового университета, Россия

Симонова Марина Викторовна — доктор экономических наук, доцент, заведующая кафедрой управления персоналом Самарского государственного экономического университета, Россия

Соболева Ирина Викторовна — доктор экономических наук, главный научный сотрудник, заведующая Центром развития человеческого потенциала Института экономики РАН, Россия

Тюриков Александр Георгиевич — доктор социологических наук, профессор, руководитель Департамента социологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве РФ, Россия

Чубарова Татьяна Владимировна — доктор экономических наук, главный научный сотрудник, заведующая Центром экономической теории социального сектора Института экономики РАН, Россия

Ярашева Азиза Викторовна — доктор экономических наук, профессор РАН, главный научный сотрудник, заведующая лабораторией исследования поведенческой экономики Института социально-экономических проблем народонаселения ФНИСЦ РАН, ведущий аналитик Научно-исследовательского института организации здравоохранения и медицинского менеджмента ДЗМ, Россия

ЗАРУБЕЖНЫЕ ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Савова Ралица — кандидат экономических и социологических наук, представитель Европейского культурного маршрута «Лонгобардские пути через Европу», член Международного научного комитета «Амелио Тальяферри» (Италия), член редакционного комитета онлайн-журнала по истории и историографии «Storia e Futuro» (Италия), член Европейской сети регионального мониторинга рынка труда (EN RLMM), член Европейского консорциума политических исследований (Великобритания), Болгария

Чоба Юдит — кандидат социологических наук, профессор социологии факультета социологии и социальной политики Дебреценского университета, Венгрия

СОДЕРЖАНИЕ НОМЕРА

«ОБРАЗОВАНИЕ, ЗАНЯТОСТЬ, УСЛУГИ НАСЕЛЕНИЮ»

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА	153
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ	157
<i>Александрова О.А.</i> Проблемы высшей школы: внутри и вне системы образования.....	157
<i>Синица А.Л.</i> Межрегиональная дифференциация оплаты труда педагогических работников дополнительного образования (часть 2).....	169
<i>Золотина О.А., Серпухова М.А.</i> Выпускники экономических специальностей: сферы занятости и поколенческие особенности.....	181
<i>Черных Е.А.</i> Динамика и детерминанты удовлетворённости работой россиян в характеристике человеческого потенциала.....	199
<i>Кислицина О.А.</i> Детерминанты использования амбулаторных медицинских услуг в России: влияние места жительства.....	216
<i>Полянская Н.В., Симонова М.В.</i> Мониторинг удовлетворённости получателей государственных услуг на примере Самарской области.....	226
<i>Куклин А.А., Охотников С. А.</i> Оценка индекса народосбережения при различных трендах регионального развития.....	243
<i>Шамаева Е.Ф., Головин А.А., Попов Е.Б., Прокудин В.А.</i> Исследование социального времени: современное состояние и практики воздействия.....	254
ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ	260
<i>Савова Р.</i> Трудовая миграция болгар в ЕС: предпосылки, причины, мотивы, последствия.....	260
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ	272
<i>Иванова Я.С., Антонюк В.П., Тюриков А.Г.</i> Доверие студенческой молодёжи к транспортной экономике совместного потребления.....	272
ФИЛОСОФСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ	284
<i>Гнатик Е.Н., Лисеев И.К.</i> Эпоха постчеловека как трансгуманистический образ будущего.....	284
<u>Маликов Н.С.</u> , <i>Маликов И.Ф.</i> Взаимосвязь качества населения и качества его жизни (часть I).....	294
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ	303
<i>Бобков В.Н., Вередюк О.В.</i> VII Санкт-Петербургский международный форум труда.....	303
<i>Бобков В.Н.</i> XII Международная научно-практическая конференция «Абалкинские чтения».....	305
<i>Газизов Р.Р.</i> Конкурс эссе «Образование будущего».....	307

При перепечатке ссылка на журнал
«Уровень жизни населения регионов России» обязательна.
Мнения авторов могут не совпадать с точкой зрения редакции.
Все поступившие в редакцию материалы подлежат рецензированию.
Выходит ежеквартально. Подписной индекс 71187.

Подписано в печать 16.06.2023.
Формат 60×84/8, тираж 700 экз. Заказ № 666.

Адрес редакции:
Российская Федерация, 117218 Москва, Нахимовский проспект, 32.
Телефон +7 499 125 8445
E-mail: vcugjournal@mail.ru
Сайт журнала: <https://inecon.org/uroven-zhizni-naseleniya-regionov-rossii.html>

Оригинал-макет подготовлен и отпечатан в ООО «Издательство «Шелест»
Юридический адрес: 426060, г. Ижевск, ул. Энгельса, 164
Тел. +7 904 317 7693, +7 963 548 5143
Электронный адрес: shelest.izd@yandex.ru, malotirazhka@mail.ru

Журнал доступен на следующих платформах:
Elibrary.ru: https://elibrary.ru/title_about_new.asp?id=9199
Readera: <https://readera.org/vcugjournal>
ЭБС «Знаниум»: <https://znanium.com/catalog/magazines/issues?ref=9830c947-1df0-11e4-b05e-00237dd2fde2>
CYBERLENINKA: <https://cyberleninka.ru/journal/n/uroven-zhizni-naseleniya-regionov-rossii?i=1083907>

Living Standards of the Population in the Regions of Russia

2023 Vol. 19 No.2

Issued since 1992

on a quarterly basis

DOI: 10.52180/1999-9836_2023_19_2

ISSN: 1999-9836 (print)

ISSN: 2713-3397 (online)

SCIENTIFIC AND PRACTICAL JOURNAL

FOUNDER

Federal State Budget Institution of Science —
RAS INSTITUTE OF ECONOMICS

Registration massmedia license No 015476, December 2, 1996.

Reregistered PI No. FS77-78712, July 20, 2020.

EDITOR-IN-CHIEF, HEAD OF THE EDITORIAL COUNCIL AND EDITORIAL BOARD

Bobkov, Vyacheslav Nikolayevitch — Doctor of Economics, Professor, Honoured Science Worker of the Russian Federation, Chief Research Worker, Head of the Department of Socioeconomic Research of Living Standards and Quality of Live at the Centre of Development of Human Potential at the RAS Institute of Economics; Director of the Scientific Centre of Labour Economics at the Plekhanov Russian University of Economics

EDITORIAL STAFF

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF

Gulyugina, Alefina Aleksadrovna — PhD in Economics, Senior Research Worker of the Department of Socioeconomic Research of Living Standards and Quality of Live at the Centre of Development of Human Potential at the RAS Institute of Economics

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF – EXECUTIVE SECRETARY

Chashchina, Tat'yana Viktorovna — PhD in Economics, Senior Research Worker of the Department of Socioeconomic Research of Living Standards and Quality of Live at the Centre of Development of Human Potential at the RAS Institute of Economics

Chernykh, Ekaterina Alekseyevna — PhD in Economics, Leading Research Worker of the Department of Socioeconomic Research of Living Standards and Quality of Live at the Centre of Development of Human Potential at the RAS Institute of Economics; Leading Research Worker of the Scientific Centre of Labour Economics at the Plekhanov Russian University of Economics

Machkhelyan, Garry Grigor'evitch — PhD in Economics, Associate Professor, Independent Researcher

Odintsova, Yelena Valer'yevna — PhD in Economics, Leading Research Worker of the Department of Socioeconomic Research of Living Standards and Quality of Live at the Centre of Development of Human Potential at the RAS Institute of Economics; Leading Research Worker of the Scientific Centre of Labour Economics at the Plekhanov Russian University of Economics

SECRETARY

Ryazantsev, Vadim Igorevitch — Junior Research Worker of the Department of Socioeconomic Research of Living Standards and Quality of Live at the Centre of Development of Human Potential at the RAS Institute of Economics

EDITORIAL COUNCIL

Burak, Pyotr Iosifovitch — Vice-President of RANS, RANS Academician, Doctor of Economics, Professor, Director of the Institute for Regional Economic Research, Russia

Golovnin, Mikhail Yur'yevitch — Doctor of Economics, Corresponding Member of RAS, Director of the RAS Institute of Economics, Russia

Gontmakher, Evgeny Shlyomovitch — Doctor of Economics, Professor, Professor of the National Research University – Higher School of Economics, Russia

Grinberg, Ruslan Semyonovitch — Doctor of Economics, Professor, Corresponding Member of RAS, Scientific Manager of the RAS Institute of Economics, Russia

Dolgushkin, Nikolai Kuz'mitch — Vice-President of RAS, RAS Academician, Doctor of Economics, Professor, Russia

Ivchenkov, Sergey Grigor'evitch — Doctor of Sociology, Professor, Dean of the Faculty of Sociology, Head of the Chair of Youth Sociology of the Saratov State University, Russia

Kuklin, Alexandr Anatol'yevitch — Doctor of Economics, Professor, Chief Research Worker at the Ural Federal University, Russia

Lenchuk, Yelena Borisovna — Doctor of Economics, Professor, Chief Research Worker, Head of the Research School «Economic Policy» at the RAS Institute of Economics, Russia

Muzychuk, Valentina Yur'yevna — Doctor of Economics, Deputy Director of the RAS Institute of Economics on Research Work, Russia

Odegov, Yuriy Gennad'yevitch — Doctor of Economics, Professor, Head of the Scientific School «Theory and Technologies of Management» at the Plekhanov Russian University of Economics, Russia

Rybakovsky, Leonid Leonidovitch — Doctor of Economics, Professor, Chief Research Worker of the RAS FCTAS Institute of Demographic Research Instyite, Russia

Subetto, Aleksandr Ivanovitch — Doctor of Economics, Doctor of Philosophy, PhD in Engineering, Professor, Honoured Science Worker of the Russian Federation, Professor of the North-West Institute of the Management of the Russian Academy of the National Economy of the Public Service under President of the Russian Federation; Honoured President of the Noosphere Public Academy of Sciences; Head of

the Philosophy Council of the Russian Space Society; Vice-President of the Petrovskaya Academy of Sciences and Art, Russia

Toshchenko, Zhan Terent'yevitch — Doctor of Philosophy, Professor, Corresponding member of RAS, Chief Research Worker of the Sociocultural Dynamics Research Group, Honorary Doctor of the Institute of Sociology of the RAS FCTAS, Head of the Chair of Theory History and Sociology at the Sociology Faculty Russian State Arts University, Russia

Volgin, Nikolai Alekseyevitch — Doctor of Economics, Professor, Honoured Science Worker of the Russian Federation, Adviser to Director General of the All-Russia Scientific Research Institute of Labour, Editor-in-Chief of the Journal «Social and Labour Research», Russia

FOREIGN MEMBERS OF EDITORIAL COUNCIL

Ricceri, Marco — Doctor of Political Sciences, Professor, Professor, Director General of the Roman Institute for Political, Economic and Social Studies (EURISPES), Italy

Hepp, Rolf D. — Doctor of Sociology, Professor, Berlin Free University, Germany

Herrmann, Peter — Doctor of Sociology, Professor, Research Worker at the Human Rights Centre Law School at the Law Faculty of the Central South University, PRC

Khusainov, Bulat Doskaliyevitch — Doctor of Economics, Associate Professor, Academician of the Kazakhstan Academy of Natural Sciences, Adviser on Sciences at the Institute of Economic Studies, Kazakhstan

EDITORIAL BOARD

Alexandrova, Ol'ga Arkad'yevna — Doctor of Economics, Deputy Director on Research Work, Institute of Socioeconomic Problems of Population of the RAS FCTAS; Professor at the Sociology Department of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Russia

Arkhangel'skiy, Vladimir Nikolayevitch — PhD in Economics, Head of the Department of Theoretical Problems of Reproduction and Population Policy at the Centre Studying Problems of Population, Lomonosov Moscow State University, Russia

Avdeev, Yuriy Alekseyevitch — PhD in Economics, Leading Research Worker at the Pacific Institute of Geography at the Far Eastern Branch of the RAS, Russia

Chubarova Tat'yana Vladimirovna — Doctor of Economics, Leading Research Worker, Head of the of the Centre of the Economic Theory at the Social Department, RAS Institute of Economics, Russia

Dakhin Andrey Vasil'yevitch — Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the department of history and theory of state and law, Nizhny Novgorod Institute of Management – Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation; Director of Nizhny Novgorod Center for Socio-Economic Expertise Russia

Grishaev, Sergey Vasil'yevitch — Doctor of Sociology, Associate Professor, Director of the Krasnoyarsk Branch of the Academy of Labor and Social Relations, Russia

Ivanova, Alla Yefimovna — Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Health and Self-Preservation Behaviour at the RAS FCTAS Institute for Demographic Studies, Russia

Kameneva, Tat'yana Nikolayevna — Doctor of Sociology, Associate Professor, Professor at the Sociology Department of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Russia

Leonidova, Galina Valentinovna — PhD in Economics, Associate Professor, Leading Research Worker, Head of the Laboratory of Researching Problems of Development of Labour Potential at the RAS Vologda Research, Russia

Loktyukhina, Natal'ya Viktorovna — Doctor of Economics, Associate Professor, Leading Research Worker at the Centre of the Social Sphere Finances, Research Financial Institute of the Ministry of Finance, Professor at the Chair of Labour Economics and Personnel Management, Faculty of Economics, Academy of Labor and Social Relations, Russia

Matskulyak, Ivan Dmitriyevitch — Doctor of Economics, Professor, Honoured Science Worker of the Russian Federation, Professor of the Chair of economic policy and measurement at the State University of Management, Russia

Motrich, Yekaterina Leonidovna — Doctor of Economics, Associate Professor, Leading Research Worker at the Institute of Economic Research of the RAS Far Eastern Branch, Russia.

Naberushkina, El'mira Kyamalovna — Doctor of Sociology, Associate Professor, Professor at the Department of Sociology, Financial University under the Government of the Russian Federation, Russia

Simonova, Marina Viktorovna — Doctor of Economics, Associate Professor, Head of the Chair of Personal Management, Samara State University of Economics, Russia

Soboleva, Irina Viktorovna — Doctor of Economics, Chief Research Worker, Head of the Centre of Development of Human Potential at the RAS Institute of Economics, Russia

Tyurikov, Alexander Georgyevitch — Doctor of Sociology, Professor, Head of the of the Chair of Sociology at the Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation, Russia

Yarasheva, Aziza Viktorovna — Doctor of Economics, Professor, Corresponding Member of the RANS, Chief Research Worker, Head of the Laboratory of Behavioral Economic Research at the Institute of Socioeconomic Problems of Population, RAS FCTAS; Leading Analyst at the Research Institute of Healthcare Organization and Medical Management, Moscow Healthcare Department, Russia

Zolotov, Aleksandr Vladimirovitch — Doctor of Economics, Professor, Head of the Chair of Economic Theory and Methodology at the Lobachevskiy Nizhny Novgorod State Research University, Russia

FOREIGN MEMBERS OF EDITORIAL BOARD

Csoba, Judith — PhD of Sociology, Professor of Sociology, Department of Socio-logy and Social Policy of University of Debrecen, Hungary

Savova, Ralitsa — PhD of Economics and Sociology, Representative of the European Cultural Route «Longobard ways through Europe»; Member of the International Scientific Committee «Amelio Taljaferry» (Italy); Member of the Editorial Committee of the online journal on the history and historiography «Storia e Futuro» (Italy); Member of the European Net of the Regional Labour Market Monitoring (EN RLMM); Member of the European Consortium of Political Research (Great Britain), Bulgaria

CONTENTS THE ISSUE THEME:

«EDUCATION, EMPLOYMENT, SERVICES TO THE POPULATION»

CHIEF EDITOR'S COLUMN	153
ECONOMIC RESEARCH	157
<i>Aleksandrova OA</i> Problems of Higher School: Inside and Outside the Education System.....	157
<i>Sinitsa AL</i> Interregional Differentiation of Remuneration of Educators in Extracurricular Education (Part 2).....	169
<i>Zolotina OA, Serpukhova MA</i> Economics and Management Graduates: Employment Profiles and Generational Features.....	181
<i>Chernykh EA</i> Dynamics and Determinants of Job Satisfaction of Russians in the Characteristics of the Human Potential.....	199
<i>Kislitsyna OA</i> Determinants of Outpatient Health Service Utilization in Russia: Influence of Place of Residence.....	216
<i>Polyanskova NV, Simonova MV</i> Monitoring the Satisfaction of Recipients of Public Services on the Example of the Samara Region.....	226
<i>Kuklin AA, Okhotnikov SA</i> Assessment of the People Saving Index under Various Trends of Regional Development.....	243
<i>Shamaeva EF, Golovin AA, Popov EB, Prokudin VA</i> Research of Social Time: Current State and Practices of Influence.....	254
DEMOGRAPHIC RESEARCH	260
<i>Savova R</i> Labor Migration of Bulgarians to the EU: Background, Causes, Motives, Consequences. Trends During the COVID-19 Pandemic.....	260
SOCIOLOGICAL RESEARCH	272
<i>Ivanova YaS, Antonyuk VP, Tyurikov AG</i> Student Youth Trust in The Transport Sharing Economy.....	272
PHILOSOPHICAL RESEARCH	284
<i>Gnatik EN, Liseev IK</i> The Posthuman Era as a Transhumanist Image of the Future.....	284
<u>Malikov NS</u> , <i>Malikov IF</i> Life as a Vital Activity: the Relationship between the Quality of the Population and the Quality of Its Life.....	294
SCIENTIFIC LIFE	303
<i>Bobkov V.N., Veredyuk O.V.</i> The VII St. Petersburg International Labor Forum.....	303
<i>Bobkov V.N.</i> The XII International scientific and practical conference «Abalkin Readings».....	305
<i>Gazizov R.R.</i> Essay Contest «Education of the Future».....	307

While quoting the reference to the Journal «Living Standards of the Population in the Regions of Russia» is required.

The opinion of the Editorial Board may not coincide with the opinion of the authors of publications.

Issued quarterly. All materials received by the Editorial Board are subject to reviewing. Subscription index 71187.

Signed for publication 16.06.2023.

Format 60x84/8. Circulation 700 copies. Order № 666.

Editorial Office Address:

32 Nakhimovskiy Prospekt, Moskva 117218, Russian Federation.

Telephone: +7 499 125 8445

E-mail: vcugjournal@mail.ru

Internet: <https://inecon.org/uroven-zhizni-naseleniya-regionov-rossii.html>

The original layout was prepared and printed by LLC Shelest Publishing Company

164 Engel'sa Ulitsa, Izhevsk 426060, Russian Federation.

Telephone: +7 904 317 7693, +7 963 548 5143

E-mail: shelest.izd@yandex.ru, malotirazhka@mail.ru

The journal is available on the following platforms:

Elibrary.ru: https://elibrary.ru/title_about_new.asp?id=9199

Reader: <https://readera.org/vcugjournal>

EBS "Znaniy": <https://znaniy.com/catalog/magazines/issues?ref=9830c947-1df0-11e4-b05e-00237dd2fde2>

CYBERLENINKA:

<https://cyberleninka.ru/journal/n/uroven-zhizni-naseleniya-regionov-rossii?i=1083907>

Редакторская заметка
EDN: CAKZND

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

С 2023 года учредителем журнала «Уровень жизни населения регионов России» является институт экономики РАН. Журнал включён в первую категорию журналов ВАК Минобрнауки (К1), обновлены научные специальности, редакционный Совет и редакционная Коллегия.

Тема второго номера: **«ОБРАЗОВАНИЕ, ЗАНЯТОСТЬ, УСЛУГИ НАСЕЛЕНИЮ».**

В представленном читателю выпуске журнала содержатся методологические и аналитические работы, посвящённые экономическим, демографическим, социологическим и философским аспектам развития современной России и её регионов, новости научной жизни.

В рубрике **«ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ»** публикуются статьи о современных проблемах российской высшей школы, оплате труда педагогических работников дополнительного образования, занятости выпускников экономических специальностей и её поколенческих особенностях, а также удовлетворённости работой россиян, удовлетворённости получателей государственных услуг, использовании населением амбулаторных медицинских услуг, индексе народосбережения при различных трендах регионального развития.

В статье **«Проблемы высшей школы внутри и вне системы образования»** *О.А. Александровой*, д-ра экон. наук, заместителя директора по научной работе Института социально-экономических проблем народонаселения ФНИСЦ РАН, профессора департамента социологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации продолжена дискуссия по проблемам современного российского образования, начатая на страницах журнала «Уровень жизни населения регионов России» (№1 за 2023 год). Предметом исследования стали факторы, влияющие на качество российского высшего образования и способность выполнять имманентную для этого института функцию обеспечения экономики необходимыми ей кадрами. В работе представлен критический анализ направленности российского образовательного законодательства, реформ и финансирования образования, раскрывается роль неолиберальных догм о минимизации социальных расходов государства и коммерциализации социальной сферы в реформировании российского образования. Особое внимание уделяется дискуссионным аспектам Болонской системы, влиянию её двухступенчатой модели на качество высшего образования. Также рассматривается трудовая мобильность выпускников вузов, кадровая обеспеченность приоритетных отраслей промышленности и сферы науки. В статье показаны причины снижения качества российского высшего образования, сформировавшиеся внутри и вне системы образования. Автором даны предложения, направленные на повышение качества и устойчивое развитие российской высшей школы.

В статье **«Межрегиональная дифференциация оплаты труда педагогических работников дополнительного образования (часть 2)»**, автором которой является *А.Л. Сеница*, канд. экон. наук, научный сотрудник лаборатории экономического образования экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, представлен сравнительный анализ заработной платы педагогов дополнительного образования и педагогов общего образования, а также исследуется уровень жизни педагогических работников и членов их семей с учётом экономической специализации российских регионов и уровня их экономического развития. Это – вторая, заключительная, часть исследования автора, посвящённого проблемам оплаты труда педагогических работников дополнительного образования. В первой части исследования рассматривались показатели, оценивающие результаты проводимой политики в отношении оплаты труда педагогических работников, а также проанализированы региональные соотношения заработной платы педагогов дополнительного образования со средними для регионов значениями заработной платы. Во второй части исследования анализируется сложившееся в российских регионах в 2013–2020 годы

соотношение заработной платы педагогов дополнительного образования и общего образования. Наряду с этим оценивается покупательная способность заработной платы педагогических работников дополнительного образования во взаимосвязи с особенностями экономического положения регионов. В статье определяются причины межрегиональной дифференциации оплаты труда педагогов дополнительного образования и её влияние на общую картину их материального благополучия. По результатам исследования предложены меры по совершенствованию социальной политики в сфере дополнительного образования в целом и в отношении заработной платы педагогических работников.

Статья **«Выпускники экономических специальностей: сферы занятости и поколенческие особенности»** *О.А. Золотиной*, канд. экон. наук, доцента кафедры экономики труда и персонала экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, *М.А. Серпуховой*, канд. экон. наук, ассистента кафедры экономики труда и персонала экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, посвящена изучению занятости выпускников системы высшего образования в области экономики и управления. Базой для анализа послужили мониторинговые исследования в отношении выпускников экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. В статье представлена группировка выпускников разных годов выпуска по условным «поколениям», рассмотрены стратегии построения карьеры и способы поиска работы. Авторами показаны сферы занятости выпускников разных поколений, проанализирована занятость выпускников в целом по типам компаний и уровню образования, исследовано распределение заработных плат по поколениям выпускников. Наряду с этим рассмотрен уровень занимаемой должности выпускников как критерий успешности на рынке труда, оценены соответствие занятости полученному образованию, удовлетворённость работой. В заключении сформулированы общие выводы и определены направления для продолжения исследования.

В статье **«Динамика и детерминанты удовлетворённости работой россиян в характеристике человеческого потенциала»** *Е.А. Черных*, канд. экон. наук, ведущего научного сотрудника Института экономики РАН, ведущего научного сотрудника Научного центра экономики труда РЭУ имени Г.В. Плеханова, исследуется удовлетворённость занятых работой в зависимости от индивидуальных социально-демографических характеристик. В статье дан обзор зарубежных и отечественных исследований, посвящённых детерминантам удовлетворённости работой. Автором показаны факторы, влияющие на удовлетворённость работой в России. В статье проведён анализ удовлетворённости работой россиян и её компонентов в разрезе различных социально-демографических групп, выявлен основной тренд за последние 20 лет. Также рассмотрена связь удовлетворённости работой с уровнем жизни населения, оценивается статистическая значимость связи ряда показателей. В статье сформирован портрет самых «довольных» работой, определены различия в удовлетворённости ею у женщин и у мужчин. По результатам исследования сделаны выводы о причинах возникновения у россиян удовлетворённости и неудовлетворённости работой.

В статье **«Детерминанты использования амбулаторных медицинских услуг в России: влияние места жительства»** *О.А. Кислицыной*, д-ра экон. наук, главного научного сотрудника Института экономики РАН, оценивается общий объём использования населением медицинских услуг, выявляется наличие индивидуальных демографических и социально-экономических детерминант обращения за медицинскими услугами, исследуется влияние места жительства (город-село) на использование медицинских услуг. В работе представлена методология исследования, определены ключевые детерминанты, влияющие на вероятность использования медицинской помощи, оценивается уровень использования медицинских услуг. Автором рассмотрено влияние на использование медицинских услуг разных групп факторов (предрасполагающих, способствующих, индивидуального социального капитала, потребностей и др.). В статье показана относительная важность факторов, влияющих на использование медицинских услуг в сельской и городской местности, выявлены различия в моделях использования медицинской помощи городскими и сельскими жителями. В заключении даны предложения, направленные на снижение вероятности неблагоприятных последствий для здоровья населения.

В статье **«Мониторинг удовлетворённости получателей государственных услуг на примере Самарской области»** *Н.В. Полянсковой*, канд. экон. наук, доцента, заведующей кафедрой региональной экономики и управления Института национальной и мировой экономики Самарского государственного экономического университета, *М.В. Симоновой*, д-ра экон. наук, доцента, заведующей кафедрой управления персоналом Института менеджмента Самарского государственного экономического университета, представлены результаты мониторинга удовлетворённости получателей социальных услуг в Самарской области по трём жизненным ситуациям: трудоустройство через Центр занятости населения, получение ежемесячной выплаты в связи с рождением или усыновлением первого ребёнка, получение первичной специализированной медико-санитарной помощи пациентам с заболеваниями сердечно-сосудистой системы. По результатам опросов авторами сформирован социально-демографический портрет типичного получа-

теля этих государственных услуг по полу, возрасту, месту проживания, уровню дохода, выявлены различия в зависимости от места проживания и типа жизненной ситуации. Также в работе определяется потребность в цифровизации процесса информирования и получения государственных услуг, представлены результаты оценивания получателями государственных услуг доступности услуг, времени ожидания при их получении. Авторами рассмотрено влияние организации процесса получения услуги в государственном учреждении на удовлетворённость получателей услуг, рассчитаны ключевые показатели эффективности по каждой жизненной ситуации в динамике и в сравнении с целевыми показателями в регионе. По результатам исследования определены приоритетные направления совершенствования предоставления услуг, даны предложения для повышения эффективности в предоставлении государственных услуг.

В статье **«Оценка индекса народосбережения при различных трендах регионального развития»** А.А. Куклина, д-ра экон. наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ, главного научного сотрудника Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, С.А. Охотникова, преподавателя математики и физики Оксфордского языкового центра, рассматривается возможность использования отобранных модулей при формировании сводного индекса народосбережения регионального уровня. Авторами предложен состав модулей (количество населения, качество населения, качество жизни, здоровье населения и долголетие) и индикаторов народосбережения, представлена методика расчёта индекса народосбережения. В работе показаны результаты расчётов индекса народосбережения по социально-экономическим модулям в разрезе субъектов Уральского федерального округа, а также сформированы группы, исходя из устойчивости индекса народосбережения. В заключении авторами показана значимость расчётов индекса народосбережения по социально-экономическим модулям для изучения социально-экономического положения регионов. Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда, проект № 22-28-01010 «Народосбережение как основа безопасного социально-экономического развития регионов России: анализ, прогноз и система мер по локализации и нейтрализации угроз».

Статья **«Исследование социального времени: современное состояние и практики воздействия»** Е.Ф. Шамаевой, канд. техн. наук, доцента, научного руководителя проекта Центра проектирования устойчивого развития институтов гражданского общества Государственного университета управления, А.А. Головина, канд. экон. наук, старшего научного сотрудника, директора Центра проектирования устойчивого развития институтов гражданского общества Государственного университета управления, Е.Б. Попова, главного технолога Научно-технического центра «Анклав», В.А. Прокудина, д-ра экон. наук, профессора Московского международного университета, представляет собой краткое сообщение об отдельных результатах логически завершённого научного исследования. Предмет исследования — существующие практики воздействия на распределение социального времени, характерные для современного этапа человеческой истории, в контексте возможности формирования на их основе методологии измерения социального времени. Цель работы — выявить возможности воздействия на социальное время в интересах развития человеческого общества. В статье показана теоретическая и методологическая основа исследования. Также авторами рассматривается социальное время в социокультурном контексте. В заключении представлено описание социального времени, полученное на основе синтеза релятивистского и конструктивистского подходов.

В рубрике **«ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ»** публикуется статья **«Трудовая миграция болгар в ЕС: предпосылки, причины, мотивы, последствия»**, автором которой является Ралица Савова, канд. экон. и социол. наук, исследователь, университет Печ, Венгрия, официальный представитель в Центральной и Восточной Европе европейского культурного маршрута «Дороги лонгбардов по Европе», Чивидале-дель-Фриули, Италия. Она посвящена выявлению основных тенденций трудовой миграции болгар в некоторые страны Европейского Союза в период 2019–2022 гг. Цель исследования – получение новых знаний о драйверах трудовой миграции изучаемых групп мигрантов. В работе раскрывается информационная составляющая исследования, показана роль целевого авторского общения и интервью с болгарскими мигрантами в некоторых странах Европейского Союза, представлен состав респондентов. Также рассматриваются факторы, формирующие миграционное поведение болгар. Автором сформулирована классификация из четырёх условных основных групп болгарских трудовых мигрантов, дана характеристика каждой из этих групп, проанализирована их динамика в условиях пандемии в 2020 и 2021 годах. Наряду с этим в работе исследуются причины и мотивы, побудившие трудовых мигрантов работать не в Болгарии, а в других странах Европейского союза. Кроме того, в статье выявляются проблемные аспекты трудовой миграции, оцениваются последствия трудовой миграции для мигрантов и для страны отправления. По результатам исследования сформулированы выводы о трудовой миграции болгар как о сложном явлении, изучение которого требует комплексного подхода.

В рубрике **«СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ»** публикуется статья, посвящённая доверию студенческой молодёжи к транспортной экономике совместного потребления.

В статье «**Доверие студенческой молодёжи к транспортной экономике совместного потребления**» **Я.С. Ивановой**, главного специалиста учебно-научной социологической лаборатории департамента социологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, **В.П. Антонюк**, главного специалиста учебно-научной социологической лаборатории департамента социологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, **А.Г. Тюрикова**, д-ра социол. наук, профессора, главного научного сотрудника департамента социологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, представлены основные результаты авторского социологического исследования доверия московских студентов к транспортной шеринг-экономике (каршерингу, велошерингу, кикшерингу и райдшерингу). В работе показана значимость института доверия для экономики совместного потребления, дан обзор научных подходов к изучению феномена доверия, раскрываются виды транспортной шеринг-экономики. Авторами представлены и проанализированы данные опросов студенческих фокус-групп. По результатам исследования определено современное состояние института доверия, сформулированы рекомендации и предложены меры по формированию институционального доверия в транспортной экономике совместного потребления.

В рубрике «**ФИЛОСОФСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ**» публикуются статьи, рассматривающие эпоху постчеловека как трансгуманистический образ будущего, а также жизнь как жизнедеятельность.

Статья «**Эпоха постчеловека как трансгуманистический образ будущего**» **Е.Н. Гнатик**, д-ра филос. наук, профессора кафедры онтологии и теории познания Российского университета дружбы народов, **И.К. Лисеева**, д-ра филос. наук, профессора, главного научного сотрудника Института философии РАН, посвящена обсуждению тенденций и проблем современной экспансии трансгуманистических идей. Предметом исследования служат основные научно-технологические направления, где адепты трансгуманизма и технократы рассчитывают на успех: нанотехнологии, генетическая инженерия, технологии искусственного интеллекта. В работе рассматриваются конвергентные технологии как научная база трансгуманистической платформы и киборгизация как стратегическое направление на пути к совершенствованию технологий управления человеческим поведением. Авторами анализируется феномен трансгуманизма, обсуждается реальная цель создания киберсистем и киберпротезов, раскрываются гуманистические и иные аспекты проблематики киборгизации человека. Также оцениваются последствия мировой тенденции погружения молодого поколения в виртуальный мир. В заключении показаны риски для безопасности и сохранности природы человека.

Статья «**Взаимосвязь качества населения и качества его жизни (часть 1)**», **Н.С. Маликова**, канд. филос. наук., доцента, **И.Ф. Маликова**, студента факультета гуманитарных наук (бакалаврская программа «философия») Высшей школы экономики, посвящена теоретическим вопросам жизнедеятельности человека. В центр исследования поставлены человек и исторический анализ социального развития. В работе обосновано исходное положение исследования, основу которого составляет жизнь как жизнедеятельность, как деятельность человека по воспроизводству и развитию социальных, материальных, духовных и других связей и отношений. В первой части статьи рассматриваются понятия «качество населения» и «качество жизни», их взаимодействие и взаимовлияние. Авторы привлекают внимание к взаимосвязи демографии, качества населения и качества его жизни. В статье показано влияние демографических процессов на экономику и политику, необходимые для повышения качества населения на основе роста качества его жизни, а также обосновывается необходимость переосмысления демографических и социальных явлений, отказа от существующих стереотипов отношения к ним. Авторами предлагаются новые акценты во взаимосвязи уровня и качества жизни и демографических процессов.

Рубрика «**НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ**» знакомит читателей с VII Санкт-Петербургским международным форумом труда, в том числе с предложениями участников в Программный комитет форума по результатам научных мероприятий, а также знакомит с XII Международной научно-практической конференцией «Абалкинские чтения» на тему «Приоритеты и механизмы стратегического планирования в Российской Федерации» и работой секции «Сбережение народа и развитие человеческого потенциала как приоритет стратегического развития России», которую организовали сотрудники Института экономики РАН, а также результатам конкурса эссе «Образование будущего».

**Главный редактор,
заслуженный деятель науки Российской Федерации,
доктор экономических наук,
профессор В.Н. Бобков**

Оригинальная статья
УДК 378.1
DOI: 10.52180/1999-9836_2023_19_2_1_157_168
EDN: CWEOYO

Проблемы высшей школы: внутри и вне системы образования

Ольга Аркадьевна Александрова^{1,2}

¹ Институт социально-экономических проблем народонаселения ФНИСЦ РАН, Москва, Россия (a762rab@mail.ru), (ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9243-9242>)

² Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия

Аннотация

Качество высшего образования, его способность выполнять свою функцию обеспечения экономики необходимыми ей кадрами давно вызывают нарекания. Дополнительный импульс поиску причин этого неблагополучия придала ситуация, сложившаяся после февраля 2022 года. При этом на официальном уровне и в СМИ в качестве ключевой причины стал называться переход российских вузов на предписываемую Болонской системой двухступенчатую модель. В статье, основывающейся на многолетнем включённом наблюдении автора за работой высшей школы, а также результатах проведённых при его участии в 2000-х – 2010-х гг. эмпирических исследований, посвящённых процессу и последствиям реформирования всех ступеней системы образования от дошкольной до аспирантуры и в целом бюджетных учреждений социальной сферы, а также трудовой мобильности выпускников вузов; кадровой обеспеченности приоритетных отраслей промышленности и сферы науки, показано, что комплекс причин, приводящих к снижению качества высшего образования, гораздо шире, и многие из них находятся за пределами самой системы образования. Анализ направленности образовательного законодательства, настойчивость в проведении соответствующих реформ, скудность финансирования образования говорят о том, что это был сознательный процесс, реализуемый в соответствии с неolibеральными догмами о минимизации социальных расходов государства и коммерциализации социальной сферы. Столь же последовательно не проводилась активная промышленная политика, вследствие чего структура экономики деградировала, а высокотехнологичные отрасли в силу низкого уровня рентабельности и короткого горизонта планирования стали не способны реализовывать роль ключевого звена в треугольнике «производство-наука-образование». Соответственно, повышение качества высшего образования требует, во-первых, отказа от неolibеральных подходов к финансированию и организации работы всех ступеней системы образования (поскольку ей присущ «накопительный эффект»), и, во-вторых, создания условий для превращения промышленности и науки в привлекательного для молодёжи работодателя, тесно сотрудничающего с высшей школой.

Ключевые слова: система образования, качество образования, высшее образование, подготовка кадров, вуз, политика в сфере образования, Болонская система, промышленность, наука

Для цитирования: Александрова О.А. Проблемы высшей школы: внутри и вне системы образования // Уровень жизни населения регионов России. 2023. Том 19. № 2. С. 157–168. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_2_1_157_168; EDN CWEOYO

RAR (Research Article Report)
DOI: 10.52180/1999-9836_2023_19_2_1_157_168
EDN: CWEOYO

Problems of Higher School: Inside and Outside the Education System

O'ga A. Aleksandrova^{1,2}

¹ Institute of Socio-Economic Studies of Population, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, (a762rab@mail.ru), (ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9243-9242>)

² Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

Abstract

The quality of higher education, its ability to fulfill its function of providing the economy with the necessary personnel, has long been criticized. An additional impetus to the search for the causes of this trouble was given by the situation that developed after February 2022. At the same time, at the official level and in the media, the transition of Russian universities to the two-stage model prescribed by the Bologna system was cited as a key reason. The article is based on the author's long-term observation of the work of higher education, as well as the results of numerous empirical studies conducted in the 2000s – 2010s on the process and consequences of reforming all levels of the education system from preschool to graduate school and in general budgetary organizations of the social sphere, as well as the labor mobility of university graduates; staffing of priority industries and science, it is shown that the set of reasons leading to a decrease in the quality of higher education is much wider, and many of them are outside the education system itself. The analysis of the orientation of the educational legislation, the persistence in carrying out relevant reforms, the scarcity of education funding suggests that this was a conscious process implemented in accordance with neoliberal dogmas about minimizing social expenditures of the state and commercialization of the social sphere. There was practically no active industrial policy, as a result of which the structure of the economy degraded, and high-tech industries, due to the low level of profitability and a short planning horizon, became unable to play the role of a key link in the "production-science-education" triangle. Accordingly, improving the quality of higher education requires, firstly, the rejection of neoliberal approaches to financing and organizing the work of all levels of the education system (since it has an "accumulative effect"), and, secondly, the creation

of conditions for development of industry and science into an attractive for the youth of the employer, closely cooperating with the higher school. employer, closely cooperating with the higher school.

Keywords: education system, quality of education, higher education, personnel training, university, education policy, Bologna system, industry, science

For citation: Aleksandrova O.A. Problems of higher school: inside and outside the education system. *Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2023. Vol. 19. No 2. P. 157–168. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_2_1_157_168

Введение

Для любого, кто понимает, что представляет собой современный мир, роль высшей школы очевидна. И тем более актуальным становится обсуждение её проблем в ситуации, когда плоды пагубной по отношению к системе образования политики начинают проявляться в виде драматического отставания страны по всем критически важным для национальной безопасности направлениям – от производства медицинской техники и лекарственных препаратов и до военно-технической сферы. Как всегда бывает в кризис, тут же начинается поиск решений, желательно – быстрых и простых. Последнему весьма способствует типичная для нашего менталитета бинарная манера мышления – с категорическим отрицанием того, что ещё вчера восхвалялось (и наоборот), из-за чего «маятник» развития страны постоянно движется между крайними точками, не позволяя ей выйти на более продуктивный эволюционный путь [1]. Представляется, что некоторые признаки этого обнаружили и в некоторых из уже опубликованных в первом номере журнала материалах. Поскольку приглашение было продолжит разговор, то в ряде случаев автор будет соотноситься с тем, что сказано в рамках дискуссии ранее.

Предмет, объект, цель, гипотеза. Согласно теме, начатой журналом дискуссии, объектом исследования является российское высшее образование; предметом – факторы, влияющие на его качество и способность выполнять имманентную для этого института функцию обеспечения экономики необходимыми ей кадрами; целью – определение направлений, в которых следует действовать государству, заинтересованному в долгосрочном устойчивом развитии, в части, касающейся высшей школы. Гипотеза состоит в том, что переживаемые в последние тридцать лет проблемы российского высшего образования обусловлены отсутствием у государства целеполагания (реального, а не декларативного), необходимого для создания динамично развивающейся и в разумных пределах самодостаточной экономики. Это, в свою очередь, обусловлено генезисом сформировавшейся в начале 1990-х годов политико-экономической элиты, её зависимостью от наших геополитических конкурентов, заинтересованных в превращении России в одну из стран периферии. Такой сцена-

рий не предполагал наличия у России передовой наукоёмкой промышленности, а, следовательно, и работающих в одной с ней связке образования и науки, соответствующим было и отношение государства к реальному сектору экономики и этим сферам. Соответственно, повышение качества высшего образования и надлежащее выполнение высшей школой присущих ей функций возможно, прежде всего, при условии изменений в целеполагании государства, что должно найти отражение в реализации комплекса мер по созданию условий для развития высокотехнологичных отраслей и эффективной работы ориентированных на них образования и науки.

Данные и методы. Изложенные в статье соображения и выводы являются результатом, во-первых, многолетнего включённого наблюдения автора как имеющего двадцатилетний опыт преподавания в вузе и почти тридцатилетний опыт работы в академическом институте социально-экономического профиля. И, во-вторых, основаны на результатах проведенных в 2000-х – 2010-х годах при участии и под руководством автора многочисленных эмпирических исследований, посвящённых ходу и последствиям реформирования всех ступеней системы образования (от дошкольной до аспирантуры) и в целом бюджетных учреждений социальной сферы, а также – трудовой мобильности выпускников вузов; обеспечению трудовыми ресурсами приоритетных отраслей промышленности; кадровому потенциалу учреждений фундаментальной науки.

Результаты

В рамках дискуссии, прежде всего, хотелось бы откликнуться на идеи и предложения, прозвучавшие в уже опубликованных статьях.

С учётом того, что о феномене и последствиях «маркетизации» высшего образования подробно и основательно сказано в статье Н.Г. Яковлевой [2], отдельно останавливаться на этом аспекте не требуется. Тем более, что высказанные Н.Г. Яковлевой идеи абсолютно созвучны тем, что автор настоящей статьи изложил в опубликованной двумя годами ранее в этом же журнале статье «Рыночная трансформация образования и качество народонаселения» [5]. Учитывая фокус внимания нынешней дискуссии именно на высшем образовании, стоит лишь ещё раз повторить то,

что подчеркивалось в предыдущей публикации, а именно, системный характер образования и связанный с этим «накопительный эффект» – зависимость ситуации на более высоких ступенях системы образования от происходящего на предшествующих, в силу чего последствия коммерциализации, охватившей дошкольную и школьную ступени, сказываются и на эффективности работы высшей школы.

В целом солидаризируясь с соображениями, высказанными в статье А.И. Гретченко и Ю.Г. Одегова [3], тем не менее, в одном моменте приходится не согласиться. Так, авторами со ссылкой на других исследователей говорится о «недостаточной подготовленности и поспешности реформ высшего образования». Представляется, что это, мягко говоря, не совсем так. Свидетельством тому – многочисленные статьи и монографии известного учёного и педагога, члена думского комитета по образованию с почти тридцатилетним стажем О.Н. Смолина [6; 7], в которых даны ссылки на документы (проекты законов, стенограммы парламентских слушаний и т.п.)¹, говорящие не столько о бездумной торопливости реформаторов образования или непонимании ими последствий тех или иных реформ, сколько об их явной «заряженности» – установке не на поиск оптимальных решений, а на продавливание «нужных», многие из которых реализовывались по рецептам и на деньги Всемирного Банка и МВФ. Делалось это, как принято в таких случаях, с помощью «кнута» и «пряника». Например, в 2009 году, когда вся страна перешла на обязательный Единый государственный экзамен (ЕГЭ), главный вуз страны – МГУ имени М.В. Ломоносова, ректор которого и, одновременно, глава Союза ректоров В.А. Садовничий, в те времена нередко выступал как один из авторитетных критиков реформ образования (включая и ЕГЭ) в том виде, в каком они инициировались, был лишен права на проведение дополнительных вступительных испытаний. В то же время университету «Высшая школа экономики», активнейшему проводнику и апологету ЕГЭ право на проведение в дополнение к ЕГЭ очного испытания тогда же было предоставлено...

Другой пример: в своё время автору настоящей статьи довелось быть свидетелем примечательной реакции представителя профильного ведомства на результаты исследования, говорящего о негативном отношении директоров школ к закону № 83-ФЗ от 8 мая 2010 г.², радикальным об-

¹ В своё время автору настоящей статьи также довелось внимательно изучить многие из этих документов, отвечая за подготовку раздела по образованию для коллективной монографии «Эволюция нормативной базы социальных реформ» [8].

² Федеральный закон от 08.05.2010 № 83-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской

разом менявшему целеполагание учреждений социальной сферы и стимулировавшему процессы её «коммерциализации» и «оптимизации». Принятие закона сопровождалось острой дискуссией, в том числе, обращением профсоюза работников образования (а также профсоюза работников здравоохранения) к президенту, председателю правительства, главам палат Федерального собрания. В обращении прогнозировалось, что принятие закона в представленном виде и в условиях существенного недофинансирования социальных отраслей неизбежно приведёт к росту платности и сокращению сети учреждений и штатной численности работников, а, значит, к снижению доступности соответствующих социальных услуг. По прошествии времени, всё произошло точно в соответствии с этими прогнозами. Тогда же, в начале 2011 года, понимая эпохальность происходящих трансформаций, мы провели исследование, направленное на изучение отношения к этому закону руководителей учреждений образования (экспертами выступили 64 директора школ Московской области, имеющие большой опыт работы в образовании). Абсолютное большинство директоров указали на те же продуцируемые законом риски, о которых на этапе его принятия говорили оппоненты, и спрогнозировали их массовый характер. В основе консолидированного мнения директорского корпуса было хорошее знание текущих реалий, а также рефлексия последствий уже проведённых реформ. Кроме того, из опроса следовало, что мнение педагогического сообщества реформаторами образования практически не учитывается, притом, что сами реформаторы видятся руководителям образовательных учреждений людьми, не очень квалифицированными и подвижными совсем иными намерениями, чем декларируется [9]. В том же 2011 году мы представили эти результаты на посвящённом началу реализации закона № 83-ФЗ круглом столе, проходившем в рамках очередного «Гайдаровского форума», и по окончании нашего доклада присутствовавшая там руководитель одного из министерских департаментов резюмировала: «Да... С таким директорским корпусом нам реформу не провести!» [10]. И, как известно, в рамках состоявшейся вскоре «оптимизации» кадровый состав директоров школ был в тот период существенно изменён. Кстати, это коснулось и высшей школы – и «оптимизация» в виде слияния вузов, и малопонятные назначения ректорами объединённых вузов людей, подчас не имевших ни нужного профиля подготовки, ни

Федерации в связи с совершенствованием правового положения государственных (муниципальных) учреждений». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_100193/ (дата обращения: 12.03.2023).

авторитета в данной сфере и подведомственном учреждении.

О том, что дело не в «поспешности», а в достойной лучшего применения настойчивости в реализации задуманного (в основе которой, судя по сопоставленности различных реформ, – желание сэкономить на социальных расходах) говорит и история принятия образовательных стандартов. Последние выполняют как нормативную (определение минимума знаний и навыков, который должен освоить обучающийся и, соответственно, обязано предоставить образовательное учреждение), так и экономическую (определение объёма бюджетных средств, необходимых для реализации образовательного стандарта) функции. Исходя из значения содержания стандартов для качества и доступности хорошего образования (за все знания сверх стандарта платят непосредственно домохозяйства), первый постсоветский закон «Об образовании» (1992 г.) предусматривал утверждение ключевого стандарта – основного общего образования – принимаемым парламентом законом. Однако исполнительная власть всячески сопротивлялась закреплению такой нормы. Например, когда в 2001 году рабочая группа из представителей обеих палат парламента подготовила проект закона «О государственном стандарте общего образования», который содержал образовательные области и учебные предметы в русле отечественной традиции и лучшей мировой практики (тем самым отвергалась неоднократно забрасывавшаяся идея замены полноценных дисциплин упрощёнными интегрированными курсами), предусматривал адекватное количество часов на их освоение и детальный механизм нормативного финансирования, правительство, стремившееся иметь свободу рук и подгонять нормативы под заранее определённый (скудный) бюджет, затянуло принятие закона на несколько лет. Спустя время, закон был принят, но в предельно усечённом виде – оппонентам правительства удалось настоять лишь на запрете замены «математики», «физики», «химии», «географии», «биологии», а также «русского языка», «литературы» и «истории» интегрированными курсами. Но и на этом дело не закончилось. В 2004 г. Министерство образования попыталось исключить из стандарта раздел об обязательном минимальном содержании образования. А также – ввести для всех частично платное обучение (под видом дополнительных образовательных услуг) [11]. Кстати, именно это так называемое правительство «младореформаторов» пыталось сделать в 1997 г. (то есть, в тех самых «лихих 90-х»), но не смогло, получив отпор значительной части депутатов Думы. Впрочем, в 2010-х годах идея

существенного расширения платности в рамках школы была реализована – комбинацией серьёзного сокращения часов на изучение дисциплин в школьной программе и стимулирования школ к предоставлению платных услуг принятием упоминавшегося выше закона № 83-ФЗ. Возвращаясь же к судьбе образовательных стандартов, в 2007 году правительство внесло в Думу новый проект закона о государственном образовательном стандарте, в рамках которого в основу школьного стандарта закладывался так называемый компетентностный подход, при этом минимальное содержание образования не затрагивалось. В законопроекте также оказалась норма о том, что утверждение ФГОСов – прерогатива исполнительной, а не представительной ветви власти, что выдавало желание передать вопрос разработки стандартов практически полностью на откуп органам управления образованием, ориентированным на максимальную (хотя и необоснованную с точки зрения интересов развития) экономию бюджетных средств [8].

Хотя в данном примере речь идёт, в первую очередь, о стандарте школьного образования, в силу упоминавшегося выше свойственного системе образования «накопительного эффекта» это напрямую имеет отношение к качеству высшего образования: известно, что вузовским преподавателям, особенно в технических и медицинских вузах, нередко приходится доучивать первокурсников тому, что они должны знать из школьного курса. При этом обнаруживающийся дефицит знаний обусловлен усечённым характером школьной программы и особенностями итогового контроля знаний, когда пороговые значения ЕГЭ устанавливаются структурами управления образованием не заранее, а тогда, когда уже известны результаты по стране, что позволяет снижать нижнюю планку и тем самым камуфлировать низкий общий уровень знаний.

Представляется, что прозвучавший в одной из уже опубликованных в первом номере журнала статей упрёк «существующей в стране образовательной системе» в том, что «она оказалась неспособной обеспечить ускоренное развитие научно-технического потенциала страны» [4] сделан не по адресу. Никакая система в отдельности – ни образование, ни наука, ни промышленность – не могут этого обеспечить. Искомый эффект они дают в комплексе и, главное, – при наличии у государства реальной, а не декларативной нацеленности на ускоренное высокотехнологичное развитие. Если государство в нём действительно заинтересовано, то для соответствующих отраслей промышленности создаются условия, позволяющие предприятиям, выпускающим

сложную наукоёмкую продукцию, не выживать, а иметь нормальную рентабельность и понятные перспективы, и на этой основе привлекать (адекватно оплачивая их труд) высококвалифицированных специалистов, внедрять созданные в научном секторе технологические инновации. Отсюда берётся реальная востребованность науки и образования и импульс для их развития в виде ясной постановки именно содержательных задач (кого надо готовить и какие технологии разрабатывать, а не сколько денег надо заработать всё равно на чём), и адекватное финансирование (как от государства, так и от бизнеса)³. И советский опыт, на который не раз ссылается автор «упрёка», наглядно это демонстрирует. В отличие от этого, на протяжении всех тридцати постсоветских лет ключевые отрасли реального сектора экономики (машиностроение и т.п.) функционируют в условиях, во-первых, не позволяющих выйти на приемлемый уровень рентабельности (причины: высокие издержки за счёт дорогого кредита, высоких тарифов на услуги т.н. естественных монополий, дороговизны в силу низкого курса рубля, импортного оборудования и комплектующих и др. при одновременном отсутствии адекватного платёжеспособного спроса). И, во-вторых, в отсутствие возможности долгосрочно планировать свою деятельность: как нам в ходе исследования сообщали представители руководства крупных предприятий (авиастроения и т.п.), написанные в государственных программах красивые ориентиры по выпуску продукции (числа самолётов и т.п.) в основном остаются на бумаге, надёжный же горизонт планирования – всего один год [15]. Более того, в 2012 году Россия, вопреки мнению представителей промышленности и агропромышленного комплекса (не случайно голосование в Думе за это решение прошло с перевесом всего в 12 голосов), присоединилась к Всемирной торговой организации. И только последовавшие вскоре за этим события – связанные с присоединением Крыма западные санкции и российские контрмеры в форме продуктового эмбарго (как говорится, нет худа без добра) – немного смягчили, во всяком случае, применительно к агропрому, нанесённый присоединением к ВТО удар (как тогда писа-

ли СМИ, даже лоббировавшие присоединение к ВТО металлурги обнаружили в нём, но уже постфактум, подводные камни).

Соответственно, если уж и говорить о чьей-то «неспособности», то таковым оказался сложившийся в постсоветской России государственно-политический механизм, не формирующий у власти требующегося для национального развития целеполагания и, соответственно, приложения его реальных усилий к достижению продекларированных целей. Почему – вопрос к политологам. Единственное, что, наверное, стоит в этой части заметить с учётом предложения того же автора отказаться от, правда, не конкретизированных им «ценностей западной цивилизации» [4]: пока в тех самых «лихих 90-х» парламент был «местом для дискуссий» и находился в институциональной оппозиции к исполнительной власти (то есть, хотя бы частично реализовывался принцип «разделения властей» / «сдержек и противовесов» – в полной мере после принятия Конституции 1993-го года он реализовываться, конечно, не мог), основную часть критикуемых ныне реформ в образовании (и в целом в социальной сфере) осуществить не удавалось. Максимум, что могла тогда делать исполнительная власть – существенно недофинансировать образование, нередко – в нарушение закона. А вот в 2000-х и 2010-х годах, когда исполнительная и законодательная власть стали «жить душа в душу», а социум – в обмен на некоторое улучшение материального положения и стабильность – от общественных проблем самоустранился, все нелиберальные реформы (а как ещё назвать комплекс мер, превративших социальную сферу в источник для извлечения прибыли и резко сокративших доступность для населения социальных благ?) реализовать удалось. И, кстати, «социальные блага» превратились в «социальные услуги» (образовательные, медицинские) со всеми вытекающими последствиями тоже в 2000-е годы – так Россия готовилась к присоединению к ВТО, один из основополагающих, обязательных для стран-членов документов которой – Генеральное соглашение по торговле услугами (ГАТС ВТО) относит образование (наряду со здравоохранением) к сфере услуг. Что касается финансирования образования (и в целом социальной сферы), то оно так и осталось скудным – достаточно сказать, что и в самые «тучные» годы в России расходы на образование были в два раза меньше, чем в среднем по странам ОЭСР. Другое дело, что в 90-х годах имел место волонтеризм исполнительной власти, в нарушение ежегодных законов о бюджете просто не перечислявшей выделенные на образование бюджетные ассигнования. А в 2000-х –

³ И это – не открытие сегодняшнего дня: на то, что проблемы российского образования коренятся в структуре российской экономики и автор настоящей статьи (см. например, [12; 13; 14]), и другие специалисты неоднократно указывали почти 20 лет назад – когда образованию начали предъявлять претензии в том, что оно не тех и не так готовит. Помимо статей, адресованных научному сообществу, на эти и иные (о которых речь пойдет далее) причины неблагополучия в системе образования и пути их преодоления обращалось внимание в многочисленных аналитических записках и докладах, направляемых в различные структуры государственного управления.

2010-х годах всё делалось по закону и, например, принятым в 2005 году «законом о монетизации льгот»⁴, на самом деле серьёзно затронувшим и другие сферы (не случайно О.Н. Смолин назвал его «законом об отмене всех законов»), была отменена норма, согласно которой расходы на образование являлись т.н. «защищённой статьёй бюджета» – не подверженной секвестированию или секвестрируемой в самую последнюю очередь. Просто уровень доходов государства на фоне баснословных мировых цен на нефть и газ резко вырос и, соответственно, вырос, но лишь в абсолютных величинах, объём бюджетных расходов на образование. В относительных же величинах – долях от ВВП и расходов бюджета он так и остался на чрезвычайно низком уровне – не адекватном ни финансовым возможностям России, ни стоящим перед ней задачам развития. Более того, внутри выделяемых на образование средств баланс оказывался в пользу сверхвысокого материального стимулирования «образовательного начальства» (так, притчей во языцех стали зарплаты ректоров вузов), а также расходов на цели, открывающие возможности для т.н. «откатов» (закупки по завышенным ценам компьютерного и иного оборудования и т.п.).

И, отталкиваясь от той же, опубликованной в первом номере журнала статьи [4], несколько слов о Болонской системе, которую теперь громко ругают в СМИ и от которой теперь отмежевываются те, кто, работая в те годы в структурах управления образованием, её настойчиво продавливал (вместе с лоббистами в парламенте и апологетами в экспертном сообществе). Сразу оговорюсь: в отличие от них, автор настоящей статьи, как и многие другие представители научно-педагогического сообщества, ещё тогда указывал на истинные причины такой настойчивости – всё то же желание сэкономить на образовании (изначально правительство пыталось сделать срок обучения в бакалавриате вообще 3-летним, и только благодаря ещё имевшемуся тогда сопротивлению ректорского сообщества и парламентской оппозиции удалось добиться 4-летнего срока) и, более того – заработать на населении, создав «узкое горлышко» в виде очень ограниченного числа бюджетных мест при переходе на вторую степень

⁴ Федеральный закон от 22.08.2004 № 122-ФЗ «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием федеральных законов «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_49025/ (дата обращения: 16.04.2023).

(магистратуру) [9]. Указывалось и на то, что преимущественно платный характер магистратуры создаёт риск отсекаания от полноценного образования студентов из не самых обеспеченных, но ориентированных на хорошее образование семей. Так, в исследовании, проведённом нами в период перехода высшей школы на Болонскую систему, в рамках которого мы опрашивали родителей старшеклассников в нескольких городах России, обнаружилось, что в наибольшей степени нацелены на то, чтобы их ребёнок обязательно закончил магистратуру, родители, сами в своё время получившие хорошее техническое, естественнонаучное, медицинское и т.п. образование. То есть – закончили вузы, в которых первые несколько лет даётся серьёзная фундаментальная подготовка, а узкая специализация – лишь на самых старших курсах. Исходя из основанных на своём опыте представлений о том, как должна проходить подготовка действительно квалифицированных специалистов, они в гораздо большей степени, чем родители без высшего образования, полагавшие, что «хватит и бакалавриата, пусть скорей идёт работать», тревожились о том, смогут ли «потянуть» оплату магистратуры [16].

Теперь, после этой оговорки, обратим внимание на то, что отмечалось нами ещё в 2011 году при анализе эволюции образовательного законодательства, а именно – на специфическую (но всё в том же направлении) трактовку реформаторами образования положений Болонской декларации. Так, Болонская декларация, исходя из автономности университетов и академических свобод (принципов, судя по тому, что происходило далее не только с российским образованием, но и с наукой, чуждых нашей исполнительной власти) вовсе не призывает все университеты «стричь под одну гребёнку», а отдаёт право принятия решения об участии (или не участии) в Болонском процессе на откуп самим вузам. Принятый же в 2007 году по предложению правительства закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации (в части установления уровней высшего профессионального образования)» закрепил это право за Министерством образования. Кстати, и требования конкурсного отбора при переходе в магистратуру в Болонской декларации тоже нет, однако по предложению правительства норма об этом была в тот же закон 2007-го года внесена, а количество бюджетных мест в магистратуре серьёзно ограничено (представителями Министерства образования озвучивалась идея полностью перевести на платную основу магистратуру во всех вузах, кроме т.н. национальных университетов и вузов федерального значения, но тогда эту идею реализо-

вать всё-таки не удалось). На свой лад структуры исполнительной власти трактовали и положение Болонской декларации о не менее чем 3-летнем бакалавриате – во внесённом правительством проекте закона предусматривался 3-летний срок обучения в бакалавриате, но, как уже говорилось, тогда провести через парламент такую норму не удалось [8].

Таким образом, применительно к Болонской системе точнее было бы говорить о том, что, как и во многих других случаях, перенесение в постсоветскую Россию институтов, заимствованных на Западе, происходило с существенными искажениями, обусловленными приверженностью правящего класса выгодной для него неолиберальной идеологии с её постулатами о необходимости сокращения социальных расходов и максимального замещения государства бизнесом (желательно – особо приближённым). Кстати, заметим, что в России реализовывать ультра-неолиберальный курс оказалось даже легче, чем на Западе, поскольку там ограничителем служит такая «ценность западной цивилизации» как, пусть и несовершенная, но реально имеющая место политическая демократия, не позволяющая ретивым реформаторам заходить в реформах социальной сферы уж слишком далеко. Так, как пишет А. Макоули, пришедшие к власти под водительством М. Тэтчер консерваторы были бы рады вернуться к абсолютной концепции определения бедности, когда бедным считается домохозяйство с доходом на душу, обеспечивающим лишь физиологическое выживание, что позволяет свести к минимуму расходы государства на помощь таким семьям. Но не решились, и бедные там определяются в рамках т.н. относительной концепции – как те, чьи доходы составляют порядка 60 % от медианных, то есть для признания бедным надо иметь уровень жизни не «ниже плинтуса», а несколько ниже среднего стандарта [17]. В России же все тридцать лет реализуется именно абсолютная концепция бедности, в том числе в 2000-х и 2010-х годах, когда государство аккумулировало огромные средства от продажи энергоресурсов в т.н. резервных фондах и золотовалютных резервах Центрального банка. И когда М. Тэтчер начала всё с той же целью бюджетной экономии сокращать коечный фонд в больницах, от муниципалитетов посыпались требования увеличить число работников, которые станут навещать нуждающихся в уходе и медицинской помощи на дому, что позволило известному исследователю британской социальной политики К. Джонс заключить, что бюджетные рестрикции было легче задумать, чем реализовать [18]. Потому что Тэтчер понимала: если слишком перегнуть палку,

то возглавляемое ею правительство не продержится и одного срока. А в России в 2010-х годах сократили огромное количество коек и врачей, закрыли «за ненадобностью» целые инфекционные больницы – и ничего, никаких протестов и требований от так и не успевшего встать на ноги и всё более выхолащиваемого в последние годы местного самоуправления [19]. И даже когда разразившаяся пандемия Covid-19 ещё раз и в самой наглядной форме подтвердила всю пагубность проведённой «оптимизации», её ключевые организаторы и проводники остались при своих высоких должностях. То же самое касается и образования, достаточно поинтересоваться карьерой всех, кто внедрил такую Болонскую систему, такой ЕГЭ, определял такие параметры финансирования образования и т.д.

Что же касается качества высшего образования, то ключевыми причинами его снижения оказываются даже не сокращённые в рамках Болонской системы сроки подготовки (подтверждением чему служит снижение качества образования и в тех вузах, где сохранился специалитет [20]), а совокупность других факторов.

Во-первых – снижения качества поступающего в вузы контингента, что обусловлено уже упомянутыми выше процессами на предшествующих ступенях системы образования, а также понятной в рамках созданной системы стимулов нетребовательностью приёмных комиссий вузов к абитуриентам, поступающим на платные места.

Во-вторых – перевода в 2000-е годы образования на т.н. подушевое финансирование (с нормативами, рассчитываемыми исходя из выделенных на образование скудных бюджетов, а не из реальных потребностей образовательных учреждений) и ужесточение «норм выработки» – соотношения числа студентов и преподавателей, что вынуждает вузы отказываться от отчисления неспособных и немотивированных студентов. В противном случае вузы недосчитаются государственных субсидий и будут вынуждены увольнять ставшие «лишними» кадры, притом, что отказ от необходимого отсева нерадивых студентов снижает общий уровень обучаемого контингента и, соответственно, качество образования.

В-третьих – сказывающихся на качестве образования изменений в условиях труда профессорско-преподавательского состава. В 1990-е и 2000-е годы ключевой проблемой в этой части был неадекватно низкий уровень зарплаты, приводивший к оттоку из вузов части наиболее квалифицированных кадров, в то время как другая часть преподавателей, оставшаяся работать в вузах, пыталась компенсировать низкую зарплату множественной дополнительной занятостью. И плюс –

психоэмоциональные издержки от наблюдения изнутри системы за набирающим тогда обороты процессом девальвации вузовского диплома. В то же время, в сохранении своего рабочего места эта профессиональная группа тогда была уверена, рабочая нагрузка была адекватной (неадекватным был размер зарплаты), а должностные обязанности не включали абсурдных требований.

С 2010-х годов в этой части произошли существенные изменения, обусловленные переходом образования (и в целом социальной сферы, а также научных учреждений) на т.н. эффективный контракт и срочные трудовые договора. Последнее происходило открыто или латентно – через изменения требований к прохождению конкурса на замещение должности: известны случаи, когда с безусловно квалифицированными и опытными преподавателями не были продлены трудовые договора (которые считались бессрочными), поскольку те не смогли в момент прохождения аттестации (конкурса) удовлетворить тогда ещё только возникшее требование наличия т.н. «скопусовских» статей. Что касается размера зарплаты, то в 2010-х годах он в образовании несколько подрос. Но, во-первых, произошло это во многом за счёт сокращения штатных сотрудников и, особенно, внешних совместителей (в качестве которых обычно выступают практики, что, казалось бы, делает их присутствие в вузах особенно ценным с точки зрения качества профессиональной подготовки), а, значит, за счёт роста нагрузки на оставшихся преподавателей. Такова цена выполнения т.н. «майских указов» Президента от 7 мая 2012 года, предписывающих доведение зарплаты преподавателей вузов до 200 % от средней по региону, но не подкреплённых соответствующим ростом бюджетных расходов на образование. И, во-вторых, как показывает проведённое нами в 2020 году эмпирическое исследование условий труда научно-педагогических работников, зарплата абсолютного большинства преподавателей вузов на их основном месте работы очень далека от указанных в «майских указах» ориентиров [21]. И именно недостаточный уровень оплаты труда, по словам наших респондентов, прежде всего, и заставляет существенную часть преподавателей реализовывать множественную дополнительную занятость, работая в основном на двух, но нередко – на трёх и даже четырёх работах. При этом преподавателям вузов приходится крутиться как белка в колесе, поскольку идея внедрённого в начале 2010-х годов эффективного контракта состоит в том, чтобы размер оплаты труда существенно зависел от нестабильных стимулирующих надбавок, а не от постоянной базовой ставки, которую с этой целью серьёзно занижают. Стимулирую-

щие же надбавки, в первую очередь, поощряют наличие научных публикаций (до 2022 года особо ценились публикации в изданиях, входящих в международные базы научного цитирования (далее – МБНЦ) Scopus и Web of Science), а также привлечение внебюджетных средств и т.п. Как при нынешнем количестве часов непосредственно учебной (чтения лекций и т.д.), а также учебно-методической (подготовка программ курсов и т.п.) работы найти время на реальную научную деятельность (а, иначе, откуда могут взяться статьи, представляющие интерес для авторитетных научных изданий?), и где преподавателям вузов искать внебюджетные деньги (с учётом сокращения в 2010-х годах числа российских научных фондов (если речь о грантах) и российской специфики проведения тендеров (если речь о государственных и иных закупках)) – вопросы риторические. Впрочем, мотивированные сохранить свои рабочие места и заработать стимулирующие надбавки преподаватели с этим во многом справляются. Правда, за публикации в изданиях, входящих в МБНЦ, они нередко просто платят из собственного кармана или вскладчину (о том, что сами имеют такой опыт или неоднократно слышали об этом от своих коллег нам сообщили две трети респондентов). Отсюда – мнение большинства (88 %) опрошенных нами респондентов о том, что заметный рост числа публикаций российских авторов в т.н. «скопусовских» журналах говорит не о «расцвете российской науки» и не о росте мастерства написания научных статей, а об увеличивающемся прессинге со стороны руководства и росте затрачиваемых преподавателями на это собственных средств. Но и это ещё – полбеды. Главное же – те последствия для качества образования, к которым неизбежно должна привести такая нагрузка на преподавателей, занятых на основной и дополнительной работе (работах) на условиях эффективного контракта. А о величине этой нагрузки можно судить по распределению ответов наших респондентов на вопрос, часто ли им приходится делать работу по вечерам, в выходные и праздничные дни, во время отпуска. Выяснилось, что 76 % постоянно живут в таком режиме и ещё 18 % – «время от времени». Чтобы справиться с такой нагрузкой, им приходится жертвовать своим сном и отдыхом (отметили 67 % респондентов), вниманием семье (72 %) и – главное в контексте данной статьи – тем, что непосредственно влияет на качество их работы и, соответственно, качество образования. Хотя понятно, что состояние педагога, не восстановившего свои силы и мучающегося угрызениями совести перед семьёй, также сказывается на качестве его работы. Так, пытаюсь справиться с нынешней

нагрузкой и требованиями, респонденты вынуждены меньше времени тратить на самообразование, профессиональное развитие (отметили 63 %); реальную научную деятельность (55 %); общение со студентами и аспирантами (36 %); менее тщательно готовиться к занятиям (28 %) и проверять контрольные, курсовые и дипломные работы (18 %); более формально относиться к разработке учебно-методических материалов (35 %) и работе в целом – делать только то, что прописано в трудовом договоре и требуется для прохождения конкурса на замещение должности (29 %) [22].

Наконец, ещё один фактор, сказывающийся на качестве высшего образования, связан с ситуацией на рынке труда, в том числе, с положением тех отраслей, для которых готовятся кадры. Это возвращает нас к уже затрагивавшемуся выше корню проблем. Если работа по полученной профессии (инженером, врачом и т.д.) оплачивается на неприемлемо низком уровне, то выпускники вузов, конечно же, будут перетекать в те сектора экономики, где платят больше, тем более что каких-то особых специализированных знаний в отраслях, получивших развитие в структурно деградирующей российской экономике, обычно не требуется. Мы фиксировали массовое переуплотнение выпускников, получивших технические, естественнонаучные и т.п. специальности, в своих исследованиях середины–конца 2000-х годов [12]. К сожалению, с тех пор ситуация радикально не изменилась – именно потому, что не изменилась ситуация в тех отраслях, куда не пошли работать выпускники. Очевидно, что не планирующие работать по специальности студенты вряд ли будут особенно усердно «грызть гранит науки». Да и даже самым добросовестным студентам делать это сегодня нелегко – размер нынешнего стипендиального обеспечения, да ещё при такой стоимости жизни и завышенных потребительских стандартах (следствие чрезвычайно высокого уровня неравенства доходов) не позволяет только учиться. Иначе говоря, речь идёт о том, что качество полученного выпускниками образования определяется не только тем, что им даёт вуз, но и тем, что они сами хотят и имеют возможность взять, а эту мотивацию формируют сигналы, поступающие с рынка труда и, прежде всего, из нуждающейся в соответствующих специалистах отрасли. Приведу такой пример. В начале 2010-х годов автору настоящей статьи довелось выступать оппонентом по кандидатской диссертации, посвящённой инструментам повышения качества высшего технического образования, что вызывало дополнительный интерес, поскольку автор настоящей статьи по первому образованию – инженер. При знакомстве с дис-

сертацией выяснилось, что таким инструментом соискатель учёной степени видит насаждаемую в тот момент в вузах по команде сверху «систему менеджмента качества образования», которую, по непонятным для соискателя причинам (точнее, он за этим видел исключительно ретроградство), люто ненавидит профессорско-преподавательский состав профильных кафедр, но, не имея возможности от неё «отвертеться», по возможности отделяется формальной отчётностью. Примечательно, что в диссертации был представлен материал (приложенный в качестве примера транскрипт глубинного структурированного интервью, как догадался оппонент, с проректором одного из известных петербургских технических вузов), прекрасно раскрывающий природу хорошего технического (да и любого другого) образования, не имеющую никакого отношения к восхваляемому соискателем «инструменту». Так, в ходе интервью эксперт рассказал, что, когда он в советские времена учился в этом вузе, студенты регулярно проходили учебно-производственную практику – то на Красноярском алюминиевом заводе, то в ленинградском НПО «Светлана». Эти и иные предприятия предоставляли вузу экспериментальные установки и расходные материалы и заказывали соответствующим кафедрам НИР, в которых участвовали и студенты, имевшие в те годы время для подобных занятий. Всё это – современное техническое оснащение кафедр, хорошая производственная практика, адекватно финансируемые НИР, дополнительное материальное стимулирование показывающих высокие результаты студентов, востребованность предприятиями выпускников (не вообще, а с достойной оплатой труда) продолжилось и в постсоветский период. Но, как специально подчеркнул интервьюируемый эксперт, – только потому, что в отличие от большинства других отраслей промышленности (машиностроения, электроники и т.п.), металлургия, как экспортная отрасль, не просто осталась на плаву, но и располагает немалыми средствами. К сожалению, судя по диссертации, эти абсолютно очевидные вещи остались непонятны соискателю, закончившему один из обласканных властью вузов, немало преуспевший в реформах образования.

Что касается проблем с качеством подготовки научных кадров в нынешней аспирантуре, то и здесь причины вовсе не в Болонской системе – чисто арифметически сроки обучения нынешних соискателей учёных степеней (суммарно – 8 лет) не меньше, чем в советские времена. Да, превращение аспирантуры в третью ступень образования с регулярными занятиями, зачётами и т.д. отнимает у аспирантов время от работы над диссертационным исследованием. Но особенно нега-

тивно это сказывается потому, что практически все аспиранты параллельно работают и тоже нередко на нескольких работах, причём чаще всего – в далёких от научных исследований сферах. Причина всё та же – абсолютно не соответствующие современным жизненным реалиям аспирантские стипендии, притом, что молодёжь в этом возрасте массово берёт ипотеку – иных-то возможностей обрести своё «гнездо» сегодня нет.

Но главное: многие ли молодые люди сегодня готовы пойти работать в научные и образовательные учреждения и стать тем самым «социалистом» (превратившимися ныне в прекариат работников науки и социальных отраслей) [23], об условиях труда которого говорилось выше? Немногие, только самые преданные призванию. Но и с ними проблема. Когда в 2015 году мы проводили исследование, посвящённое кадровому потенциалу учреждений фундаментальной науки, участники экспертной сессии – директора академических институтов естественнонаучного профиля указывали на то, что их талантливые молодые сотрудники уезжают за рубеж даже не за «длинным рублем», а потому, что там есть необходимые для исследований на современном уровне оборудование, реактивы и т.д. В России же своё оборудование и реактивы не производятся, а курс рубля и, тем более, его очередная девальвация (разговор состоялся через полгода после двукратного обвала рубля в декабре 2014 года) делает зарубежное оборудование, реактивы и т.п. ещё более недоступным [24]. Очевидно, что описанная ситуация – свидетельство того, что фундаментальная наука все прошедшие тридцать лет не была нужна государству, какие бы правильные слова ни говорились с самых высоких трибун. Поэтом её толком не финансировали, а предлагали «заработать самой» – в полном соответствии с неолиберальными догмами, но без всякого понимания природы фундаментальной науки. Достаточно вспомнить к чему свелась затеянная, кстати, не в «лихих 90-х», а в 2010-х годах т.н. «реорганизация РАН»:

к переподчинению институтов, ранее курируемых Академией наук, Федеральному агентству научных организаций (ФАНО), которое вполне в духе эпохи возглавил никогда не имевший отношения к науке молодой финансист, а основной костяк работников составили пришедшие из «Росреестра» специалисты по недвижимости... Что касается отраслевой науки, куда, в принципе, могли бы пойти работать молодые обладатели учёных степеней, то было бы странно ожидать её расцвет (и даже существование) в ситуации, когда сами отрасли находятся в плачевном состоянии.

Заключение

Таким образом, проблемы, снижающие качество высшего образования и подготовки научных кадров, имеют комплексный характер, далеко не сводимый к Болонской системе, даже при всех её изъянах, во многом, как было показано выше, обусловленных, скажем так, специфическим российским исполнением. И главное: причины наблюдаемых дисфункций – не удовлетворяющего работодателей уровня профессиональной подготовки выпускников вузов; дисбалансов в количестве выпускаемых специалистов того или иного профиля; массового перепрофилирования выпускников вузов, оставляющего приоритетные отрасли промышленности без необходимых им специалистов, а также имеющего своим следствием непродуктивное расходование средств государства на их подготовку, в основном лежат во внешней по отношению к системе образования среде. Это касается и объёмов бюджетного финансирования образования, и условий функционирования отраслей реального сектора экономики. Соответственно, и решение проблем образования, включая высшую школу, во многом следует искать вовне системы образования и, прежде всего, в изменении целей и направленности усилий государства, его политико-экономической элиты. Но это уже предмет другого разговора.

Список литературы

1. Клейнер Г.Б. Институциональные факторы долговременного экономического роста // Экономическая наука современной России. 2000. № 1. С. 5–20. EDN IBJQAP
2. Яковлева Н.Г. Российское образование: глобальные и национальные вызовы формированию человеческого потенциала // Уровень жизни населения регионов России. 2023. Том 19. № 1. С. 36–46. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_1_36_46; EDN GNWDCQ
3. Претченко А.И., Одегов Ю.Г. Модернизация «болонизации» – по какому пути пойти? // Уровень жизни населения регионов России. 2023. Том 19. № 1. С. 61–69. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_1_5_61_69; EDN MHAPNQ
4. Мачхелян Г.Г. Актуальные проблемы перестройки системы образования в современной России // Уровень жизни населения регионов России. 2023. Том 19. № 1. С. 47–60. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_1_4_47_60; EDN MEUYVW
5. Александрова О.А. Рыночная трансформация образования и качество народонаселения // Уровень жизни населения регионов России. 2021. Том 17. № 2. С. 167–177. <https://doi.org/10.19181/lsprr.2021.17.2.1>; EDN XXYYWHB
6. Смолин О.Н. Знание – свобода. Российская государственная образовательная политика и федеральное законодательство 90-х годов: Систематизированный сб. М.: ИПТК «Логос» ВОС, 1999. 505 с. ISBN 5-93124-018-7

7. Смолин О.Н. Образование – для всех: Философия. Экономика. Политика. Законодательство. М.: Проспект–ТК Велби, 2006. 411 с. ISBN 978-5-482-01161-4
8. Эволюция нормативной базы социальных реформ / науч. ред. Е.М. Аврамова. М.: ИСЭПН РАН, 2011. 244 с. ISBN 978-5-903198-24-5
9. Александрова О.А., Ненахова Ю.С. Реформа бюджетных учреждений и российская школа: ожидания и прогнозы (по результатам пилотного исследования) // Сборник материалов Международной научно-практической конференции «Демографические проблемы России: взгляд из прошлого в будущее» (к 300-летию М.В. Ломоносова) 26–27 сентября 2011 г. СПб.: Нестор-История. 2012. С. 260–275.
10. Александрова О.А. Качество жизни и реформа бюджетных учреждений: почему всё не так? // От качества жизни – к качеству народонаселения. Сборник статей участников Конференции в рамках программы "МЭФ-2016" / Отв. редактор В.В. Локосов, редактор-составитель Е.В. Моргунов. М.: «Вариант». 2017. С. 6–25.
11. Смолин О.Н. Закон о школьном стандарте: есть повести печальнее на свете // Народное образование. 2004. № 4. С. 11–17.
12. Александрова О.А. Высшее образование и структура российской экономики // Высшее образование в России. 2006. № 5. С. 27–37. EDN IBVKDL
13. Александрова О.А. Экономика образования и экономическая политика государства // Экономика образования. 2006. № 3. С. 4–20.
14. Александрова О.А. Отраслевая дискриминация как препятствие эгалитарности образования // Социальная функция государства в экономике XXI века: Доклады и выступления. Материалы конференции. Экономический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 21 ноября 2007 г. / Под ред. Г.А. Ахинова, В.В. Елизарова, Е.Н. Жильцова, Р.П. Колосовой. М.: МАКС Пресс. 2007. С. 571–577. EDN HSSASD
15. Александрова О.А. Проблемы долгосрочного планирования кадровых потребностей приоритетных отраслей экономики // Экономическое возрождение России. 2019. № 1(59). С. 53–57. EDN VVHRXM
16. Александрова О.А. Семьи выбирают: бакалавриат или магистратура // Материалы Международной научной конференции «Население, семья, уровень жизни», посвященной Году семьи и 20-летию ИСЭПН РАН. М.: М-Студио, 2008. С. 276–282.
17. Макоули А. Определение и измерение бедности / Бедность: взгляд учёных на проблему / отв. ред. М.А. Можина. М.: ИСЭПН РАН, 1994. С. 7–10.
18. Jones K. The making of social policy in Britain 1830–1990, London : Atlantic Highlands, NJ : Athlone Press, 1994, 274 p. ISBN 0485121042
19. Баженова О.И. Демократия и эффективность: местное самоуправление в поисках баланса // Местное право. 2022. № 3. С. 3–12. EDN ORSCBI
20. Александрова О.А., Ярашева А.В., Ненахова Ю.С. Профессиональная подготовка врачей: эксперты о проблемах образовательного процесса // Народонаселение. 2020. Т. 23. № 4. С. 93–103. <https://doi.org/10.19181/population.2020.23.4.9>; EDN JYXXKO
21. Александрова О.А., Файман Н.С. Критерии неустойчивой занятости научно-педагогических кадров // Уровень жизни населения регионов России. 2023. Том 19. № 1. С. 70–85. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_1_6_70_85; EDN MSGDST
22. Александрова О.А., Файман Н.С. Неустойчивая занятость работников науки и образования: масштабы, причины, последствия // Экономическое возрождение России. 2022. № 1(71). С. 66–74. <https://doi.org/10.37930/1990-9780-2022-1-71-66-74>; EDN VKEFDS
23. Бузгалин А.В., Колганов А.И. Трансформации социальной структуры позднего капитализма: от пролетариата и буржуазии к прекариату и креативному классу? // Социологические исследования. 2019. № 1. С. 18–28. <https://doi.org/10.31857/S013216250003744-1>; EDN ZAKHZZ
24. Александрова О.А., Ярашева А.В., Бурдастова Ю.В. Актуальные проблемы формирования кадрового потенциала научных организаций // Право и образование. 2016. № 12. С. 31–41. EDN XAKVMD

Информация об авторе:

Александрова Ольга Аркадьевна – д-р экон. наук, заместитель директора по научной работе, Институт социально-экономических проблем народонаселения Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук; профессор департамента социологии, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия (e-mail: a762rab@mail.ru) (e-library AuthorID: 257224) (ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9243-9242>) (ResearcherID: B-1306-2017) Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 05.05.2023; одобрена после рецензирования 08.05.2023; принята к публикации 16.05.2023.

References

1. Kleiner G.B. Institutional factors of long-term economic growth. *Ekonomicheskaya nauka sovremennoy Rossii=Economic science of modern Russia*, 2000;(1):5–20. (In Russ.)
2. Yakovleva N.G. Russian education: global and national challenges to the formation of human potential. *Uroven' zhizni naselenija regionov Rossii=Living standards of the population in the regions of Russia*. 2023;19(1):36–46. (In Russ.) https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_1_3_36_46
3. Gretchenko A.I., Odegov Yu.G. Modernization of "Bologonization" – which way to go? *Uroven' zhizni naselenija regionov Rossii=Living standards of the population in the regions of Russia*. 2023;19(1):61–69. (In Russ.) https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_1_5_61_69

4. Machkhelyan G.G. Actual problems of restructuring the education system in modern Russia. *Uroven' zhizni naselenija regionov Rossii=Living standards of the population of regions of Russia*. 2023;19(1):47–60. (In Russ.) https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_1_4_47_60
5. Aleksandrova O.A. Market transformation of education and the quality of population. *Uroven' zhizni naselenija regionov Rossii=Living standards of the population in the regions of Russia*. 2021;17(2):167–177. (In Russ.) <https://doi.org/10.19181/lsprr.2021.17.2.1>
6. Smolin O.N. Knowledge is freedom. Russian State Educational Policy and Federal Legislation of the 1990s: Systematized Collection. Moscow, Logos, 1999. (In Russ.) ISBN 5-93124-018-7
7. Smolin O.N. Education for All: Philosophy. Economy. Policy. Legislation. Moscow, Prospekt Velby, 2006. (In Russ.) ISBN 978-5-94628-329-8
8. Avraamova E.M. (ed.) Evolution of the normative base of social reforms. Moscow, ISESP RAS, 2011. (In Russ.) ISBN 978-5-903198-24-5
9. Aleksandrova O.A., Nenakhova Yu.S. Reform of public institutions and the Russian school: expectations and forecasts (according to the results of a pilot study). Demographic problems of Russia: a look from the past into the future (to the 300th anniversary of M.V. Lomonosov) : collection of materials of the international scientific conference on September 26–27, 2011. St. Petersburg, Nestor-History. 2012; 260–275. (In Russ.)
10. Aleksandrova O.A. Quality of life and reform of public institutions: why is everything wrong? From the quality of life to the quality of population. Collection of articles of the participants of the Conference in the framework of the program "Moscow economic forum–2016". Moscow: "Option". 2017; 6–25. (In Russ.)
11. Smolin O.N. The law on school standards: there are sadder stories in the world. *Narodnoe obrazovanie=Public education*. 2004; (4):11–17 (In Russ.)
12. Aleksandrova O.A. Higher education and the structure of the Russian economy. *Vysshee obrazovanie Rossii=Higher education in Russia*. 2006; (5): 27–37. (In Russ.)
13. Aleksandrova O.A. Economics of Education and Economic Policy of the State. *Jekonomika obrazovanija=Economics of Education*. 2006;(3):4-20. (In Russ.)
14. Aleksandrova O.A. Sectoral discrimination as an obstacle to the egalitarian education // Social function of the state in the economy of the XXI century: Reports and speeches. Conference materials. Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, November 21, 2007 / Ed. professors Ahinova G.A., Elizarova V.V., Zhiltsova E.N., Kolosova R.P. Moscow, MAKS Press, 2007; 571–577 (In Russ.)
15. Aleksandrova O.A. Problems of long-term planning of personnel needs of priority sectors of the economy. *Jekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii=Economic revival of Russia*. 2019;(1):53–57. (In Russ.)
16. Aleksandrova O.A. Families choose: bachelor's or master's degree. Proceedings of the International Scientific Conference "Population, Family, Living Standards", dedicated to the Year of the Family and the 20th Anniversary of ISESP RAS. Moscow, M-Studio, 2008;276–282. (In Russ.)
17. Makouli A. Definition and measurement of poverty. Poverty: a view of scientists on the problem. Ed. By M.A. Mozhina. Moscow: ISESP RAS, 1994;7–10. (In Russ.)
18. Jones K. The making of social policy in Britain 1830–1990, London : Atlantic Highlands, NJ : Athlone Press, 1994. ISBN 0485121042
19. Bazhenova O.I. Democracy and Efficiency: Local Self-Government in Search of Balance. *Mestnoe pravo=Local Law*. 2022;(3):3–12 (In Russ.)
20. Aleksandrova O.A., Yarasheva A.V., Nenakhova Yu.S. Professional training of doctors: experts on the problems of the educational process. *Narodonaselenie=Population*. 2020;23(4):93-103. (In Russ.) <https://doi.org/10.19181/population.2020.23.4.9>
21. Aleksandrova O.A., Faiman N.S. Criteria for unstable employment of scientific and pedagogical personnel. *Uroven' zhizni naselenija regionov Rossii=Living standards of the population in the regions of Russia*. 2023;19(1): 70–85. (In Russ.) https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_1_6_70_85
22. Aleksandrova O.A., Faiman N.S. Unsustainable employment of workers in science and education: scope, causes, consequences. *Jekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii=Economic revival of Russia*. 2022;(1):66–74. (In Russ.) <https://doi.org/10.37930/1990-9780-2022-1-71-66-74>
23. Buzgalin A.V., Kolganov A.I. Transformations of the social structure of late capitalism: from the proletariat and the bourgeoisie to the precariat and the creative class? *Sociologicheskie issledovanija=Sociological research*. 2019;(1):18–28. (In Russ.) <https://doi.org/10.31857/S013216250003744-1>
24. Aleksandrova O.A., Yarasheva A.V., Burdastova Yu.V. Actual problems of formation of personnel potential of scientific organizations. *Pravo i obrazovanie=Law and education*. 2016;(12):31-41. (In Russ.)

Information about the author:

Olga A. Aleksandrova – Doctor of Economics, Deputy Director for Research, Institute of Socio-Economic Studies of Population of the Federal Scientific Sociological Center of the Russian Academy of Science, Russia, Moscow; Professor of the Department of Sociology, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia (e-mail: a762rab@mail.ru) (e-library Author ID: 257224) (ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9243-9242>) (ResearcherID: B-1306-2017). The author declares no conflicts of interests.

The article was submitted 05.05.2023; approved after reviewing 08.05.2023; accepted for publication 16.05.2023

Оригинальная статья
УДК 331.2+338.001.36, 332.14
DOI: 10.52180/1999-9836_2023_19_2_2_169_180
EDN: DGHWNE

Межрегиональная дифференциация оплаты труда педагогических работников дополнительного образования (часть 2)

Арсений Леонидович Синица

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия, (sinitsa@econ.msu.ru), (ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8026-0619>)

Аннотация

Несмотря на то, что руководство страны поставило задачу повышения заработной платы педагогических работников дополнительного образования до уровня заработной платы педагогических работников общего образования, в настоящее время она не решена в большинстве регионов. Тем не менее президентские указы позволили приблизиться к этой цели, что означает их частичную эффективность. За время действия указов произошёл рост покупательной способности заработной платы педагогов, выраженной в доступных прожиточных минимумах, хотя его динамика была противоречивой. Всё это означает, что оценка результатов государственной политики в сфере оплаты труда педагогических работников дополнительного образования является актуальной темой. Различия между регионами как по отношению заработных плат, так и по доступным прожиточным минимумам продолжают оставаться высокими. Это обусловлено в первую очередь разным уровнем экономического развития российских регионов. Если в более экономически развитых субъектах РФ или в регионах со специализацией на добыче углеводородов положение педагогических работников в целом лучше, то в аграрных регионах со слабой обрабатывающей промышленностью заработная плата педагогических работников ниже. Среди них существуют некоторые исключения, но они в целом не сильно влияют на общую картину. Для улучшения ситуации необходимы меры, направленные на развитие и диверсификацию региональных экономик, повышение базового оклада педагогов дополнительного образования и предоставление им льгот (особенно в сельской местности), более активное информирование населения и чиновников о важности этой компоненты развития личности и усиление информационного обеспечения проводимой политики. Внести изменения в политику требуется оперативно, что связано с нестабильной геополитической обстановкой и необходимостью ускоренного развития отечественной экономики.

Ключевые слова: дополнительное образование, заработная плата, покупательная способность, прожиточный минимум, педагогические работники, регионы России, региональная политика

Окончание. Начало: Уровень жизни населения регионов России. 2023. Том 19. № 1. С. 86–98.

Для цитирования: Синица А.Л. Межрегиональная дифференциация оплаты труда педагогических работников дополнительного образования (часть 2) // Уровень жизни населения регионов России. 2023. Том 19. № 2. С. 169–180. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_2_2_169_180; EDN DGHWNE

RAR (Research Article Report)
DOI: 10.52180/1999-9836_2023_19_2_2_169_180
EDN: DGHWNE

Interregional Differentiation of Remuneration of Educators in Extracurricular Education (Part 2)

Arsenii L. Sinitsa

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, (sinitsa@econ.msu.ru), (ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8026-0619>)

Abstract

Despite the task of raising the salaries of educators in extracurricular education to the level of salaries of educators in general education that was set at the highest level, this problem has not yet been solved in most regions. Nevertheless, the Presidential decrees allowed us to approach this goal to some extent, which means that they are partially effective. During the period of validity of the decrees there has been an increase in the purchasing power of educators' salaries, expressed in affordable subsistence minimums, although its dynamics has been contradictory. This means that the evaluation of the results of state policy in the field of remuneration of educators of extracurricular education is a vital issue. Differences between regions in both the ratio of salaries and affordable subsistence minimums remain high. This is primarily due to the different level of economic development of the regions. In more economically developed regions or in regions with specialization in hydrocarbon extraction the state of educators employees is better. In agrarian regions with weak manufacturing industry, their salaries are lower. There are some exceptions, which on the whole do not make much difference to the overall picture. To improve the situation, measures are needed to develop and diversify regional economies, increase the basic salary of educators and provide them with benefits (especially in rural areas), more actively inform the population and officials about the importance of this component of personal development and strengthen the information support of current policies. Changes in policy are required promptly due to the unstable geopolitical situation and the need for accelerated development of the domestic economy.

Keywords: extracurricular education, salary, purchasing power, subsistence minimum, educators, regions of Russia, regional policy
Ending. Beginning: Living Standards of the Population in the Regions of Russia. 2023. Vol. 19. No. 1. P. 86–98.

For citation: Sinita A.L. Interregional Differentiation of Remuneration of Educators in Extracurricular Education (Part 2). *Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2023. Vol. 19. No 2. P. 167–178. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_2_2_167_178

Введение

Объект исследования: государственная политика в сфере образования. **Предмет исследования:** заработная плата педагогических работников дополнительного образования. **Цели исследования:** 1) анализ отношения заработной платы педагогов дополнительного образования к заработной плате педагогов общего образования; 2) изучение покупательной способности заработной платы педагогов дополнительного образования в регионах России с учётом их экономической специализации и уровня экономического развития в 2013–2020 годах; 3) разработка предложений по совершенствованию политики в сфере дополнительного образования в целом и в отношении заработной платы педагогических работников. **Гипотеза исследования:** заработная плата в дополнительном образовании ниже по сравнению с общим образованием, но ситуация улучшается; покупательная способность заработной платы педагогов дополнительного образования низкая, в некоторых регионах она не позволяет содержать даже одного ребёнка; размер заработной платы в дополнительном образовании и её покупательная способность достаточно сильно зависят от экономической специализации регионов и их уровня экономического развития.

Россия позиционирует себя как социальное государство (ст. 7 Конституции РФ), поэтому повышение уровня жизни населения в целом и его отдельных групп соответствует стратегическим интересам страны. Данная цель также выделяется и в ст. 2 Конвенции 117 Международной организации труда¹ («повышение жизненного уровня рассматривается в качестве основной цели при планировании экономического развития»).

В первой части статьи мы рассмотрели показатели, с помощью которых можно оценивать результаты политики в отношении оплаты труда педагогических работников. Они представлены в Указе Президента Российской Федерации от 01.06.2012 г. № 761 «О Национальной стратегии действий в интересах детей» (далее – Указ Президента России № 761) и в Указе Президента

Российской Федерации от 07.05.2012 г. № 597 «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики» (далее – Указ Президента России № 597). Про дополнительное образование говорится только в Указе Президента России № 761. В нём заработная плата педагогических работников дополнительного образования сравнивается с заработной платой педагогических работников общего образования, которая в соответствии с Указом Президента № 597 должна составлять 100 % от средней заработной платы по региону. В первой части статьи заработная плата педагогов дополнительного образования сравнивалась со средней по региону заработной платой. Было показано, что заработная плата педагогов дополнительного образования в большинстве регионов ниже средней по региону заработной платы, что означает достаточно низкую значимость этого уровня системы образования для власти.

Остаётся рассмотреть два вопроса. Первый из них: как соотносится заработная плата педагогов дополнительного образования и педагогов общего образования? Этот вопрос мы затрагиваем в меньшей степени, так как он важен лишь для оценки формальной успешности Указа № 761 и не позволяет оценить покупательную способность заработной платы педагогов дополнительного образования. Второй вопрос – об уровне жизни – более актуален для повседневности, потому что при формально успешной политике педагоги и члены их семей могут быть сильно ограничены в приобретении даже базовых товаров и услуг, что фактически означает её провал.

Предмет и метод исследования

В данной статье мы продолжаем рассматривать динамику показателей, характеризующих заработную плату педагогических работников в муниципальных образовательных организациях дополнительного образования в 2013–2020 годах и их связь с уровнем экономического развития регионов с использованием классификации [1]. Для этого мы изучаем отношение заработной платы педагогов дополнительного и общего образования за 2013–2020 годы в целом, а также используем покупательную способность заработной платы педагогов для оценки уровня жизни педагогических работников и членов их семей. Она корректно

¹ Конвенция «Об основных целях и нормах социальной политики» // International Labour Organization: [сайт]. URL: http://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_norm/---normes/documents/normativeinstrument/wcms_c117_ru.htm (дата обращения: 25.02.2023). Россией она не ратифицирована.

описывает социально-экономическое положение населения [2–6] и является важным показателем, характеризующим достигнутый уровень жизни [7]. Методология покупательной способности использовалась в наших предыдущих работах [8]. Переход к новой методике расчёта прожиточного минимума, который в России крайне низок [9], окажет на государственную политику отрицательное влияние [10], например, нарушатся долгосрочные временные ряды, что повлечёт за собой несопоставимость данных.

Данная работа не лишена ограничений. Во-первых, данные Росстата не позволяют оценить, как формируется заработная плата педагогических работников. Так, у школьных учителей вместе с ростом заработной платы наблюдался значительный рост педагогической нагрузки, и мы не исключаем такого же ухудшения положения и для педагогов дополнительного образования. Во-вторых, массовые репрезентативные обследования педагогических работников не проводятся, поэтому мы не знаем их демографические установки, число детей и душевой доход. Мы не говорим про их склонности в сфере демографического поведения с учётом экономических особенностей данной профессии, а следовательно, не знаем в какой степени низкая заработная плата влияет на рождаемость в этой профессиональной группе. В-третьих, мы говорим про номинальное распределение, а не про реальное. Например, не учитываются существующие задержки заработной платы и реальный доход в каждой конкретной семье педагогических работников. Наконец, мы не касаемся вопроса того, насколько прожиточный минимум позволяет удовлетворять потребности населения на минимальном уровне. Однако даже имеющихся данных достаточно для того, чтобы делать вполне содержательные выводы о тенденциях развития системы дополнительного образования.

Динамика заработной платы педагогических работников дополнительного образования по сравнению с заработной платой педагогических работников общего образования

Заработная плата педагогов дополнительного образования в муниципальных образовательных организациях на начало рассматриваемого периода составляла лишь 77,1 % от заработной платы педагогических работников общего образования. Целевой норматив выполнялся только в Ненецком АО (108,4 %), ещё два региона были близки к его достижению – Республика Бурятия (98,3 %) и Саратовская область (96,4 %). В Москве и Санкт-Петербурге показатели были наихудшими: 40,1 % и 40,7 %, соответственно. Отношение заработных

плат в остальных регионах попадало в интервал 50–90 %.

Отметим значительную дифференциацию регионов, если учитывать их экономическую специализацию. Финансовые центры и менее развитые сырьевые регионы показывали результаты значительно ниже среднего по стране уровня. Высокоразвитые добывающие регионы и развитые регионы с диверсифицированной экономикой были очень неоднородны и находились преимущественно в группах с наибольшим и наименьшим отношением. В свою очередь развитые регионы с ориентацией на обрабатывающую промышленность концентрировались в группе с отношением ниже среднего, а развитые добывающие и менее развитые аграрные регионы – вокруг среднего значения. Сильная неоднородность просматривалась и в отношении наиболее многочисленных среднеразвитых регионов: промышленно-аграрные имели отношение, скорее, ниже среднего, а аграрно-промышленные – скорее, выше среднего.

Оценим динамику целевого соотношения за 2013–2020 годы (рисунок 1). Она позволит понять, как регионы с разным уровнем экономического развития справились с задачей его повышения.

Высокоразвитые финансовые центры изначально сильно отставали и продемонстрировали крайне высокий темп прироста целевого соотношения, потому что финансовые ресурсы позволяли сделать это. По приросту отношения заработных плат высокоразвитые добывающие регионы были неоднородными, хотя в целом прирост в них был ниже среднего из-за высоких отношений во многих из них на начало периода.

Прирост в развитых регионах был ниже. В рамках этой группы регионы с диверсифицированной и добывающей экономикой были более неоднородны, отношение увеличилось в них в меньшей степени. Развитые регионы с ориентацией на обрабатывающую промышленность оказались более однородной группой с большим числом регионов с приростом выше среднего. В целом можно говорить, что за исключением ряда регионов, преимущественно добывающих, прирост был выше в регионах с изначально более низким отношением.

Прирост в менее развитых сырьевых регионах был ниже по сравнению с менее развитыми аграрными регионами, которые были более однородными и концентрировались в группах со средним и выше среднего приростом. Менее развитые регионы присутствовали во всех группах по уровню прироста, но их было больше среди регионов с приростом выше среднего.

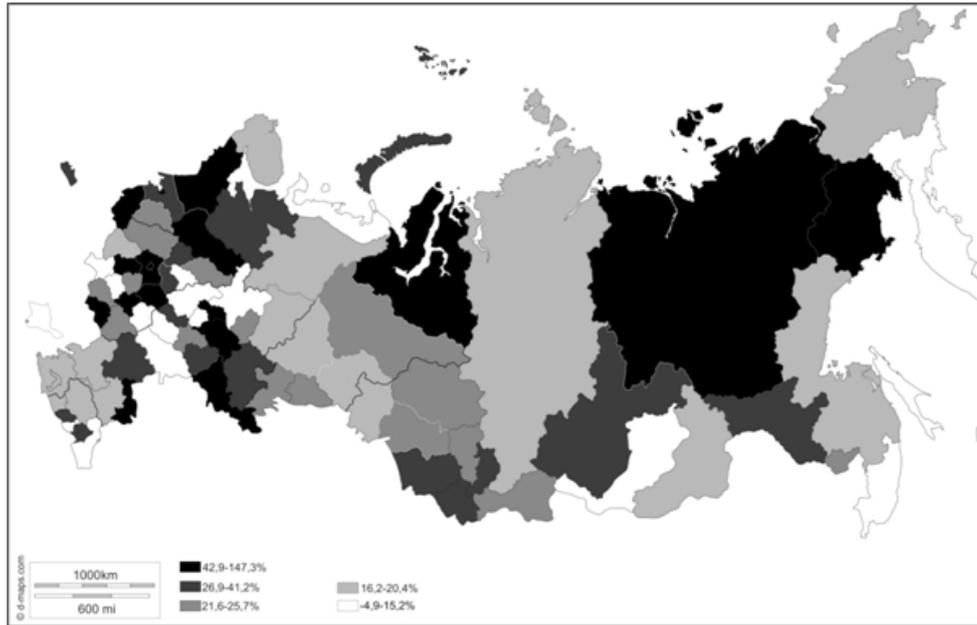

Рисунок 1. Прирост отношения заработной платы педагогов дополнительного образования к заработной плате педагогов общего образования за 2013–2020 годы (в %)

Figure 1. Ratio of Salaries of Pedagogical Employees of Extracurricular Education to Salaries of Pedagogical Employees of General Education in 2013–2020 (in %)

Источник: составлено автором на основе данных Росстата.

Среднеразвитые регионы тоже представлены во всех группах, но всё же их было больше в группе с приростом ниже среднего. Промышленно-аграрные регионы показали гораздо лучшие результаты по сравнению с аграрно-промышленными, которые составляли более половины от всех регионов с наименьшим приростом.

Экономические особенности регионов оказывали влияние на темпы прироста заработной платы. Несмотря на некоторые исключения, педагоги дополнительного образования из сельскохозяйственных регионов были в гораздо худшем положении по сравнению с педагогами из регионов с другой специализацией.

К 2020 г. высокоразвитые финансовые центры значительно улучшили своё положение и вошли в группу лидеров. Аутсайдером по-прежнему являлась Москва с 69,6 %, уступающая даже среднеразвитой аграрно-промышленной Республике Северная Осетия (84,9 %). Улучшив своё положение, поляризованными остались высокоразвитые добывающие регионы, как и развитые регионы с диверсифицированной экономикой. В группе со средним и ниже среднего отношением продолжили находиться развитые регионы с ориентацией на обрабатывающую промышленность, а развитые добывающие регионы несколько улучшили своё положение. Менее развитые сырьевые и среднеразвитые аграрно-промышленные регионы име-

ли отношение заработных плат ниже среднего, а менее развитые аграрные и среднеразвитые промышленно-аграрные регионы равномерно расположились в общем списке. Наиболее вероятное объяснение связано с тем, что основные усилия властей были направлены на доведение заработных плат школьных учителей до уровня средней по региону заработной платы, а дополнительному образованию уделялось меньше внимания, поэтому помимо экономической специализации региона на отношение влиял и размер заработных плат в целом и в профильных отраслях.

Рассматривая усреднённое целевое отношение за весь период, отметим, что субъекты РФ распределены равномерно (таблица 1). Не представленные в таблице регионы имели значение 87,0–95,1 % и в целом место в списке определялось, за некоторыми исключениями, уровнем экономического развития региона. В регионах с сельскохозяйственной и обрабатывающей специализацией отношение заработных плат было в среднем ниже. Исходя из данных, наилучшим положение педагогов дополнительного образования было в 2018–2019 годах, когда целевое отношение превышало 100 % в 75 и 63 регионах, соответственно, а отношение по стране составляло 104,6 % и 103,5 %. В 2020–2021 годах относительно 2019 г. ситуация была достаточно благоприятной, но эта тема требует отдельного изучения.

Таблица 1

Регионы с наибольшим и наименьшим отношением заработных плат педагогов дополнительного образования к заработным платам педагогов общего образования за 2013–2020 годы в целом (в руб.)

Table 1

Regions with the Highest and the Lowest Ratios Salaries of Pedagogical Employees of Extracurricular Education to Salaries of Pedagogical Employees of General Education in 2013-2020 (in Rub.)

Регион	Отношение	Регион	Отношение
Ненецкий АО	104,6	Алтайский край	86,8
Республика Бурятия	97,3	Республика Тыва	86,6
Новосибирская область	96,7	Забайкальский край	86,0
Красноярский край	96,2	Вологодская область	85,8
Саратовская область	95,9	Республика Марий Эл	85,5
Сахалинская область	95,9	Астраханская область	85,4
Удмуртская Республика	95,8	Республика Татарстан	83,8
Белгородская область	95,6	Еврейская автономная область	81,0
Владимирская область	95,2	г. Санкт-Петербург	73,2
Ростовская область	95,1	г. Москва	61,0

Источник: составлено автором на основе итогов федерального статистического наблюдения в сфере оплаты труда отдельных категорий работников социальной сферы и науки. URL: https://rosstat.gov.ru/labor_market_employment_salaries (дата обращения: 25.02.2023).

Уровень жизни педагогических работников дополнительного образования в 2013–2020 годах

Отношение заработной платы педагогов дополнительного образования к средней по региону заработной плате или к заработной плате педагогов общего образования даёт важную информацию об их положении, но не позволяет оценить, насколько её хватает для восстановления сил работников и содержания нетрудоспособных членов их семей. Для этого необходимо рассмотреть покупательную способность заработной платы. Мы сравниваем заработную плату педагогических работников с прожиточным минимумом и пытаемся определить, сколько детей может содержать один педагогический работник, обеспечивая себе и им уровень жизни в размере весьма и весьма скромного прожиточного минимума. Допускаем, что у них могут быть доходы от репетиторства, приусадебного участка, сдачи имущества в наём и прочих видов деятельности, но эти доходы не связаны с официальной оплатой труда, поэтому мы их не учитываем.

Как мы видим, в 2013 г. почти в 10 % регионов педагогические работники на свою заработную плату не могли содержать на минимальном уровне даже одного ребёнка, но более чем в половине регионов её хватало для содержания более чем полутора детей (таблица 2). Несмотря на то, что в 2014 г. положение работников немного улучшилось, в 2015 г. в полной мере сказалось влияние

экономических санкций, введённых против России после присоединения Крыма. Число регионов, в которых педагогические работники могли содержать двух и более детей, сократилось в два раза, а количество субъектов РФ, в которых родители не могли содержать одного ребёнка, увеличилось в пять раз и составило почти четверть от всех регионов. К 2017 г. экономика смогла приспособиться к новым условиям, и покупательная способность заработной платы педагогических работников стала улучшаться. В результате число регионов с наиболее низкой покупательной способностью заработной платы сократилось до уровня 2014 г., а в последующие годы и вовсе стало минимальным. Соответственно, число субъектов РФ с наиболее высокой покупательной способностью значительно возросло. Несмотря на снижение доходов бюджета в 2020 г. из-за коронавирусной инфекции и ухудшение показателей, уровень жизни педагогов дополнительного образования по сравнению с 2014 г. формально повысился.

В 2013 г. педагогические работники во всех высокоразвитых регионах с ориентацией на добычу полезных ископаемых, за исключением Республики Коми, могли содержать на свою заработную плату более двух детей (рисунок 2). Несмотря на то, что в финансовых центрах покупательная способность была очень низкой, в Московской области они так же могли содержать более двух детей.

Таблица 2

Распределение регионов России по уровням покупательной способности заработной платы педагогических работников дополнительного образования в 2013–2020 годы

Table 2

Distribution of the Regions of Russia by the Levels of the Purchasing Power of Salaries of Pedagogical Employees of Extracurricular Education in 2013–2020

	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Менее 1 ребёнка	8	4	19	17	4	1	1	2
От 1 до 1,5 детей ²	29	25	35	35	25	14	12	16
От 1,5 до 2 детей	31	31	20	23	34	31	33	35
Более 2 детей	15	23	11	10	22	39	39	32

Источник: расчёты автора на основе данных Росстата.

Рисунок 2. Покупательная способность заработной платы педагогических работников дополнительного образования в 2013 году

Figure 2. Purchasing Power of Salaries of Pedagogical Employees of Extracurricular Education in 2013

Источник: составлено автором на основе данных Росстата.

В развитых регионах с диверсифицированной экономикой (за исключением Самарской области) педагоги могли содержать от полутора до двух детей, что несколько ниже по сравнению с высоко развитыми добывающими регионами. Развитые регионы с ориентацией на обрабатывающую промышленность формировали наиболее неоднородную группу, но покупательная способность в целом там была на уровне регионов с диверсифицированной экономикой. На этом фоне нега-

² Для простого воспроизводства населения требуется, чтобы в семье было два ребёнка, для расширенного – три, поэтому полтора ребёнка означает, что второй родитель, внося свой вклад, делает возможным содержание в семье трёх детей.

тивными показателями выделялась Вологодская область. В свою очередь регионы с ориентацией на добывающую промышленность были самой однородной группой, состоявшей из регионов, в которых педагоги могли содержать от полутора до двух детей.

Менее развитые регионы разделились на две группы. В аграрных регионах предоставляли заработную плату, достаточную для содержания менее полутора детей (в Республиках Калмыкия и Дагестан она была ещё ниже). В группе сырьевых регионов покупательная способность заработной платы была выше, а существующая в ней неодно-

родность обусловлена районными коэффициентами и размерами прожиточного минимума.

Однородность покупательной способности просматривается в показателях среднеразвитых промышленно-аграрных регионов. В них заработной платы педагогов хватало для содержания от полутора до двух детей или от одного до полутора ребёнка, впрочем, последних регионов больше. Аграрно-промышленные регионы показали большее разнообразие, среди них были как лидеры, так и аутсайдеры. Среди последних наиболее низкую покупательную способность заработной платы в масштабе всей страны имели Псковская область и Алтайский край, в которых совершенно невозможно содержать даже одного ребёнка. Проблема низкой оплаты труда педагогов в этих регионах касается всех уровней системы образования.

Как мы отметили выше, в 2020 г. положение педагогов дополнительного образования улучшилось (рисунок 3), что заметно в отношении наиболее развитых регионов. В 2020 г. во всех высокоразвитых регионах вне зависимости от их экономической специализации они могли содержать более двух детей.

Покупательная способность заработной платы педагогов в развитых регионах также значительно повысилась. Все развитые регионы с диверсифицированной экономикой смо-

ли обеспечить заработную плату, достаточную для содержания от полутора до двух детей или более двух детей. Среди развитых регионов с ориентацией на обрабатывающую промышленность лишь три субъекта РФ не относились к группе наиболее с высокой покупательной способностью. В развитых регионах с ориентацией на добывающую промышленность педагоги могли содержать более двух детей и лишь два субъекта РФ смогли обеспечить уровень от полутора до двух детей.

Менее развитые регионы продолжали формировать две группы. Регионы с ориентацией на добывающую промышленность, за исключением Забайкальского края, который демонстрировал очень низкие результаты, заработной платы хватало для воспитания более двух детей. Аграрные регионы, где просматривается большая однородность, показали более низкую покупательную способность. В большинстве из них она позволяла содержать от одного до полутора детей.

Значительно улучшилось положение педагогических работников в среднеразвитых промышленно-аграрных регионах. Среди них осталось всего два региона, в которых заработной платы хватало на содержание от одного до полутора детей. Также в этой группе появилось три региона

Рисунок 3. Покупательная способность заработной платы педагогических работников дополнительного образования в 2020 году

Figure 3. Purchasing Power of Salaries of Pedagogical Employees of Extracurricular Education in 2020

Источник: составлено автором на основе данных Росстата.

с наиболее высокой покупательной способностью. Хорошую динамику показали аграрно-промышленные регионы. Их основу составили регионы с заработной платой, достаточной для содержания от полутора до двух детей.

Несмотря на повышение уровня жизни к 2020 г., уровень экономического развития всё же оказывал влияние на покупательную способность заработной платы. Отметим очевидное, при прочих равных регионы с ориентацией на добычу полезных ископаемых имели более высокую покупательную способность.

Для минимизации годичных колебаний необходимо рассмотреть усреднённое распределение регионов за весь рассматриваемый период (рисунок 4). В целом оно подтверждает выводы для 2013 и 2020 годов, однако колебания, которые происходили в отдельные годы, и постоянные тенденции роста или снижения рассматриваемого отношения на нём не видны.

В высокоразвитых финансовых центрах – городах федерального значения из-за низких на-

чальных показателей покупательная способность была на уровне гораздо менее развитых регионов. Лишь Московская область обеспечивала заработную плату, достаточную для содержания двух и более детей. В высокоразвитых сырьевых регионах педагоги могли воспитывать двух и более детей на протяжении почти всего рассматриваемого периода.

Однородность в виде высокой покупательной способности в развитых регионах с диверсифицированной экономикой позволяла педагогам содержать в среднем более полутора детей. В более неоднородной группе регионов с ориентацией на обрабатывающую промышленность они могли содержать более одного ребёнка. Чуть худшие результаты по сравнению с высокоразвитыми регионами со специализацией на углеводородах показали регионы с ориентацией на добывающую промышленность (педагоги могли содержать более полутора детей).

Среди менее развитых регионов лишь в Забайкальском крае покупательная способность

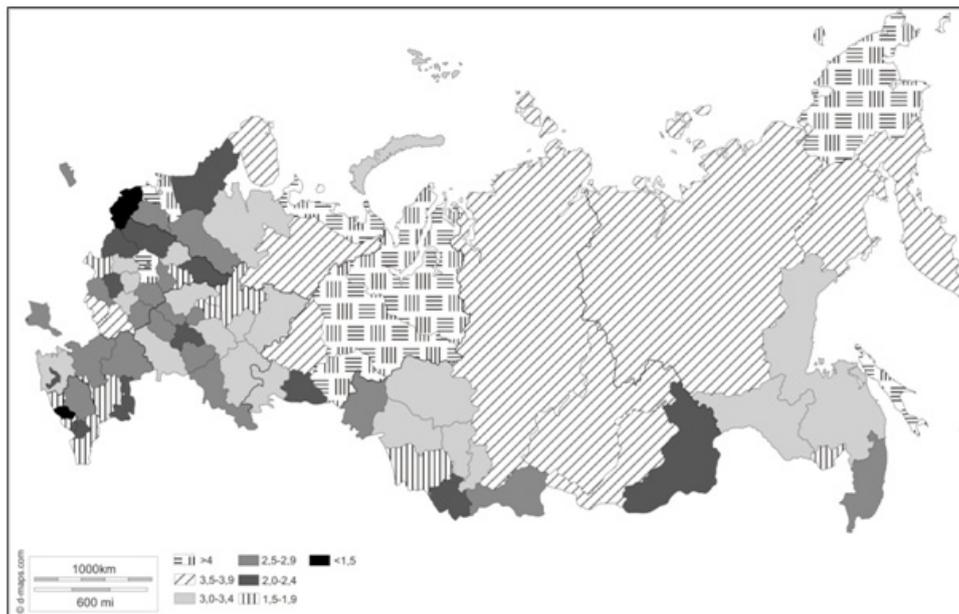

Рисунок 4. Покупательная способность заработной платы педагогических работников дополнительного образования в 2013–2020 годах

Figure 4. Purchasing Power of Salaries of Pedagogical Employees of Extracurricular Education in 2013–2020

Источник: составлено автором на основе данных Росстата.

Примечание: рассматривается весь период в целом; 4 – содержание более двух детей; 3,5–3,9 – содержание не менее полутора детей (в большей части периода – не менее двух); 3,0–3,4 – содержание не менее полутора детей (в отдельные годы – не менее одного); 2,5–2,9 – содержание не менее одного ребёнка (в отдельные годы в некоторых регионах – более двух); 2,0–2,4 – содержание не менее одного ребёнка (в отдельные годы не могли содержать даже одного ребёнка, отсутствие регионов, в которых могли содержать более двух детей); 1,5–1,9 – не могли содержать даже одного ребёнка (менее, чем в половине лет); менее 1,5 – не могли содержать даже одного ребёнка (более, чем в половине лет).

заработной платы была низкой, тогда как в остальных педагогах могли содержать не менее полтора детей. В аграрных регионах юга России (особенно в Республиках Северного Кавказа) она была наиболее низкой в масштабах страны. В них педагоги не могли содержать даже полтора ребёнка. Однако в добывающих регионах, включающих в себя районы Крайнего Севера, покупательная способность выше (педагоги могли содержать не менее полутора детей).

Если сравнить развитые и среднеразвитые регионы, уровень жизни педагогов в последних был явно ниже. Среди них выделялись три региона с наиболее низкой покупательной способностью: Псковская область, Кабардино-Балкарская Республика и Алтайский край. За весь рассматриваемый период педагоги в большинстве среднеразвитых промышленно-аграрных регионов могли содержать не менее одного ребёнка. Вследствие вступивших в силу санкций, в 2015–2016 гг. не было ни одного региона в этой категории, в которых педагоги могли содержать двух и более детей, а в пяти регионах из 15 – заработной платы не хватало на содержание даже одного ребёнка. Ситуация близкая к критической сложилась в аграрно-промышленных регионах, которые показали более низкие результаты, приближённые к менее развитым регионам. Так, в девяти из 25 регионов в отдельные годы заработной платы не хватало для содержания даже одного ребёнка. В среднем же за весь период заработной платы хватало для содержания более полутора детей лишь в пяти регионах.

Заключение

Несмотря на то, что указы Президента России позволили повысить оплату труда педагогов дополнительного образования, приоритет этого вопроса продолжает оставаться невысоким. Если формально поставленная цель была почти достигнута, то фактически заработная плата педагогов в настоящее время всё ещё заметно меньше средней по региону. Низкая оплата труда педагогов дополнительного образования означает низкий уровень жизни педагогов и членов их семей и не позволяет обеспечить даже простое воспроизводство педагогических кадров. В условиях острого военно-экономического противостояния с рядом зарубежных стран недостаточное внимание к оплате труда педагогических работников снижает потенциал страны. Также можно предполагать, что низкая покупательная способность заработной платы является одним из значимых факторов низкой рождаемости в семьях педагогов, хотя вопрос о факторах рождаемости, конечно, нельзя свести только к доходам и уровню жизни населе-

ния. Важной нерешённой проблемой являются большие межрегиональные различия покупательной способности заработной платы педагогов. Необходимы меры, направленные на устранение представленных недостатков, поскольку это позволит повысить качество образования, что положительно повлияет на развитие общества и экономики, так как некоторые недоработки общего образования будут скомпенсированы. Данное направление повышения конкурентоспособности национальной экономики весьма актуально, если учесть, что серьёзные проблемы в системе образования свойственны не только России [11].

Постановка вопроса о введении оплаты труда с учётом нагрузки детьми в семье в условиях демографического кризиса не лишена смысла, хотя из-за противоречивых потенциальных последствий предварительно необходимо очень тщательно оценить её плюсы и минусы. Тем не менее, вероятность такого события можно оценивать как очень низкую. В связи с этим можно выделить три основных направления государственной политики повышения заработной платы педагогов.

Наиболее важным из них является повышение уровня экономического развития регионов и более равномерное экономическое развитие страны. В двух частях статьи мы показали, что в более экономически развитых регионах положение педагогов дополнительного образования в целом лучше, исключения – некоторые регионы с обрабатывающей промышленностью. По сравнению с сельскохозяйственными лучше ситуация обстоит в добывающих регионах. Следовательно, более высокий ВРП на душу населения, более диверсифицированная экономика или специализация на более экономически выгодной деятельности позволяют поддерживать более высокий уровень жизни педагогов и членов их семей.

Вторым направлением является регулирование доходов и расходов педагогов. К ним можно отнести, например, льготы по ЖКХ и проезд в общественном транспорте (особенно в сельской местности), более быстрое движение в очереди на получение жилья, ускоренное получение мест в дошкольные образовательные организации, предоставление оборудования (например, компьютеров, принтеров и проекторов для сельских педагогов) за счёт средств бюджетов, компенсацию стоимости путёвок и проезда к месту отдыха. Также необходимо дальнейшее повышение заработной платы педагогических работников, в первую очередь базовой части, которая не зависит от дополнительных выплат. Выгодополучателями в таком случае становятся производители товаров и услуг, так как низкий уровень жизни ограничивает спрос на них.

Третье направление включает в себя прочие меры. Среди них наиболее значимой является повышение спроса на дополнительное образование, особенно в сельской местности (в первую очередь в сферах массового спорта и эстетики), которое возможно в условиях большей информированности населения о важности дополнительного образования.

Некоторый эффект даст усиление информационно-аналитического сопровождения реализуемой политики, например, публикация данных не только о средней заработной плате педагогов, но и о медианной заработной плате. О значимости дополнительного образования необходимо говорить и представителям органов власти, которые не всегда понимают его важность и необходимость для социально-экономического развития территории. Без желания властей реально улучшить ситуацию ни одна мера не будет эффективной, а если не решать проблему низкой оплаты труда педагогов, не увеличивать государственные и муниципальные расходы Концепция развития дополнительного образования детей на период до 2030 г. не будет эффективным инструментом государственной политики.

Необходим мониторинг, целью которого является проверка соответствия заработной платы педагогов стоимости определённого набора товаров и услуг, который вряд ли будет введён, так как он покажет их низкий уровень жизни. Тем не менее подход, использующий в качестве границ уровня жизни прожиточный минимум и систему бюджетов разных уровней [12–14], является перспективным, поскольку позволяет сравнивать территории и профессиональные группы в рамках единой методологии и способен повысить качество управления социально-экономическими процессами.

Однако сводить все проблемы к заработной плате было бы неверно. Необходимо более глубокий анализ, который включал бы широкий круг вопросов социально-экономического характера, особенно в отношении статуса и социального самочувствия педагогов. Требуется больше исследований всех уровней системы образования, проводимых по подобию [15]. Желательно, чтобы они были репрезентативны на федеральном уровне, впрочем, и региональный уровень способен дать важную информацию об имеющихся тенденциях, а также мнении и отношении к ним педагогического сообщества, родителей и детей.

Данная и предыдущие наши статьи показали, что санкции, введённые против России в 2014 г., привели к значительному снижению уровня жизни педагогических работников на всех уровнях системы образования. Усиление санкционного

давления будет иметь следствием замедление экономического развития страны и бюджетный дефицит, что приведёт к ухудшению положения всех работников бюджетного сектора в целом и работников системы образования в частности. Меры, которые должны помочь избежать негативного развития событий в сфере дополнительного образования, следует начинать разрабатывать уже сейчас. И в первую очередь они должны касаться оплаты труда и уровня жизни педагогических работников, чей вклад в развитие научно-технического потенциала страны нельзя недооценивать, так как дополнительное образование нацелено на гармоничное развитие личности. При этом акцент должен делаться не на элитарном, а на массовом образовании. В противном случае в небольшом числе регионов будет наблюдаться концентрация детей, чей потенциал смогли раскрыть, а на остальной территории страны будет происходить дальнейшее снижение уровня и качества жизни [16].

Для достижения массовости в условиях низких доходов в семьях с детьми государство должно взять на себя как можно больше затрат на осуществление дополнительного образования. В первую очередь необходимо повышать долю бесплатного образования и модернизировать имеющуюся сеть организаций, что особенно важно для сельской местности и малых городов, так как в условиях крайне низкого уровня жизни родители зачастую имеют более важные расходы, а слабая транспортная инфраструктура ограничивает пространственную доступность образования и развитие детей. В результате наблюдаемый спрос на дополнительное образование там ниже по сравнению с реально имеющимся. Несмотря на то, что при школах и библиотеках ведётся определённая работа, сотрудники этих организаций не всегда владеют направлениями подготовки, которые интересны детям (например, современные танцы, иностранные языки, компьютерная техника и тому подобные). Максимально бесплатным дополнительное образование должно быть и в городской местности, поскольку в современных реалиях в крупных городах даже двое детей зачастую означает бедность семьи [17]. В своё время Е.Ф. Канкрин, министр финансов Российской Империи, который по долгу службы должен был минимизировать расходы, отмечал, что в отношении государственных учебных заведений «никогда не следует помышлять о доходах» [18, с. 258]. Безусловно, он прав, так как раскрытие даже одного одарённого ребёнка с лихвой отобьёт все затраты на содержание сети образовательных организаций, будет способствовать развитию соответствующих тематических направлений

и вовлечению в них новых талантливых детей. Мы видели это в советский период на примерах авиамоделирования, космоса и хоккея. В условиях очень слабого здоровья современных детей и недостатка эстетического воспитания развитие системы дополнительного образования (массо-

вого спорта, а не спорта высоких достижений, живописи и музыки) является шагом, который позволит сэкономить в будущем значительные государственные и личные финансовые ресурсы на здравоохранение, поддержание общественного порядка и развитие гражданского общества.

Список литературы

1. Голяшев А.В., Григорьев Л.М. Типы российских регионов: устойчивость и сдвиги в 2003–2013 годах. М.: Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации. 2014. 48 с.
2. Белехова Г.В., Россошанский А.И., Чекмарева Е.А. Возможности повышения уровня жизни населения за счёт роста заработной платы // Вопросы территориального развития. 2015. № 8(28). С. 1–16. URL: http://vtr.isert-ran.ru/article/1632?_lang=en (дата обращения: 25.01.2023). EDN UZEPUZ
3. Левченко О.В. Влияние покупательной способности населения на смертность детей до 5 лет // Здоровье населения и среда обитания. 2016. № 12(285). С. 7–10. EDN XDDEEYV
4. Левченко О.В. Влияние покупательной способности населения на младенческую смертность // Здоровье населения и среда обитания. 2017. № 1(286). С. 33–36. <https://doi.org/10.35627/2219-5238/2017-286-1-33-36>; EDN XXRFJH
5. Литвинцева Г.П. Денежные доходы населения регионов России с учётом покупательной способности рубля и скрытых доходов // Вопросы статистики. 2008. № 6. С. 29–38. EDN MTGWRX
6. Литвинцева Г.П., Воронкова О.В., Стукаленко Е.А. Региональное неравенство доходов и уровень бедности населения России: анализ с учётом покупательной способности рубля // Проблемы прогнозирования. 2007. № 6(105). С. 119–131. EDN ICUBVF
7. Литвинов В.А. Покупательная способность россиян в условиях кризиса // Уровень жизни населения регионов России. 2009. № 8–9. С. 98–104. EDN MBWJJB
8. Сеница А. Л. Заработная плата как фактор размера семьи педагогических работников общего образования // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. 2019. Т. 17. С. 415–435. https://doi.org/10.29003/m828.sp_ief_gas2019/415-435; EDN JIVKKBG
9. Ржаницина Л.С., Соболева И.В. О методологии определения показателя прожиточного минимума // Уровень жизни населения регионов России. 2012. № 10–11. С. 98–108. EDN NRSGZO
10. Корнейчук Б.В. Новая методика расчёта прожиточного минимума: проблемы теории и практики // Экономическая политика. 2021. Т. 16. № 6. С. 120–139. <https://doi.org/10.18288/1994-5124-2021-6-120-139>; EDN GYGUIQ
11. Гудлэд Дж. Вот что называется школой. М.: Просвещение. 2008. 475 с.
12. Квалиметрия жизни / Г.Г. Азгальдов, В.Н. Бобков, В.Я. Ельмеев, Ю.С. Перевошиков, В.А. Беляков. М.: Всероссийский центр уровня жизни. 2006. 820 с. EDN QOGJYF
13. Бобков В.Н. Вопросы теории, методологии изучения и оценки качества и уровня жизни населения // Уровень жизни населения регионов России. 2009. № 6. С. 3–15. EDN LMBGRR
14. Бобков В.Н. Экономические аспекты демографической политики в России // Уровень жизни населения регионов России. 2013. № 3. С. 4–6. EDN QAMNBR
15. Мониторинг эффективности школы. Что изменилось в работе учителя за последние годы (2014–2017 гг.) / Е.М. Аврамова, Т.Л. Клячко, Д.М. Логинов, Е.А. Полушкина, Е.А. Семионова, Г.С. Токарева / гл. ред. Т.Л. Клячко. М.: РАНХиГС, 2018. 35 с. URL: <https://www.ranepa.ru/images/News/2018-04/24-04-2018-3-monitoring-shkola.pdf> (дата обращения: 25.01.2023).
16. Сеница А.Л. Проблемы и тенденции развития массовой и элитарной систем общего образования в регионах Крайнего Севера // Арктика и Север. 2021. № 44. С. 173–200. <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2021.44.173>; EDN GPFIZV
17. Елизаров В.В., Сеница А.Л. Факторы бедности семей с детьми и перспективы её снижения // Уровень жизни населения регионов России. 2019. № 2(212). С. 63–75. <https://doi.org/10.24411/1999-9836-2019-10065>; EDN MZVLOC
18. Канкрин Е.Ф. Мировое богатство, национальное богатство и государственное хозяйство, или Новый взгляд на политическую экономию // Мировое богатство и национальная экономика. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2018. С. 133–309.

Информация об авторе:

Арсений Леонидович Сеница – канд. экон. наук, научный сотрудник лаборатории экономического образования экономического факультета, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (e-mail: sinitsa@econ.msu.ru) (e-library AuthorID: 574240) (ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8026-0619>) (ResearcherID: E-6607-2017) Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 03.10.2022; одобрена после рецензирования 02.05.2023; принята к публикации 16.05.2023.

References

1. Golyashev A.V., Grigor'ev L.M. Types of Russian regions: Stability and shifts in 2003–2013. Moscow: Analiticheskii tsentr pri Pravitel'stve Rossiiskoi Federatsii, 2014. 48 p. (In Russ.)
2. Belekhova G.V., Rossoshanskii A.I., Chekmareva E.A. Opportunities to improve living standard of the population due to the growth of wages. *Voprosy territorial'nogo razvitiya=Territorial Development Issues*. 2015;8(28):1-16. URL: http://vtr.isert-ran.ru/article/1632?_lang=en. (date of vizit: 25.01.2023) (In Russ.)
3. Levchenko O.V. The effect of the purchasing power of the population on the mortality of children under 5 years. *Zdorov'e naseleniya i sreda obitaniya=Public Health and Life Environment*. 2016;12(285):7-10. (In Russ.)
4. Levchenko O.V. The effect of the purchasing power of the population on infant mortality. *Zdorov'e naseleniya i sreda obitaniya=Public Health and Life Environment*. 2017;1(286):33-36. (In Russ.) <https://doi.org/10.35627/2219-5238/2017-286-1-33-36>
5. Litvintseva G.P. Monetary income of population of regions of Russia with account of purchasing power of ruble and hidden income. *Voprosy Statistiki*. 2008;(6):29-38. (In Russ.)
6. Litvintseva G.P., Voronkova O.V., Stukalenko E.A. Regional income inequality and poverty level in Russia: An analysis adjusted for the purchasing power of the ruble. *Problemy prognozirovaniya*. 2007;6(105):119-131. (In Russ.) <https://doi.org/10.1134/S1075700707060081>
7. Litvinov V.A. Purchasing power of Russians in the crisis. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2009;(8-9):98-104. (In Russ.)
8. Sinitsa A.L. Salaries as a factor of the family size of the pedagogical employees in general education. *Nauchnye trudy: Institut narodnokhozyaistvennogo prognozirovaniya RAN=Transactions of the Institute for National Economic Forecasts RAS*. 2019;17:415-435. (In Russ.) https://doi.org/10.29003/m828.sp_ief_ras2019/415-435
9. Rzhantsina L.S., Soboleva I.V. On the methodology for determining the subsistence level indicator. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2012;(10-11):98-108. (In Russ.)
10. Korneichuk B.V. New methodology for calculating the subsistence minimum: problems of theory and practice. *Ekonomicheskaya politika=Economic Policy*. 2021;16(6):120-139. (In Russ.) <https://doi.org/10.18288/1994-5124-2021-6-120-139>
11. Goodlad J. A place called school. Moscow: Prosveshchenie, 2008. 475 p. (In Russ.)
12. Azgal'dov G.G., Bobkov V.N., El'meev V.Ya., Perevoshchikov Yu.S., Belyakov V.A. Qualimetry of life. Moscow: All-Russian Center for Living Standards, 2006. 820 p. (In Russ.)
13. Bobkov V.N. Questions of the theory, methodology of studying and assessing the quality and standard of living of the population. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2009;(6):3-15. (In Russ.)
14. Bobkov V.N. Economic aspects of demographic policy in Russia. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2013;(3):4-6. (In Russ.)
15. Avraamova E.M., Klyachko T.L., Loginov D.M., Polushkina E.A., Semionova E.A., Tokareva G.S. Monitoring school effectiveness. What has changed in the teacher's work in recent years (2014–2017). T.L. Klyachko (ed.). Moscow: RANKhiGS, 2018. 35 p. URL: <https://www.ranepa.ru/images/News/2018-04/24-04-2018-3-monitoring-shkola.pdf> (accessed: 25.01.2023). (In Russ.)
16. Sinitsa A.L. Problems and trends in the development of mass and elitist systems of general education in the Far North. *Arktika i Sever=Arctic and North*. 2021;(44):173-200. (In Russ.) <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2021.44.173>
17. Elizarov V.V., Sinitsa A.L. Factors of poverty of families with children and prospects of its reduction. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2019;2(212):63-75. (In Russ.) <https://doi.org/10.24411/1999-9836-2019-10065>
18. Cancrin E.F. World wealth, national wealth and the state economy, or a new look at political economy. In: World wealth and national economy. Moscow: Delo Publishing House, RANEPa. 2018; 133-309. (In Russ.)

Information about the author:

Arsenii L. Sinitsa – PhD in Economics, researcher of the Laboratory for Economic Education, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
 (e-mail: sinitsa@econ.msu.ru) (elibrary AuthorID: 574240) (ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8026-0619>) (ResearcherID: E-6607-2017)
 The author declares no conflicts of interests.

The article was submitted 03.10.2023; approved after reviewing 02.05.2023; accepted for publication 16.05.2023

Оригинальная статья

УДК 331.543

DOI: 10.52180/1999-9836_2023_19_2_3_181_198

EDN: FKPACL

Выпускники экономических специальностей: сферы занятости и поколенческие особенности

Ольга Александровна Золотина¹, Мария Александровна Серпухова²

^{1,2} Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

¹ (zolutina.o@gmail.com), (ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1757-2131>)

² (mserpuhova@gmail.com), (ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6132-1735>)

Аннотация

Вопросы поиска работы, трудоустройства и качества занятости молодёжи являются актуальными, поскольку представители этой социально-демографической группы находятся на этапе формирования трудовых стратегий, и от параметров перехода от обучения к работе во многом зависят их будущая профессиональная жизнь и положение на рынке труда. Настоящее исследование посвящено изучению ключевых сфер занятости выпускников системы высшего образования в области экономики и управления. В качестве основных сфер, которые выбирают выпускники экономических специальностей, выделены работа по найму в бизнесе, занятость в сфере государственного управления, в образовательных или научных учреждениях, предпринимательство, проектная работа (фриланс). В результате определены основные характеристики трудоустройства и работы выпускников, а также специфические особенности профессионального развития в соответствующих сферах занятости. Специфические характеристики работы, которые различаются по сферам занятости – вероятность получения сравнительно более высокой зарплаты, должности и ответственности высокого уровня, уровня удовлетворённости и соответствия работы полученному образованию. Базой для анализа послужили мониторинговые исследования в отношении выпускников Экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова – ежегодное анкетирование студентов выпускного курса и мониторинг жизненных траекторий специалистов разных лет выпуска. Полученные результаты могут использоваться специалистами-исследователями для углубления понимания положения и развития карьеры выпускников вузов на рынке труда, учащимися системы высшего образования – для определения наиболее перспективных и привлекательных сфер занятости с учётом своих приоритетов, абитуриентами – для более взвешенного и информированного выбора направления подготовки в вузе.

Ключевые слова: занятость молодёжи, переход «учёба–работа», выпускники экономических специальностей, рынок труда, сферы занятости, профессиональные траектории, вуз

Для цитирования: Золотина О.А., Серпухова М.А. Выпускники экономических специальностей: сферы занятости и поколенческие особенности // *Уровень жизни населения регионов России*. 2023. Том 19. № 2. С. 181–198. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_2_3_181_198; EDN FKPACL

RAR (Research Article Report)

DOI: 10.52180/1999-9836_2023_19_2_3_181_198

EDN: FKPACL

Economics and Management Graduates: Employment Profiles and Generational Features

Ol'ga A. Zolutina¹, Mariya A. Serpukhova²

^{1,2} Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

¹ (zolutina.o@gmail.com), (ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1757-2131>)

² (mserpuhova@gmail.com), (ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6132-1735>)

Abstract

The issues of job search, employment and professional development of young people are relevant, since representatives of this socio-demographic group are at the stage of forming labor strategies, and their future professional life and position in the labor market largely depend on the parameters of the transition from training to work. The purpose of this study is to define the key areas of employment for higher education graduates in the field of economics and management. The main areas for graduates of economic specialties are employment in business, employment in public administration, in educational or scientific institutions, entrepreneurship, and project work (freelance). As a result, the main characteristics of job-searching and work defined, and specific features of professional development in these relevant areas of employment are determined. The characteristics of the job, which differ by area of employment, are the level of salary, the level of positions and responsibilities, the level of satisfaction and correspondence of the work to the education. The analysis is based on monitoring studies on graduates of the Faculty of Economics of Lomonosov Moscow State University: an annual survey of graduate students and monitoring the life trajectories of specialists from different years of graduation. The results of the survey can be used by researchers to deepen understanding of the position and career development of university graduates in the labor market, by university students – to determine the most promising and attractive areas of employment, taking into account their priorities, by school graduates and their parents – for making choice of the specialty at the university.

Keywords: youth employment, study to work transition, economics and management graduates, labor market, parameters of employment, career paths, university

For citation: Zolutina O.A., Serpukhova M.A. Economics and Management Graduates: Employment Profiles and Generational Features. *Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2023. Vol. 19. No 2. P. 181–198. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_2_3_181_198

Введение

Объектом исследования являются вопросы трудоустройства и занятости выпускников вузов.

Предмет исследования – профессиональные и карьерные траектории выпускников экономических специальностей.

Цель. Определить ключевые сферы занятости, их характеристики и особенности для выпускников экономической специальности.

Гипотеза. Сферы занятости в области экономики и менеджмента обладают разными специфическими характеристиками, которые влияют на работу и развитие сотрудников.

Экономика и менеджмент традиционно были популярными сферами для выбора профессии. Внутри этой профессиональной области есть различные сферы деятельности и специализации. При этом на государственном уровне нет источников надёжной информации о востребованности профессий в будущем, поэтому исследования отдельных авторов являются важным приращением знания, которые могут помочь понять тренды на основе ретроспективного анализа.

Вопросам оценки карьерных траекторий выпускников учреждений высшего и среднего профессионального образования по профессиональным группам в последние годы посвящено много работ, поэтому можно говорить о достаточно высоком уровне изученности проблемы. Однако анализ проводится по разным профессиональным сферам и отдельным аспектам профессионального развития выпускников, и эта своеобразная «лоскутность» исследовательского освоения темы дополнительно обосновывает актуальность продолжения изучения вопроса о профессиональных и карьерных траекториях выпускников. Так, в статье «Экономический анализ карьерных траекторий выпускников высших учебных заведений» [1] на основе данных Российского мониторинга экономики и здоровья изучены детерминанты нахождения работы по специальности, удовлетворённости от неё, мотивации должностного роста для выпускников различных специальностей. Делается вывод о том, что в направлении подготовки «Экономика и менеджмент» ситуация с нахождением места работы является более конкурентной, чем, например, в сферах «Медицина» и «Биология». Также показано, что наличие потребности со стороны рынка труда помогает найти работу и тем выпускникам, которые после окончания вуза испытывали проблемы с трудоустройством. В статье «Анализ взаимосвязи доходов и отдачи от профессионального образования» [2] сопоставляются выгоды и издержки получения высшего образования. Анализ прово-

дится по укрупнённым группам специальностей (УГС), связанным с педагогикой, юриспруденцией, медициной, инженерными и гуманитарными направлениями подготовки. В частности, сделан вывод о наличии высокой отдачи от обучения в вузе для выпускников юридических и экономических специальностей. Однако при том, что траектории развития экономистов и юристов значительно различаются, анализ в статье проводится по обобщённой группе. Интересны исследования, посвящённые анализу образовательных и карьерных путей молодёжи [3, 4], где делаются выводы о том, что траектории молодёжи в России являются более гладкими, чем у выпускников вузов в других странах, и на формирование индивидуальной траектории влияют параметры человеческого капитала и социально-экономического статуса выпускника. При этом в исследованиях формирования профилей выпускников [5] доказано, что успешность данного процесса во многом зависит от системы комплексного взаимодействия образования и рынка труда, а также от опыта совмещения учёбы и работы [6]. Есть и исследования, посвящённые особенностям и рискам построения карьеры определённых типов работников – например, в статье «Работники-перфекционисты: главные качества и особенности управления карьерным ростом» [7] даются рекомендации относительно направлений изменения личностных установок для успешного управления карьерой.

Как правило, для принятия решения о выборе направления подготовки абитуриенты анализируют профессиональные позиции выпускников тех или иных вузов. Поэтому для практического понимания тенденций и параметров занятости полезной для будущих выпускников является информация о закономерностях развития карьеры тех, кто получил аналогичное образование ранее. В связи с этим в работе представлены результаты анализа сфер занятости выпускников в сфере экономики и управления на примере Экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (ЭФ МГУ) и систематизированы параметры профессионального и карьерного развития в зависимости от сферы их трудоустройства.

Методология исследования.

Описание выборки

По итогам анализа статистики рынка труда молодёжи и основных государственных приоритетов содействия занятости выпускников¹ можно выделить для анализа несколько направлений

¹ Долгосрочная программа содействия занятости молодёжи на период до 2030 года. Утверждена Распоряжением Правительства РФ от 14.12.2021 №3581-п URL:<http://static.government.ru/media/files/rPqTKcZXAGKm9YF3xVcoANo-HZSUnnpE6.pdf> (дата обращения: 14.03.2023).

трудоустройства выпускников экономических специальностей: работа по найму в бизнесе, работа в сфере государственного управления, предпринимательство, проектная работа. Под проектной работой, или фрилансом, мы понимаем работу частного специалиста для заказчика без заключения трудового договора. По сути, фриланс является аналогом самозанятости. До настоящего времени в нормативно-правовом регулировании определение фрилансера формально не закреплено, однако оно активно используется на практике. В частности, в долгосрочной стратегии содействия занятости молодёжи в Российской Федерации развитие предпринимательства и фриланса выделяются как приоритетные сферы для содействия занятости во время учёбы. Таким образом, интересный исследовательский вопрос для долгосрочного мониторинга – набирают ли эти сферы популярность и остаются ли эти траектории устойчивыми у выпускников после завершения образования. Также, по данным статистики рынка труда, одной из востребованных сфер занятости именно молодёжи [8] и, в частности, выпускников вузов, является работа в сфере образования. Поэтому в качестве одной из сфер занятости для анализа траекторий выпускников экономического факультета выделена работа в образовательном или научно-исследовательском учреждении.

Базой для анализа выступали мониторинговые исследования выпускников экономического факультета МГУ: ежегодное анкетирование студентов выпускного курса (проводится перед получением студентами дипломов) и первая волна мониторинга выпускников факультета разных поколений.

Мониторинг выпускников Экономического факультета разных поколений был разработан в рамках проекта «Развитие системы взаимодействия с выпускниками». Целью мониторинга является исследование карьерных и профессиональных траекторий выпускников Экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, проведение оценки качества образования. В качестве генеральной совокупности выступает база контактов выпускников факультета с 1976 г. Первое исследование профессиональных и жизненных траекторий выпускников факультета разных поколений было проведено в 2020 г., следующая его волна запланирована на 2023 г. В опросе приняли участие выпускники с 1968 по 2020 гг. выпуска. Общее число респондентов – 458 человек. Объект мониторинга: выпускники специалитета, бакалавриата и магистратуры, поскольку до 1995 г. велась подготовка вы-

пускников квалификации «специалист», а с 1995 г. по настоящее время – «бакалавр» и «магистр».

Ежегодное анкетирование выпускников проводится с 2015 г. на Экономическом факультете МГУ. Наибольшую группу прошедших анкету составляют студенты, окончившие программы бакалавриата (направление «Экономика» или «Менеджмент») и магистратуры (направление «Экономика» или «Менеджмент»), а также с 2020 г. – «Финансы и кредит»). Блоки опроса в анкете включают в себя вопросы об общей информации о выпускнике, его научных предпочтениях, пройденных практиках, стажировках, обратной связи по пройденному обучению, а также касаются карьеры и занятости. В финальную выборку данного исследования вошли 579 опрошенных в 2020–2022 гг. (выпускников ЭФ МГУ), которые на момент окончания бакалавриата (45 %) или магистратуры (55 %) имели работу.

С целью изучения профессиональных траекторий выпускников экономического профиля были проанализированы следующие показатели:

– по базе **ежегодного анкетирования выпускников**: *Уровень зарплаты; Уровень должности (количество сотрудников в подчинении); Рабочее время;*

– по базе **«мониторинга выпускников разных поколений»**: *Уровень зарплаты; Уровень должности (количество сотрудников в подчинении); Оценка соответствия работы полученному на экономическом факультете образованию; Уровень удовлетворённости работой.*

В ходе исследования также оценивалось, есть ли различия в характеристиках работы у выпускников бакалавриата и магистратуры одного периода выпуска.

Результаты исследования

С целью выявления изменений в выборе профессиональных траекторий, а также их параметров среди выпускников прошлых лет авторами исследования была проведена группировка респондентов разных годов выпуска по условным «поколениям», которая представлена в таблице 1. Анализ параметров занятости проводился на основе ответов тех респондентов, которые указали, что у них есть работа и ответили на вопросы о её характеристиках. Таким образом выборка составила 351 чел.

До анализа распределения выпускников разных поколений по сферам занятости авторами была проведена оценка нескольких показателей, отражающих стратегию построения карьеры: наличие работы во время обучения на экономическом факультете и способ поиска текущего места работы (рисунки 1).

Таблица 1

Занятые выпускники разных поколений. Структура выборки

Table 1

Working Graduates by Generations. Sample Structure

	Уровень подготовки		
	Специалитет	Бакалавриат	Магистратура
до 1995 года	7 %	—	—
1996–2005 гг.	—	8 %	5 %
2006–2010 гг.	—	6 %	5 %
2011–2015 гг.	—	15 %	9 %
2016–2020 гг.	—	26 %	18 %

Источник: составлено авторами на основе данных Мониторинга профессиональных и жизненных траекторий выпускников Экономического факультета разных поколений, 2020 г.

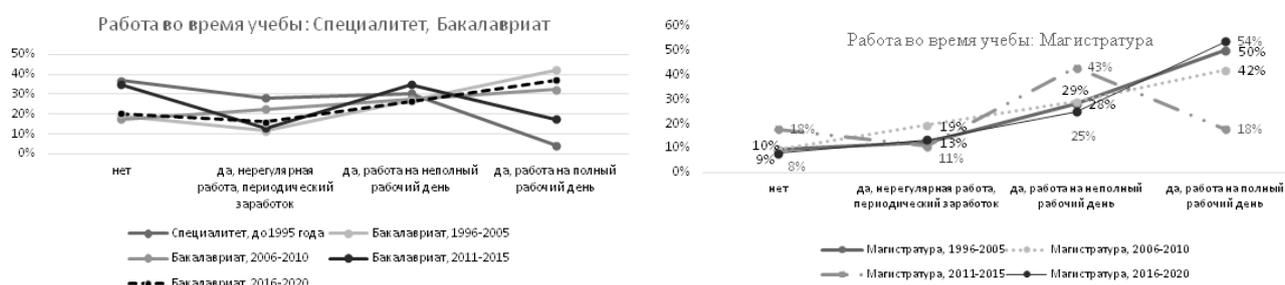

Рисунок 1. Совмещение работы и учёбы выпускниками разных поколений

Figure 1. Combining Work and Study by Different Generations of Graduates

Источник: разработано авторами на основе данных мониторинга разных поколений выпускников экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

Достаточно показательно, что среди выпускников уровня подготовки «Специалист» (до 1995 г. включительно) 37 % респондентов во время учёбы не работали. Среди выпускников более поздних поколений лет тех, кто не работал, на уровне бакалавриата – около 20 %, на уровне магистратуры – около 10 %. Исключения составляют выпускники бакалавриата и магистратуры 2011–2015 гг. Для них повышается вероятность не работать или работать с частичной занятостью во время учёбы, что может быть связано с экономическим кризисом 2010 г.

В то же время, согласно данным ежегодного анкетирования студентов на момент выпуска, среди ответов респондентов на вопрос, касающийся их текущей занятости («Работаете ли Вы в настоящее время?»), оказалось, что в период с 2015 по 2022 гг. более 34 % выпускников имели место работы на момент выпуска (рисунок 2). При этом по данным исследований [6, 9], стратегия совмещения работы и учёбы говорит о более высоком уровне психологического благополучия студентов.

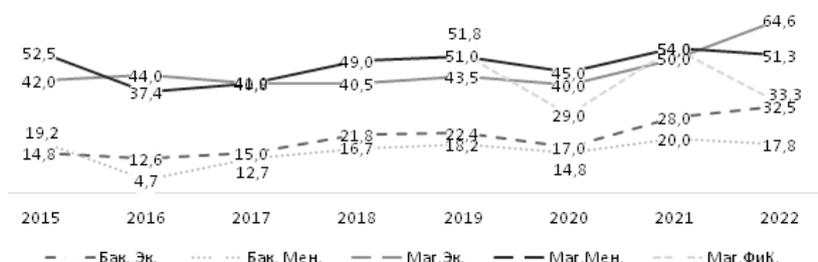

Рисунок 2. Трудоустройство выпускников бакалавриата и магистратуры 2015–2022 гг. выпуска на момент получения диплома

Figure 2. Employment of Bachelor and Master Students 2015–2022 at the Time of Graduation

Источник: на основе данных ежегодного анкетирования на выпуске.

Согласно полученным данным, на протяжении исследуемого периода, уровень трудоустройства среди выпускников магистратуры был стабильно выше, чем среди выпускников бакалавриата, в 2022 г. такой разрыв составлял около 25 %. Полученные данные можно объяснить тем, что на ЭФ МГУ большинство магистрантов получают образование в вечернее время, что позволяет им успешнее совмещать работу и учёбу.

Таким образом, современные поколения выпускников, вышедшие на рынок труда в период перехода трудовых отношений на рыночные принципы, начали получать профессиональный опыт во время обучения в вузе.

По способам поиска работы, которыми выпускники разных поколений пользуются в настоящее время, можно сделать выводы, что наиболее удобным инструментом является поиск работы через интернет – каждый четвёртый выпускник нашёл последнее место работы таким способом. Второй по популярности канал – это профессиональные контакты, основанные на профессиональной репутации выпускников: вариант ответа «Меня нашли сотрудники той организации, в которой я работаю, или рекрутинговое агентство» указали 23 % ответивших. Далее также следует канал, связанный с профессиональными связями, но наработанными, в первую очередь, при обучении на ЭФ МГУ: «Через друзей, выпускников, преподавателей, Центр карьеры экономического факультета» нашли работу 20 % ответивших. 16 % выпускников

нашли работу через нетворкинг-канал – с помощью друзей/знакомых/родственников не с экономического факультета. Ещё один эффективный и достаточно популярный способ трудоустройства – самостоятельная отправка резюме работодателю или отклик через карьерный сайт компании, о таком способе трудоустройства сообщили 15 % выпускников.

Выпускники выбирают для себя следующие приоритетные сферы занятости: работа по найму в коммерческих и некоммерческих структурах, в частности, в организациях, работающих в сфере образования и науки и в сфере государственного управления; предпринимательство и проектная деятельность. На рисунке 3 показано распределение по сферам занятости для выпускников разных поколений.

По результатам анализа выявлена специфика предпочитаемых сфер занятости у выпускников до 1995 г.: выбор их первого места работы пришёлся на Советский или ранний постсоветский период, но данная группа респондентов до настоящего времени в значительной степени остаётся работать в сфере образования и науки.

Согласно данным, полученным в результате «анкетирования на выпуске», наибольшая доля выпускников в последние годы чаще всего трудоустроена в коммерческих компаниях (63 %), более 15 % работают в частной организации, 9 % – в госструктурах. При этом, рассматривая данные по годам отдельно, можно выделить ряд тенденций (рисунок 4).

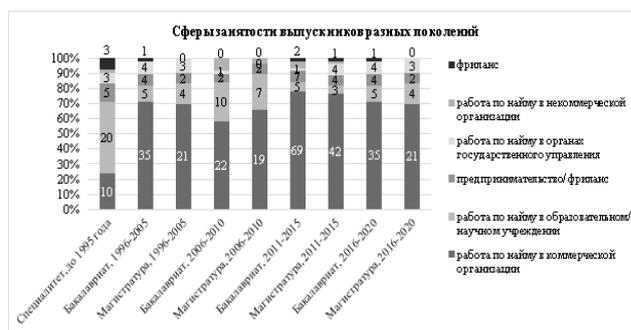
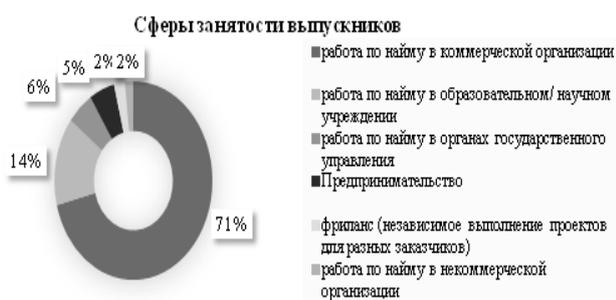

Рисунок 3. Сферы занятости выпускников экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова разных поколений

Figure 3. Fields of Employment of Graduates of Different Generations

Источник: разработано авторами на основе данных мониторинга выпускников разных поколений.

Рисунок 4. Сферы занятости выпускников экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова 2020–2022 гг.

Figure 4. Fields of Employment of 2020–2022 Graduate Students

Источник: на основе данных ежегодного анкетирования на выпуске.

Так, наблюдается устойчивая тенденция снижения занятости в коммерческих компаниях с 65 % в 2020 г. до 61 % в 2022 г., тогда как работа в собственном бизнесе, проектная деятельность или фриланс становится всё более привлекательной сферой среди студентов: доля трудоустроенных в этих сферах в сумме выросла с 2 % в 2020 г. до 7 % к 2022 г. от всех работающих опрошенных соответствующего периода. Важно отметить, что прирост в области «работы на себя» реализовался преимущественно за счёт студентов бакалавриата.

Полученные результаты в целом соответствуют общероссийским данным: число фрилансеров к 2022 г. по сравнению с 2014 г. выросло более чем в 4 раза². При этом согласно исследованию специалистов ВНИИ труда [10], вероятность перехода к фрилансу увеличивается с каждым следующим уровнем образования.

Систематизация данных о распределении занятости выпускников (2020–2022 гг.) в целом по типам компаний и уровню образования представлена на рисунке 5.

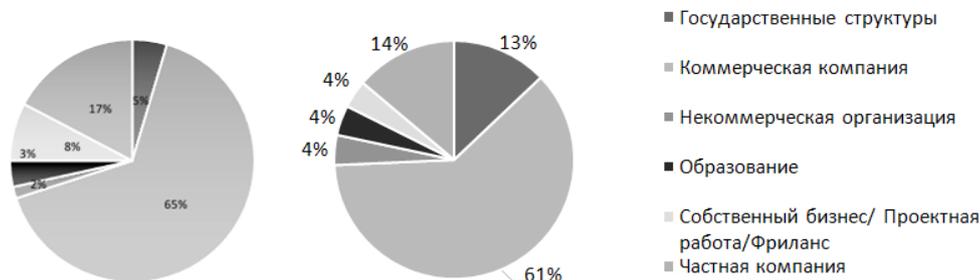

Рисунок 5. Распределение выпускников экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова 2020–2022 гг. по сферам занятости и уровню образования

Figure 5. Distribution of EF MSU Graduates 2020-2022 by Areas of Employment and Level of Education

Источник: на основе данных ежегодного анкетирования на выпуске.

Сравнивая выбор типа компании у выпускников бакалавриата и магистратуры ЭФ МГУ (2020–2022 гг.), оказалось, что, несмотря на схожее распределение в целом, доля бакалавров, занятых в коммерческих и частных компаниях, на 4% и 3%, соответственно, выше чем магистров, тогда как последние, в свою очередь, чаще трудоустраиваются в государственные структуры (доля магистров на 8% больше, чем бакалавров), что может

быть обусловлено более высокими требованиями к уровню образования в данных организациях.

В соответствии с целью данного исследования авторами проведён анализ специфических характеристик сфер занятости выпускников.

Среди ограничений базы данных «Мониторинга поколений» оказалось отсутствие данных о заработной плате для тех, кто занимается предпринимательством. Также можно отметить ограниченный объём выборки респондентов, работающих на условиях проектной занятости и занятых в некоммерческих организациях. Тем

² Прогноз PwC, основанный на данных Национальной гильдии фрилансеров и J'Son&Partners // Технологии Доверия, 2021. URL: <https://tedo.ru> (дата обращения: 14.03.2023).

не менее, для всех остальных сфер, где выпускники работают по найму, можно оценить основные заявленные характеристики занятости и развития карьеры.

Среди важных показателей выбора вакансии, сферы деятельности, а также признания карьерных достижений можно выделить *уровень заработной платы*. Так, анализируя оплату труда по сферам занятости и поколениям выпускников ранних лет (рисунок 6), можно сделать вывод о том, что наиболее высокий уровень заработной платы при работе в бизнесе.

Если проанализировать распределение заработных плат по поколениям выпускников (таблица 2), то можно сделать вывод о том, что выпускники старших поколений, до 1995 г. выпуска,

преимущественно, зарабатывают до 80 тыс. руб. в месяц. Среди выпускников, окончивших факультет в период с 1996 по 2005 г., большинство ответивших находятся в высокодоходной группе, имея доход от рабочей деятельности более 350 тыс. руб. Среди выпускников 2006–2010 гг. большинство бакалавров зарабатывают так же от 350 тыс. руб., а вот среди магистров наибольшая группа – 38 % – в диапазоне 150–200 тыс. руб. Для выпускников 2011–2015 гг. скорее характерен доход до 200–250 тыс. рублей, и для этих поколений снова можно увидеть, что те, кто завершил обучение на Экономическом факультете на уровне бакалавриата, зарабатывают несколько больше, чем те, кто в соответствующих годах закончил магистратуру.

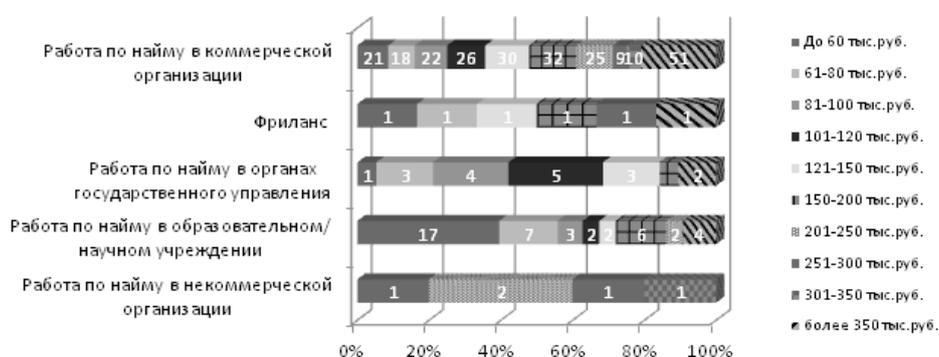

Рисунок 6. Распределение выпускников экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова разных поколений по сферам занятости и заработной плате

Figure 6. Distribution of EF MSU Graduates of Different Generations by Areas of Employment and Wages

Источник: разработано авторами на основе данных мониторинга выпускников разных поколений.

Распределение заработных плат выпускников ЭФ МГУ разных поколений

Таблица 2

Table 2

Distribution of Salaries of EF MSU Graduates of Different Generations

	Спец, до 1995	Бак, 1996-2005	Маг, 1996-2005	Бак, 2006-2010	Маг, 2006-2010	Бак, 2011-2015	Маг, 2011-2015	Бак, 2016-2020	Маг, 2016-2020
До 60 тыс. руб.	24 %	3 %	5 %	0 %	0 %	3 %	2 %	12 %	17 %
61-80 тыс. руб.	24 %	3 %	0 %	3 %	5 %	2 %	2 %	10 %	10 %
81-100 тыс. руб.	14 %	0 %	0 %	3 %	10 %	6 %	5 %	10 %	13 %
101-120 тыс. руб.	0 %	3 %	0 %	3 %	0 %	11 %	12 %	10 %	18 %
121-150 тыс. руб.	14 %	5 %	10 %	3 %	5 %	14 %	7 %	10 %	12 %
150-200 тыс. руб.	5 %	8 %	5 %	28 %	38 %	17 %	22 %	10 %	13 %
201-250 тыс. руб.	0 %	3 %	5 %	10 %	5 %	18 %	20 %	10 %	8 %
251-300 тыс. руб.	5 %	3 %	0 %	3 %	5 %	8 %	10 %	10 %	0 %
301-350 тыс. руб.	0 %	5 %	10 %	7 %	5 %	6 %	5 %	10 %	2 %
более 350 тыс. руб.	14 %	68 %	67 %	38 %	29 %	15 %	15 %	5 %	8 %

Источник: составлено авторами на основе данных Мониторинга профессиональных и жизненных траекторий выпускников Экономического факультета разных поколений, 2020 г.

По данным Росстата³ среди наиболее высокооплачиваемых сфер в 2021 г. выделялись финансовая и страховая, добыча полезных ископаемых, деятельность в области информации и связи, а также профессиональная, научная и техническая. Размер среднемесячных заработных плат в рамках данных направлений составлял от 175 до 128 тыс. руб. Распределение заработных плат выпускников ЭФ МГУ 2020–2022 гг. представлено на рисунке 7.

Как видно из представленных данных, практически 50 % бакалавров и магистров на момент выпуска из университета имели в 2020–2022 гг. «числую» заработную плату в размере от 40 до 80 тыс.

рублей, порядка 16 % получали от 81 до 100 тыс. рублей, 13 % – более 101 тыс. рублей, а также 12 % – менее 40 тыс. рублей. Представленное распределение свидетельствует о том, что в целом заработная плата большинства выпускников находится на уровне среднероссийской, однако значительно меньше средней заработной платы по Москве, которая в 2022 г. составляла около 120 тыс. рублей⁴.

Согласно проведённому анализу данных о заработных платах в разрезе уровня образования (рисунок 8), видно, что на более высокую заработную плату претендуют в большей степени выпускники магистратуры (2020–2022 гг.).

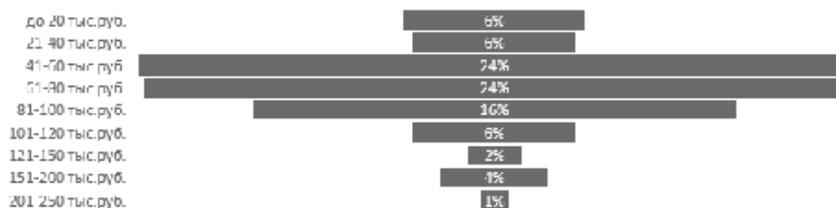

Рисунок 7. Распределение выпускников экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова 2020–2022 гг. по заработной плате
Figure 7. Distribution of Salaries of 2020–2022 EF MSU Graduates

Источник: на основе данных ежегодного анкетирования на выпуске

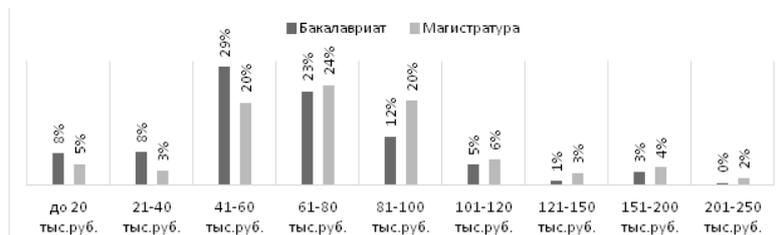

Рисунок 8. Распределение выпускников экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова 2020–2022 гг. по заработной плате и уровню образования
Figure 8. Distribution of EF MSU Graduates 2020–2022 by Salaries and Level of Education

Источник: на основе данных ежегодного анкетирования на выпуске

Представленные данные позволяют подтвердить положения модели инвестиций в человеческий капитал, согласно которой получение дополнительного уровня образования позволяет в будущем получать более высокий уровень заработных плат. При рассмотрении распределения трудоустройства выпускников по уровням заработных плат оказалось, что на оплату до 60 тыс. руб. в месяц чаще претендуют бакалавры, тогда как более высокие выплаты (от 61 тыс. руб.)

чаще получают магистры ЭФ МГУ. По данным исследований зависимости уровня заработной платы от наличия магистерского образования разрыв в заработных платах бакалавров и магистров составляет, по оценкам исследователей, 17 % в России в целом [11], или в диапазоне 5–21 % для женщин и 2–11 % для мужчин [12].

Распределение опрошенных по уровням заработных плат и типам организации представлено в таблице 3.

³ Российский статистический ежегодник. 2022: Стат. сб. // Росстат: [сайт]. М., 2022. 651 с. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/12994> (дата обращения: 14.03.2023).

⁴ Рабочая сила, занятость и безработица в России (по результатам выборочных обследований рабочей силы). 2022: Стат. сб. // Росстат. М., 2022. 151 с. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13211> (дата обращения: 14.03.2023).

Распределение заработных плат выпускников ЭФ МГУ 2020–2022 гг.

Level of Salaries of EF MSU Graduates 2020–2022

	Государственные структуры	Коммерческая компания	Некоммерческая организация	Образование	Собственный бизнес/ Проектная работа/ Фриланс	Частная компания
до 20 тыс. руб.	9 %	3 %	0 %	38 %	7 %	8 %
21–40 тыс. руб.	2 %	6 %	8 %	10 %	3 %	4 %
41–60 тыс. руб.	19 %	27 %	15 %	14 %	21 %	21 %
61–80 тыс. руб.	19 %	24 %	38 %	24 %	14 %	25 %
81–100 тыс. руб.	23 %	16 %	8 %	14 %	7 %	20 %
101–120 тыс. руб.	9 %	5 %	8 %	0 %	10 %	5 %
121–150 тыс. руб.	0 %	2 %	8 %	0 %	3 %	0 %
151–200 тыс. руб.	6 %	4 %	0 %	0 %	3 %	4 %
201–250 тыс. руб.	0 %	1 %	0 %	0 %	3 %	0 %

Источник: составлено авторами на основе данных ежегодного анкетирования выпускников, Экономический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, 2020–2022 гг.

Согласно полученным данным, наибольшая доля лиц, прошедших опрос в 2020–2022 гг., получающих заработную плату до 20 тыс. руб., заняты в сфере образования, порядка 27 % работающих в коммерческих компаниях получают от 41 до 60 тыс. руб., чуть выше (61–80 тыс. руб.) – в некоммерческих, среди занятых в госструктурах заработная плата 23 % опрошенных составила в изучаемые годы 81–100 тыс. руб., а доход от собственного бизнеса позволяет 3 % выпускников получать более 200 тыс. руб.

Оценивая ожидаемые доходы выпускников через 5 лет, можно отметить, что планируемые будущие заработки бакалавров и магистров в целом практически одинаковы, поэтому на рисунке 9 представлены обобщённые данные.

Проведённые опросы выпускников в 2020–2022 гг. говорят о том, что бакалавры и магистры, оканчивающие ЭФ МГУ, не ожидают заработных плат менее 80 тыс. руб.: 14 % через 5 лет хотели бы получать от 81 до 150 тыс. руб., 30 % – 151–250 тыс. руб., 22 % – 251–350 тыс. руб., а также значимая доля опрошенных рассчитывают на доход более 350 тыс. руб. после окончания университета. Статистика доходов выпускников прошлых поколений показывает (таблица 2), что де-факто через 5 лет после выпуска специалисты с равной вероятностью получают зарплату от 60 до 350 тыс. руб., а через 10 лет высока вероятность зарабатывать от 150 тыс. руб. Таким образом, можно сделать вывод о том, что ожидания относительно быстрого роста доходов являются у нынешних выпускников недостаточно реалистичными.

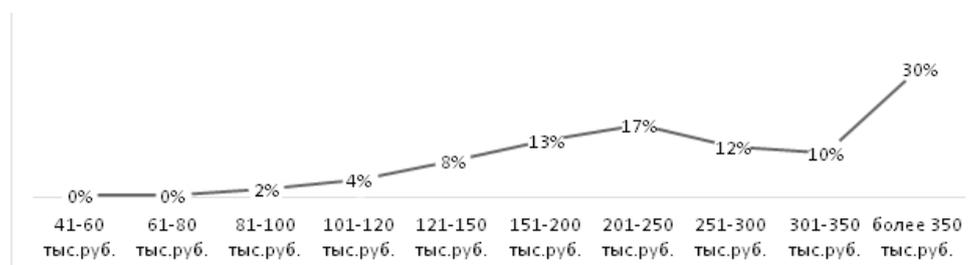

Рисунок 9. Распределение выпускников экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова 2020–2022 гг. по уровню ожидаемой заработной платы через 5 лет после выпуска

Figure 9. Distribution of EF MSU 2020-2022 Graduates by the Level of Expected Salary in 5 Years After Graduation

Источник: на основе данных ежегодного анкетирования на выпуске.

В качестве одного из критериев успешности работника на рынке труда является *уровень занимаемой должности*, который можно оценить через количество сотрудников в подчинении. От работающих в сфере проектной деятельности и НКО по этому вопросу было получено слишком мало ответов среди выпускников прошлых лет, поэтому устойчивые выводы сделаны в отношении 3-х сфер занятости по найму: для работы в бизнесе, в сфере образования и науки и в сфере государственного управления (таблица 4). И несколько более обобщённые выводы (через оценку общей численности персонала в компании) в отношении предпринимателей.

Среди тех, кто работает в бизнесе, большинство являются руководителями – у 40 % ответивших выпускников, окончивших факультет до 1995 г., находится 10 и более сотрудников в подчинении. Среди респондентов данного периода, начиная с 1996 г. выпуска, около 46 % выпускников бакалавриата и 48 % выпускников магистратуры занимают руководящие позиции. В сфере образования, наоборот, руководителями более высокого уровня, скорее, являются выпускники более поздних поколений. В целом, вероятность быть руководителем в сфере образования несущественно, но ниже, чем в бизнесе. В сфере государственного

управления уровень должности и масштаб ответственности у большинства выпускников ниже, то есть у всех категорий выпускников-руководителей наиболее вероятно в подчинении будет 1–3 сотрудника.

В отношении масштаба бизнеса от выпускников-предпринимателей был получен 21 ответ. Из них 16 выпускников – руководители малого бизнеса с числом сотрудников до 30 человек, ещё 3 человека – руководители среднего бизнеса с численностью сотрудников до 100 человек, ещё двое – руководители крупного бизнеса.

Среди выпускников ЭФ МГУ 2020–2022 гг. выпуска в целом наблюдается следующее распределение по числу подчинённых (таблица 5).

Согласно данным, представленным в таблице 5, более 73 % опрошенных (2020–2022 гг.) не имеют в подчинении сотрудников на момент окончания университета, при этом среди магистров доля тех, кто руководит работниками в среднем на 2–3 % выше, чем среди бакалавров. Полученные результаты могут свидетельствовать о том, что работающие магистры к моменту выпуска имеют больший опыт, по сравнению с окончившими предыдущую ступень обучения, а значит занимают более высокие должности и чаще имеют подчинённых.

Таблица 4

Уровень должности выпускников ЭФ МГУ прошлых лет по сферам занятости и уровню образования

Table 4

The Level of Position of EF MSU Graduates of Different Generations by Areas of Employment and Level of Education

Сфера занятости	Количество сотрудников в подчинении			
	нет	да, 1–3 человека	да, 4–10 человек	да, более 10 человек
Бизнес				
Специалитет, до 1995 г. выпуска	20 %	20 %	20 %	40 %
Бакалавриат	55 %	25 %	11 %	8 %
Магистратура	52 %	25 %	14 %	9 %
Образование/ НИИ				
Специалитет, до 1995 г. выпуска	60 %	20 %	10 %	10 %
Бакалавриат	52 %	15 %	12 %	21 %
Магистратура	57 %	14 %	11 %	18 %
Госслужба				
Специалитет, до 1995 г. выпуска	0 %	67 %	0 %	33 %
Бакалавриат	53 %	26 %	16 %	5 %
Магистратура	47 %	27 %	20 %	7 %

Источник: составлено авторами на основе данных Мониторинга профессиональных и жизненных траекторий выпускников Экономического факультета», 2020 г.

Таблица 5

Распределение выпускников ЭФ МГУ 2020–2022 гг. в зависимости от количества подчинённых и уровня образования

Table 5

Distribution of EF MSU 2020-2022 Graduates by the Number of Subordinates and the Level of Education

Имеются ли подчинённые у выпускника	Бакалавриат, чел.	Магистратура, чел.	Бакалавриат, %	Магистратура, %	Общий итог
Да, 1–3 человека	36	53	14 %	17 %	89
Да, 4–10 человек	7	16	3 %	5 %	23
Да, более 10 человек	3	4	1 %	1 %	7
Нет	193	233	74 %	73 %	426
Не ответили	21	13	8 %	4 %	34
Общий итог	260	319	100 %	100 %	579

Источник: составлено авторами на основе данных ежегодного анкетирования выпускников, Экономический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, 2020–2022 гг.

Наибольший процент тех, кто не имел в подчинении сотрудников (2020–2022 гг.), работали в государственной структуре, в сфере образования или некоммерческой организации (от 80 до 89 % занятых в соответствующей сфере). Число подчинённых более 4-х человек чаще всего наблюдался у лиц, имеющих собственный бизнес или

проекты, занятых в частных бизнесах, а от 1 до 3 человек – также в коммерческих и некоммерческих компаниях.

Изменение распределения численности подчинённых в зависимости от типа организации с оценкой динамики по годам представлена на рисунке 10.

Рисунок 10. Распределение выпускников экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова 2020–2022 гг. в динамике по сферам занятости и количеству подчинённых
 Figure 10. Yearly Distribution of EF MSU Graduates 2020–2022 by Areas of Employment and Number of Subordinates

Источник: на основе данных ежегодного анкетирования на выпуске.

Так, численность выпускников ЭФ МГУ 2020–2022 гг., имеющих подчинённых, снижается в государственных структурах, частных компаниях, образовательных организациях, тогда как в собственном бизнесе более половины опрошенных имели в 2022 г. нанятых сотрудников под руководством респондентов: 15 % от 1-го до 3-х человек, 31 % от 4-х до 10-ти человек, 8 % – более 10-ти человек. Можно предположить, что отрицательная динамика вероятности руководящей работы в найме связана с периодом пандемии, когда задачи координации других сотрудников усложнились, что отразилось на карьерном росте выпускников.

В целом, по результатам проведённого анализа можно сделать вывод, что большинство выпускников экономического факультета, в целом, строят управленческую карьеру, и компетенции

для руководящей работы также начинают формироваться у многих из них ещё в период обучения на факультете.

Удовлетворённость работой является субъективным показателем. Однако это, безусловно, очень важный индикатор качества занятости, на который, в том числе, по данным исследования А.И. Колосовой и соавторов из НИУ ВШЭ, основанном на результатах выборочного наблюдения трудоустройства выпускников 2016 г. [13], оказывает положительное влияние работа по специальности. По данным «Мониторинга выпускников» экономического факультета МГУ наиболее удовлетворены своей работой предприниматели (рисунок 11). Чуть менее, но также в значительной степени (6 из 7 ответивших) удовлетворены сотрудники некоммерческих организаций⁵.

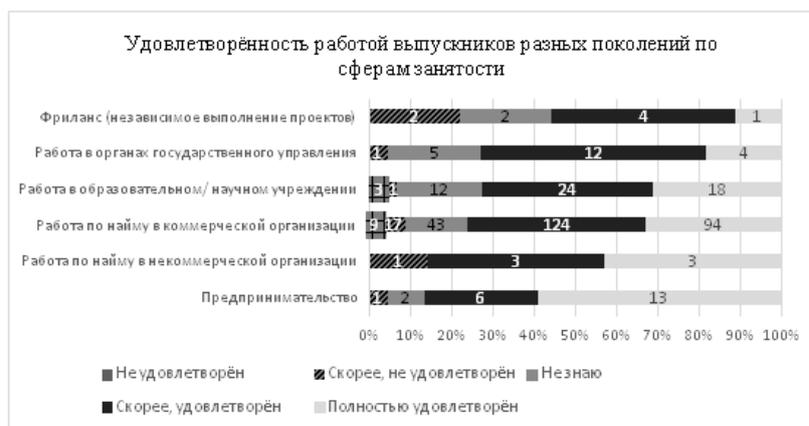

Рисунок 11. Распределение выпускников экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова разных поколений по сферам занятости и оценки удовлетворённости работой

Figure 11. Distribution of EF MSU Graduates of Different Generations by Areas of Employment and Assessment of Job Satisfaction

Источник: разработано авторами на основе данных мониторинга выпускников разных поколений.

Далее по мере убывания удовлетворённости следуют работа в бизнесе, работа в сфере образования и науки, государственное управление, наименьший уровень удовлетворения от работы у тех, кто занимается проектной деятельностью.

Если говорить о факторах удовлетворённости работой для учащихся, большую важность имеет возможность оптимального сочетания учёбы и работы [14]. В современных условиях вопросы сбалансированного распределения времени на основные сферы жизнедеятельности приобрета-

⁵ Некоммерческие организации, по результатам опроса выпускников разных поколений, не являются популярной сферой занятости, поэтому количество ответов от работающих в таких организациях недостаточно для того, чтобы сделать устойчивые выводы.

ют особую актуальность. По данным последних исследований («Superjob.ru»⁶, «Работа.ру»⁷ и др.) более 48 % респондентов в 2022 г. сообщили о том, что одним из наиболее важных факторов при выборе места работы является баланс между работой и личной жизнью [15], который в том числе зависит от графика и времени, которое человек затрачивает на трудовую деятельность.

⁶ Топ-3 приоритетных факторов при выборе работы соискателями — зарплата, адекватное начальство и стабильность компании // Исследовательский центр портала Superjob.ru. 2022. URL: <https://www.superjob.ru/research/articles/113593/top-3-prioritetnyh-faktorov-pri-vybore-raboty-soiskatelyami/> (дата обращения: 14.03.2023).

⁷ Опрос: каждый третий россиянин планирует сменить работу в 2023 году // Исследование портала «Работа.ру». 2022. URL: <https://press.rabota.ru/smena-raboty-v-2023> (дата обращения: 14.03.2023).

По данным опроса выпускников последних лет ЭФ МГУ в режиме полного рабочего дня (40 часов в неделю) на момент выпуска были трудоустроены 73,4 % респондентов, от 20 до 40 часов – заняты 15 % опрошенных, а до 20 часов в неделю – работали порядка 6,7 %. При этом данные⁸ за сентябрь 2022 г. по России в целом демонстрируют следующее распределение по часам работы среди занятого населения страны: 2,1 % – имеют до 20 часов работы в неделю, 90,3 % – от 20 до 40 часов (включительно), 5 % – лица, имеющие переработку. Таким

образом, выпускники последних лет Экономического факультета имеют среднестатистические часы нагрузки в рабочей деятельности, однако значимо больший процент из них имеет возможность работать в режиме неполного рабочего дня, что может объясняться наличием «гибких» предложений от работодателей в формате стажировок или стажёрских позиций в режиме неполного рабочего дня.

Распределение по времени работы и сферам занятости (2020–2022 гг.) представлено на рисунке 12.

Рисунок 12. Распределение выпускников экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова 2020–2022 гг. по сферам занятости и часам работы

Figure 12. Distribution of EF MSU 2020–2022 Graduates by Areas of Employment and Hours of Work

Источник: на основе данных ежегодного анкетирования на выпуске.

В ходе анализа полученных данных оказалось, что порядка 80 % трудящихся в государственных и коммерческих компаниях (среди выпускников 2020–2022 гг.) заняты в режиме полного рабочего дня, 34 % лиц, имеющих собственное дело (в т.ч. проектную работу или фриланс), работают от 20 до 40 часов в неделю. Примечательной с точки зрения часов нагрузки в неделю оказалась сфера образования: 23 % занятых в этой области оценили количество работы в неделю в размере менее 20 часов (наибольший процент занятых с таким количеством рабочих часов в неделю среди всех рассматриваемых сфер занятости). Данный результат может быть связан с продолжением опрашиваемых обучаться на следующей ступени образования (магистратура или аспирантура) при одновременном совмещении функций преподавательской деятельности на неполную ставку.

Анализ занятости по рабочим часам выпускников (2020–2022 гг.) и типам организаций в динамике по годам представлен на рисунке 13.

⁸ Рабочая сила, занятость и безработица в России (по результатам выборочных обследований рабочей силы). 2022: Стат. сб. // Росстат: [сайт]. М., 2022. 151 с. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13211> (дата обращения: 14.03.2023).

Рассматривая часы работы в динамике по типам компаний, прослеживается тенденция снижения часов работы в сфере собственного бизнеса, а также как в коммерческих, так и в государственных компаниях. Подобные изменения могут быть связаны с происшедшими трансформациями рынка труда в целом: так, в период пандемии Covid-19 и вынужденной удалённой работы активно начали развиваться новые формы занятости, что стало импульсом к их быстрой адаптации в различных структурах и привело к широкому распространению форматов неполной занятости, занятости в гибридном режиме (частичная работа из офиса с одновременным удалённым форматом) и т.п. При этом в некоммерческих организациях и в сфере образования наоборот происходит рост занятости в сторону полной 40-часовой рабочей недели.

По результатам анализа объёма работы по часам в зависимости от уровня законченного образования выпускников ЭФ МГУ (2020–2022 гг.) оказалось, что среди всех типов организаций большинство занятых магистров работают в режиме полной рабочей недели (82 %), тогда как среди бакалавров данный показатель составляет 63 % и носит разный характер в зависимости от типа структур, в которых они работают (рисунок 14).

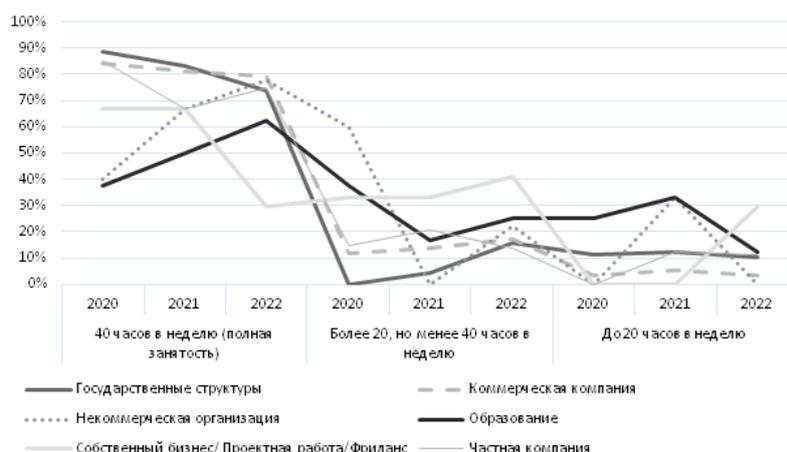

Рисунок 13. Распределение выпускников экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова 2020–2022 гг. в динамике по годам по сферам занятости и часам работы
 Figure 13. Yearly Distribution of EF MSU 2020–2022 Graduates by Areas of Employment and Hours of Work

Источник: на основе данных ежегодного анкетирования на выпуске.

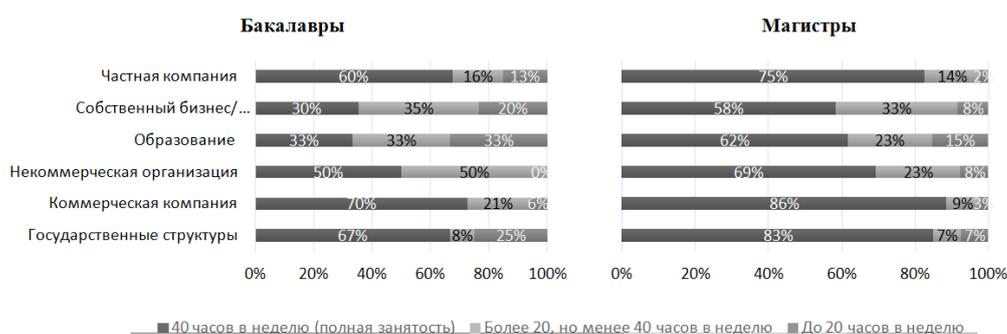

Рисунок 14. Распределение выпускников экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова 2020–2022 гг. по сферам занятости, уровню образования и часам работы
 Figure 14. Distribution of EF MSU 2020–2022 Graduates by Areas of Employment, Level of Education and Hours of Work

Источник: на основе данных ежегодного анкетирования на выпуске.

Согласно представленным данным, наибольшая доля выпускников бакалавриата работает полную рабочую неделю в коммерческих и частных компаниях, а также в государственных организациях. Занятость в некоммерческих компаниях предоставляет более 50 % бакалавров, работающих в данных организациях, осуществлять трудовую деятельность в режиме от 20 до 40 часов в неделю, тогда как в сфере образования или собственном бизнесе возможна деятельность с различным объёмом рабочих часов.

Оценка соответствия работы полученному образованию – это субъективный показатель, однако он также влияет на общий уровень восприятия работы и удовлетворённости от неё. Результаты опроса свидетельствуют о том, что наиболее высоко оценивается польза обучения на

факультете при работе в сфере некоммерческих проектов и при развитии своего дела – более 70 % работающих в этих сферах считают, что в полной мере используют в работе полученные профессиональные знания (рисунок 15).

Около 80 % работающих в сфере образования и науки считают, что работа полностью или «скорее» соответствует профилю подготовки. Среди работающих в бизнесе и в сфере государственного управления – около 60 %. Однако среди тех, кто работает на госслужбе, меньше доля тех, кто оценивает, что работает полностью в соответствии с полученной специальностью, чем среди тех, кто работает в бизнесе, а также о наименьшем соответствии образования и работы говорят те, кто занимается проектной деятельностью.

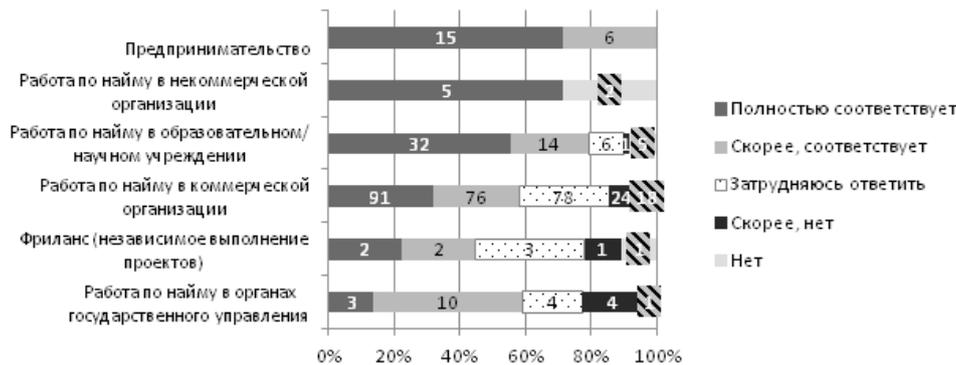

Рисунок 15. Распределение выпускников экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова прошлых лет по сферам занятости и оценке соответствия работы полученному образованию

Figure 15. Distribution of EF MSU Graduates of Different Generations by Areas of Employment and Assessment of the Correspondence of Work to the Education Received

Источник: разработано авторами на основе данных мониторинга выпускников разных поколений.

Выводы

По итогам проведённого исследования можно сделать несколько выводов.

Происходит изменение стратегий трудоустройства с течением времени. Выпускники ранних поколений начинали работать после окончания вуза, а со временем, в связи с изменениями на рынке труда, начинали всё больше совмещать учёбу и работу. Выпускники более ранних лет выпуска вели трудовую деятельность как по специальности, так и в качестве подработки, а те, кто учился в последние годы, имеют возможности и предпочитают получать во время учёбы опыт, связанный с профессией. Такие изменения в стратегиях трудоустройства связаны с развитием рынка труда и особенностями демографической ситуации в России.

За период с 1990-х гг. востребованными у работодателей стали не только теоретические знания, но и навыки, которые во многом формируются, в результате работы.

В связи с демографической волной спада рождаемости в 1990–2000-е гг. молодое поколение, выходящее на рынок труда, начиная с 2010-х гг., является малочисленным. Поэтому работодатели стремятся нанять «дефицитных» молодых специалистов ещё в период их учёбы в вузе, чтобы опередить конкурентов.

В результате конкурентной стратегией для молодёжи является формирование первого профессионального опыта параллельно с получением высшего образования. Так, в последние годы около 50 % студентов магистратуры и 25 % студентов бакалавриата являются трудоустроенными на момент получения диплома и, преимущественно, работают в соответствии со специальностью.

Каналы поиска работы для выпускников разных поколений — это сочетание формальных способов трудоустройства (размещение резюме на ресурсах по поиску работы, отклик на вакансии) и наработанных профессиональных и личных связей. Значимое место в структуре этих связей занимают профессиональные, личные контакты и контакты, наработанные за время обучения в вузе.

Для рынка труда – вероятно, прежде всего, для работодателей – предпочтительной является полная занятость студентов. Этот вывод можно сделать, проанализировав влияние кризиса 2010 г. на занятость студентов. До 2011 г. и после 2015 г. студенты, как магистры, так и бакалавры, работали, преимущественно, в режиме полной занятости, совмещая работу и учёбу. Доля неработающих была около 10 % для магистров и около 20 % для бакалавров. При этом период кризиса и последующего постепенного восстановления на рынке труда в 2011–2015 гг. отражается в более высоких процентах неработающих (среди бакалавров – 37 %, среди магистров – 18 %) и в значительном повышении доли тех, кто работает в режиме частичной занятости (среди бакалавров 2011–2015 гг. – 35 % «против» 27 % у выпусков 2005–2010 гг. и 2016–2020 гг.; среди магистров скачок более заметен – 43 % по сравнению с уровнем 25–27 %, характерным для всех предыдущих и следующих поколений выпускников магистратуры), что отражено на рисунке 1. Таким образом, в период, когда на рынке труда нет высокой напряжённости, студенты выбирают, или работодатели предлагают, преимущественно, полную занятость, а в периоды повышения напряжён-

ности развиваются компромиссные варианты занятости, что для студентов выражалось в период 2011–2015 гг. в повышении вероятности работы на неполный рабочий день, а в 2020–2021 гг. в расширении возможностей дистанционной работы.

Характеристики занятости и развития карьеры по сферам, в которых работают выпускники

Работа в бизнесе

Традиционно преобладающая сфера занятости для выпускников, начиная с «постсоветских» времён. Около 70 % выпускников разных лет работают в бизнесе, является наиболее высокооплачиваемой из рассмотренных сфер занятости. Большинство выпускников с опытом работы от 10 лет зарабатывают от 350 тыс. руб., при этом занятость в сфере бизнеса не является лидирующей по уровню удовлетворённости выпускников от работы. Среди тех, кто работает в бизнесе, наибольшая вероятность быть руководителем высокого уровня – с 10-ю и более сотрудниками в подчинении. Относительно соответствия работы полученной специальности – около 40 % работающих затруднились ответить или считают, что работают не вполне по профилю подготовки. Это значит, что сфера достаточно широкая, в ней много профессиональных траекторий, и есть потенциал для повышения информированности об этих траекториях при подготовке в вузе. Это позволит повысить степень понимания, для работы в каких профессиональных нишах готовит Экономический факультет МГУ.

Среди выпускников последних лет выпуска (2022–2022 гг.) занятость в коммерческих и частных компаниях также является преимущественной нишей на рынке труда. Однако наблюдается тенденция к снижению доли занятых в данных сферах в последние годы. Наибольшая доля (27 %) выпускников в данных компаниях получают заработную плату от 41 до 60 тыс. руб. Отличительным является также то, что в коммерческих компаниях на момент окончания Экономического факультета, выпускники чаще других имеют сотрудников в своём подчинении (от 1-го до 3х человек).

Работа в образовательном/научном учреждении

В целом, среди выпускников разных поколений образование и наука – это второй по численности сегмент занятости – по данным мониторинга выпускников разных поколений в нём работает около 15 % опрошенных. Самая профильная из сфер для работы по найму – более 50 % ответивших ответили, что полностью используют знания, полученные при подготовке в вузе. Однако по уровню удовлетворённости выпускников работой не входит в число высоко оценённых сфер

занятости. Поколение выпускников специалитета, до 1995 г. выпуска, гораздо больше сконцентрировано в этой сфере. При этом руководителями более высокого уровня являются, скорее, выпускники более поздних поколений. В целом, вероятность быть руководителем в сфере образования несущественно, но ниже, чем в бизнесе. Около 80 % ответивших на вопрос об уровне зарплаты зарабатывают до 200 тыс. рублей в месяц.

Согласно результатам анализа данных ежегодного анкетирования на выпуске в последние годы занятость в сфере образования не является высоко популярной среди выпускников (от 6 % до 3 % опрошенных в период с 2020 по 2022 гг.). Работа в научных учреждениях предполагает невысокую заработную плату, при этом даёт возможность 23 %, занятых в данной области, работать менее 20 часов в неделю.

Работа в сфере государственного управления

Третья по доле выпускников сфера занятости. Среди выпускников разных поколений в ней работает 6 % опрошенных. Около 80 % зарабатывает до 150 тыс. рублей. В сфере государственного управления уровень должности и масштаб ответственности у большинства выпускников разных лет выпуска ниже, чем в бизнесе и в сфере образования. Выпускник-руководитель с наибольшей вероятностью будет иметь в подчинении 1–3 сотрудника. Степень удовлетворённости работой и оценка соответствия работы полученному образованию относительно ниже, чем во всех сферах за исключением проектной занятости.

По данным анкетирования выпускников последних лет более 9 % из них работают в государственных структурах, при этом доля занятых магистров в данной сфере вдвое больше бакалавров, что может быть обусловлено более высокими требованиями к уровню образования в госорганизациях. При этом работа в структурах государственного управления предполагает более высокую заработную плату (23 % работающих выпускников в госструктурах получают 81–100 тыс. руб.), чем в коммерческих компаниях, например. Абсолютное большинство среди работников данных организаций (80 %) имеют полный рабочий день, однако наблюдается тенденция к внедрению более гибких графиков.

Предпринимательство

Доля предпринимателей среди всех работающих выпускников 1976–2020 гг. выпуска – около 5 %. Большинство выпускников-предпринимателей являются руководителями небольшого бизнеса с численностью сотрудников до 30 человек. Предпринимательство приносит наибольшую отдачу среди всех сфер по показателям Удовлетворённость работой и Соответствие работы полученной специальности.

Наибольшую популярность среди выпускников экономического профиля 2020–2022 гг. приобретает занятость в области собственных проектов и фриланса. Доход от собственного бизнеса позволяет некоторым выпускникам не только получать более 200 тыс. руб. в месяц, что, по данным анкетирования, недоступно в других сферах, но и быть вовлечённым в трудовую деятельность не на полный рабочий день (многие работают от 30 до 40 часов в неделю). Данная сфера, что логично, характеризуется наибольшим количеством подчинённых.

По данным мониторинга выпускников разных поколений, работа в сфере проектной деятельности не является популярной сферой занятости и приносит меньшее удовлетворение, чем работа во всех других сферах. Устойчивых выводов относительно средних доходов фрилансеров сделать не удалось из-за ограниченности выборки.

Направления продолжения исследования. Ограничением проведённого исследования является использование в качестве базы для анализа данных о выпускниках одного университета. Резервом для продолжения работы и масштабирования

выводов может быть анализ карьерных и профессиональных траекторий выпускников в сфере экономики и управления других ведущих российских экономических вузов и их сопоставление.

Практическая значимость выводов. Несмотря на обозначенные ограничения исследования, его результаты могут быть использованы всеми субъектами системы образования и рынка труда. Так, понимание профессиональных траекторий развития выпускников-экономистов, параметров их занятости и доходов поможет абитуриентам сделать более взвешанный выбор в отношении направления обучения, студентам – сформировать более объективные ожидания относительно трудоустройства и снизить период поиска предстоящей работы. Для вуза понимание основных сфер занятости выпускников позволяет точнее определить целевой сегмент работодателей, а для организаций – оценить свои конкурентные позиции и преимущества и, при необходимости, внести соответствующие изменения в стратегию поиска и удержания персонала.

Список литературы

1. Краевая Е.С. Экономический анализ карьерных траекторий выпускников высших учебных заведений // Материалы 54-й Международной научной студенческой конференции МНСК-2016: Экономика. (Новосибирск, 16–20 апреля 2016 г.). Новосибирск: Новосибирский национальный исследовательский государственный университет. 2016. С. 26–27. EDN XСWВУН
2. Бондаренко И.А. Анализ взаимосвязи доходов и отдачи от профессионального образования выпускников российских вузов // Вестник ИМСИТа. 2020. № 1. С. 3–10. EDN RBIPCT
3. Константиновский Д.Л., Попова Е.С. Новый характер образовательных и профессиональных траекторий молодежи // Россия реформирующаяся. 2022. № 20. С. 379–399. <https://doi.org/10.19181/ezheg.2022.14>
4. Мальцева В.А., Розенфельд Н.Я. Траектории российской молодежи в образовании и профессии на материале лонгитюда: сложные маршруты выпускников вузов // Вопросы образования. 2022. № 3. С. 99–148. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2022-3-99-148>; EDN JВWNDС
5. Попова К.А., Кайль Я.Я. Анализ профессионального становления выпускников вузов на основе исследования их мотивационного профиля // Бизнес. Образование. Право. 2020. № 3(52). С. 93–97. <https://doi.org/10.25683/VOLBI.2020.52.381>; EDN LUWBXN
6. Каплан Е.А., Ерицян К.Ю. Работа и учёба у студентов вузов: конфликт или фасилитация? // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 4(158). С. 395–423. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.4.928>; EDN WCHROL
7. Филясова Ю.А. Работники-перфекционисты: главные качества и особенности управления карьерным ростом // Социально-трудовые исследования. 2021. № 44(3). С. 157–169. <https://doi.org/10.34022/2658-3712-2021-44-3-157-169>; EDN IJRWGT
8. Разумова Т.О., Золотина О.А. Особенности занятости выпускников вузов на российском рынке труда // Вестник Московского университета. 2019. № 2. С. 138–157. EDN ZSCCSL
9. Филоненко Ю.В., Скачкова Л.С., Филоненко В.И. Занятость студентов во время обучения в вузе // Социологические исследования. 2018. № 9(413). С. 135–140. <https://doi.org/10.31857/S013216250001970-0>; EDN YMRIPJ
10. Забелина О.В., Мирзабалаева Ф.И. Фриланс как новая гибкая форма самозанятости на российском рынке труда // Экономика труда. 2020. Т. 7. № 4. С. 307–320. <https://doi.org/10.18334/et.7.4.100869>; EDN GNHDVC
11. Рудаев Г.С., Бусыгин С.В. Исследование зависимости уровня заработной платы от наличия магистерского образования в РФ // Мир экономики и управления. 2021. № 21(1). С. 86–103. <https://doi.org/10.25205/2542-0429-2021-21-1-86-103>; EDN НТВВНН
12. Отдача на магистерскую степень на российском рынке труда / К.В. Рожкова, С.Ю. Рошин, С.А. Солнцев, П.В. Травкин // Вопросы экономики. 2021. № 8. С. 69–92. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2021-8-69-92>; EDN GBSXDR
13. Колосова А.И., Рудаков В.Н., Рошин С.Ю. Влияние работы по профилю полученной специальности на заработную плату и удовлетворённость работой выпускников вузов // Вопросы экономики. 2020. № 11. С. 113–132. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2020-11-113-132>; EDN QHJJEK
14. Золотина О.А., Серпухова М.А. Баланс жизненных сфер при получении профессионального образования в сфере экономики // Экономика и управление. 2020. № 26(8). С. 886–900. <https://doi.org/10.35854/1998-1627-2020-8-886-900>; EDN CZAEUW

15. Разумова Т.О., Серпухова М.А. Теоретико-методологические основы формирования показателя баланса семья–работа // Уровень жизни населения регионов России. 2022. Т. 18. № 4. С. 466–476. <https://doi.org/10.19181/lsprr.2022.18.4.4>; EDN GAHAG.

Информация об авторах:

Ольга Александровна Золотина – канд. экон. наук, доцент, кафедра экономики труда и персонала, экономический факультет, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (E-mail: zolotina.o@gmail.com) (e-library Author ID: 812064) (ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1757-2131>)

Мария Александровна Серпухова – канд. экон. наук, ассистент, кафедра экономики труда и персонала, экономический факультет, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (e-mail: mserpuhova@gmail.com) (e-library Author ID: 1025048) (ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6132-1735>)

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Автор, ответственный за переписку, – Мария Александровна Серпухова.

Статья поступила в редакцию 25.03.2023; одобрена после рецензирования 02.05.2023; принята к публикации 16.05.2023.

References

1. Kravayeva E.S. Economic analysis of career paths of university graduates. Proceedings of the 54th international students scientific conference, Economics section. Novosibirsk, 16-20 of April, Novosibirsk State University. 2016;26-27. (In Russ.)
2. Bondarenko I. Analysis of the relationship between income and return on professional education of Russian university graduates. *Vestnik IMSIT*. 2020;(1):3-10. (In Russ.)
3. Konstantinovskiy D.L., Popova E.S. New characteristics of educational and professional trajectories of youth. *Rossiia reformiruyushchayasya*. 2022;20:379-399. (In Russ.) <https://doi.org/10.19181/ezheg.2022.14>
4. Maltseva V.A., Rozenfeld N.Y. Paths of Youth in Russia in the fields of education and profession, based on the longitudinal survey: complex routs of university graduates. *Voprosy Obrazovaniya=Educational Studies*. 2022;(3):99-148. (In Russ.) <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2022-3-99-148>
5. Popova K.A., Kail Ya.Ya. Analysis of the professional development of the university graduates based on the study of their motivational profile. *Biznes. Obrazovaniye. Pravo.=Business. Education. Law*. 2020;3(52):93-100. (In Russ.) <https://doi.org/10.25683/VOLBI.2020.52.381>
6. Kaplan E.A., Eritsyanyan K.Y. University Students Combining Working and Studying: Conflict or Facilitation? *Monitoring obshchestvennogo mneniya. Ekonomicheskie i social'nye peremeny=Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2020;4(158):395-423. (In Russ.) <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.4.928>
7. Filyasova Yu.A. Perfectionist employees: the main qualities and features of career management. *Socialno-trudovye issledovaniya*. 2021;44(3):157-169. (In Russ.) <https://doi.org/10.34022/2658-3712-2021-44-3-157-169>
8. Razumova T.O., Zolotina O.A. Features of employment of university graduates in the Russian labour market. *Vestnik Moskovskogo Universiteta=Bulletin of Moscow State University*. 2019;(2):138-157. (In Russ.)
9. Filonenko Yu.V., Skachkova L.S., Filonenko V.I. Employment of students during their studies at the university. *Sociologicheskie Issledovaniya=Sociological research*. 2018;9(413):135-140. (In Russ.) <https://doi.org/10.31857/S013216250001970-0>
10. Zabelina O.V., Mirzabalaeva F.I. Freelance kak novaya gibkaya forma samozanyatosti na rossiyskom rynke truda [Freelancing as a new flexible form of self-employment on the Russian labour market]. *Ekonomika truda*. 2020;7(4):307-320. (In Russ.) <https://doi.org/10.18334/et.7.4.100869>
11. Rudaev G.S., Busygin S.V. The Dependence of the Salary Level on the Availability of a Master's Degree in Russia. *Mir Ekonomiki I Upravleniya=World of Economics and Management*. 2021;21(1):86-103. (In Russ.) <https://doi.org/10.25205/2542-0429-2021-21-1-86-103>
12. Rozhkova K.V., Roshchin S.Y., Solntsev S.A., Travkin P.V. Return on a master's degree in the Russian labor market. *Voprosy Ekonomiki=Issues of Economics*. 2021;(8):69-92. (In Russ.)
13. Kolosova A.I., Rudakov V.N., Roshchin S.Y. Influence of work on the profile of the received specialty on wages and job satisfaction of university graduates. *Voprosy Ekonomiki=Issues of Economics*. 2020;(11):113-132. (In Russ.) <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2020-11-113-132>
14. Zolotina O.A., Serpukhova M.A. Balance of life spheres in obtaining professional education in the field of economics. *Ekonomika I Upravlenie=Economics and Management*. 2020;26(8):886-900. (In Russ.) <https://doi.org/10.35854/1998-1627-2020-8-886-900>
15. Razumova T.O., Serpukhova M.A. Theoretical and methodological foundations for the formation of the family-work balance indicator. *Uroven zhizni naseleniya regionov Rossii=Living standards of the population of regions of Russia*. 2022;18(4):466-476. (In Russ.) <https://doi.org/10.19181/lsprr.2022.18.4.4>

Information about the author:

Ol'ga A. Zolotina – PhD in Economics, Assistant Professor, Economics Faculty of the Lomonosov Moscow State University, department of labor and personnel economics, Moscow, Russia (e-mail: zolotina.o@gmail.com) (e-library Author ID: 812064) (ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1757-2131>)

Mariya A. Serpukhova – PhD in Economics, Assistant, Economics Faculty of the Lomonosov Moscow State University, department of labor and personnel economics, Moscow, Russia (e-mail: mserpuhova@gmail.com) (e-library Author ID: 1025048) (ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6132-1735>)

Authors' declared contribution: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

The author responsible for the correspondence is Mariya A. Serpukhova.

The article was submitted 25.03.2023; approved after reviewing 02.05.2023; accepted for publication 16.05.2023

Оригинальная статья

УДК 331.5

DOI: 10.52180/1999-9836_2023_19_2_4_199_215

EDN: FNPCJE

Динамика и детерминанты удовлетворённости работой россиян в характеристике человеческого потенциала

Екатерина Алексеевна Черных^{1,2}

¹ Институт экономики РАН, Москва, Россия, (chernykh.ekaterina108@gmail.com), (ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6970-487X>)

² Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Россия

Аннотация

В статье показано место концепции удовлетворённости работой в контексте воспроизводства человеческого потенциала. Делается обзор зарубежных и отечественных количественных исследований, посвящённых детерминантам удовлетворённости работой. На данных Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE) за 2002–2021 гг. и Комплексного наблюдения условий жизни населения (КОУЖ-2020) проведён анализ удовлетворённости работой и её компонентов в динамике, а также в разрезе различных социально-демографических групп. Основной тренд за 20 лет: устойчивый рост доли удовлетворённых работой (более чем на 20 п.п.) и снижение доли неудовлетворённых в 5–6 раз. Показана связь удовлетворённости работой с общим благосостоянием и уровнем жизни населения. Показано, что сохраняется во времени (по 20 волнам) статистическая значимость связи ряда показателей с удовлетворённостью работой: удовлетворённость оплатой труда, условиями труда, профессиональным ростом, своим здоровьем, жизнью; уровень образования; доверие руководству и коллегам; наличие подчинённых, изменение материального благополучия за год; самооценка по материальному благополучию; тип населённого пункта; степень беспокойства о возможности обеспечить себя и др. Анализ на микроданных КОУЖ-2020 показал, что самые «довольные» работой категории это работающие не по найму, люди старше трудоспособного возраста, имеющие высшее образование. Женщины в целом довольны всеми составляющими удовлетворённости работой (кроме заработка) больше, чем мужчины. Удовлетворённость и неудовлетворённость работой объясняются разными факторами, поэтому причины этих явлений надо искать в разных сферах. Динамика показателя УР может служить индикатором качества различных мер социальной политики.

Ключевые слова: удовлетворённость работой, неудовлетворённость работой, условия труда, оплата труда, человеческий потенциал, гендерные различия, гендерный парадокс

Для цитирования: Черных Е.А. Динамика и детерминанты удовлетворённости работой россиян в характеристике человеческого потенциала // Уровень жизни населения регионов России. 2023. Том 19. № 2. С. 199–215. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_2_4_199_215; EDN FNPCJE

RAR (Research Article Report)

DOI: 10.52180/1999-9836_2023_19_2_4_199_215

EDN: FNPCJE

Dynamics and Determinants of Job Satisfaction of Russians in the Characteristics of the Human Potential

Ekaterina A. Chernykh^{1,2}

¹ Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Russia, Moscow, (chernykh.ekaterina108@gmail.com), (ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6970-487X>)

² Plekhanov Russian University of Economics, Russia, Moscow

Abstract

The article shows the place of the concept of job satisfaction in the context of the reproduction of human potential. A review is made of foreign and domestic quantitative studies on the determinants of job satisfaction. Based on the data of the Russian Monitoring of the Economic Situation and Health of the Population of the National Research University Higher School of Economics (RLMS-HSE) for 2002–2021 and the Comprehensive Observation of Living Conditions of the Population-2020, an analysis of job satisfaction and its components in dynamics, as well as in the context of various socio-demographic groups, was carried out. The main trend over 20 years: a steady increase in the share of job satisfaction (by more than 20 percentage points) and a decrease in the share of dissatisfied by 5–6 times. The connection of job satisfaction with the general well-being and standard of living of the population is shown. It is shown that the statistical significance of the relationship of a number of indicators with job satisfaction is preserved over time (for 20 waves): satisfaction with wages, working conditions, professional growth, one's health, life; the level of education; trust in management and colleagues; the presence of subordinates, the change in material well-being for the year; self-assessment of material well-being; type of locality; the degree of anxiety about the ability to provide for oneself, etc. A descriptive analysis based on the Comprehensive Observation of Living Conditions of the Population-2020 data showed that the most "satisfied" categories with work are self-employed, people older than working age, those who have higher education. In general, women are more satisfied with all job satisfaction parameters (except earnings) than men. Satisfaction and dissatisfaction with job are explained by different factors, so the causes of these phenomena must be sought in different areas. The dynamics of the job satisfaction indicator can serve as an indicator of the quality of various social policy measures.

Keywords: job satisfaction, dissatisfaction with job, working conditions, wages, human potential, gender differences, gender paradox

For citation: Chernykh E.A. Dynamics and Determinants of Job Satisfaction of Russians in the Characteristics of the Human Potential. *Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2023. Vol. 19. No 2. P. 199–215. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_2_4_199_215

Введение

Категория «человеческий потенциал» (ЧП) традиционно рассматривается как «накопленный населением запас здоровья, общекультурной и профессиональной компетентности, творческой, предпринимательской и гражданской активности, реализующийся в сфере деятельности и в сфере потребления на основе рыночных и нерыночных механизмов» [1]. Это интегральная категория, объединяющая понятия, в разном контексте описывающие его содержание: «демографический потенциал», «трудовой потенциал», «качество жизни», «качество трудовой жизни», «человеческий капитал» и др.

Характеристики рабочих мест, требования к выполнению работы, условия труда, напряженность и тяжесть труда и другие аспекты, составляющие качество трудовой жизни, формируют, положительно или отрицательно, физическое и психологическое здоровье и благополучие работников в краткосрочной, среднесрочной и долгосрочной перспективе, то есть оказывают непосредственное влияние на воспроизводство ЧП. Воспроизводство ЧП определяет вектор развития страны и выступает качественной характеристикой социальной политики государства [2]. Учитывая тот факт, что на 2021 год уровень занятости населения 15 лет и старше в РФ составляет 59,4 %, качество трудовой жизни работников вносит значительный вклад в формирование и реализацию ЧП страны. А сам показатель удовлетворенности работой (УР) может служить индикатором качества социальной политики.

Предметом анализа данной статьи является удовлетворенность работой. Заметим, что в российских публикациях авторы используют как синонимы термины «удовлетворенность работой», «удовлетворенность трудом», а также «удовлетворенность занятостью». Данная категория часто выступает в исследованиях в качестве некоторой «прокси», обобщающей характеристики, наилучшим из доступных способов отражающей содержание качества трудовой жизни [3].

УР может характеризоваться как «приятное эмоциональное состояние, возникающее в результате оценки работы как способа достижения своих рабочих ценностей» [4], а также оценка людьми своей работы по отношению к их ожиданиям от данной работы [5]. Если УР является оценкой с точки зрения ожиданий, то на неё может повлиять «нисходящая адаптация ожиданий» в контексте ограниченных возможностей [6]. Это означает, что, если люди работают в плохих условиях и не могут легко сменить работу, в качестве стратегии выживания они корректируют свои ожидания, повышая среднюю удовлетворенность

работой. Другим возможным объяснением является «эффект выжившего»: те работники, которые недовольны своей работой и не могут ни изменить эту реальность, ни приспособить свои ожидания, с большей вероятностью покинут данное рабочее место, а значит оставшиеся являются относительно более удовлетворенными, что приводит к сдвигу вверх в средней удовлетворенности работой.

Эмпирические исследования показали, что УР является хорошим предиктором абсентеизма, текучести кадров, добровольных увольнений и производительности труда (причем корреляция тем сильнее, чем сложнее выполняемая работа) [7–18]. Иными словами, УР может выступать «индикатором», показывающим отношение работников к текущим условиям занятости, происходящим изменениям, ситуации в компании.

Эмпирические данные свидетельствуют, что важными факторами УР являются контроль над работой (с точки зрения автономии и участия в принятии решений), социальная поддержка, интенсивность труда [7, 19, 20, 21], обучение на рабочем месте [22]; гарантия занятости и интересность работы, оказываемое на сотрудника давление на работе и взаимоотношения между сотрудниками [23].

Исследования, посвященные объективным характеристикам работы (сектор занятости, заработная плата, тип контракта, размер фирмы) показали, что корреляция между этими характеристиками и УР зачастую низкая и сильно различается в разных исследованиях [21, 24].

Есть ряд исследований, критикующих концепцию УР, как «прокси» качества занятости [16, 24, 25, 26]. Авторы отмечают, что понятие УР не всегда отражает уровень мотивации работников, а также является реактивной, отражая то, что уже было достигнуто в прошлом. Кроме того, УР может отражать ожидания людей, основанные на сравнении с их предыдущими местами работы, с референтными группами или с другими рабочими местами, доступными на рынке труда, – все это факторы, усложняющие сравнения между людьми. Кроме того, работники могут адаптировать свои ожидания к плохим характеристикам работы, что объясняет низкие различия в уровнях УР, наблюдаемые в разных странах [27]. Обе тенденции могут быть результатом процесса нисходящей адаптации.

Удовлетворенность и неудовлетворенность работой объясняются разными факторами [3]. Неудовлетворенность работой может быть результатом несоответствия ожиданий человека реальным характеристикам работы [28]. Работающие в неблагоприятных условиях, но не осоз-

нающие этого, могут быть удовлетворены своей работой, в то время как те, кто лучше осведомлён об условиях своей работы, могут быть менее удовлетворены.

Согласно [23] УР тесно связана с понятиями относительной депривации и сравнения доходов: она сильнее коррелирует с относительным доходом респондентов, чем с их абсолютным доходом, где относительный доход рассчитывается как заработная плата, прогнозируемая на основе индивидуальных характеристик.

Ряд эмпирических исследований посвящён анализу УР для различных социально-демографических групп, а также категорий работников с разными характеристиками (например, с разным уровнем образования). Полученные в разное время и в разных странах выводы часто противоречат друг другу [9, 29–32].

Согласно зарубежным исследованиям, женщины, пожилые работники и люди с более низкой заработной платой в целом более удовлетворены своей работой [30], в то время как члены профсоюзов и более образованные люди, у которых должна быть более качественная работа, как правило, менее удовлетворены. В качестве объяснения последнего тезиса приводится аргумент, что более образованные работники менее удовлетворены работой либо потому, что образование повышает их ожидания, либо потому, что люди с высокими ожиданиями дольше продолжают своё образование. Однако более современные зарубежные исследования, а также данные по российскому рынку труда свидетельствуют, что повышение уровня образования и квалификации способствуют увеличению уровня УР [3, 9, 10, 32].

Согласно [5] женщины сообщают о большей удовлетворённости работой, чем мужчины, даже если они занимают аналогичную работу, из-за более низких ожиданий (так называемый гендерный парадокс). При этом есть исследования, отмечающие, что при одновременном увеличении заработной платы и рабочей нагрузки у женщин снижается уровень УР из-за конфликта между рабочими и домашними обязанностями [5, 33–36].

Несмотря на то, что работа на условиях неполного рабочего дня часто связана с понижением профессионального уровня и более низкими карьерными перспективами [37], работники, занятые неполный рабочий день, обычно более удовлетворены своей работой, чем работники, занятые полный рабочий день [38]. Отрицательная связь между членством в профсоюзе и удовлетворённостью работой также может быть результатом процесса самоотбора, при котором недовольные работники с большей вероятностью вступят в профсоюз [23], или эффекта удер-

жания, так как профсоюзы, предоставляя работникам право голоса, поощряют их оставаться на рабочих местах, даже если они ими недовольны [39]. Самоотбор и неслучайность в выборе работы (например, выбор между бюджетным или небюджетным сектором) усложняют оценку влияния отдельных детерминант на УР [40].

Определить детерминанты УР можно разными способами. Самым распространённым способом является построение логистической регрессии с бинарной переменной (удовлетворён/не удовлетворён). Такие расчёты на российских данных были сделаны в [9, 36]. В [9] были получены выводы, что на уровень УР позитивно влияют наличие высшего образования, работа на государственных предприятиях, наличие у работника подчинённых, высокая заработная плата.

Таким образом, несмотря на обширный пласт исследований УР в качестве объясняющей и объясняемой переменной, выводы исследователей зачастую противоречивы, их сложно сравнивать в силу различия в методиках сбора данных, использования данных за разные годы, разные страны. В нашем исследовании мы анализируем УР в динамике за 20 лет на данных, собранных по единой методике на единой репрезентативной панельной выборке.

Объект исследования – занятые на российском рынке труда. Предмет исследования – удовлетворённость работой, её компоненты и определяющие факторы (детерминанты), рассмотренные в динамике за 20 лет.

Цель исследования – провести анализ удовлетворённости занятых их работой в динамике, а также в зависимости от их индивидуальных социально-демографических характеристик; выявить факторы и особенности УР в России.

Методология и использованные данные

УР измеряется либо с помощью отдельного вопроса об общей удовлетворённости работой, либо с помощью вопросов об удовлетворённости конкретными аспектами работы.

В данной статье использовались данные репрезентативных выборок по индивидам 20 волн (с 2002 по 2021 годы) Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE)¹. Нами были сформированы подвыборки из респондентов в возрасте старше 15 лет, которые на момент опроса были занятыми (исследовалась основная занятость).

¹ Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE)», проводимый Национальным исследовательским университетом "Высшая школа экономики" и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН. (Сайты обследования RLMS HSE: <http://www.cpc.unc.edu/projects/rlms> и <http://www.hse.ru/rlms>).

Мы специально не ограничивали возраст респондентов сверху, так как, во-первых, в выборке крайне мало работающих респондентов старше 75 лет (11 человек в 30 волне), во-вторых, изменения параметров качества трудовой жизни (КТЖ) и УР с возрастом входят в сферу наших интересов, в-третьих, это соответствует методологии Росстата. Кроме того, заметим, что продолжение участия в рабочей силе в пенсионном возрасте является устойчивой тенденцией.

В RLMS-HSE кроме общего вопроса об УР, есть ещё вопросы об удовлетворённости заработком, условиями труда и профессиональным развитием. Удовлетворённость работой, её составляющими, а также жизнью, здоровьем и материальным благополучием в базе RLMS-HSE измеряется по шкале Лайкерта: 1 – полностью удовлетворены работой, 2 – скорее удовлетворены, 3 – и да, и нет, 4 – скорее не удовлетворены, 5 – совсем не удовлетворены. Для целей исследования эти варианты были сгруппированы в 3 категории: удовлетворены; и да, и нет; не удовлетворены, а потом перекодированы для лучшей интерпретации результатов в порядке возрастания (улучшения) показателя в порядковую шкалу: 1 – «не удовлетворены»; 2 – «и да, и нет»; 3 – «удовлетворены».

Дополнительным статистическим источником информации для расчёта УР российских работников может служить Комплексное наблюдение условий жизни населения (КОУЖ 2020)², которое организуется во всех субъектах Российской Федерации с охватом в 2020 году 60 тыс. домохозяйств. Удовлетворённость работой в опроснике КОУЖ раскладывается на следующие составляющие: заработок, надёжность работы, выполняемые обязанности, режим работы, условия труда, расстояние до работы, профессиональная удовлетворённость, моральное удовлетворение. Эти показатели неплохо описывают интегральную характеристику качества трудовой жизни, то есть по сути УР в данном контексте – это качество трудовой жизни. Мы использовали микроданные, позволяющие не только сравнивать между собой различные социально-демографические группы, но и делать выводы о наличии или отсутствии статистической связи между переменными. В нашу выборку вошли работающие индивиды. Выборка составила 56733 респондента.

Гипотезы

1. УР положительно связана со здоровьем и субъективным благополучием.

2. Женщины более удовлетворены работой, чем мужчины.

3. Пожилые работники более удовлетворены работой, чем молодёжь.

4. Работники с высшим образованием более удовлетворены работой, чем работники с более низким уровнем образования.

5. В городах люди больше удовлетворены работой, чем в сельской местности.

6. Работающие не по найму больше удовлетворены работой, чем наёмные работники.

7. Есть ряд устойчивых детерминант УР, не меняющихся во времени, а есть детерминанты, зависящие от экономической ситуации, конъюнктуры рынка труда и других факторов.

Полученные результаты

На данных всех волн RLMS-HSE, начиная с 2002 года нами были проверены гипотезы о значимости связи вышеперечисленных характеристик с УР, а также мы включили в анализ ряд других характеристик работника и его рабочего места. Все социально-демографические характеристики работников, а также характеристики рабочего места мы разбили на 3 группы: 1) характеристика стабильно значима для УР в динамике; 2) характеристика значима в одних волнах, и не значима в других волнах (таблица 1).

Для порядковых переменных использовался коэффициент корреляции Спирмена. Проверялось наличие связи между показателями с использованием критерия Пирсона χ^2 при 5 %-ом уровне значимости с помощью таблицы значений критерия χ^2 .

В таблице 2 представлены некоторые выборочные значения коэффициентов корреляции для значимых детерминант УР.

Корреляционный анализ показывает, что самые сильные зависимости у УР на протяжении 20 исследуемых лет (УР впервые появилась в RLMS-HSE в 2002 году) наблюдаются с показателями удовлетворённости условиями труда, профессиональным ростом и оплатой труда. Динамика этих показателей стабильна. Также есть средней степени корреляция УР со степенью доверия работников руководству и коллегам, а также удовлетворённостью жизнью. Действительно, если люди доверяют тем, с кем работают, их УР повышается, так как это улучшает рабочий климат, упрощает взаимодействия, делает совместную работу более эффективной. При этом из наличия значимости корреляционной связи мы не можем сделать однозначный вывод о направленности связи: если у респондента растёт удовлетворённость жизнью (например, по причине налаживания личной жизни, переезда или рождения ребёнка/внука), то это не обязательно означает, что он становится более удовлетворён своей работой.

² Комплексное наблюдение условий жизни населения // Росстат: [сайт]. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/GKS_KOUZH-2020/index.html (дата обращения: 07.02.2023).

Таблица 1

Показатели, связанные с удовлетворённостью работой

Table 1

Measures Related to Job Satisfaction

Характеристика стабильно значима для УР в динамике	Характеристика значима в одних волнах, и не значима в других волнах
Удовлетворённость оплатой труда, условиями труда, профессиональным ростом, своим здоровьем, жизнью, уровнем образования, доверие руководству, доверие коллегам, наличие подчинённых, изменение материального благополучия за 12 месяцев, самооценка по материальному благополучию, степень беспокойства о возможности обеспечить себя, использование Интернета для работы, работа из дома за последний месяц	Возраст, пол, количество часов работы в день, семейное положение, государственная собственность предприятия, работник является собственником предприятия, официальное оформление на работе, факт смены места работы за последний год, продвижение по службе за последний год, количество детей, в том числе количество детей до 18 лет, трудовой стаж, тип населённого пункта

Источник: составлено автором на основе данных RLMS-HSE.

Таблица 2

**Коэффициенты корреляции Спирмена для отдельных детерминант УР (2002–2021 гг.)
(только для значимых корреляций)**

Table 2

**Spearman Correlation Coefficients for Selected Determinants of Job Satisfaction (2002–2021)
(Only for Significant Correlations)**

год	Удовлетворённость				уровень образования	доверие руководству	доверие коллегам	изменение материального благополучия ³
	оплатой труда	условиями труда	профессиональным ростом	жизнью				
2002	0,41	0,61	0,45	0,27	0,11			-0,17
2003	0,46	0,62	0,47	0,39	0,13			-0,23
2004	0,46	0,64	0,49	0,42	0,15			-0,23
2005	0,45	0,67	0,47	0,40	0,14			-0,18
2006	0,48	0,66	0,52	0,30	0,14	0,30	0,15	-0,18
2007	0,48	0,67	0,54	0,31	0,15	0,32	0,21	-0,17
2008	0,49	0,70	0,55	0,31	0,14			-0,16
2009	0,42	0,65	0,44	0,29	0,12			-0,18
2010	0,44	0,68	0,51	0,33	0,12			-0,17
2011	0,45	0,68	0,54	0,31	0,12			-0,15
2012	0,47	0,68	0,53	0,30	0,10	0,34	0,22	-0,14
2013	0,48	0,71	0,52	0,29	0,12	0,35	0,25	-0,15
2014	0,49	0,70	0,53	0,31	0,12	0,37	0,26	-0,16
2015	0,49	0,74	0,55	0,31	0,14	0,35	0,26	-0,19
2016	0,47	0,72	0,53	0,29	0,14	0,39	0,27	-0,18
2017	0,47	0,70	0,53	0,33	0,10	0,39	0,25	-0,16
2018	0,45	0,69	0,54	0,29	0,13	0,37	0,25	-0,17
2019	0,48	0,68	0,52	0,31	0,11	0,34	0,27	-0,16
2020	0,48	0,70	0,54	0,30	0,12	0,35	0,27	-0,14
2021	0,44	0,68	0,51	0,32	0,10	0,32	0,26	-0,15

Источник: рассчитано автором на основе данных RLMS-HSE.

³ Данный показатель измеряется по пятибалльной шкале от 1 – «значительно улучшилось» до 5 – «значительно ухудшилось». Коэффициент корреляции с УР имеет отрицательный знак, т.к. мы перекодировали ранее УР в порядковую шкалу 1 – «не удовлетворены»; 2 – «и да, и нет»; 3 – «удовлетворены». Те, у кого улучшилось материальное положение, чаще отмечали, что они удовлетворены работой и наоборот.

Скорее, есть обратная зависимость – УР влияет на удовлетворённость жизнью, она положительно связана с субъективным благополучием работников, так как удовлетворение потребностей на работе (в признании, уважении и др.) в большинстве случаев будет восприниматься как повышение общего благополучия. Респонденты, удовлетворённые работой, скорее всего, с большей вероятностью будут удовлетворены жизнью.

Так как в настоящее время широкое распространение получила удалённая занятость и новые формы работы, то мы отдельно проанализировали есть ли связь между УР и тем фактом, что респонденты используют Интернет для работы. Данный вопрос задавался начиная с 12 волны. Оказалось, что гипотеза о наличии связи не отвергается. Коэффициенты корреляции низкие, однако есть интересная закономерность – в 2021 году этот коэффициент снизился, по сравнению с предыдущими годами. Если предположить, что работа с использованием Интернета подразумевает с высокой степенью вероятности удалённую работу (такое предположение уже делалось другими авторами, работавшими с RLMS-HSE, хотя автор отдаёт себе отчёт, что методологически строго нельзя утверждать, что удалённая занятость тождественна применению ИКТ), то это можно в некоторых случаях интерпретировать таким образом, что после пандемии возможность работать из дома уже не является фактором, повышающим удовлетворённость работников, так как практика удалённой занятости стала очень распространённой во всех сферах деятельности.

В RLMS-HSE есть ещё один вопрос, позволяющий косвенно оценить качество удалённой занятости. Среди тех, кто за последний месяц выполнял свою основную работу из дома в среднем на 10 % больше удовлетворённых работой, чем среди тех, кто не работал из дома. Эта связь значимая,

но коэффициенты корреляции слишком низкие, чтобы можно было оценить её силу.

Рассмотрим динамику показателя удовлетворённости работой и её составляющих – удовлетворённости оплатой труда, условиями труда и профессиональным ростом по разным социально-демографическим группам работников, чтобы учесть дифференциацию оценок в зависимости от этих параметров.

Удовлетворённость работой в целом

Кривые показателей удовлетворённости работой мужчин и женщин в динамике в целом схожи, однако кривая женщин несколько более ломанная, что может свидетельствовать о том, что женщины сильнее реагируют на социально-экономические и иные изменения. Начиная с 2007 года (кроме 2009 года) УР женщин превышала УР мужчин на 1–3 п.п. В 2021 году превышение составило 3,21 п.п. (рисунок 1). Как было показано выше, различия статистически значимы только в 12, 14, 23, 25, 27 и 30 волнах, при этом коэффициенты корреляции слишком низкие.

Основной тренд за 20 лет: устойчивый рост доли удовлетворённых работой (более чем на 20 п.п.), и снижение доли неудовлетворённых в 5–6 раз. Доля сомневающихся относительно стабильна и держится в районе 20 %.

Статистическая связь УР и уровня образования работников значима. Чем выше уровень образования, тем выше удовлетворённость работой (рисунок 2). Работники во всех группах продемонстрировали снижение уровня УР в 2015 году, что является следствием экономического кризиса (в 2014 г. произошло падение мировых цен на нефть, падение курса рубля и введение санкций). На кризис 2020 года, связанный с пандемией, очень слабо отреагировали снижением УР только имеющие высшее образование и законченное среднее специальное.

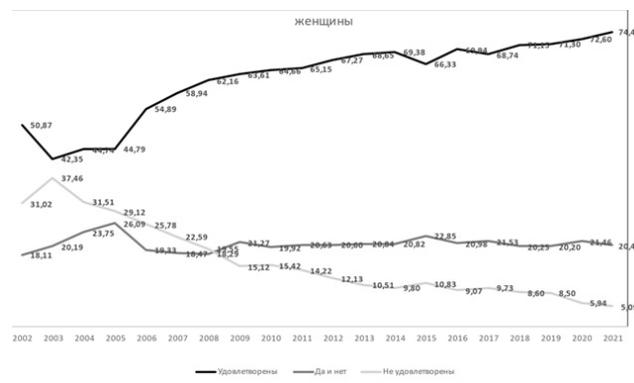
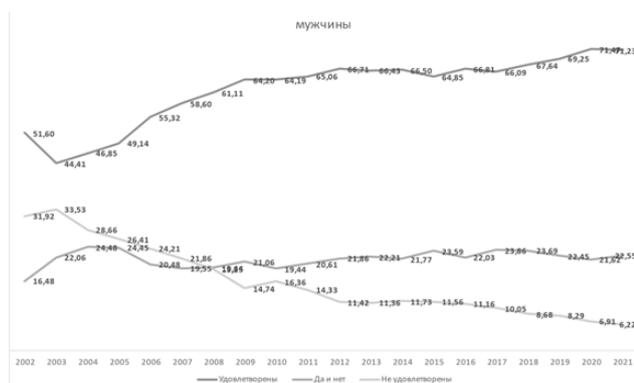

Рисунок 1. Удовлетворённость работой, 2002–2021, %

Figure 1. Job Satisfaction, 2002–2021, %

Источник: рассчитано автором на основе данных RLMS-HSE.

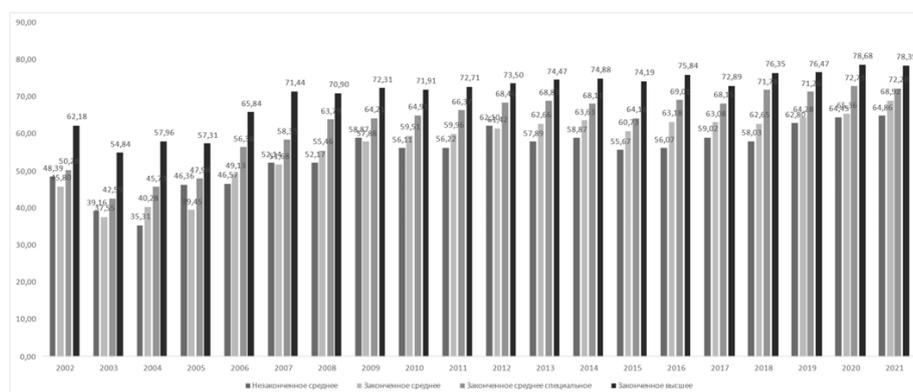

Рисунок 2. Удовлетворённость работой по уровню образования, 2002–2021, %
 Figure 2. Satisfaction with Working Conditions, 2002–2021, %

Источник: рассчитано автором на основе данных RLMS-HSE.

Показатель места жительства работников для УР значим во всех волнах, кроме 11, 18, 25, 27, 28. На рисунке 3 показана доля удовлетворённых работой в зависимости от места жительства работников. В сельской местности эта доля меньше всего. Заметим, что не всегда в областных центрах самая большая доля удовлетворённых работой. До 2017 года на селе также отмечалась максимальная доля неудовлетворённых работой.

Официальное оформление на работе является статистически значимой детерминантой УР, кроме 12 волны. Оформленные официально демонстрируют значительно больший уровень удовлетворённости (рисунок 4). Данные КОУЖ-2020 также подтверждают тот факт, что работники, имеющие официальный контракт или трудовой договор удовлетворены работой (и её составляющими) значительно сильнее, чем работающие

на основе устной договорённости или договора гражданско-правового характера.

Среди работающих по официальному трудовому договору или контакту значительно (от 7 до 20 п.п.) больше удовлетворённых работой и меньше неудовлетворённых работой (разница доходит до 14,5 п.п.).

Что касается возраста, то для оценки влияния этого фактора все работники были сгруппированы по возрасту в 6 групп (0–20 лет, 21–35 лет, 36–46 лет, 47–60 лет, 61–75 лет и старше 76 лет). Показатель возраста значим для УР, за исключением 23, 24, 27, 29 и 30 волн.

Самая высокая УР наблюдается в группах 61–75 лет и старше, однако эти группы во всех волнах очень малочисленные. Сотрудники до 20 лет меньше всего удовлетворены своей работой (рисунок 5).

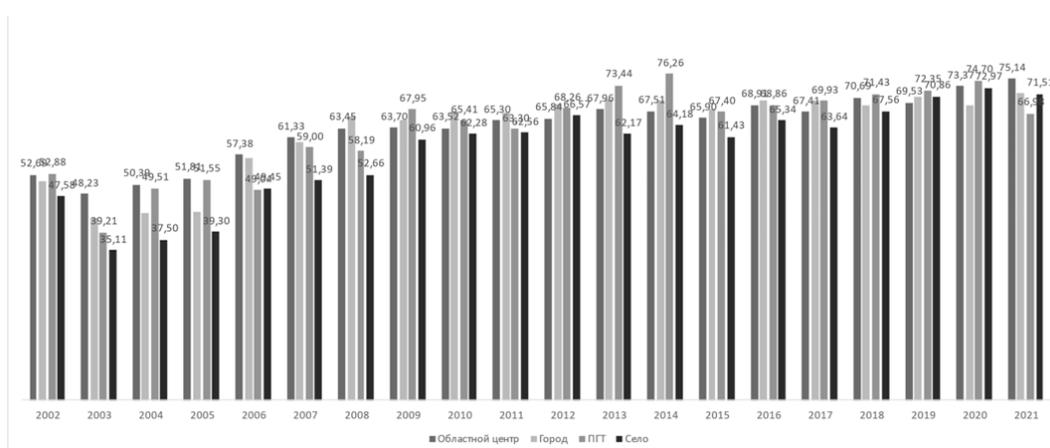

Рисунок 3. Удовлетворённость работой по месту жительства, 2002–2021, %
 Figure 3. Satisfaction with Working Conditions, 2002–2021, %

Источник: рассчитано автором на основе данных RLMS-HSE.

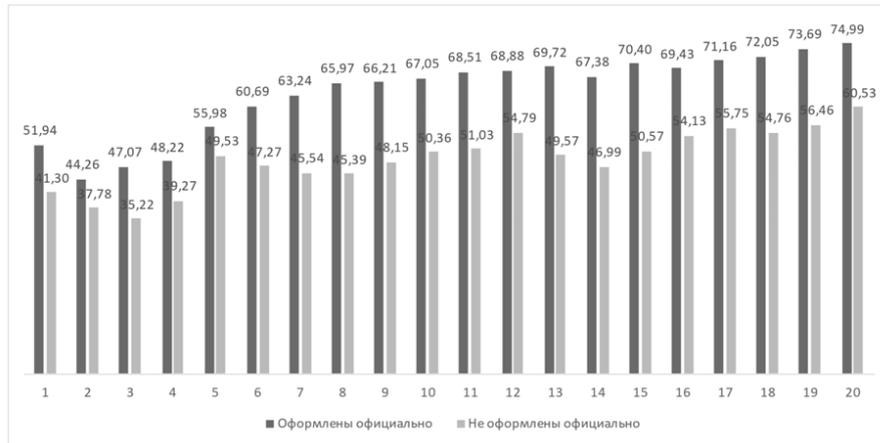

Рисунок 4. Удовлетворённы́е работой в зависимости от наличия официального оформления на работе, 2002–2021, %

Figure 4. Satisfaction with Working Conditions, 2002–2021, %

Источник: рассчитано автором на основе данных RLMS-HSE.

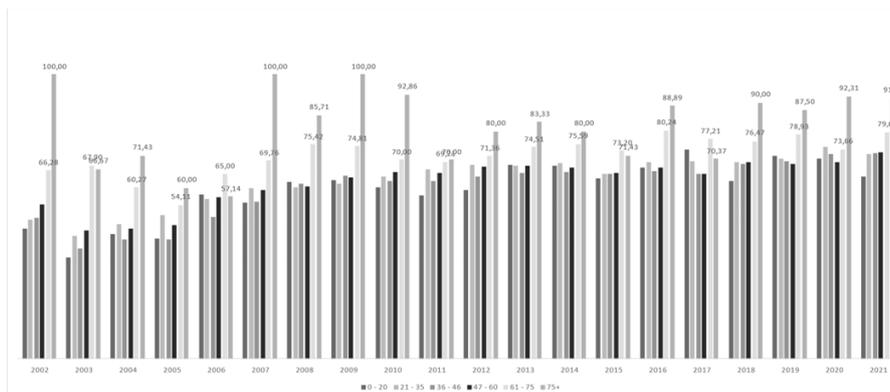

Рисунок 5. Удовлетворённы́е работой в зависимости от возраста, 2002–2021, %

Figure 5. Satisfaction with Working Conditions, 2002–2021, %

Источник: рассчитано автором на основе данных RLMS-HSE.

Как уже упоминалось, у удовлетворённости и неудовлетворённости работой могут быть разные детерминанты. Довольно часто к росту доли неудовлетворённых работой приводят различные социальные потрясения, реформы (например, увеличение пенсионного возраста и др.). Исследование влияния социально-экономической политики государства, а также макроэкономических индикаторов и их динамики на УР является перспективной темой наших дальнейших исследований.

Можно объяснить рост доли неудовлетворённых работой среди работающих пенсионеров в 2020 году введением ковидных ограничений (блокировка транспортных карт, перевод на удалённую занятость или просто отстранение от работы). Всплеск «неудовлетворённых» среди старших возрастов в 2019 году (рисунок 6) возможно объясняется увеличением числа людей, попавших в группу 75+ (сама группа малочисленна во всех

волнах, поэтому даже небольшое её увеличение приводит к росту доли).

Удовлетворённость условиями труда

В 2009 году доля неудовлетворённых условиями труда и среди мужчин, и среди женщин стала меньше, чем доля сомневающих (ответивших «и да, и нет») и далее эта тенденция продолжилась, увеличивая разрыв между недовольными и сомневающимися (рисунок 7). Женщины на протяжении всех волн исследования более удовлетворены условиями труда, к 2021 году разница достигла максимума в 7,61 п.п. Пол статистически не значим для удовлетворённости условиями работы в 12 и 14 волнах. Для 30 волны (2021 год) разница между мужчинами и женщинами была статистически значима, но коэффициенты корреляции слишком низкие. Разница в УР может объясняться как теорией самоотбора (женщины изначально выбирают работу с лучшими условиями), так и тем фактом,

что женщины меньше, чем мужчины заняты на тяжёлых и вредных производствах (рисунок 7).

В данном исследовании дополнительно к данным RLMS-HSE мы использовали микроданные Комплексного наблюдения условий жизни населения (КОУЖ-2020). Данные КОУЖ позволяют детализировать удовлетворённость условиями труда по составляющим.

В целом, по агрегированным усреднённым данным, условиями труда больше всего удовлетворены работники с высшим образованием, работающие не по найму, женщины (на 10,3 п.п больше, чем мужчины) и сотрудники старше трудоспособного возраста (рисунок 8). Различия статистически значимы.

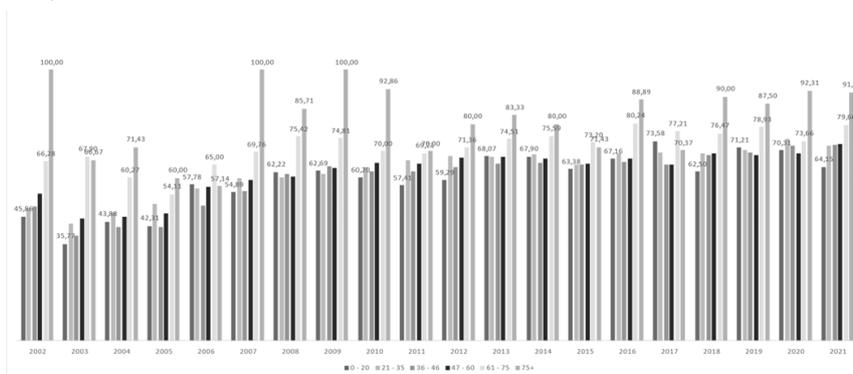

Рисунок 6. Неудовлетворённость работой в зависимости от возраста, 2002–2021, %
Figure 6. Satisfaction with Working Conditions, 2002–2021, %

Источник: рассчитано автором на основе данных RLMS-HSE.

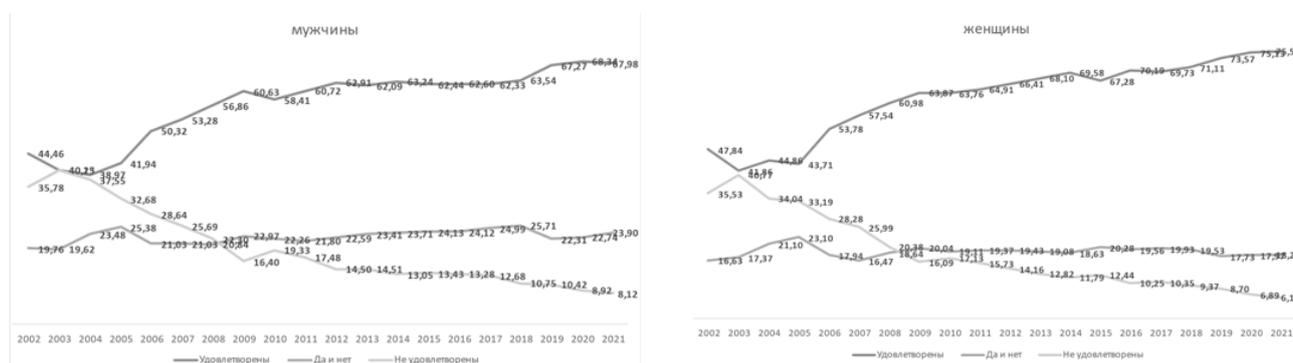

Рисунок 7. Удовлетворённость условиями труда, 2002–2021, %
Figure 7. Satisfaction with Working Conditions, 2002–2021, %

Источник: рассчитано автором на основе данных RLMS-HSE.

Рисунок 8. Удовлетворённость условиями труда, 2020, %
Figure 8. Satisfaction with Working Conditions, 2020, %

Источник: рассчитано автором на основе данных КОУЖ-2020.

Удовлетворённость надёжностью работы ожидаемо выше среди работников с высшим образованием, работающих в формальном секторе, среди жителей городов, среди женщин по сравнению с мужчинами и среди людей старше трудоспособного возраста по сравнению с молодёжью (рисунок 9).

Это частично объясняется самоотбором (женщины, люди с высшим образованием и люди с опытом выбирают изначально более надёжную, по их мнению, занятость), а также тем фактом, что имея лучшие профессионально-квалификационные характеристики, эти категории работников могут выбрать более надёжную работу.

Максимальная удовлетворённость своими обязанностями наблюдается среди работающих не по найму (люди могут заниматься любимым делом, сами являются владельцами компаний), среди имеющих высшее образование, а также среди работающих пенсионеров (можно предположить, что если люди продолжают трудовую карьеру после выхода на пенсию, то они делают это не только ради заработка, но также ради профес-

сиональной реализации, им нравится то, чем они занимаются) (рисунок 10).

Своим режимом работы больше всего удовлетворены сотрудники старше трудоспособного возраста, имеющие высшее образование, работающие в формальном секторе и работающие не по найму. Женщины почти на 5 п.п. больше довольны своим режимом работы (они чаще выбирают гибкий график, удалённую занятость или неполный рабочий день). Меньше всех удовлетворены своим режимом работы сотрудники, имеющие основное общее образование (рисунок 11).

Больше всего довольны расстоянием до работы работающие не по найму, имеющие высшее образование и женщины. Можно предположить, что вышеперечисленные группы работников имеют большую степень свободы в выборе места работы (возможность работы удалённо – из дома, из коворкинга, из-за границы и др.). Больше всего недовольны имеющие основное общее образование и живущие в сельской местности, а также имеющие детей до 3 лет (рисунок 12).

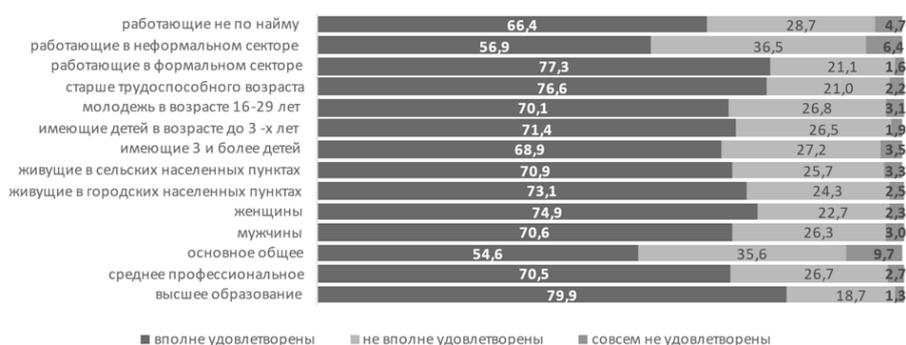

Рисунок 9. Удовлетворённость надёжностью работы, 2020, %

Figure 9. Satisfaction with the Reliability of Work, 2020, %

Источник: рассчитано автором на основе данных КОУЖ-2020.

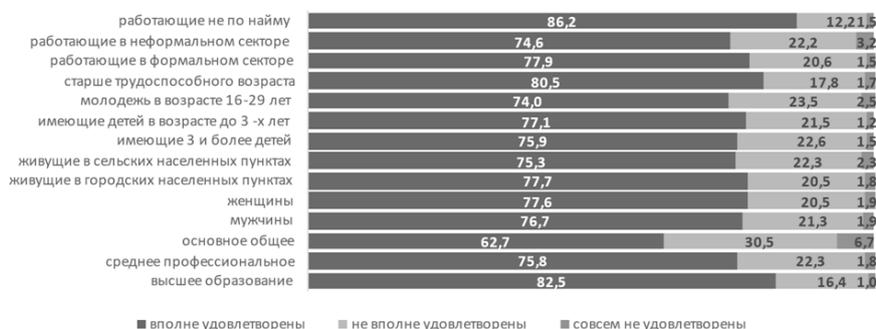

Рисунок 10. Удовлетворённость выполняемыми обязанностями, 2020, %

Figure 10. Satisfaction with Job Tasks, 2020, %

Источник: рассчитано автором на основе данных КОУЖ-2020.

Рисунок 11. Удовлетворённость режимом работы, 2020, %

Figure 11. Satisfaction with the Mode of Operation, 2020, %

Источник: рассчитано автором на основе данных КОУЖ-2020.

Рисунок 12. Удовлетворённость расстоянием до работы, 2020, %

Figure 12. Satisfaction with Distance to Work, 2020, %

Источник: рассчитано автором на основе данных КОУЖ-2020.

Удовлетворённость оплатой труда

Среди всех параметров УР удовлетворённость заработком традиционно меньше всего (для всех категорий работников).

Женщины меньше удовлетворены заработной платой, чем мужчины, также среди них больше тех, кто не удовлетворён своей оплатой труда. Для женщин доля удовлетворённых оплатой труда превысила долю неудовлетворённых только в 2020 году, расхождение в 2021 году составляет 6 п.п. Для мужчин такой перелом произошёл в 2012 году (за исключением 2016 года, когда доля неудовлетворённых вновь незначительно превысила долю удовлетворённых), в 2020–2021 гг. мы наблюдаем максимальное расхождение в почти 11 п.п. (рисунок 13). Пол является статистически значимой характеристикой для удовлетворённости оплатой труда во всех волнах, кроме 18, 25, 28, 29 и 30, поэтому расхождение в удовлетворённости оплатой между мужчинами и женщинами в эти периоды может быть случайным.

В среднем российские женщины уже длительное время получают примерно на четверть меньше, чем мужчины. Согласно данным Росстата, гендерный разрыв в заработной плате (вычисляемый по методологии Международной организации труда в рамках индикаторов достойного труда) составляет на 2021 год 23,7 %. В 2019 году он был равен 24,8 %⁴. По данным на 2022 год, женщины в России зарабатывают в среднем на 31,1 % или на 19,3 тыс. рублей, меньше мужчин⁵.

Данные Комплексного наблюдения условий жизни населения (КОУЖ-2020) позволяют построить срез уровня удовлетворённости оплатой труда для некоторых социально-демографических групп.

⁴ Индикаторы достойного труда // Росстат: [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/labor_market_employment_salaries (дата обращения: 02.02.2023).

⁵ В незаплатном долгу: заработок женщин в РФ оказался на треть ниже, чем у мужчин // Известия: [сайт]. 12 июля 2022. URL: <https://iz.ru/1363088/iuliia-eliseeva/v-nezarplatnom-dolgu-zarabotok-zhenshchin-v-rf-okazalsia-na-tret-nizhe-chem-u-muzhchin> (дата обращения: 01.02.2023).

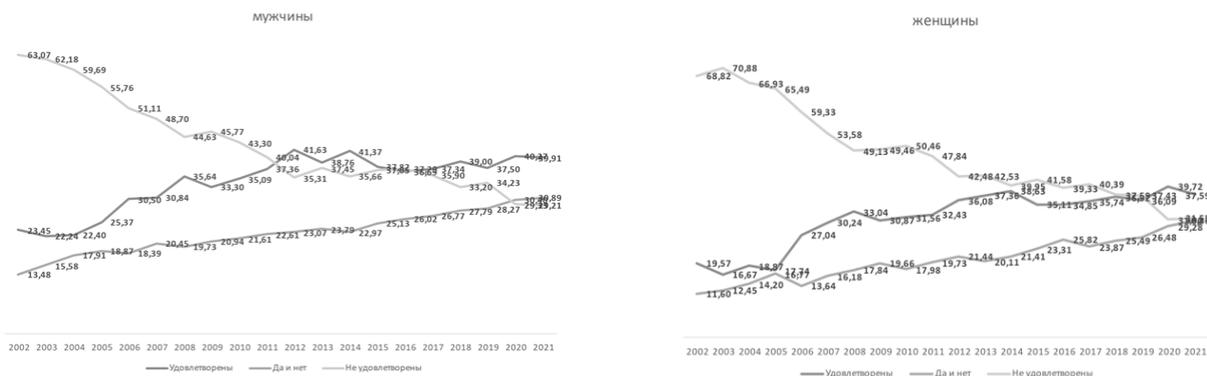

Рисунок 13. Удовлетворённость оплатой труда, 2002–2021, %

Figure 13. Satisfaction with Wages, 2002–2021, %

Источник: рассчитано автором на основе данных RLMS-HSE.

Больше всего удовлетворены своим заработком работающие не по найму. Работающие в неформальном секторе чуть больше удовлетворены, нежели работающие в формальном секторе. Мужчины удовлетворены заработком больше, чем женщины (46,4 % и 41,3 %). В разбивке по уровню образования, сотрудники с высшим образованием удовлетворены значительно выше, чем с более низким уровнем. Нет значительной разницы в уровне удовлетворённости по возрасту, по месту житель-

ства и в зависимости от работы в формальном или неформальном секторе (рисунок 14).

Удовлетворённость профессиональным ростом

Начиная с 2006 года (кроме 2009 и 2012 гг.), женщины больше удовлетворены своим профессиональным ростом, чем мужчины (рисунок 15). Расхождение составляет 1–3,5 п.п., однако оно статистически не значимо.

Рисунок 14. Удовлетворённость заработком, 2020, %

Figure 14. Satisfaction with Earnings, 2020, %

Источник: рассчитано автором на основе данных КОУЖ-2020.

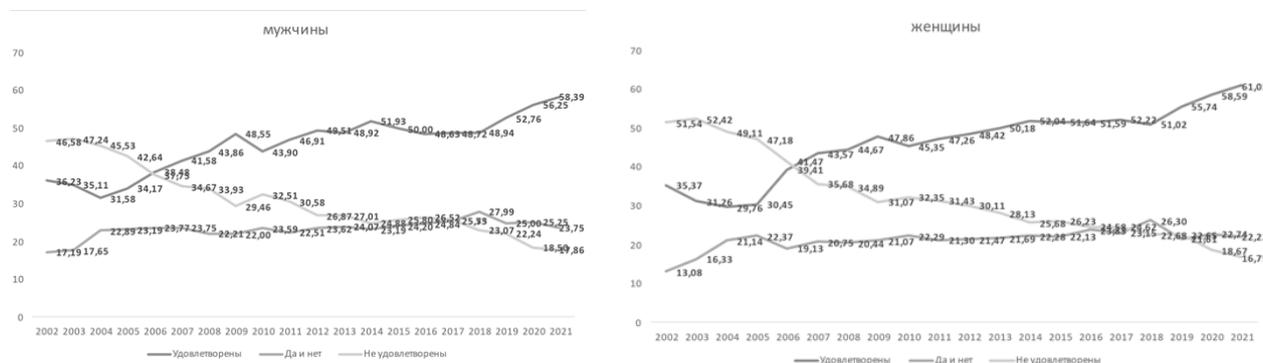

Рисунок 15. Удовлетворённость профессиональным ростом, 2002–2021, %

Figure 15. Satisfaction with Professional Growth, 2002–2021, %

Источник: рассчитано автором на основе данных RLMS-HSE.

Согласно агрегированным данным КОУЖ, самая высокая профессиональная и моральная удовлетворённость от работы у работающих не по найму, у имеющих высшее образование, а также у людей старше трудоспособного возраста. Существенной разницы между мужчинами и женщинами нет (рисунки 16, 17).

Профессиональная и моральная УР у людей старше трудоспособного возраста объясняет-

ся рядом причин. Прежде всего, можно предположить, что если люди продолжают работать на пенсии, то им нравится то, что они делают. Имея большой опыт, эти сотрудники вероятно достигли высокого профессионализма, ощущают уважение коллег, свою значимость для компании и/или собственного дела.

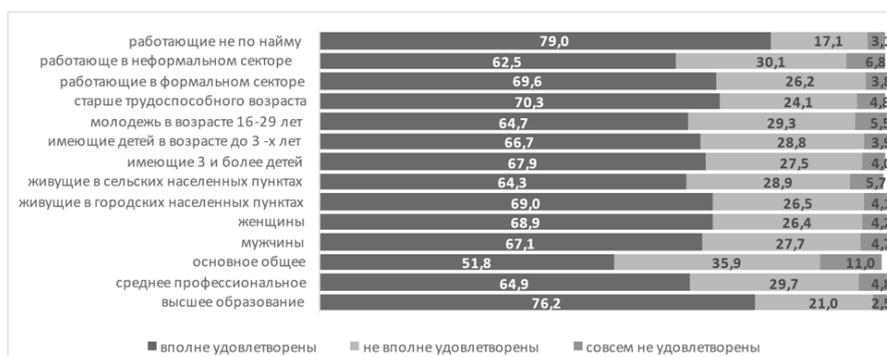

Рисунок 16. Профессиональная удовлетворённость, 2020, %

Figure 16. Professional Satisfaction, 2020, %

Источник: рассчитано автором на основе данных КОУЖ-2020.

Рисунок 17. Моральная удовлетворённость, %

Figure 17. Moral Satisfaction, %

Источник: рассчитано автором на основе данных КОУЖ-2020.

Выводы

Основной тренд за 20 лет: устойчивый рост доли удовлетворённых работой (более чем на 20 п.п.) и снижение доли неудовлетворённых в 5–6 раз.

УР коррелирует с удовлетворённостью жизнью. Это объясняется тем фактом, что удовлетворение потребностей работника (моральных и материальных) в большинстве случаев будет восприниматься им как повышение общего благосостояния. Кроме того, это свидетельствует о том, что работа – важная составляющая жизни для большинства людей, поэтому позитивная реализация своего потенциала в трудовой деятельнос-

ти оказывает важное воздействие на воспроизводство общего человеческого потенциала. Связь с удовлетворённостью здоровьем гораздо слабее, тем не менее она тоже значимая.

На данных 20 волн RLMS-HSE нами были выявлены индикаторы, стабильно значимые для УР в динамике: удовлетворённость оплатой труда, условиями труда, профессиональным ростом, своим здоровьем, жизнью; уровень образования; доверие руководству и коллегам; наличие подчинённых, изменение материального благополучия за 12 месяцев; самооценка по материальному благополучию; степень беспокойства о возмож-

ности обеспечить себя; использование Интернета для работы, работа по основной работе дома в течение последних 30 дней. Самая большая связь у УР с удовлетворённостью условиями труда – характеристики рабочей среды, в которой работник выполняет свои производственные задачи, вносят наибольший вклад в его общую УР. Неслучайно в международных исследованиях такое большое внимание уделяется сейчас измерению и построению различных индексов качества рабочей среды [см., например, 41].

Индикаторы, которые оказались значимые в одних волнах, и не значимы в других волнах: возраст, пол, количество часов работы в день, семейное положение, государственная собственность предприятия, работник является собственником предприятия, официальное оформление на работе, факт смены места работы за последний год, продвижение по службе за последний год, количество детей, в том числе количество детей до 18 лет, трудовой стаж, тип населённого пункта.

Таким образом, хотя дескриптивный и графический анализ показывают, что женщины более удовлетворены параметрами работы, чем мужчины (кроме оплаты труда), устойчивой статистической зависимости между полом и уровнем УР не обнаружено. Аналогично, мы не обнаружили устойчивую корреляцию по всем волнам между возрастом и УР, хотя средние оценки свидетельствуют, что пожилые люди в среднем более удовлетворены характеристиками работы (среди пожилых больше удовлетворённых работой, чем среди молодых). Знаки ранговых коэффициентов корреляции различаются по волнам (то есть в некоторые годы УР выше у молодых работников, а не у пожилых), что может быть косвенным индикатором дифференцированных мер социальной политики, направленных на поддержку разных групп населения. Также можно предположить, что наблюдаемые различия в средних оценках связаны с тем, что мужчины и женщины, пожилые и молодые занимают рабочие места с различающимися характеристиками.

Например, женщины реже работают на рабочих местах, требующих тяжёлого физического труда, а работники пенсионного и старше пенсионного возрастов продолжают трудиться, если их устраивают характеристики рабочего места. То есть на УР оказывают влияние ряд других факторов, а пол и возраст не детерминируют УР напрямую. Неслучайный выбор рабочего места (самоотбор) усложняет оценку влияния отдельных факторов на удовлетворённость работой.

Место жительства статистически значимо для УР не во всех волнах. Средние оценки показывают, что на селе люди меньше всего удовлетворены работой.

Подтверждается гипотеза о связи УР и уровня образования. Средние оценки также показывают, что работники с высшим образованием более удовлетворены работой, чем работники с более низким уровнем образования. Оформленные на работе официально демонстрируют значительно больший уровень удовлетворённости.

Анализ на микроданныхх КОУЖ-2020 позволил подтвердить некоторые выводы, полученные на данных RLMS-HSE. Практически по всем параметрам УР, представленным в опроснике КОУЖ, самые «довольные» работой категории, это женщины, работающие не по найму, люди старше трудоспособного возраста, имеющие высшее образование. Если по данным RLMS-HSE мы не можем однозначно утверждать наличие в России «гендерного парадокса» на протяжении всех 20 волн, то на данных КОУЖ-2020 этот феномен подтверждается (в [36] гендерный парадокс был подтверждён на данных КОУЖ-2011 и 2014). Женщины больше, чем мужчины удовлетворены всеми характеристиками работы, кроме зарплаты.

Удовлетворённость и неудовлетворённость работой объясняются разными факторами, поэтому причины этих явлений надо искать в разных сферах. Динамика показателя УР может служить индикатором качества различных мер социальной политики.

Список литературы

1. *Соболева И.В.* Человеческий потенциал российской экономики: проблемы сохранения и развития. М.: Наука. 2007. 202 с.
2. *Подвойский Г.Л.* Вопросы воспроизводства человеческого потенциала в условиях новых вызовов // Мир новой экономики. Т. 16. № 3. 2022. С. 63–74. <https://doi.org/10.26794/2220-6469-2022-16-3-63-74>; EDN KIOMUV
3. *Вередюк О.В.* Качество занятости молодёжи в России: анализ оценок удовлетворённости работой // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. № 3. С. 306–323. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.3.16>; EDN XSWAUP
4. *Locke E.A.* What is job satisfaction? // *Organizational Behavior and Human Performance*. 1969. Vol. 4. P. 309–336. URL: <https://www.libs.uga.edu/reserves/docs/scans/job%20satisfaction.pdf> (дата обращения: 08.12.2022).
5. *Clark A.E.* Job satisfaction and gender: why are women so happy at work? // *Labour economics*. 1997. Vol. 4. No. 4. P. 341–372. [https://doi.org/10.1016/S 0927-5371\(97\)00010-9](https://doi.org/10.1016/S 0927-5371(97)00010-9)
6. OECD Guidelines on Measuring the Quality of the Working Environment // OECD Publishing. 2017. Paris. <https://doi.org/10.1787/9789264278240-en>

7. Green F. Demanding work. The paradox of job quality in the affluent economy. Woodstock, Princeton University Press. 2006. URL: https://www.researchgate.net/publication/37153116_Demanding_Work_The_Paradox_of_Job_Quality_in_the_Affluent_Economy (дата обращения: 08.12.2022).
8. Green F., Mostafa T. Trends in job quality in Europe // Publications Office of the European Union, Eurofound, Luxembourg. 2012. <https://doi.org/10.2806/35164> URL: https://www.eurofound.europa.eu/sites/default/files/ef_publication/field_ef_document/ef1228en_0.pdf (дата обращения: 08.12.2022).
9. Смирных Л.И. Удовлетворённость работой: выбор между стабильной занятостью и трудовой мобильностью // Экономика образования. 2009. № 4–2. С. 32–39. EDN TQJRQR
10. Черных Е.А. Качество трудовой жизни и удовлетворённость занятостью на российском рынке труда // Уровень жизни населения регионов России. 2022. Т. 18. № 2. С. 214–226. <https://doi.org/10.19181/lsprr.2022.18.2.6>; EDN MYDVVI
11. Clark A.E. What really matters in a job? Hedonic measurement using quit data // Labour Economics. 2001. Vol. 8. No. 2. P. 223–242. [https://doi.org/10.1016/S0927-5371\(01\)00031-8](https://doi.org/10.1016/S0927-5371(01)00031-8)
12. Griffeth R.W., Hom P.W., Gaertner S. A meta-analysis of antecedents and correlates of employee turnover: Update, moderator tests, and research implications for the next millennium // Journal of Management. 2000. Vol. 26. No. 3. P. 463–488. <https://doi.org/10.1177/014920630002600305>
13. Hardy G.E., Woods D., Wall T.D. The impact of psychological distress on absence from work // Journal of Applied Psychology. 2003. Vol. 88. No. 2. P. 306–314. <https://doi.org/10.1037/0021-9010.88.2.306>
14. Understanding voluntary turnover: Path-specific job satisfaction effects and the importance of unsolicited job offers / T.H. Lee, B. Gerhart, I. Weller, C.O. Trevor // Academy of Management Journal. 2008. Vol. 51. No. 4. P. 651–671. <https://doi.org/10.5465/AMR.2008.33665124>
15. The job satisfaction-job performance relationship: A qualitative and quantitative review / T.A. Judge [et al.] // Psychological Bulletin. 2001. Vol. 127. No. 3. P. 376–407. <https://doi.org/10.1037/0033-2909.127.3.376>
16. Warr P. Work, Happiness and Unhappiness // Lawrence Erlbaum Associates. New York: Psychology Press. 2007. 562 p. ISBN 9780203936856, <https://doi.org/10.4324/9780203936856>
17. Viswervaran C. Absenteeism and measures of job performance: A meta-analysis // International Journal of Selection and Assessment. 2002. Vol. 10. No. 1–2. P. 12–17. <https://doi.org/10.1111/1468-2389.00190>
18. Gomathy C.K. The Impact of Job Satisfaction on Workers' Productivity // International journal of scientific research in engineering and management. 2022. Vol. 06. Issue 02. <https://doi.org/10.55041/IJSREM11593>
19. Lopes H., Lagoa S., Calapez T. Work autonomy, work pressure, and job satisfaction: An analysis of European Union countries // The Economic and Labour Relations Review. 2014. Vol. 25. No. 2. P. 306–326. <https://doi.org/10.1177/1035304614533868>
20. Spector P.E. Perceived control by employees: A meta-analysis of studies concerning autonomy and participation at work // Human Relations. 1986. Vol. 39. No. 11. P. 1005–1016. <https://doi.org/10.1177/001872678603901104>
21. Spector P.E. Job Satisfaction: Application, Assessment Causes and Consequences / SAGE Publications, Inc. 1997. <https://dx.doi.org/10.4135/9781452231549>
22. Cultural impact of human resource policies on job satisfaction across 48 countries / J.K. Andreassi [et al.] // Cross Cultural Management. 2014. Vol. 21. No. 1. P. 55–77. <https://doi.org/10.1108/CCM-05-2012-0044>
23. Clark A.E. Measures of job satisfaction: What makes a good job? Evidence from OECD countries // OECD Labour Market and Social Policy Occasional Papers. 1998. No. 34. OECD Publishing, Paris. <http://dx.doi.org/10.1787/670570634774>
24. Muñoz de Bustillo R., E. Fernandez Macías. Job satisfaction as an indicator of the quality of work // The Journal of Socio-Economics, 2005. Vol. 34. No. 5. P. 656–673. <https://doi.org/10.1016/j.socsec.2005.07.027>
25. Inceoglu I., Fleck S. Engagement as a motivational construct // Handbook of Employee Engagement – Perspectives, Issues, Research and Practice; Ed. by S.L. Albrecht. Edward Elgar, Cheltenham. 2010. <https://doi.org/10.4337/9781849806374.00012>
26. Warr P., Inceoglu I. Job engagement, job satisfaction, and contrasting associations with person-job fit // Journal of Occupational Health Psychology. 2012. Vol. 17. No. 2. P. 129–138. <https://doi.org/10.1037/a0026859>
27. Measuring More than Money: The Social Economics of Job Quality / R. Muñoz de Bustillo [et al.] / Edward Elgar, Cheltenham. 2011. ISBN 978-1-84980-359-5. URL: <https://dialnet.unirioja.es/servlet/libro?codigo=524031> (дата обращения: 08.12.2022).
28. Locke E.A. The Nature and Causes of Job Satisfaction // Handbook of Industrial and Organizational Psychology (1st Ed.); Ed. by M.D. Dunnette. Chicago, IL: Rand McNally. 1976. P. 1297–1349.
29. Анкудинов А.Б., Беляева М.Н., Лебедев О.В. Удовлетворённость работой и её детерминанты: результаты статистического моделирования на панельных данных // Социологические исследования. 2013. № 11. С. 75–83. EDN RFXAOF
30. Clark A., Oswald A., Warr P. Is job satisfaction U-shaped in age? // Journal of occupational and organizational psychology. 1996. Vol. 69. No. 1. P. 57–81. <https://doi.org/10.1111/j.2044-8325.1996.tb00600.x>
31. Mohanty M.S. Relationship between Positive Attitude and Job Satisfaction: Evidence from the US Data // Eastern Economic Journal. 2016. Vol. 42. No. 3. P. 349–372. <https://doi.org/10.1057/ej.2014.76>
32. Pita C., Torregrosa R. Education and Job Satisfaction. 2021. <https://doi.org/10.13140/RG.2.2.21579.72481>
33. Coverman S. Role overload, role conflict, and stress: Addressing consequences of multiple role demands // Social forces. 1989. Vol. 67. No. 4. P. 965–982. <https://doi.org/10.1093/sf/67.4.965>
34. Boles J.S., Wood J.A., Johnson J. Interrelationships of role conflict, role ambiguity, and work-family conflict with different facets of job satisfaction and the moderating effects of gender // Journal of Personal Selling & Sales Management. 2003. Vol. 23. No. 2. P. 99–113.
35. Bender K.A., Donohue S.M., Heywood J.S. Job satisfaction and gender segregation // Oxford economic papers. 2005. Vol. 57. No. 3. P. 479–496. <https://doi.org/10.1093/oeq/gpi015>
36. Поплавская А.А., Соболева Н.Э. Удовлетворённость различными аспектами работы мужчин и женщин в России // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017. № 5. С. 271–288. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2017.5.15>; EDN YLYOBX
37. Connolly S., Gregory M. Moving down: Women's part-time work and occupational change in Britain, 1991–2001 // IZA Discussion Paper. 2007. No. 3106. <http://ftp.iza.org/dp3106.pdf> (дата обращения: 08.12.2022).

38. Booth A.L., J.C. van Ours. Job satisfaction and family happiness: The part-time work puzzle // *The Economic Journal*. 2008. Vol. 118. No. 526. P. 77–99. <https://doi.org/10.1111/j.1468-0297.2007.02117.x>
39. Freeman R. Job satisfaction as an economic variable // *American Economic Review – Papers and Proceedings*. 1978. Vol. 68. No. 2. P. 135–141.
40. Котырло Е.С. Не хлебом единым: удовлетворённость работой бюджетников в сравнении с работниками частного сектора // НИУ ВШЭ, 2023. URL: <https://www.hse.ru/data/2023/02/14/2031925271/20230214.pdf> (дата обращения: 18.03.2023).
41. OECD Guidelines on Measuring the Quality of the Working Environment // OECD Publishing, 2017. Paris. <http://dx.doi.org/10.1787/9789264278240-en>

Информация об авторе:

Екатерина Алексеевна Черных – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, Институт экономики РАН; ведущий научный сотрудник, Научный центр экономики труда, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Россия (e-mail: chernykh.ekaterina108@gmail.com) (e-library AuthorID: 473083) (ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6970-487X>) (ResearcherID: AAF-7310-2021)
Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 08.02.2023; одобрена после рецензирования 05.04.2023; принята к публикации 16.05.2023.

References

- Soboleva I.V. Human potential of the Russian economy: problems of conservation and development. Moscow: Nauka. 2007. 202 p. (In Russ.)
- Podvoisky G.L. Human potential reproduction in the context of new challenges. *Mir novoy ekonomiki=The World of the New Economy*. 2022;16(3):63-74. (In Russ.) <https://doi.org/10.26794/2220-6469-2022-16-3-63-74>
- Veredyuk O.V. Quality of youth employment in Russia: analysis of job satisfaction as assessments. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny=Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2018;(3):306-323. (In Russ.) <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.3.16>
- Locke E.A. What is job satisfaction? *Organizational Behavior and Human Performance*. 1969;4:309-336. URL: <https://www.libs.uga.edu/reserves/docs/scans/job%20satisfaction.pdf> (date of access: 08.12.2022).
- Clark A.E. Job satisfaction and gender: why are women so happy at work? *Labour economics*. 1997;4(4):341-372. [https://doi.org/10.1016/S0927-5371\(97\)00010-9](https://doi.org/10.1016/S0927-5371(97)00010-9)
- OECD Guidelines on Measuring the Quality of the Working Environment. OECD Publishing. 2017. Paris. <https://doi.org/10.1787/9789264278240-en>
- Green F. Demanding work. The paradox of job quality in the affluent economy. Woodstock, Princeton University Press. 2006. URL: https://www.researchgate.net/publication/37153116_Demanding_Work_The_Paradox_of_Job_Quality_in_the_Affluent_Economy (date of access: 08.12.2022).
- Green F., Mostafa T. Trends in job quality in Europe. Publications Office of the European Union, Eurofound, Luxembourg. 2012. <https://doi.org/10.2806/35164> URL: https://www.eurofound.europa.eu/sites/default/files/ef_publication/field_ef_document/ef1228en_0.pdf (date of access: 08.12.2022).
- Smirnykh L.I. Job satisfaction: the choice between stable employment and labor mobility. *Ekonomika obrazovaniya=Economics of education*. 2009;(4-2):32-39. (In Russ.)
- Chernykh E.A. Quality of Working Life and Job Satisfaction on the Russian Labour Market. *Uroven' zhizni naseleniya v regionakh Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2022;18(2):214–226. (In Russ.) <https://doi.org/10.19181/lsprr.2022.18.2.6>
- Clark A.E. What really matters in a job? Hedonic measurement using quit data. *Labour Economics*. 2001;8(2):223-242. [https://doi.org/10.1016/S0927-5371\(01\)00031-8](https://doi.org/10.1016/S0927-5371(01)00031-8)
- Griffeth R.W., Hom P.W., Gaertner S. A meta-analysis of antecedents and correlates of employee turnover: Update, moderator tests, and research implications for the next millennium. *Journal of Management*. 2000;26(3):463-488. <https://doi.org/10.1177/014920630002600305>
- Hardy G.E., Woods D., Wall T.D. The impact of psychological distress on absence from work. *Journal of Applied Psychology*. 2003;88(2):306-314. <https://doi.org/10.1037/0021-9010.88.2.306>
- Lee T.H., Gerhart B., Weller I., Trevor C.O. Understanding voluntary turnover: Path-specific job satisfaction effects and the importance of unsolicited job offers. *Academy of Management Journal*. 2008;51(4):651-671. <https://doi.org/10.5465/AMR.2008.33665124>
- Judge T.A. et al. The job satisfaction-job performance relationship: A qualitative and quantitative review. *Psychological Bulletin*. 2001;127(3):376-407. <https://doi.org/10.1037/0033-2909.127.3.376>
- Warr P. Work, Happiness and Unhappiness. Lawrence Erlbaum Associates. New York: Psychology Press. 2007. 562 p. ISBN 9780203936856, <https://doi.org/10.4324/9780203936856>
- Viswervaran C. Absenteeism and measures of job performance: A meta-analysis. *International Journal of Selection and Assessment*. 2002;10(1-2):12-17. <https://doi.org/10.1111/1468-2389.00190>
- Gomathy C.K. The Impact of Job Satisfaction on Workers' Productivity. *International journal of scientific research in engineering and management*. 2022;06(02). <https://doi.org/10.55041/IJSREM11593>
- Lopes H., Lagoa S., Calapez T. Work autonomy, work pressure, and job satisfaction: An analysis of European Union countries. *The Economic and Labour Relations Review*. 2014;25(2):306-326. <https://doi.org/10.1177/1035304614533868>

20. Spector P.E. Perceived control by employees: A meta-analysis of studies concerning autonomy and participation at work. *Human Relations*. 1986;39(11):1005-1016. <https://doi.org/10.1177/001872678603901104>
21. Spector P.E. Job Satisfaction: Application, Assessment Causes and Consequences. SAGE Publications, Inc. 1997. <https://dx.doi.org/10.4135/9781452231549>
22. Andreassi J.K. et al. Cultural impact of human resource policies on job satisfaction across 48 countries. *Cross Cultural Management*. 2014;21(1):55-77. <https://doi.org/10.1108/CCM-05-2012-0044>
23. Clark A.E. Measures of job satisfaction: What makes a good job? Evidence from OECD countries. *OECD Labour Market and Social Policy Occasional Papers*. 1998;(34). OECD Publishing, Paris. <http://dx.doi.org/10.1787/670570634774>
24. Muñoz de Bustillo R., É. Fernandez Macías. Job satisfaction as an indicator of the quality of work. *The Journal of Socio-Economics*. 2005;34(5):656-673. <https://doi.org/10.1016/j.socec.2005.07.027>
25. Inceoglu I., Fleck S. Engagement as a motivational construct. *Handbook of Employee Engagement – Perspectives, Issues, Research and Practice*; Ed. by S.L. Albrecht. Edward Elgar, Cheltenham. 2010. <https://doi.org/10.4337/9781849806374.00012>
26. Warr P., Inceoglu I. Job engagement, job satisfaction, and contrasting associations with person-job fit. *Journal of Occupational Health Psychology*. 2012;17(2):129-138. <https://doi.org/10.1037/a0026859>
27. Muñoz de Bustillo R. et al. Measuring More than Money: The Social Economics of Job Quality. Edward Elgar, Cheltenham. 2011. ISBN 978-1-84980-359-5. URL: <https://dialnet.unirioja.es/servlet/libro?codigo=524031> (дата обращения: 08.12.2022).
28. Locke E.A. The Nature and Causes of Job Satisfaction. *Handbook of Industrial and Organizational Psychology (1st Ed.)*. Ed. by M.D. Dunnette. Chicago, IL: Rand McNally. 1976;1297-1349.
29. Ankudinov A.B., Belyaeva M.N., Lebedev O.V. Job satisfaction and its determinants: results of statistical modeling on panel data. *Sotsiologicheskie Issledovaniya=Sociological Research*. 2013;(11):75-83. (In Russ.)
30. Clark A., Oswald A., Warr P. Is job satisfaction U-shaped in age? *Journal of occupational and organizational psychology*. 1996;69(1):57-81. <https://doi.org/10.1111/j.2044-8325.1996.tb00600.x>
31. Mohanty M.S. Relationship between Positive Attitude and Job Satisfaction: Evidence from the US Data. *Eastern Economic Journal*. 2016;42(3):349-372. <https://doi.org/10.1057/eej.2014.76>
32. Pita C., Torregrosa R. Education and Job Satisfaction. 2021. <https://doi.org/10.13140/RG.2.2.21579.72481>
33. Coverman S. Role overload, role conflict, and stress: Addressing consequences of multiple role demands. *Social forces*. 1989;67(4):965-982. <https://doi.org/10.1093/sf/67.4.965>
34. Boles J.S., Wood J.A., Johnson J. Interrelationships of role conflict, role ambiguity, and work-family conflict with different facets of job satisfaction and the moderating effects of gender. *Journal of Personal Selling & Sales Management*. 2003;23(2):99-113.
35. Bender K.A., Donohue, S.M., Heywood J.S. Job satisfaction and gender segregation. *Oxford economic papers*. 2005;57(3):479-496. <https://doi.org/10.1093/oep/gpi015>
36. Poplavskaya A.A., Soboleva N.E. Satisfaction with various aspects of the work of men and women in Russia *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny=Monitoring of public opinion: Economic and social changes*. 2017;(5):271-288. (In Russ.) <https://doi.org/10.14515/monitoring.2017.5.15>
37. Connolly S., Gregory M. Moving down: Women's part-time work and occupational change in Britain, 1991-2001. *IZA Discussion Paper*. 2007;(3106). <http://ftp.iza.org/dp3106.pdf> (date of access: 08.12.2022).
38. Booth A.L., van Ours J.C. Job satisfaction and family happiness: The part-time work puzzle. *The Economic Journal*. 2008;118(526):77-99. <https://doi.org/10.1111/j.1468-0297.2007.02117.x>
39. Freeman R. Job satisfaction as an economic variable, *American Economic Review – Papers and Proceedings*, 1978;68(2):135-141.
40. Kotyrló E.S. Not by Bread Alone: Job Satisfaction with State Employees Compared to Private Sector Employees. Higher School of Economics, 2023. URL: <https://www.hse.ru/data/2023/02/14/2031925271/20230214.pdf> (date of access: 18.03.2023).
41. OECD Guidelines on Measuring the Quality of the Working Environment. *OECD Publishing*, 2017. Paris. <http://doi.org/10.1787/9789264278240-en>

Information about the author:

Ekaterina A. Chernykh – PhD in Economics, Leading Research Associate, Institute of Economics of the Russian Academy of Science; Leading Research Associate, Research Center of Labour Economics, Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia (e-mail: chernykh.ekaterina108@gmail.com), (e-library AuthorID: 473083), (ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6970-487X>), (ResearcherID: AAF-7310-2021)

The author declares no conflict of interests.

The article was submitted 08.02.2023; approved after reviewing 05.04.2023; accepted for publication 16.05.2023

Оригинальная статья
УДК 314, 614.2, 316.4, 316.6
DOI: 10.52180/1999-9836_2023_19_2_5_216_225
EDN: GZPINW

Детерминанты использования амбулаторных медицинских услуг в России: влияние места жительства

Ольга Анатольевна Кислицына

Институт Экономики РАН, Москва, Россия, (olga.kislitsyna@gmail.com), (ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4144-237X>)

Аннотация

Цель исследования заключается в том, чтобы оценить общий объём использования населением медицинских услуг, выявить наличие индивидуальных демографических и социально-экономических детерминант обращения за медицинскими услугами, сравнить уровень использования медицинских услуг в сельской и городской местности, изучить относительную важность факторов, влияющих на использование медицинских услуг сельскими и городскими жителями. Информационная основа исследования – Комплексное наблюдение условий жизни населения (КОУЖ), проведённое Росстатом в 2018 г. Статистический анализ выполнен с помощью многомерных моделей логистической регрессии как в целом для населения, попавшего в выборку, так и отдельно для городских и сельских жителей. Использование медицинских услуг определялось как посещение амбулаторных организаций или обращение за консультативной помощью к медицинским работникам без посещения медицинских организаций за предшествующие 12 месяцев. Установлено, что уровень использования медицинских услуг составил 46,6%. С учётом демографических и социально-экономических факторов сельские жители реже обращались за медицинской помощью по сравнению с горожанами. Три предрасполагающих фактора (пол, возраст, семейное положение), семь способствующих факторов (образование, доход, занятость, наличие автомобиля, три фактора индивидуального социального капитала), фактор потребностей (самооценка здоровья) и два фактора личной заботы о здоровье (курение, алкоголь) независимо и статистически значимо связаны с использованием медицинских услуг. Ключевые детерминанты, существенно повышающие вероятность использования медицинской помощи, включали плохое здоровье, женский пол, пожилой возраст. Среди предрасполагающих факторов наиболее важными оказались высокий уровень образования и незанятость. Среди факторов личной заботы о здоровье – курение в прошлом. Городские и сельские жители продемонстрировали разные модели использования медицинской помощи. В городских поселениях по сравнению с сельскими наиболее сильным оказалось влияние пола, возраста, статуса занятости, дохода, курения. В сельской местности – здоровья, семейного положения, образования, наличия автомобиля, потребления алкоголя.

Ключевые слова: использование медицинских услуг, детерминанты, различия город/село, территориальное неравенство, поведенческая модель Андерсена, Россия, Комплексное наблюдение условий жизни населения (КОУЖ)

Для цитирования: Кислицына О.А. Детерминанты использования амбулаторных медицинских услуг в России: влияние места жительства // Уровень жизни населения регионов России. 2023. Том 19. № 2. С. 216–225. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_2_5_216_225; EDN GZPINW

RAR (Research Article Report)
DOI: 10.52180/1999-9836_2023_19_2_5_216_225
EDN: GZPINW

Determinants of Outpatient Health Service Utilization in Russia: Influence of Place of Residence

Ol'ga A. Kislitsyna

Institute of Economics of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, (olga.kislitsyna@gmail.com), (ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4144-237X>)

Abstract

The purpose of the study is to assess the overall scope of health services utilization by the population; to exam the individual demographic and socio-economic determinants of health services utilization; to compare the level of medical services utilization in rural and urban areas; to estimate the relative importance of factors affecting the health services utilization among in rural and urban inhabitants. Comprehensive observation of living conditions of the population, conducted by Rosstat in 2018, was used as an information base for the study. The statistical analysis was carried out using multivariate logistic regression models both for the population in the sample as a whole as well as separately for urban and rural residents. Health care services utilization was defined as visits to outpatient facilities or seeking advice from health professionals without visiting health facilities during the previous 12 months before the survey. The results of the study indicated that the rate of health care services utilization was 46.6%. Taking into account demographic and socio-economic factors, rural residents were less likely to use health care services compared to urban residents. Three predisposing factors (gender, age, marital status), seven enabling factors (education, income, employment status, car ownership, three factors of individual social capital), a need factor (self-reported health), and two personal health care factors (smoking, alcohol use) were independently and statistically significantly associated with healthcare service utilization. Female sex, poor/very poor health rating, old age were the strongest predictors of health service utilization. Among the enabling factors the most important were the high level of education and unemployment. Among personal health care factors – ex-smoking. Urban and rural residents showed different patterns of health care service utilization. In urban settlements compared to rural the influence of gender, age, employment status, per capita income, and smoking were the strongest determinants of health care service utilization. In rural areas – health, marital status, education, car ownership, alcohol use.

Keywords: health service utilization, determinants, urban-rural disparities, territorial inequality, Andersen behavioral model, Russia, Comprehensive observation of living conditions of the population

For citation: Kislitsyna O. A. Determinants of Outpatient Health Service Utilization in Russia: Influence of Place of Residence. *Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2023. Vol. 19. No 2. P. 216–225. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_2_5_216_225

Введение

Объект исследования. Население Российской Федерации.

Предмет исследования. Использование медицинских услуг.

Гипотеза исследования. Использование медицинских услуг связано с индивидуальными демографическими и социально-экономическими детерминантами. Существует территориальное неравенство в использовании медицинских услуг между городскими и сельскими жителями: жители сельской местности реже пользуются медицинскими услугами по сравнению с горожанами.

Внимание к анализу детерминант обращения за медицинской помощью возросло за последние десятилетия [1], что объясняется: 1) растущим консенсусом в отношении того, что все люди имеют право на медицинскую помощь, независимо от их платёжеспособности; 2) общим мнением о том, что определённые группы населения не получают медицинской помощи, сравнимой с той, которая доступна остальному населению [2].

Использование медицинских услуг зависит от множества взаимодействующих детерминант. Исследователи разработали различные теоретические модели, описывающие это явление. Одна из них – модель Андерсена, согласно которой на доступность/использование медицинской помощи влияют четыре типа факторов (доменов): предрасполагающие (например, пол, возраст), способствующие (например, доход, образование, статус занятости), потребность (например, состояние здоровья, заболеваемость) и факторы личной заботы о здоровье (например, потребление алкоголя, курение) [3; 4].

Лучшее понимание этих детерминант, облегчающих или препятствующих доступу к медицинской помощи, позволяет выявить подгруппы населения, которые либо недостаточно, либо чрезмерно пользуются медицинскими услугами. На основе полученных результатов лица, ответственные за разработку политики в области здравоохранения, могут определить потенциальные проблемы и соответствующие решения, а также приоритеты для сохранения и улучшения здоровья населения.

В последние годы российское здравоохранение претерпевает значительные преобразования, которые привели к тотальному сокращению больниц и амбулаторно-поликлинических учреждений в сельской местности [5], что ставит в невыгодное положение более четверти российского населения, проживающего там, и порождает неравенство в использовании медицинской помощи между жителями городских и сельских поселений. Кроме того, существуют различия в

состоянии здоровья между жителями городов и сёл: по сравнению с городскими сельские жители имеют более высокие показатели смертности от всех причин, более короткую продолжительность жизни, более низкую самооценку здоровья [6]. Причины различий в показателях здоровья в сельской и городской местности многочисленны и сложны и включают, в том числе, и ограниченный доступ к медицинским услугам, а также более высокую долю пожилых людей, более низкие уровни образования и жизни.

В некоторых странах были выявлены и проанализированы различные факторы, которые могут повлиять на использование услуг здравоохранения в различных ситуациях (например, [1; 7; 8]). Тем не менее, эти усилия незначительны в России (например, [9;10]). Обычно исследователи рассматривают тип поселения как один из факторов использования медицинской помощи, в то время как редко оцениваются различия в использовании медицинских услуг между сельскими и городскими жителями.

Цель исследования заключается в том, чтобы: 1) оценить общий объём использования медицинских услуг; 2) выявить наличие индивидуальных демографических и социально-экономических детерминант использования медицинских услуг; 3) сравнить уровень использования медицинских услуг в сельской и городской местности; 4) изучить относительную важность факторов, влияющих на использование медицинских услуг сельскими и городскими жителями.

Данные и методы

Информационная основа исследования – Комплексное наблюдение условий жизни населения (КОУЖ)¹, проведённое Росстатом в 2018 г., в ходе которого получена информация о более, чем 130 тыс. респондентов в возрасте 15 лет и старше, из которых для дальнейшего анализа отобраны лица в возрасте 18–80 лет (всего около 100 тыс. человек).

Использование медицинских услуг (зависимая переменная) определялось как посещение амбулаторных организаций и обращение за консультативной помощью к медицинским работникам без посещения медицинских организаций за предшествующие опросу 12 месяцев.

Рассмотрены четыре группы факторов обращения за медицинской помощью, описанные в поведенческой модели Андерсена [3; 4].

Предрасполагающие факторы – создающие условия для обращения за медицинской помощью: пол (мужчина или женщина); возраст (18–29,

¹ Комплексное наблюдение условий жизни населения 2018 // Федеральная служба государственной статистики: [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/KOUZ18/index.html (дата обращения: 16.03.2023)

30–39, 40–49, 50–59, 60+ лет); семейное положение (состоящий в браке (зарегистрированном/незарегистрированном) или одинокий (никогда не состоявший в браке/вдовый/разведённый)).

Способствующие факторы – способствующие или препятствующие использованию медицинских услуг, в том числе: уровень образования (среднее общее или ниже, начальное или среднее профессиональное, высшее); месячный душевой денежный доход домохозяйства, в котором проживает респондент (Q1 (нижний квартиль отделивающий ¼ часть совокупности с наименьшими значениями месячного душевого денежного дохода), Q2, Q3, Q4 (высший квартиль, отсекающий ¼ часть с наибольшими значениями признака)); статус занятости (работает/не работает); наличие в домохозяйстве автомобиля (есть/нет). Другие способствующие факторы включали характеристики индивидуального социального капитала. Респондентам были заданы три вопроса: 1) есть ли человек, с кем можно обсудить вопросы личного характера? 2) есть ли человек, не являющийся членом домохозяйства, которого можно просить о помощи? 3) встречаются ли респонденты с друзьями, родственниками или коллегами, хотя бы, раз в неделю? Ответившие отрицательно рассматривались как имеющие низкий социальный капитал.

Факторы потребности – отражающие потребность в медицинской помощи: самооценка состояния здоровья, измеренная по пятибалльной шкале (1 – очень плохое здоровье, 5 – очень хорошее здоровье) и преобразованная в двоичную переменную (неплохое здоровье (оценки 5, 4, 3) и плохое здоровье (оценки 1, 2)).

Факторы личной заботы о здоровье – факторы, представляющие образ жизни, оказывающий влияние на состояние здоровья и будущую потребность в медицинском обслуживании: потребление алкоголя и курение. В соответствии с ответом на вопрос о потреблении табачных изделий, все респонденты были разделены на пять групп: не курящие и никогда не курившие; курившие, но бросившие; курящие изредка; курящие менее пачки в день; курящие пачку и более в день. Информация о потреблении алкоголя получена на основе ответов на четыре вопроса, касающиеся как в целом потребления алкоголя, так и отдельных его видов (крепких спиртных напитков, вина, пива). В соответствии с потреблением алкоголя респонденты были разделены на 2 группы (не употребляющие/употребляющие только по праздникам и употребляющие).

Статистический анализ влияния различных факторов на использование медицинских услуг проведён с помощью многомерных моделей ло-

гистической регрессии пакета SPSS как для всего населения, попавшего в выборку, так и отдельно для городских и сельских жителей.

Результаты исследования

В таблице 1 представлены характеристики респондентов. Выборка состояла из 45,2% мужчин и 54,8% женщин. Средний возраст попавших в выборку составил 46,9 лет. Большинство проживало в городе (75,3%). Две трети состояли в браке (63,2%). Треть (31,3%) имела высшее образование. Более трети (36,2%) не работали. Наибольший процент респондентов принадлежал к группе со средними доходами (58,9% – Q2(25,1%) и Q3 (33,8%), по одной пятой относились к бедным и богатым (20,4% и 20,7% соответственно). Половина опрошенных (56,2%) имела автомобиль. Пятая часть (19,7%) встречалась с родственниками реже, чем раз в неделю, 12,3% не имели того, к кому можно обратиться за помощью, ещё 4,6% не с кем обсудить вопросы личного характера. Большинство участников обследования (91,2%) оценило своё здоровье как очень хорошее, хорошее или удовлетворительное, десятая часть (8,8%) – как плохое и очень плохое. Большая часть опрошенных не курит и никогда не курила (60,8%), десятая часть (10,3%) курила, но бросила. Почти треть респондентов курит (5,4% изредка, 22% каждый день менее пачки, а 1,5% пачку и более). Большая часть участников обследования (80,1%) совсем не употребляла алкоголь или выпивала только по праздникам, пятая часть (19,9%) относилась к употребляющим.

В целом чуть менее половины участников (46,6%) пользовались медицинскими услугами за последний год, предшествующий опросу. Уровень использования медицинской помощи немного выше в городе по сравнению с сельской местностью (47,6% и 43,7% соответственно). По сравнению с горожанами, среди сельских жителей больше мужчин, лиц более пожилого возраста, не состоящих в браке, менее образованных, неработающих, с более низкими доходами, но чаще имеющих автомобиль и реже жалующихся на невозможность встреч с родственниками раз в неделю. Сельские жители чаще городских оценивали своё здоровье как плохое, среди них чуть больше курящих, но чуть меньше употребляющих алкоголь.

Многомерная логистическая регрессия использовалась для дальнейшего изучения связи различных факторов с использованием медицинской помощи, как в целом для населения, так и отдельно для жителей городской и сельской местности (таблица 2).

Таблица 1

Характеристики респондентов, в (%)

Table 1

Characteristics of Respondents (%)

	Все	Город	Село
Тип поселения	100	75,3	24,7
Пол (мужчины)	45,2	44,5	47,4
Возраст (средн.знач.)	46,9	46,5	47,9
18-29	16,1	16,7	14,2
30-39	21,0	21,8	18,8
40-49	19,3	19,3	19,5
50-59	18,7	17,7	21,7
60 лет и старше	24,9	24,6	25,8
Семейное положение (в браке)	63,2	66,5	64,0
Образование			
Среднее общее или ниже	22,5	19,0	33,1
Начальное или среднее профессиональное	46,2	45,3	49,1
Высшее	31,3	35,7	17,7
Занятость (не работают)	36,2	33,9	43,2
Душевой доход			
Q1 (низший)	20,4	13,8	40,3
Q2	25,1	23,4	30,1
Q3	33,8	37,4	23,1
Q4 (высший)	20,7	25,4	6,5
Наличие автомобиля (есть)	56,2	55,2	59,0
Возможность обсудить вопросы (нет)	4,6	4,6	4,7
Возможность обратиться за помощью (нет)	12,3	12,4	12,1
Встреча с родственниками хотя бы раз в неделю (нет)	19,7	20,5	17,6
Здоровье (плохое)	8,8	8,6	9,4
Курение			
Не курит и не курил	60,8	60,3	62,3
Курил, но бросил	10,3	10,9	8,5
Курит изредка	5,4	5,6	5,0
Курит менее пачки в день	22,0	21,9	22,3
Курит пачку и более в день	1,5	1,4	1,8
Потребление алкоголя			
Совсем не употребляет/ По праздникам	80,1	78,8	84,0
Употребляют	19,9	21,2	16,0
Использование медицинских услуг (да)	46,6	47,6	43,7

Источник: рассчитано автором

Таблица 2

**Связь между различными факторами и получением медицинской помощи
(коэффициенты шансов (OR) логистической регрессии
с 95-% доверительными интервалами (CI))**

Table 2

Association between Various Factors and Health Service Utilization
(Odds Ratios (OR) of Logistic Regression with 95% Confidence Intervals (CI))

	Все		Город		Село	
	OR	CI	OR	CI	OR	CI
Место жительства (село vs город)	0,85	(0,851-0,852) ¹				
Пол (женщины vs мужчины)	2,14	(2,140-2,144) ¹	2,17	(2,167-2,172) ¹	2,05	(2,043-2,051) ¹
Возраст						
30-39 vs 18-29	1,02	(1,015-1,018) ¹	1,01	(1,006-1,009) ¹	1,06	(1,058-1,064) ¹
40-49 vs 18-29	1,24	(1,236-1,239) ¹	1,22	(1,220-1,223) ¹	1,29	(1,287-1,295) ¹
50-59 vs 18-29	1,77	(1,770-1,775) ¹	1,76	(1,755-1,760) ¹	1,82	(1,814-1,824) ¹

60 лет и старше vs 18-29	2,82	(2,814-2,823) ¹	2,90	(2,891-2,900) ¹	2,63	(2,624-2,640) ¹
Семейное положение (в браке vs одинокие)	1,06	(1,059-1,061) ¹	1,05	(1,045-1,047) ¹	1,12	(1,114-1,118) ¹
Образование						
Начальное или среднее профессиональное vs Среднее общее или ниже	1,25	(1,251-1,254) ¹	1,23	(1,232-1,235) ¹	1,27	(1,271-1,276) ¹
Высшее vs Среднее общее или ниже	1,28	(1,277-1,280) ¹	1,27	(1,263-1,266) ¹	1,30	(1,294-1,301) ¹
Душевой доход						
Q2 vs Q1	1,06	(1,055-1,057) ¹	1,10	(1,093-1,097) ¹	1,02	(1,020-1,024) ¹
Q3 vs Q1	1,04	(1,040-1,043) ¹	1,08	(1,078-1,081) ¹	0,99	(0,987-0,991) ¹
Q4 vs Q1	1,06	(1,059-1,062) ¹	1,10	(1,097-1,101) ¹	1,01	(1,007-1,015) ¹
Занятость (не работает vs работает)	1,12	(1,119-1,122) ¹	1,14	(1,138-1,141) ¹	1,07	(1,071-1,076) ¹
Наличие автомобиля (есть vs нет)	1,05	(1,044-1,046) ¹	1,03	(1,026-1,028) ¹	1,10	(1,094-1,098) ¹
Возможность обсудить вопросы (нет vs есть)	1,02	(1,015-1,019) ¹	1,02	(1,017-1,023) ¹	1,02	(1,014-1,022) ¹
Возможность обратиться за помощью (нет vs есть)	0,91	(0,910-0,913) ¹	0,90	(0,900-0,952) ¹	0,95	(0,950-0,955) ¹
Встречи с родственниками хотя бы раз в неделю (нет vs да)	1,02	(1,018-1,020) ¹	1,04	(1,041-1,043) ¹	0,95	(0,944-0,949) ¹
Здоровье (плохое vs неплохое)	3,97	(3,965-3,980) ¹	3,73	(3,719-3,735) ¹	4,67	(4,653-4,685) ¹
Курение						
Курил, но бросил vs Не курит и не курил	1,31	(1,304-1,308) ¹	1,36	(1,356-1,361) ¹	1,12	(1,117-1,124) ¹
Курит изредка vs Не курит и не курил	0,95	(0,949-0,953) ¹	0,98	(0,975-0,980) ¹	0,86	(0,858-0,865) ¹
Курит менее пачки в день vs Не курит и не курил	1,02	(1,015-1,018) ¹	1,01	(1,011-1,014) ¹	1,03	(1,023-1,028) ¹
Курит пачку и более в день vs Не курит и не курил	1,00	(1,001-1,008) ²	1,03	(1,021-1,030) ¹	0,93	(0,927-0,939) ¹
Потребление алкоголя (употребляют vs совсем не употребляют/по праздникам)	0,95	(0,946-0,948) ¹	0,96	(0,960-0,963) ¹	0,91	(0,907-0,911) ¹

Источник: рассчитано автором.

Полная модель, включающая все переменные.

Значимость ¹ P<0,001; ² P<0,05.

Установлено (таблица 2), что сельские жители реже обращались за амбулаторной помощью по сравнению горожанами (OR=0,85 CI:0,851-0,852), несмотря на потенциально повышенные потребности в медицинской помощи, что нашло отражение в чуть большем количестве жителей сельской местности, оценивших своё здоровье как плохое и очень плохое (9,4% против 8,6%). Этот результат не зависит от других факторов, рассмотренных в исследовании, и согласуется с выводами других авторов [6; 9; 11-13]. Хотя надо отметить, что существуют и другие исследования, свидетельствующие о том, что сельские жители чаще обращаются за медицинской помощью [11]. Бо-

лее низкий уровень использования медицинских услуг в сельской местности может отражать географические или социокультурные барьеры для доступа к медицинской помощи в сельской местности, нехватку времени, нехватку поставщиков услуг или отсутствие транспорта [14].

Факторы потребности являются одними из самых сильных предикторов использования медицинских услуг. Вероятность использования услуг здравоохранения почти в 4 раза выше для респондентов с плохим состоянием здоровья по сравнению с теми, у кого неплохое здоровье (OR=3,97 CI:3,965-3,980), что подтверждает результаты многих исследований [9; 11; 15; 16]. Это

вполне ожидаемый результат в том смысле, что те, кто считает своё здоровье плохим, обращаются за медицинской помощью.

Далее по своей важности следовали предрасполагающие факторы. Вероятность воспользоваться услугами здравоохранения выше для респондентов женского пола – более, чем в 2 раза по сравнению с мужчинами (OR=2,14 CI:2,140-2,144); пожилых – почти в 3 раза для тех, кому за 60, по сравнению с молодыми 18-29 лет (OR=2,82 CI:2,814-2,823). Это согласуется с результатами других исследователей [15; 17-19]. Согласно предположениям, гендерные различия в использовании услуг здравоохранения могут быть связаны с большей заболеваемостью среди женщин; репродуктивной биологией и условиями, характерными для определённого пола; гендерными различиями в восприятии и отношении к здоровью [20]. Связь между использованием медицинских услуг и возрастом довольно очевидна, так как с возрастом у людей возникают различные функциональные ограничения и, как следствие, потребность в медицинской помощи.

Наблюдались небольшие статистически значимые различия между состоящими в браке и одиночными: вероятность воспользоваться услугами здравоохранения на 6% выше для имеющих семейного партнёра (OR=1,06 CI:1,059-1,061). Этот результат соответствует полученным ранее в других исследованиях [21; 22] и может объясняться несколькими причинами: семейные партнёры могут выступать в роли опекунов, которые следят за здоровьем и обеспечивают своевременное посещение медицинских организаций [23]; не имеющие семейного партнёра имеют более ограниченный доступ к ресурсам (например, доход), которые могут повлиять на использование медицинской помощи [24].

Все способствующие факторы в той или иной степени повлияли на использование услуг здравоохранения. Наиболее важным оказалось образование. Вероятность воспользоваться услугами здравоохранения более, чем на 25% выше для участников со средним и высшим уровнем образования по сравнению с низко образованными (OR=1,25 CI:1,251-1,254) для среднего и OR=1,28 CI:1,277-1,280 для высшего образования), что соответствует полученным ранее другими исследователями результатам [25] и, возможно, объясняется тем, что уровень образования связан с повышенным вниманием к болезни и симптомам; служит хорошим показателем социально-экономического положения, повышая способность оплачивать возможные расходы на услуги здравоохранения [26].

Согласно полученным нами результатам, незанятость в экономике на 12% повышает ве-

роятность использования медицинских услуг (OR=1,12 CI:1,119-1,122). Это согласуется с предыдущими исследованиями [27–29] и, возможно, связано с временными ограничениями, с которыми сталкиваются работающие (особенно сверхурочно) [30].

Исследования связи между использованием медицинской помощи и экономическими характеристиками (доходы/расходы) демонстрируют противоречивые результаты. Одни из них установили, что лица с более низкими доходами (или расходами) с большей вероятностью пользовались услугами здравоохранения [31]. Другие, напротив, показали, что чаще за медицинской помощью обращались респонденты с высокими доходами [32]. Это отчасти соответствует полученным в нашем исследовании результатам. Установлена небольшая связь между уровнем доходов и использованием медицинской помощи в целом для всего населения (например, вероятность использования медицинских услуг среди участников обследования с высоким доходом (Q4) на 6% выше по сравнению с относящимися к низко-доходной группе (Q1) (OR=1,06 CI:1,059-1,062). Связь между уровнем доходов и использованием медицинской помощи объясняется тем, что люди с высоким доходом могут иметь финансовые средства либо для оплаты медицинских услуг из собственного кармана, либо для доступа к услугам, покрываемым добровольным медицинским страхованием [33]. Влияние уровня доходов было более выражено для городских жителей по сравнению с сельскими. Это, вероятно, вызвано тем, что в городах, как правило, сеть поставщиков медицинских услуг шире, чем в сельской местности, и больше возможностей использовать платные медицинские услуги. Некоторые исследования выявили значительную разницу между типом медицинского обслуживания и уровнем дохода [11]. Низко обеспеченные с большей вероятностью посещали врача общей практики, тогда как высоко обеспеченные чаще использовали специализированные услуги.

Установлено, что наличие автомобиля оказывает небольшое способствующее использованию медицинской помощи влияние (OR=1,05 CI:1,044-1,046). Этот фактор более важен для проживающих в сельской местности. Отчасти полученный нами результат соответствует предыдущим исследованиям, свидетельствующим о важности транспортной доступности и показавшим связь между использованием медицинских услуг и расстоянием до ближайших центров оказания медицинской помощи, а также временем в пути до ближайшего медицинского центра: короткое расстояние до медицинских учреждений [9; 17] и

уменьшение времени в пути до ближайшего учреждения [34] повышали вероятность использования медицинских услуг

Существует связь между индивидуальным социальным капиталом и использованием медицинских услуг. Отсутствие кого-то, к кому можно обратиться за помощью, снижает вероятность использования услуг здравоохранения (OR=0,91 CI:0,910-0,913). Отсутствие того, с кем можно обсудить проблемы, и невозможность встречаться с родственниками, напротив, немного увеличивают вероятность использования медицинской помощи (соответственно, OR=1,02 CI:1,015-1,019 и OR=1,02 CI:1,018-1,020). Исследования связи между социальной поддержкой и использованием медицинских услуг крайне немногочисленны. Те, которые удалось найти, также демонстрируют противоречивые результаты. Например, установлено, что большое количество близких друзей препятствует обращению за медицинскими услугами, что, по мнению исследователей, может отражать доступ к медицинской информации и психосоциальную поддержку, а наличие, по крайней мере, пяти человек, к которым можно обратиться за помощью, повышает вероятность обращения за услугами здравоохранения в сельской местности, что, по-видимому, может объясняться возможностью решения проблемы транспортной доступности поставщиков медицинских услуг [35]. Таким образом, полученные нами результаты соответствуют приведённому выше исследованию.

Зарубежные исследования свидетельствуют о том, что образ жизни связан с более широким использованием медицинских услуг, включая госпитализации [36]. Бывшие курильщики значительно чаще обращаются за услугами здравоохранения, чем некурящие и курильщики [37], что подтверждается полученными нами результатами: вероятность обращения за медицинской помощью на 30% повышается для тех, кто курил в прошлом, по сравнению с теми, кто не курит и не курил (OR=1,31 CI:1,304-1,308). По сравнению с никогда не употребляющими алкоголь или употребляющими по праздникам наблюдается небольшое статистически значимое уменьшение вероятности использования медицинских услуг для тех, кто употребляет алкоголь (OR=0,95 CI:0,946-0,948), что также согласуется с наблюдениями других авторов [32; 38]. Такая связь между здоровым образом жизни и более частым обращением за медицинской помощью, по предположениям исследователей, объясняется тем, что постоянные пользователи медицинских услуг более осведомлены о рисках, связанных с поведением, оказывающим влияние на состояние здоровья [32].

Городские и сельские жители продемонстрировали разные модели использования медицинской помощи.

В городских поселениях по сравнению с сельским наиболее сильным оказалось влияние пола (OR=2,17 против OR=2,05), возраста (для группы старше 60 лет OR=2,90 против OR=2,63), статуса занятости (OR=1,14 против OR=1,07), душевого денежного дохода (например, для группы с высокими доходами Q4 OR=1,10 против OR=1,01).

В сельской местности по сравнению с городской вероятностью использования медицинской помощи в наибольшей степени зависели от состояния здоровья (OR=4,67 против OR=3,73), состояния в браке (OR=1,12 против OR=1,05), образования (для среднего образования OR=1,27 против OR=1,23; для высшего образования OR=1,30 против OR=1,27), наличия автомобиля (OR=1,10 против OR=1,03).

Социальный капитал по-разному оказывал влияние на жителей городской и сельской местности. С одной стороны, отсутствие помощи снижает вероятность использования медицинских услуг, особенно в городе (OR=0,90 против OR=0,95). С другой стороны, встречи с родственниками реже, чем раз в неделю, способствуют обращению в медицинские организации в городе (OR=1,04 CI:1,041-1,043), но препятствуют на селе (OR=0,95 CI:0,944-0,949). Отсутствие кого-то, с кем можно обсудить проблемы, увеличивает вероятность обращения за медицинской помощью независимо от типа поселения (OR=1,02 CI:1,017-1,023 в городе и OR=1,02 CI:1,014-1,022 в сельской местности).

Если рассматривать влияние курения и потребления алкоголя, то для горожан, которые курили и бросили, вероятность обращения за медицинской помощью выше, чем для сельских жителей (OR=1,36 против OR=1,12). И, напротив, для жителей сел, которые курят изредка, вероятность обращения за медицинской помощью ниже, чем для городских жителей (OR=0,86 против OR=0,98). Кроме того, курение больше пачки в день немного способствует использованию медицинских услуг для горожан, но препятствует для жителей сел (OR=1,03 против OR=0,93). Потребляющие алкоголь сельские жители с меньшей вероятностью используют медицинские услуги по сравнению с горожанами (OR=0,91 против OR=0,96).

Необходимо отметить некоторые ограничения нашего исследования. Во-первых, оно не позволяет выявить причинно-следственные связи, поскольку опирается на кросс-секционное обследование. Во-вторых, исследование охватывает не все факторы, объясняющие использование

медицинских услуг, по причине отсутствия такой информации в опросе. В-третьих, показатели, использованные в исследовании, основаны на самооценках респондентов и могут быть подвержены некоторой ошибке измерения.

Вывод

Проведённое исследование представило доказательство существования территориального неравенства в российской системе здравоохранения – сельские жители реже обращаются за амбулаторными медицинскими услугами по сравнению с горожанами.

Кроме того, установлены факторы, оказывающие влияние на использование медицинских услуг, как в целом для всего населения, так и в зави-

симости от типа поселения, которые следует учитывать при разработке мероприятий, нацеленных на улучшение доступа населения к медицинской помощи. Изменение некоторых из этих факторов выходят за рамки возможностей сектора здравоохранения и требует межсекторного сотрудничества министерств и ведомств.

Полученные результаты также свидетельствуют о необходимости программ, нацеленных на конкретные группы населения, которые могут быть подвержены менее частому взаимодействию со службами здравоохранения (например, мужчины, лица с низким уровнем образования), с целью снижения вероятности неблагоприятных последствий для здоровья.

Список литературы

1. Determinants of Outpatient Health Service Utilization according to Andersen's Behavioral Model: A Systematic Scoping Review / N. SoleimanvandīAzar, S.H. Mohaqeqi Kamal, H. Sajjadi [et al.] // *Iran J Med Sci*. 2020. Vol. 45, no. 6. P. 405–424. <https://doi.org/10.30476/ijms.2020.85028.1481>
2. van Hemelrijck W., Schröder-Bäck P. The availability of demographic and socioeconomic determinants of health care utilization // *Albanian Medical Journal*. 2014. Vol. 2. P. 74–82.
3. Andersen R.M. Revisiting the behavioral model and access to medical care: does it matter? // *Journal of health and social behavior*. 1995. Vol. 36, no. 1. P. 1–10. <https://doi.org/10.2307/2137284>
4. Andersen R.M., Davidson P.L. Improving access to care in America: Individual and contextual indicators. / *Changing the U.S. health care system: Key issues in health services policy and management*. eds. R.M. Andersen, T.H. Rice, G.F. Kominski. San Francisco: Jossey-Bass, 2007. 744 p.
5. Белова Н.И. Сельское здравоохранение: состояние, тенденции и проблемы // *Социологические исследования*. 2017. № 3. С. 97–105.
6. Блинова Т.В., Вяльшина А.А., Русановский В.А. Отношение сельского населения к своему здоровью и доступности медицинской помощи // *Экология человека*. 2020. № 12. С. 52–58. <http://dx.doi.org/10.33396/1728-0869-2020-12-52-58>
7. Patient delay and related influencing factors in Chinese women under 35 years diagnosed with cervical cancer: A cross-sectional study / J. Ma, Y. Luo, S. Yang [et al.] // *Asia Pac J Oncol Nurs*. 2022. Vol. 10, No 2. P. 100165. <https://doi.org/10.1016/j.apjon.2022.100165>
8. Can a multitiered copayment system affect people's healthcare-seeking behavior? A case study of Wenzhou, China / L. Ge, X. Zhang, Y. Huang [et al.] // *BMC Health Serv Res*. 2022. Vol. 22, No 1. P. 630. <https://doi.org/10.1186/s12913-022-08031-0>
9. Черкашина Т.Ю. Дифференциации населения России по потреблению медицинских услуг: масштабы и факторы // *SPERO*. 2012. № 17. С. 121–136.
10. Неравенство в сфере здравоохранения: аналитический доклад / под ред. С.В. Шишкина. М.: НИУ ВШЭ, 2021. 78 с.
11. Sozmen K., Unal B. Explaining inequalities in Health Care Utilization among Turkish adults: Findings from Health Survey 2008 // *Health Policy*. 2016. Vol. 120. P. 100–110. <https://doi.org/10.1016/j.healthpol.2015.10.003>
12. The impact of insurance instability on health service utilization: does non-metropolitan residence make a difference? / B.E. Fields, J.F. Bell, S. Moyce, J.L. Bigbee // *J Rural Health*. 2015. Vol. 31. P. 27–34. <https://doi.org/10.1111/jrh.12077>
13. Lopez-Cevallos D.F., Chi C. Health care utilization in Ecuador: a multilevel analysis of socio-economic determinants and inequality issues // *Health Policy Plan*. 2010. Vol. 25. P. 209–218. <https://doi.org/10.1093/heapol/czp052>
14. Quantifying rural disparity in healthcare utilization in the United States: Analysis of a large midwestern healthcare system / A. Nuako, J. Liu, G. Pham [et al.] // *PLoS One*. 2022. Vol. 17, No 2. P. e0263718. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0263718>
15. Kim K., Casado B.L. Preventive Health Services Utilization Among Korean Americans // *Soc Work Public Health*. 2016. Vol. 31. P. 431–438. <https://doi.org/10.1080/19371918.2015.1137508>
16. Socioeconomic inequities in health care utilization in China / X. Zhang, Q. Wu, Y. Shao [et al.] // *Asia Pac J Public Health*. 2015. Vol. 27. P. 429–438. <https://doi.org/10.1177/1010539514565446>
17. Bazie G.W., Adimassie M.T. Modern health services utilization and associated factors in North East Ethiopia // *PLoS One*. 2017. Vol. 12. P. e0185381. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0185381>
18. Socio-economic inequalities in health services utilization: a cross-sectional study / M. Ranjbar Ezzatabadi, A. Khosravi, M.A. Bahrami, S. Rafiei // *Int J Health Care Qual Assur*. 2018. Vol. 31. P. 69–75. <https://doi.org/10.1108/IJHCQA-04-2017-0059>
19. Factors Affecting Health Care Utilization in Tehran / S. Nouraei Motlagh, A. Sabermahani, M. Hadian [et al.] // *Glob J Health Sci*. 2015. Vol. 7. P. 240–249. <https://doi.org/10.5539/gjhs.v7n6p240>
20. Manuel J.I. Racial/Ethnic and Gender Disparities in Health Care Use and Access // *Health Serv Res*. 2018. Vol. 53. P. 1407–1429. <https://doi.org/10.1111/1475-6773.12705>
21. The impact of marital status on health care utilization among Medicare beneficiaries / K.R. Pandey, F. Yang, K.A. Cagney [et al.] // *Medicine (Baltimore)*. 2019. Vol. 98, No 12. P. e14871. <https://doi.org/10.1097/MD.00000000000014871>
22. Şenol V., Cetinkaya F., Balci E. Factors associated with health services utilization by the general population in the Center of Kayseri, Turkey // *Turkiye Klinikleri Journal of Medical Sciences*. 2010. Vol. 30. P. 721–730. <https://doi.org/10.5336/medsci.2008-9283>

23. Simeonova E. Marriage, bereavement and mortality: the role of health care utilization // *J Health Econ.* 2013. Vol. 32. P. 33–50. <https://doi.org/10.1016/j.jhealeco.2012.10.010>
24. Lillard L.A., Waite L.J. Til death do us part: marital disruption and mortality // *Am J Sociol.* 1995. Vol. 100. P. 1131–1156. <http://dx.doi.org/10.1086/230634>
25. Socio-economic inequalities in health care utilization in Norway: a population based cross-sectional survey / A.H. Hansen, P.A. Halvorsen, U. Ringberg, O.H. Forde // *BMC Health Serv Res.* 2012. Vol. 12. P. 336. <https://doi.org/10.1186/1472-6963-12-336>
26. Zyaambo C., Siziya S., Fylkesnes K. Health status and socio-economic factors associated with health facility utilization in rural and urban areas in Zambia // *BMC Health Serv Res.* 2012. Vol. 12. P. 389. <https://doi.org/10.1186/1472-6963-12-389>
27. Abera Abaerei A., Ncayiyana J., Levin J. Health-care utilization and associated factors in Gauteng province, South Africa // *Glob Health Action.* 2017. Vol. 10. P. 1305765. <https://doi.org/10.1080/16549716.2017.1305765>
28. Economou A., Nikolaou A., Theodossiou I. Socioeconomic status and health-care utilization: a study of the effects of low income, unemployment and hours of work on the demand for health care in the European Union // *Health Serv Manage Res.* 2008. Vol. 21. P. 40–59. <https://doi.org/10.1258/hsmr.2007.007013>
29. Leach M.J., Gunn K., Muyambi K. The determinants of healthcare utilisation in regional, rural and remote South Australia: A cross-sectional study // *Health & Social Care in the Community.* 2022. Vol. 30. P. e4850–e4863. <https://doi.org/10.1111/hsc.13894>
30. Schofield D. The impact of employment and hours of work on health status and health service use. Discussion Paper No.11. National Centre for Social and Economic Modelling. University of Canberra. Australia, 1996. 83 p.
31. Factors associated with health service utilization in Ulaanbaatar, Mongolia: a population-based survey / A. Gan-Yadam, R. Shinohara, Y. Sugisawa [et al.] // *J Epidemiol.* 2013. Vol. 23. P. 320–328. <https://doi.org/10.2188/jea.je20120123>
32. Vikum E., Krokstad S., Westin S. Socioeconomic inequalities in health care utilisation in Norway: the population-based HUNT3 survey // *Int J Equity Health.* 2012. Vol. 11. P. 48. <https://doi.org/10.1186/1475-9276-11-48>
33. Inequalities in Older age and Primary Health Care Utilization in Low- and Middle-Income Countries: A Systematic Review / Q. Gao, A.M. Prina, Y. Ma [et al.] // *Int J Health Serv.* 2022. Vol. 52, no. 1. P. 99–114. <https://doi.org/10.1177/00207314211041234>
34. Health status and health service utilisation in remote and mountainous areas in Vietnam / B.X. Tran, L.H. Nguyen, V.M. Nong, C.T. Nguyen // *Health Qual Life Outcomes.* 2016. Vol. 14. P. 85. <https://doi.org/10.1186/s12955-016-0485-8>
35. Herberholz C., Phuntsho S. Social capital, outpatient care utilization and choice between different levels of health facilities in rural and urban areas of Bhutan // *Soc Sci Med.* 2018. Vol. 211. P. 102–113. <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2018.06.010>
36. The impact of smoking, alcohol consumption, and physical activity on use of hospital services / N. Haapanen-Niemi, S. Miilunpalo, I. Vuori [et al.] // *American Journal of Public Health.* 1999. Vol. 89. P. 691–698. <https://doi.org/10.2105/ajph.89.5.691>
37. Disparities in health care utilization by smoking status – NHANES 1999–2004 / J.W. Kahende, B. Adhikari, E. Maurice [et al.] // *International Journal of Environmental Research and Public Health.* 2009. Vol. 6. P. 1095–1106. <https://doi.org/10.3390/ijerph6031095>
38. Alcohol consumption and risk of hospitalizations and mortality in the atherosclerosis risk in communities study / N.R. Daya, C.M. Rebholz, L.J. Appel [et al.] // *Alcoholism: Clinical and Experimental Research.* 2020. Vol. 44. P. 1646–1657. <https://doi.org/10.1111/acer.14393>

Информация об авторе:

Ольга Анатольевна Кислицына – д-р экон. наук, главный научный сотрудник, Институт экономики РАН, Москва, Россия (e-mail: olga.kislitsyna@gmail.com) (e-library Author ID: 76704) (ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-4144-237X>) (SCOPUS ID: <https://www.scopus.com/authid/detail.uri?authorId=885246000015>)
 Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 03.04.2023; одобрена после рецензирования 03.05.2023; принята к публикации 16.05.2023.

References

1. SoleimanvandiAzar N., Mohaqeqi Kamal S.H., Sajjadi H., et al. Determinants of Outpatient Health Service Utilization according to Andersen's Behavioral Model: A Systematic Scoping Review. *Iran J Med Sci.* 2020;45(6):405–424. <https://doi.org/10.30476/ijms.2020.85028.1481>
2. van Hemelrijck W., Schröder-Bäck P. The availability of demographic and socioeconomic determinants of health care utilization. *Albanian Medical Journal.* 2014;2:74–82.
3. Andersen R.M. Revisiting the behavioral model and access to medical care: does it matter? *Journal of health and social behavior.* 1995;36(1):1–10. <https://doi.org/10.2307/2137284>
4. Andersen R.M., Davidson P.L. Improving access to care in America: Individual and contextual indicators. Changing the U.S. health care system: Key issues in health services policy and management. R.M. Andersen, T.H. Rice, G.F. Kominski eds. San Francisco: Jossey-Bass; 2007. 744 p.
5. Belova N.I. Rural health care: state, trends and problems. *Sociologicheskie issledovaniya=Sociological research.* 2017;3:97–105. (in Russ.)
6. Blinova T.V., Vyalshina A.A., Rusanovsky V.A. The attitude of the rural population to their health and the availability of medical care. *Ekologiya cheloveka=Human Ecology.* 2020;(12):52–58. (in Russ.) <http://dx.doi.org/10.33396/1728-0869-2020-12-52-58>
7. Ma J., Luo Y., Yang S., et al. Patient delay and related influencing factors in Chinese women under 35 years diagnosed with cervical cancer: A cross-sectional study. *Asia Pac J Oncol Nurs.* 2022;10(2):100165. <https://doi.org/10.1016/j.apjon.2022.100165>
8. Ge L., Zhang X., Huang Y., et al. Can a multitiered copayment system affect people's healthcare-seeking behavior? A case study of Wenzhou, China. *BMC Health Serv Res.* 2022;22(1):630. <https://doi.org/10.1186/s12913-022-08031-0>
9. Cherkashina T.Yu. Differentiation of the Russian population by the consumption of medical services: scale and factors. *SPERO.* 2012;(17):121–136. (in Russ.)
10. Inequality in health care: analytical report. Ed. by S.V. Shishkin. Moscow: HSE University; 2021. 78 p. (in Russ.)

11. Sozmen K., Unal B. Explaining inequalities in Health Care Utilization among Turkish adults: Findings from Health Survey 2008. *Health Policy*. 2016;120:100–110. <https://doi.org/10.1016/j.healthpol.2015.10.003>
12. Fields B.E., Bell J.F., Moyce S., Bigbee J.L. The impact of insurance instability on health service utilization: does non-metropolitan residence make a difference? *J Rural Health*. 2015;31:27–34. <https://doi.org/10.1111/jrh.12077>
13. Lopez-Cevallos D.F., Chi C. Health care utilization in Ecuador: a multilevel analysis of socio-economic determinants and inequality issues. *Health Policy Plan*. 2010;25:209–218. <https://doi.org/10.1093/heapol/czp052>
14. Nuako A., Liu J., Pham G., et al. Quantifying rural disparity in healthcare utilization in the United States: Analysis of a large midwestern healthcare system. *PLoS One*. 2022;17(2):e0263718. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0263718>
15. Kim K., Casado B.L. Preventive Health Services Utilization Among Korean Americans. *Soc Work Public Health*. 2016;31:431–438. <https://doi.org/10.1080/19371918.2015.1137508>
16. Zhang X., Wu Q., Shao Y., et al. Socioeconomic inequities in health care utilization in China. *Asia Pac J Public Health*. 2015;27:429–438. <https://doi.org/10.1177/1010539514565446>
17. Bazie G.W., Adimassie M.T. Modern health services utilization and associated factors in North East Ethiopia. *PLoS One*. 2017;12:e0185381. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0185381>
18. Ranjbar Ezzatabadi M., Khosravi A., Bahrami M.A., Rafiei S. Socio-economic inequalities in health services utilization: a cross-sectional study. *Int J Health Care Qual Assur*. 2018;31:69–75. <https://doi.org/10.1108/IJHCQA-04-2017-0059>
19. Nouraei Motlagh S., Sabermahani A., Hadian M., et al. Factors Affecting Health Care Utilization in Tehran. *Glob J Health Sci*. 2015;7:240–249. <https://doi.org/10.5539/gjhs.v7n6p240>
20. Manuel J.I. Racial/Ethnic and Gender Disparities in Health Care Use and Access. *Health Serv Res*. 2018;53:1407–1429. <https://doi.org/10.1111/1475-6773.12705>
21. Pandey K.R., Yang F., Cagney K.A., et al. The impact of marital status on health care utilization among Medicare beneficiaries. *Medicine (Baltimore)*. 2019;98(12):e14871. <https://doi.org/10.1097/MD.00000000000014871>
22. Şenol V., Cetinkaya F., Balci E. Factors associated with health services utilization by the general population in the Center of Kayseri, Turkey. *Turkiye Klinikleri Journal of Medical Sciences*. 2010;30:721–730. <https://doi.org/10.5336/medsci.2008-9283>
23. Simeonova E. Marriage, bereavement and mortality: the role of health care utilization. *J Health Econ*. 2013;32:33–50. <https://doi.org/10.1016/j.jhealeco.2012.10.010>
24. Lillard L.A., Waite L.J. Til death do us part: marital disruption and mortality. *Am J Sociol*. 1995;100:1131–56. <http://dx.doi.org/10.1086/230634>
25. Hansen A.H., Halvorsen P.A., Ringberg U., Forde O.H. Socio-economic inequalities in health care utilisation in Norway: a population based cross-sectional survey. *BMC Health Serv Res*. 2012;12:336. <https://doi.org/10.1186/1472-6963-12-336>
26. Zyaambo C., Siziya S., Fylkesnes K. Health status and socio-economic factors associated with health facility utilization in rural and urban areas in Zambia. *BMC Health Serv Res*. 2012;12:389. <https://doi.org/10.1186/1472-6963-12-389>
27. Abera Abaerei A., Ncayiyana J., Levin J. Health-care utilization and associated factors in Gauteng province, South Africa. *Glob Health Action*. 2017;10:1305765. <https://doi.org/10.1080/16549716.2017.1305765>
28. Economou A., Nikolaou A., Theodossiou I. Socioeconomic status and health-care utilization: a study of the effects of low income, unemployment and hours of work on the demand for health care in the European Union. *Health Serv Manage Res*. 2008;21:40–59. <https://doi.org/10.1258/hsmr.2007.007013>
29. Leach M.J., Gunn K., Muyambi K. The determinants of healthcare utilisation in regional, rural and remote South Australia: A cross-sectional study. *Health & Social Care in the Community*. 2022;30:e4850–e4863. <https://doi.org/10.1111/hsc.13894>
30. Schofield D. The impact of employment and hours of work on health status and health service use. Discussion Paper No.11. National Centre for Social and Economic Modelling. University of Canberra. Australia, 1996. 83 p.
31. Gan-Yadam A., Shinohara R., Sugisawa Y., et al. Factors associated with health service utilization in Ulaanbaatar, Mongolia: a population-based survey. *J Epidemiol*. 2013;23:320–328. <https://doi.org/10.2188/jea.je20120123>
32. Vikum E., Krokstad S., Westin S. Socioeconomic inequalities in health care utilisation in Norway: the population-based HUNT3 survey. *Int J Equity Health*. 2012;11:48. <https://doi.org/10.1186/1475-9276-11-48>
33. Gao Q., Prina A.M., Ma Y., et al. Inequalities in Older age and Primary Health Care Utilization in Low-and Middle-Income Countries: A Systematic Review. *Int J Health Serv*. 2022;52(1):99–114. <https://doi.org/10.1177/00207314211041234>
34. Tran B.X., Nguyen L.H., Nong V.M., Nguyen C.T. Health status and health service utilization in remote and mountainous areas in Vietnam. *Health Qual Life Outcomes*. 2016;14:85. <https://doi.org/10.1186/s12955-016-0485-8>
35. Herberholz C., Phuntsho S. Social capital, outpatient care utilization and choice between different levels of health facilities in rural and urban areas of Bhutan. *Soc Sci Med*. 2018;211:102–113. <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2018.06.010>
36. Haapanen-Niemi N., Miilunpalo S., Vuori I., et al. The impact of smoking, alcohol consumption, and physical activity on use of hospital services. *American Journal of Public Health*. 1999;89:691–698. <https://doi.org/10.2105/ajph.89.5.691>
37. Kahende J.W., Adhikari B., Maurice E., et al. Disparities in health care utilization by smoking status – NHANES 1999–2004. *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2009;6:1095–1106. <https://doi.org/10.3390/ijerph6031095>
38. Daya N.R., Rebholz C.M., Appel L.J., et al. Alcohol consumption and risk of hospitalizations and mortality in the atherosclerosis risk in communities study. *Alcoholism: Clinical and Experimental Research*. 2020;44:1646–1657. <https://doi.org/10.1111/acer.14393>

Information about the author:

Ol'ga Anatolyevna Kislitsyna - Doctor of Economics, Principle investigator of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
 (e-mail: olga.kislitsyna@gmail.com) (e-library Author ID: 76704) (ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-4144-237X>)
 (SCOPUS ID: <https://www.scopus.com/authid/detail.uri?authorid=885246000015>)
 The author declares no conflict of interests.

The article was submitted 03.04.2023; approved after reviewing 03.05.2023; accepted for publication 16.05.2023

Оригинальная статья

УДК 332.1

DOI: 10.52180/1999-9836_2023_19_2_6_226_242

EDN: IEPJXA

Мониторинг удовлетворённости получателей государственных услуг на примере Самарской области

Наталья Вадимовна Полянская¹, Марина Викторовна Симонова²

^{1,2} Самарский государственный экономический университет, Самара, Россия

¹ (polynskova@mail.ru), (ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1168-6258>)

² (m.simonova@mail.ru), (ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9662-9820>)

Аннотация

В статье представлены результаты мониторинга удовлетворённости получателей социальных услуг в Самарской области по трём жизненным ситуациям: трудоустройство через Центр занятости населения, получение ежемесячной выплаты в связи с рождением или усыновлением первого ребёнка, получение первичной специализированной медико-санитарной помощи пациентам с заболеваниями сердечно-сосудистой системы. На основе общих подходов к методике расчёта ключевых показателей эффективности Агентства стратегических инициатив были разработаны структура и содержание проведения мониторинга. Это позволило выявить инсайты и расставить акценты, ретроспективно восстановить хронологию процесса получения услуги для внесения корректив, обеспечить репрезентативность мониторинга. По результатам опросов был определён социально-демографический портрет типичного получателя государственных услуг по всем трём жизненным ситуациям по полу, возрасту, месту проживания, уровню дохода, выявлены различия в зависимости от места проживания и типа жизненной ситуации. Определены источники информации об услугах профильных государственных учреждений, выявлена потребность в большей цифровизации процесса информирования и получения государственных услуг. Получателями государственных услуг было определено, насколько легко или трудно было получить услугу, оценено время ожидания при получении услуги, которое имеет разброс оценок, но они всё же достаточно высокие по всем трём жизненным ситуациям. Наиболее значимыми аспектами удовлетворённости получения государственных услуг респондентами были названы профессионализм, доброжелательность и время ожидания услуги, что было достаточно ожидаемо, однако оценки по жизненным ситуациям существенно отличались. Было выявлено, что степень удовлетворённости от аспектов в большей степени зависит не от жизненной ситуации, а от места получения услуги, что характеризует локальность проблем и зависимость удовлетворённости получателей услуг от организации процесса получения услуги в конкретном государственном учреждении. Ключевые показатели эффективности были рассчитаны по каждой жизненной ситуации по индексу клиентских усилий, индексу клиентской удовлетворённости и показателю клиентской лояльности в динамике по всем этапам исследования и в сравнении с целевыми показателями для региона.

Ключевые слова: государственные социальные услуги для населения, жизненная ситуация, мониторинг, национальная социальная инициатива, удовлетворённость получателей социальных услуг, качество социальных услуг, индекс клиентской удовлетворённости, индекс клиентских усилий, показатель клиентской лояльности

Для цитирования: Полянская Н.В., Симонова М.В. Мониторинг удовлетворённости получателей государственных услуг // Уровень жизни населения регионов России. 2023. Том 19. № 2. С. 226–242. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_2_6_226_242; EDN IEPJXA

RAR (Research Article Report)

DOI: 10.52180/1999-9836_2023_19_2_6_226_242

EDN: IEPJXA

Monitoring the Satisfaction of Recipients of Public Services on the Example of the Samara Region

Natal'ya V. Polyanskaya¹, Marina V. Simonova²

^{1,2} Samara State University of Economics, Samara, Russia

¹ (polynskova@mail.ru), (ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1168-6258>)

² (m.simonova@mail.ru), (ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9662-9820>)

Abstract

The article presents the results of monitoring the satisfaction of recipients of social services in the Samara region in three life situations: employment through the Employment Center, receiving a monthly payment in connection with the birth or adoption of the first child, receiving primary specialized health care for patients with diseases of the cardiovascular system. On the basis of general approaches to the methodology for calculating the key performance indicators of the Agency for Strategic Initiatives, the structure and content of the monitoring were developed. This made it possible to identify insights and place emphasis, retrospectively restore the chronology of the process of obtaining a service to make adjustments, and ensure representativeness of monitoring. Based on the results of the surveys, a socio-demographic portrait of a typical recipient of public services was determined for all three life situations by gender, age, place of residence, income level, differences were identified depending on the place of residence and type of life situation. The sources of information about the services of specialized state institutions have been identified, the need for greater digitalization of the process of informing and receiving public services has been identified. The recipients of public services determined how easy or difficult it was to receive the service and the waiting time for receiving the service, which have a range of estimates, but are quite high in all three life situations. The most significant aspects of satisfaction with the receipt of public services by respondents were professionalism, friendliness and waiting time for services. The degree of satisfaction with aspects to a greater extent depends not on the life situation, but on the place of receipt of the service, which characterizes the locality of the problems and the dependence of the satisfaction of service recipients on the organization of the process of obtaining the service in a particular state institution. Key performance indicators were calculated for each life situation according to the index

of client efforts, the index of client satisfaction and the indicator of client loyalty in dynamics for all stages of the study and in comparison with the target indicators for the region

Keywords: state social services for the population, life situation, monitoring, national social initiative, satisfaction of social service recipients, quality of social services, customer satisfaction index, customer effort index, customer loyalty indicator

For citation: Polyanskova N.V., Simonova M.V. Monitoring the Satisfaction of Recipients of Public Services on the Example of the Samara Region. *Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2023. Vol. 19. No 2. P. 226–242. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_2_6_226_242

Введение

Повышение качества жизни населения регионов России в нестабильной экономической ситуации становится одной из приоритетных задач для обеспечения устойчивости социальной среды, которая подвергается множественным угрозам. В этой ситуации всё более важным компонентом становится личностное восприятие человеком окружающей действительности [1] и, в частности, восприятие услуг, предоставляемых населению государством в разных жизненных ситуациях [2]. Предоставление социальных услуг каждому жителю нашей страны гарантировано Конституцией Российской Федерации, виды услуг и условия их предоставления зависят от личной ситуации и региона проживания, они достаточно разнообразны как по форме предоставления, так и по ведомственной принадлежности. Общий принцип предоставления социальных услуг носит заявительный характер [3] и пока человек не обратился за помощью и не доказал право на получение помощи от государства, он чаще всего ничего не получает. Такая ситуация приводит к тому, что многочисленные социальные услуги, реально предоставляемые государством населению, оказываются не востребованными или трудно достижимыми не только из-за бюрократических препон, но и из-за ведомственной разобщённости и недостаточной информированности населения о имеющихся возможностях. Человеку, оказавшемуся в трудной жизненной ситуации часто сложно разобраться, какое ведомство и чем может ему помочь, на какую помощь он имеет право. Результатом этого становится растущее раздражение населения, неверие в возможность реального получения услуги и помощи в решении проблем, недоступность многих услуг из-за бюрократических преград [4]. Во многих случаях можно наблюдать ситуацию, когда одинаковые по объёму и содержанию государственные услуги в регионах страны имеют разное, иногда очень трудоёмкое для клиента, воплощение в реальной процедуре, с которой сталкивается человек при обращении за помощью, что приводит к изменению социального фона в регионе. Причиной сложностей часто становятся не эффективные организационные и управленческие решения, цель которых – не предоставление услуги, а сам процесс. В результате

низкая удовлетворённость получателей государственных услуг влияет на снижение качества жизни региона [5]. В этой связи повышение удовлетворённости получателей государственных услуг способствует повышению качества жизни региона, а исследование удовлетворённости получателей государственных услуг является актуальной научной и организационной задачей [6, 7, 8].

Единого подхода к оценке качества жизни пока не разработано, наибольшее практическое использование получили рейтинги по версии «РосБизнес-Консалтинг» (РБК), «РИА Рейтинг», на базе Финансового университета (ФА), Государственной корпорации развития (ВЭБ РФ) [9], Агентства стратегических инициатив (АСИ) [10]. По концепции Национальной социальной инициативы (НСИ), предложенной АСИ, непрерывные улучшения социальной среды, обращённые на более быстрое и удобное получение социальной помощи, повышают удовлетворённость граждан и, способствуют повышению качества жизни [11, 12, 13]. Для определения степени удовлетворённости жителей в регионах России, как одному из критериев рейтинга качества жизни, разработанному АСИ, необходимо провести оценку по трём основным факторам: как изменяются объективные факторы окружающей среды в жизненной ситуации; ориентация на потребности клиента при предоставлении государственных услуг; как жители могут повлиять на решение возникшей проблемы. Всего оценка проводится по 10 направлениям, которые оценивает рейтинг и включают 141 показатель. Выявление управленческих разрывов и их устранение в практике предоставления государственных социальных услуг в разных регионах позволит повысить удовлетворённость жителей и повлиять на качество жизни в регионах [14].

Актуальность исследования обусловлена необходимостью проведения ежеквартального мониторинга для обеспечения системы наблюдения за реализацией дорожной карты по улучшению процесса получения государственных услуг, который используется для оценки состояния решения жизненных ситуаций и повышения удовлетворённости граждан качеством получаемых услуг на примере Самарской области.

Цель исследования: Разработка параметров и проведение регионального мониторинга

усилий региональных органов власти по оценке удовлетворённости получателей услуг в центрах занятости, медицинских услуг и социальных услуг Самарской области. Объектом исследования являлись компоненты качества жизни, определяющие удовлетворённость жителей Самарской области по возможности трудоустройства через центр занятости, получение первичной медико-социальной специализированной помощи, получение ежемесячной выплаты в связи с рождением (усыновлением) первого ребёнка. Предметом исследования стали социально-трудовые отношения, возникающие при получении государственных услуг, приводящие к удовлетворённости получателей услуг. Гипотеза исследования заключается в предположении, что компонентом качества жизни является субъективное восприятие населением региона процесса получения государственных услуг, которое зависит от усилий и способа организации получения услуг государственными органами на местах и можно оценить по степени удовлетворённости от получения государственных услуг. Удобство и комфортность получения услуги зависит не только от вложенных материальных ресурсов, но и от управленческих и организационных решений, применяемых в конкретных регионах по предоставлению социальных услуг, что влияет на качество жизни населения. Практическая значимость состоит в использовании результатов исследования для проектирования организационных и управленческих решений на региональном уровне для достижения целевых показателей и повышения положения Самарской области в рейтинге качества жизни.

Методология исследования

Методологические подходы к определению качества жизни разрабатываются многими учёными на основе как частных, так и интегральных показателей [15, 16], конкретизирующих методологию оценки качественных параметров. В число показателей качества жизни многие исследователи включают удовлетворённость различными аспектами жизненных условий, то послужило методологическим основанием для проведения настоящего исследования. Например, интегральных показателях Луценко Е.В. [17] предлагает выделять частные критерии, конкретизирующие содержательную и операционную части качества жизни, среди которых существенное место занимает и оценка удовлетворённости потребителей как элемент когнитивной модели при оценке качества жизни на уровне региона. Сущность понятия качества жизни В.Н. Бобков [18] раскрывает как содержательную характеристику, подчёркивая сочетание деятельностной и институциональной составляющей качества жизни, что

соответствует подходу настоящего исследования. Необходимость изменения концепции службы занятости авторами монографии обосновывается как последовательное развитие от помощи безработным к клиенто-ориентированному подходу и решению проблем потребителей услуг занятости, повышению качества сервисных услуг. В настоящем исследовании последовательно доказывается необходимость таких изменений на основании опросов получателей услуг по трудоустройству в Центрах занятости. Качество социальной сферы выделяется Айвазяном С.А. [19, 20, 21] в ряде исследований параметров качества жизни населения как один из синтетических латентных показателей качества жизни, измерение которого используется в практической деятельности для определения направлений социально-экономического развития территорий. Измерение показателей социальной сферы представляет собой наиболее сложно формализуемый параметр, который можно конкретизировать в том числе методами социологических опросов, что использовано в настоящем исследовании. Изменение ожиданий клиентов в зависимости от уровня сервиса отмечено в работе Росляковой М.В., которые формируются на основе анализа мнений получателей государственных услуг [22]. Таким образом, оценивая наиболее распространённые методики оценки качества жизни, можно сказать, что определение удовлетворённости населения в той или иной форме присутствует практически в каждом научном подходе оценки качества жизни и требует периодического сопоставления с некоторой базовой величиной для анализа динамики изменений и проектирования улучшения социально-экономической ситуации на региональном уровне.

Использованные данные и методы работы с ними

Исследование проводилось в рамках регионального мониторинга показателей Национального рейтинга качества жизни (АСИ), оцениваемые по результатам усилий профильных министерств Самарской области для удобства получения государственных услуг населением по трём жизненным ситуациям (ЖС): 1. Трудоустройство через центр занятости населения; 2. Получение первичной медико-социальной помощи пациентам с заболеваниями сердечно-сосудистой системы; 3. Получение ежемесячной выплаты в связи с рождением (усыновлением) первого ребёнка. Период исследования – IV квартал 2021 г. в рамках пилотного проекта и основное исследование в I–III кварталах 2022 года. Целевые показатели были определены АСИ как средние по регионам России за предыдущий год. По Самарской области была

поставлена целевая задача вхождения в первую двадцатку рейтинга к 2024 г. Реализация мониторинга в Самарской области осуществлялась региональным Штабом под руководством Регионального сервисного уполномоченного НСИ, специально сформированным для достижения целевых показателей региона.

Для организации исследования была использована и творчески переработана методи-

ка внедрения целевых моделей НСИ в регионах России, разработаны содержание и структура исследования по каждой жизненной ситуации, разработана методика расчёта ключевых показателей эффективности (КПЭ) на основе сопоставления результатов самообследования, проектирования целевых образов, реализации мероприятий разработанных дорожных карт и сервисных регламентов (таблица 1).

Таблица 1

Методы исследования и ожидаемые результаты

Table 1

Research Methods and Expected Result		
ЭТАПЫ ИССЛЕДОВАНИЯ	МЕТОДЫ И ИНСТРУМЕНТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ	ОЖИДАЕМЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ
Выбор и описание жизненной ситуации	Осуществляется экспертно до проведения исследования	Отбор ЖС, значимых для региона, отбор учреждений, подходящих для ЖС, установление договорённости о проведении исследования
Выбор учреждений		
Самообследование пилотных учреждений	Экзит-поллы, наблюдения, интервью с клиентами, интервью с сотрудниками	Определяется уровень текущей удовлетворённости, качество среды и наиболее острые проблемы, характерные для учреждений
Определение ожидаемого результата	Репрезентативный опрос, анализ социальных медиа	Анализ основных проблем, которые фиксируют клиенты в рамках выделенных сфер/ЖС и желаемых способов их преодоления
Проектирование целевых образов	Интервью с сотрудниками, интервью с клиентами	Детальный анализ запросов клиентов, анализ возможных путей решения проблем и создание перечня объективных ограничений
Разработка региональных дорожных карт и сервисных регламентов	Групповая аналитическая работа на основании результатов исследования	Определение целевых процессов для решения проблем, создание моделей процессов
Мониторинг	Экзит-поллы, наблюдения, интервью с клиентами, интервью с сотрудниками	Проведение повторных замеров удовлетворённости (экзит-поллы), качества среды (наблюдения), анализ изменения процесса предоставления/получения услуги (интервью)

Источник: разработано авторами.

Мониторинг реализации НСИ в Самарской области в форме очного анкетирования и интервьюирования респондентов был проведён в 4 этапа в государственных учреждениях, предоставляющих услуги по всем трём жизненным ситуациям [23]. Выбор места расположения учреждений обследования был сделан для сравнения результатов по сельским и городским потребителям социальных услуг и проведён в 5 профильных учреждениях на территории г.о. Самара, с. Красный Яр и с. Борское, определённых как типичные и проблемные (таблица 2).

Каждому учреждению, в котором проводилось обследование, присвоены порядковые номе-

ра 1–5, под которыми в дальнейшем будем обозначать их при анализе результатов обследования. На первом этапе было проведено самообследование выбранных учреждений, в ходе которого были выполнены расчёты индексов клиентской удовлетворённости, выявлены типичные проблемы в обслуживании с точки зрения как посетителей, так и сотрудников. Вопросы самообследования выявили разные аспекты проблем – от содержательных характеристик до бытовых условий во время получения услуги. Бытовые проблемы были решены в достаточно короткие сроки, что сказалось на результатах следующих этапов мониторинга.

Данные о числе респондентов по сферам и объектам исследования за период ноябрь 2021 – октябрь 2022 гг.

Table 2

Data on the Number of Respondents by Areas and Objects of Research for the Period November 2021 – October 2022

СФЕРЫ ИССЛЕДОВАНИЯ				
ТРУД И ЗАНЯТОСТЬ		ЗДРАВООХРАНЕНИЕ		СОЦИАЛЬНАЯ ЗАЩИТА
ЖС «Трудоустройство через центр занятости населения» 29 мероприятий запланировано к реализации		ЖС «Получение первичной специализированной медико-санитарной помощи пациентам с заболеваниями сердечно-сосудистой системы» 19 мероприятий запланировано к реализации		ЖС «Получение ежемесячной выплаты в связи с рождением или усыновлением первого ребёнка» 42 мероприятия запланировано к реализации
ОБЪЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ				
(1) ГКУ «Центр занятости населения муниципального района Борский»	(2) ГКУ «Центр занятости населения муниципального района Борский»	(3) ГБУ здравоохранения Самарской области «Самарская городская клиническая поликлиника № 15 Промышленного района городского округа Самара»		(4) Главное управление социальной защиты населения Самарского округа, г.о. Самара
				(5) Управление социальной защиты населения администрации муниципального района Красноярский Самарской области

Источник: разработано авторами

Были выбраны следующие методы социологического исследования: репрезентативный опрос, анализ социальных медиа, экзит-пол, наблюдения и интервью. Репрезентативный опрос позволяет выявить мнение всего населения региона о состоянии социальной сферы в целом и делать аргументированные выводы. Проблемы региона в социальной сфере спонтанно отражаются в медиа сфере и социальных сетях, анализ которых концентрирует внимание на характерных дискуссиях на определенной территории в фокусировке исследуемых ЖС. Выборка респондентов учитывает мнения разных сторон оказания услуги – сотрудников учреждений, получателей услуги и экспертов, форма проведения опросов в виде интервью помогает получить не только письменные ответы, но и устные комментарии, как пользователей, так и интервьюеров, что позволяет минимизировать субъективность оценок и через наблюдения получить достоверный анализ данных (таблица 3).

Внесение уточнений в анкеты после этапа самообследования позволило получить конкретизированные ответы для проектирования роста удовлетворённости. Например, в III квартале мониторинга в анкеты были добавлены вопросы об источниках получения информации по ЖС,

наиболее удобных формах информирования, аспектах влияния на удовлетворённость, в которых предлагалось выбрать из предложенных вариантов степени удовлетворённости. Открытые вопросы позволяют выявить скрытые и неожиданные состояния, которые могут изменить общий подход к оказанию услуги. Существенным моментом для достижения удовлетворённости при получении услуги может стать доступность информации о возможности получения услуги, поэтому в анкете присутствовало исследование вариантов получения услуги.

По каждой ЖС (жизненной ситуации) и объекту исследования представлены Отчёты и Расчёты значений ключевых показателей эффективности (КПЭ) – индексов оценки удовлетворённости услугами по жизненным ситуациям:

1. CES – Индекс клиентских усилий.
2. CSI – Индекс клиентской удовлетворённости.
3. NPS – Показатель клиентской лояльности.

Значения КПЭ НСИ рассчитываются в соответствии с Инструкцией НСИ¹.

¹ Инструкция по расчёту значений КПЭ НСИ. URL: <https://docs.google.com/document/d/1x4kecbLgIPos6g-psVcdGUnt5CV-IXDo/edit#> (дата обращения: 27.03.2023 г.).

В структуре вопросов анкеты была выделена содержательная (основная) часть, поясняющая за какими именно услугами человек обращался в учреждение с набором ответов на вопросы, включающий, в том числе и открытый вопрос. Ответ на важный вопрос о лёгкости получения услуги был конкретизирован вопросом о затратах времени на ожидание при получении услуги.

Результаты исследования

Этап самообследования показал необходимость ежеквартальных мониторингов и внесения

редакционных уточнений в анкеты по каждой жизненной ситуации и повышения репрезентативности данных. В пилотном исследовании в декабре 2021 г. опросом были охвачены лишь 231 респондент, в следующих трёх этапах I–III квартале 2022 г. в ходе очного обследования количество респондентов увеличилось до 800 в зависимости от ЖС, также по всем жизненным ситуациям (ЖС) был проведён онлайн-мониторинг на портале Госуслуг, в котором приняли участие 3312 жителей различных муниципальных образований Самарской области (таблица 4).

Таблица 3

Анализ данных

Table 3

Data Analysis

Инструменты исследования	Особенности исследования
Самообследование пилотных учреждений	– Расчёт индексов клиентской удовлетворённости CES, CSI, NPS – Типичные проблемы в обслуживании, которые имеются в учреждениях (как с точки зрения посетителей, так и с точки зрения сотрудников) – Проблемы, связанные с внутренним устройством помещений учреждений (насколько они комфортны для посетителей и сотрудников, насколько они адаптированы под нужды людей с ограничениями здоровья, насколько в них хорош или плох ремонт, насколько эти помещения в принципе отвечают возлагаемым на них функциям и т.п.)
Определение ожидаемого результата	– Факторы удовлетворённости получением услуги – Типичные этапы, которые приходится проходить клиентам, в зависимости от конкретной жизненной ситуации – Сбои, которые возникают на каждом из этапов, и желаемые способы их решения
Проектирование целевых образов	Возможные пути решения проблем (особое внимание обратить на те решения, которые могут быть внедрены быстро: например, меньше внимания уделять вопросу низких зарплат и/или коррупции и больше – тому, можно ли наладить бесперебойную работу интернета в учреждении, отремонтировать санузлы, наладить снабжение расходными материалами, отремонтировать оборудование и т.п.)

Источник: разработано авторами

Таблица 4

Количество респондентов по этапам обследования и пилотным учреждениям Самарской области

Table 4

Number of Respondents by Survey Stages and Pilot Institutions in the Samara Region

Объекты обследования	Сфера труда и занятости, количество респондентов			Сфера здравоохранения, количество респондентов		Сфера социальной защиты, количество респондентов		
	(1), чел.	(2) чел.	Доля, %	(3), чел.	Доля, %	(4), чел.	(5), чел.	Доля, %
Общее количество респондентов (оффлайн)	800	200	18,9	575	10,9	191	194	7,3
Из них:								
Ноябрь 2021 г.	108	21	2,4	66	1,2	35	35	1,32
Декабрь 2021 г.	113	30	2,7	66	1,2	11	11	0,4
Май 2022 г.	205	49	4,8	146	2,8	45	48	1,8
Июль 2022 г.	200	50	4,7	147	2,8	50	50	1,9

Октябрь 2022 г.	200	50	4,7	150	2,8	50	50	1,9
Онлайн-корреспонденты	1067		20,2	1204	22,8	1041		19,7
Структура респондентов по возрасту (лет) на примере этапа в октябре 2022 г. (100 % – количество респондентов этапа):								
До 20	0	1	0,4	3	2	0	7	7
20-24	14	4	7,5	6	4	9	29	38
24-29	32	2	13,9	11	7,5	19	9	28
30-34	33	5	15,4	5	3	11	3	14
35-44	59	12	28,6	12	8	10	2	12
45-54	37	10	18,9	21	14	1	0	1
55-64	21	16	14,9	26	17,5	0	0	0
65 и старше	1	0	0,4	66	44	0	0	0

Источник: разработано авторами

Общее количество респондентов, принявших участие в онлайн и оффлайн опросах 2021–2022 гг. составило 5291 человек. Увеличение числа опрашиваемых обеспечивает рост репрезентативности (представительности и достоверности) результатов опроса. Распределение респондентов по возрастным группам сложилось в соответствии со спецификой Жизненных ситуаций, наибольшая доля возрастной категории старше 55 лет пришлось на сферу здравоохранения, возрастная группа от 20 до 44 лет является получателями социальных услуг по рождению первого ребёнка, а самой разнообразной по возрасту ожидаемо стала сфера труда и занятости. Наибольшей возрастной группой в трудовой сфере стала группа от 35 до 44 лет как самая динамичная по профессиональным и карьерным ожиданиям и готовности к изменениям. По всем исследуемым ЖС типичным получателем услуг стала женщина в разных возрастных категориях в зависимости от ЖС, проживающая в месте расположения учреждения. Анализ источников получения информации об оказываемых услугах и возможности их получения проводился в разрезе профильных учреждений по всем ЖС (рисунок 1).

По совокупности ответов по трём ЖС большинство респондентов за информацией об оказываемых услугах обращаются непосредственно в профильное учреждение. Использование интернета и социальных сетей для получения информации характерно для всех исследуемых ЖС как варианта с различными комментариями, то есть с обратной связью. Использование портала Госуслуг отмечено респондентами по совокупности на третьем месте. Наименее востребованная позиция сайтов профильных ведомств даёт основания для суще-

ственной переработки структуры и способа подачи информации на этих информационных ресурсах, которые могут и должны быть задействованы в большей степени. Уточняющие вопросы анкеты по предпочитаемым формам получения информации дают более полную картину в совокупности с действительной ситуацией и раскрывают желание пользователей получать персонализированную информацию через индивидуальную рассылку или на сайте Госуслуг. В настоящее время такого информирования не производится и результаты мониторинга дают направление для реструктуризации способов и форм взаимодействия государства и получателей социальных услуг.

Причины обращения посетителей в профильное учреждение соответствуют наиболее распространённым действиям, связанным с получением услуги и не оказывают значимого влияния на удовлетворённость пользователей, но позволяют руководителям учреждений сконцентрировать усилия в наиболее приоритетных направлениях, например, в Центрах занятости наиболее востребованной услугой является регистрация в качестве безработного (50 %) и поиск работы – любой (24–44 %) или по специальности (22–24 %). Поиск работы становится всё более востребованной услугой, которую пока в Центрах занятости не могут оказать с высокой эффективностью и конкурировать с коммерческими кадровыми агентствами и работными сайтами. В поликлинику обращаются в основном на приём, за консультацией специалиста (71 %), за лечебными процедурами (34 %) и в меньшей степени за анализами (6 %) и обследованиями (3–5 %), а именно они являются объективными данными для назначения лечения и предупреждения заболеваний.

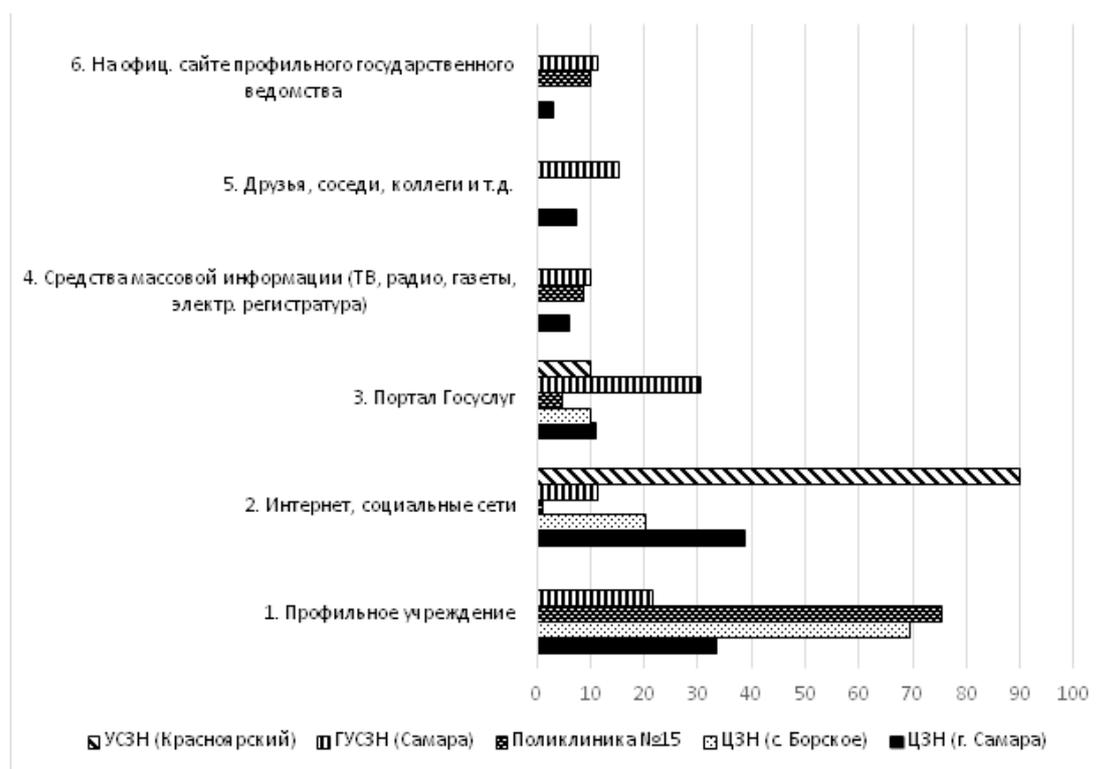

Рисунок 1. Распределение ответов респондентов по ответам на вопрос «Куда Вы обращаетесь за информацией об услугах перед посещением профильного учреждения?», % (экспертный опрос)
 Figure 1. Distribution of Respondents' Answers by Answers to the Question "Where do You Go for Information about Services before Visiting a Specialized Institution?", % (Expert Survey),

Источник: данные авторского исследования

Получение полноценной услуги по ЖС и повышение удовлетворённости получателей услуг может быть только при получении обратной связи от получателей услуг, ориентации на результат, который ожидают пользователи, что является резервом для повышения качества услуги и удовлетворённости посетителей. Получатели социальной услуги по выплатам при рождении первого ребёнка чаще всего обращаются для подачи документов на выплату (28–55 %) и для получения информации о правилах получения выплаты (19–58 %). Поводов для обращения по причинам отсутствия или задержки выплаты немного (9–12 %), но они есть и требуют оперативного решения для повышения уровня удовлетворённости получателей услуги. В целом по причинам обращения в профильные учреждения можно сказать, что многие из наиболее распространённых услуг возможны для переформатирования в персонализированный он-лайн формат при сохранении возможности очного получения услуги, что будет способствовать повышению удовлетворённости получателей услуг.

Простота и доступность получения услуг во многом зависит от организации процедуры от возникновения запроса до завершения в виде результата услуги, которая влияет на скорость, доступность и удобство получения услуги. Вопрос анкеты по лёгкости получения услуг выявил учреждения, в которых процесс получения услуги более лёгкий, а где вызывает больше сложностей (рисунок 2). Можно выделить УСЗН с. Красный Яр по наибольшему количеству положительных оценок (6–94 %) с наименьшей продолжительностью ожидания при получении услуги (100 % менее 30 мин) и полному отсутствию отрицательных оценок и Поликлинику №15 г.о. Самара по совокупному количеству отрицательных оценок (39 %) с достаточно большой продолжительностью ожидания получения услуги (20 % – от 1 часа до 2-х часов и более). При этом максимальная продолжительность ожидания (13 % более 2-х часов) отмечена в ЦЗН г.о. Самара. Распределение спектра оценок по диаметрально противоположным следует расценивать как негативное и требующее принятия управленческих и организационных решений.

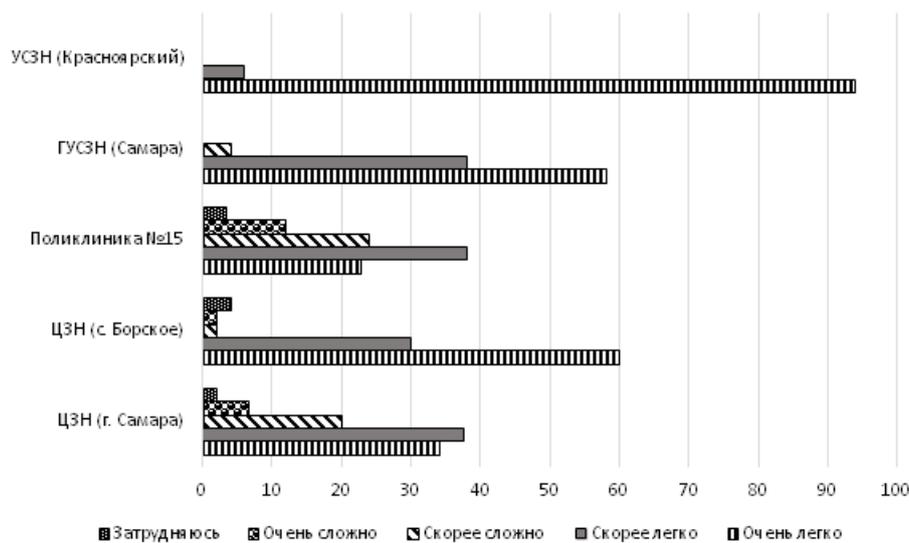

Рисунок 2. Распределение ответов респондентов на вопрос о лёгкости получения услуги, % (экспертный опрос)

Figure 2. Distribution of Respondents' Answers to the Question about the Ease of Obtaining Services, % (Expert Survey)

Источник: данные авторского исследования

Отдельный блок вопросов анкетирования выявлял аспекты клиентской удовлетворённости, ответы на которые дополнили общую картину настроений получателей государственных услуг. Распределение ответов по разным учреждениям позволяют выделить специфику ответов по удовлетворённости от получения услуги в городских и сельских учреждениях и в зависимости от исследуемой ЖС (рисунок 3).

В сельских учреждениях ЦЗН с. Борское и УСЗН с. Красный Яр наибольшее влияние оказывают доброжелательность персонала учреждения (84 и 94 %), время ожидания в очереди (28 и 94 %). Удовлетворённость профессионализмом/квалификацией персонала, Доброжелательность и Время ожидания в очереди как значимые характеристики удовлетворённости отмечены во всех пяти обследованных учреждениях. Аспект удовлетворённости «Быстро попасть к специалисту» важен для посетителей ЦЗН г.о. Самара (38 %) и Поликлиники №15 г.о. Самара (46 %). Для городских получателей (ЦЗН, Поликлиника № 15, ГУСЗН г.о. Самара) государственных услуг важна возможность получить услугу удалённо (41 % и 34 %), количество документов (28 %, 12 % и 28 %), понятность процесса (31 %, 24 % и 40 %) и комфортность пребывания (17 %, 25 % и 48 %). Степень удовлетворённости можно было выбрать из предложенных аспектов удовлетворённости по шкале от «полностью удовлетворён» до «полностью не удовлетворён» и нейтральный вариант «затруд-

няюсь ответить». В целом городские пользователи скорее не удовлетворены, чем удовлетворены отдельными аспектами получения услуги, а сельские в большей степени удовлетворены большинством аспектов оказания услуги. Доступность учреждения ни в одном из обследованных учреждений не вызывает нареканий, следовательно они расположены удобно и доступно для посетителей.

Значимым критерием удовлетворённости получателей государственных услуг можно считать оценку вероятности рекомендовать воспользоваться услугой в конкретном учреждении по результатам личного опыта. Вероятность оценивалась в мониторинге по шкале от 0 до 10 баллов, в которых 0 – точно не порекомендую, 10 – обязательно порекомендую. В ответах на этот вопрос также прослеживается локализация по местности – распределение оценок зависит от того, городское или сельское учреждение оказывает услугу. В сельских учреждениях ЦЗН с. Борское и УСЗН с. Красный Яр абсолютное большинство получателей услуг поставили максимальную оценку 10 баллов (86 и 92 %), в городских учреждениях (ЦЗН, Поликлиника № 15, ГУСЗН г.о. Самара) разброс оценок по шкале гораздо выше, достаточно много негативных оценок (9,5, 7,3 и 4 %), основная доля оценок в средней части шкалы (61, 82, 36 %). При этом необходимо выделить ГУСЗН г.о. Самара, в котором оценок ниже 5 баллов нет совсем, и основная часть более 60 % оценок имеют высший балл 10.

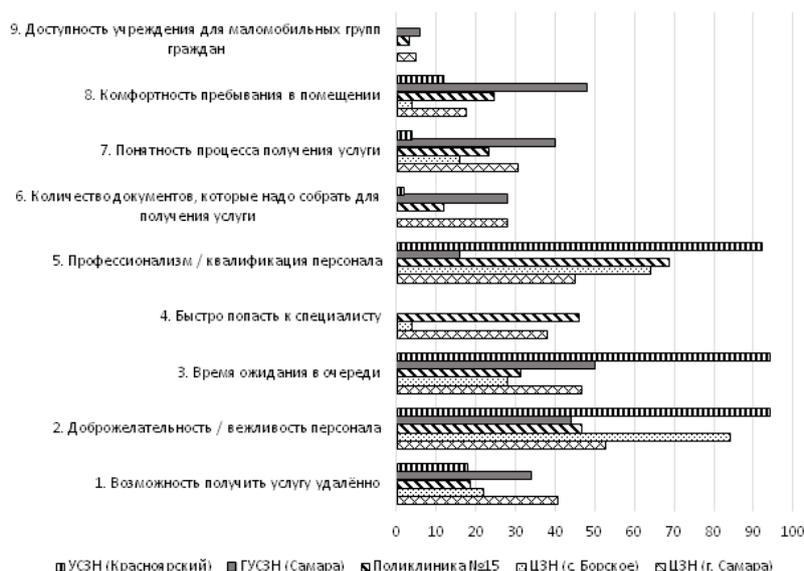

Рисунок 3. Удовлетворённость посетителей обследованных учреждений по выбранным жизненным ситуациям, % (экспертный опрос)

Figure 3. Satisfaction of Visitors to the Surveyed Institutions for Selected life Situations, % (Expert Survey)

Источник: данные авторского исследования

Обобщая результаты проведённых опросов удовлетворённости, можно сказать, что на удовлетворённость влияют не только комплекс оказываемых услуг, но и социальная среда, в которой происходит получение этих услуг. В сельской местности межличностные контакты имеют большее значение и неформальность обстановки влияет на удовлетворённость получателей услуг, даёт возможность дополнить формальные процедуры личностным фактором, что положительно влияет на удовлетворённость посетителей. Городская разобщённость жителей дополняется большей информированностью об аспектах получения услуг и повышением требований к формальному качеству предоставления услуг, что отражается на результатах оценки. При этом высокая степень цифровизации процедуры (ЖС «Получение ежемесячной выплаты в связи с рождением или усыновлением первого ребёнка») повышает удовлетворённость получателей услуг.

Оценка ключевых показателей эффективности внедрения НСИ в Самарской области

По результатам мониторинга были рассчитаны: КПЭ достижения показателей целевых производственных процессов (индекс клиентской удовлетворённости (CSI) и индекс клиентских усилий (CES)); КПЭ достижения показателей целевых сервисных процессов (NPS – показатель клиентской лояльности). Расчёт ключевых показателей

эффективности (КПЭ) внедрения НСИ в рамках рассмотренных жизненных ситуаций проводился по единым методикам для всех регионов Российской Федерации для универсальности расчётов и сравнимости показателей. За ключевые показатели эффективности приняты целевые показатели успешности внедрения НСИ в регионе и реализация мероприятий дорожной карты улучшения процесса оказания услуг в рамках жизненных ситуаций.

- В качестве ключевых показателей эффективности были рассчитаны следующие показатели для трёх выбранных ЖС региоИндекс клиентской удовлетворённости (CSI) – рассчитывается как средневзвешенное значение удовлетворённости разными аспектами получения услуг по ЖС (Диапазон значений индекса: от 1 до 4 баллов);

- Индекс клиентских усилий (CES) даёт оценку трудоёмкости получения услуги (Диапазон значений индекса: от - 100 до +100 баллов);

- Индекс приверженности потребителей (NPS) отражает достижение показателей целевых сервисных процессов и основан на оценке готовности рекомендовать другим людям получение услуг в данном учреждении (Диапазон значений индекса: от - 100 до +100 баллов).

Динамика значений индексов, а также уровень достижения целевых показателей по всем трём ЖС представлены в таблице 5.

Таблица 5

Расчёт значений ключевых показателей эффективности по выбранным жизненным ситуациям региона (1. ЖС «Трудоустройство через центр занятости населения»; 2. ЖС «Получение первичной специализированной медико-санитарной помощи пациентам с заболеваниями сердечно-сосудистой системы»; 3. ЖС «Получение ежемесячной выплаты в связи с рождением или усыновлением первого ребёнка»)

Table 5

Calculation of the Values of Key Performance Indicators for Selected Life Situations in the Region (1. LS "Employment through the Employment Center"; 2 - LS "Receiving Primary Specialized Health Care for Patients with Diseases of the Cardiovascular System"; 3 - LS "Receiving a Monthly Payment in Connection with the Birth or Adoption of the First Child")

Ключевой показатель эффективности для ЖС	Базовое значение КПЭ, самообследование (июнь) 2021 г., баллы	Мониторинг ноябрь 2021 г. (сервис онлайн-опросов АСИ), баллы	Текущие значения КПЭ по пилотным учреждениям (очное анкетирование), баллы					Сводный мониторинг по пилотным учреждениям за 1–4 кв. 2022 г., баллы	Онлайн-мониторинг на Портале госуслуг в МО регион, 2022 г., баллы	Целевое значение КПЭ на 2024 г., баллы
			Декабрь 2021 г.	1 кв. (май) 2022 г.	2 кв. (июль) 2022 г.	3 кв. (сентябрь-октябрь) 2022 г.	4 кв. (ноябрь) 2022 г.			
CSI ЖС 1	2,43	3,27	3,16	3,28	2,96	3,11	2,61	2,98	3,29	3,6
CSI ЖС 2	2,31	3,53	3,16	2,59	2,92	3,01	3,16	2,92	2,74	3,2
CSI ЖС 3	2,36	3,54	3,51	3,67	3,88	3,82	3,85	3,81	3,15	2,72
CES ЖС 1	-86	75,3	40	51,6	44,8	58	54,7	52,3	82	30
CES ЖС 2	-	78,5	60	28,8	34,8	19,6	25,5	27,2	43	20
CES ЖС 3	-30	64,7	63,6	92,5	96	97	96	95,3	68,6	30
NPS ЖС 1	-	40	68,2	89,2	93	83	85	87,5	-3,7	-
NPS ЖС 2	-	67	48,6	-6,1	-4,9	-5,3	-19,3	-8,9	-34,3	-
NPS ЖС 3	-	40	68,2	89,2	93	83	85	87,5	-3,7	-

Источник: разработано авторами

На протяжении анализируемого периода индекс клиентской удовлетворённости (CSI) услугами службы занятости имел волнообразную динамику, то увеличиваясь, то снижаясь, но, не опускаясь ниже базового значения. Так как онлайн мониторингом в сфере труда и занятости было охвачено 1067 респондентов, то можно сделать вывод о достаточно хорошем состоянии уровня качества оказания услуг по ЖС на всей территории Самарской области. Для повышения индекса необходимо изменение концепций

работы служб занятости не только с клиентами, ищущими работу, но и с корпоративными клиентами, работодателями, предоставляющими вакансии для трудоустройства. Существенные отличия данных мониторинга от базовых значений вызваны недостаточной репрезентативностью и согласованностью целевых групп, участвующих в опросе для базовых значений и в рамках мониторинга. По мере отработки процедуры мониторинга увеличивалось количество респондентов, ответивших на вопросы анкеты, целевая аудито-

рия более соответствовала целям и задачам мониторинга, независимость интервьюеров позволяла клиентам отвечать более свободно на поставленные вопросы, повышалась точность результатов, отразившаяся на показателях индекса. Много предложений и запросов на улучшение вызывает организация получения услуги как при личном обращении, так и удалённо через интернет, что требует системного подхода, построения карты перемещений и передачи информации, документов по этапам и срокам, для чего необходимо применение научной организации труда и концепции бережливого производства.

Индекс приверженности в отношении службы занятости необходимо интерпретировать в ракурсе изменения формата работы с клиентами по подбору вакансий, проведения консультаций при прохождении собеседований, помощи в процессе трудоустройства, профессиональной ориентации, консультирования по карьерному и профессиональному развитию, перспективам востребованности профессий и специальностей. Изменение качественных результатов трудоустройства можно получить не только улучшая процедуру и комфортность получения услуги, но и выполняя профильный подбор вакансий под потребности клиентов. Во многом приверженность возникает из удовлетворения периодических потребностей, которые при наличии постоянной занятости не возникают, но потребность в указанных направлениях деятельности ЦЗН может возрастать при изменении характера предоставления услуг ЦЗН на проактивный, расширения спектра и качества услуг. Достижение целевых показателей индекса возможно по мере развития сфер карьерного консультирования для всех возрастных категорий, профессиональной переподготовки, предоставляемых Центрами занятости. Индекс приверженности в малых населённых пунктах наблюдается на более высоком уровне в силу более тесного знакомства жителей сельской местности по сравнению с городской и большей доступности очных консультаций со специалистами Центров занятости. Низкий индекс приверженности, полученный по результатам онлайн мониторинга, показывает недоверие населения к работе Центров занятости, сложившееся во многом из-за достаточно высоко формализованной работы по трудоустройству населения и отсутствия гибкости, высокой конкуренции предоставления услуг по трудоустройству, недостаточной интенсивности работы по информированию населения о возможностях Центров занятости. Эти недостатки преодолимы и многое уже делается, что показали результаты мониторинга посетителей ЦЗН, так как предоставление услуг по тру-

доустройству в Центрах занятости существенно изменилось, стало более клиентоцентричным. Однако, необходима системная работа по преодолению сложившихся стереотипов и укреплению репутации надёжной, заботливой и инновационной Службы занятости, обеспечивающей занятость населению и осуществляющей подбор работников для работодателей. Таким образом, по результатам оценки ключевых показателей эффективности НСИ по трудоустройству населения можно сделать вывод о положительных тенденциях относительно базового периода и периода, предшествующего исследуемому, а также о наибольшей успешности внедрения НСИ в сельских ЦЗН, что показал мониторинг ситуации на примере ЦЗН в м.р. Борский.

Фактическое значение показателя индекса клиентской удовлетворённости (CSI) услугами поликлиники № 15 за анализируемый период было выше, чем базовое значение. Положительная динамика показателя обусловлена принятием ряда мер по улучшению качества услуг по исследуемой ЖС в поликлинике №15. Результаты онлайн мониторинга также позволили рассчитать индекс удовлетворённости граждан услугами по ЖС «Получение первичной специализированной медико-санитарной помощи пациенту с заболеваниями сердечно-сосудистой системы» в медицинских организациях муниципальных образований Самарской области. Данный показатель оказался ниже, чем в среднем по поликлинике №15. Это говорит о наличии значительных резервов повышения качества услуг в медицинских организациях Самарской области. Динамика индекса клиентских усилий (CES) позволяет сделать вывод о росте трудоёмкости получения услуг по исследуемой ЖС в поликлинике №15: за анализируемый период индекс сократился в 4 раза (с 78,49 в ноябре 2021 г. до 19,6 в октябре 2022 г.). Также необходимо отметить, что значение показателя CES в III квартале опустилось ниже целевого значения – 20.

Результаты онлайн-опроса на портале Госуслуг свидетельствуют о том, что получение услуг по ЖС «Получение первичной специализированной медико-санитарной помощи пациенту с заболеваниями сердечно-сосудистой системы» в медицинских организациях муниципальных образований Самарской области менее трудоёмко, чем в поликлинике №15 в 2022 г.

Динамика значения индекса приверженности потребителей (NPS) позволяет сделать вывод о низкой готовности посетителя поликлиники №15 рекомендовать другим людям получение услуг в данном учреждении. Отрицательное значение показателя NPS в 2022 г. свидетельствует о преобладании критиков качества оказания услуг

по ЖС в поликлинике №15 (уровень лояльности ниже 7 баллов) над сторонниками учреждения (лояльность в 9–10 баллов). В медицинских организациях Самарской области критиков качества оказания услуг ещё больше, так как показатель NPS имеет значение – 34,3.

Таким образом, оценка уровня и динамики ключевых показателей эффективности внедрения НСИ в поликлинике №15 г.о. Самара позволяет прийти к выводу о том, что на III этапе мониторинга произошло некоторое улучшение качества предоставляемых услуг по ЖС «Получение первичной специализированной медико-санитарной помощи пациенту с заболеваниями сердечно-сосудистой системы», однако увеличилась трудоёмкость получения услуг и снизился показатель клиентской лояльности. Для дальнейшего улучшения сложившейся ситуации, следуя принципу клиентоцентричности, в первую очередь рекомендуется обратить внимание на возможность реализации мероприятий, предлагаемых пациентами для улучшения оказания услуг в поликлинике.

По результатам мониторинга внедрения НСИ в Управлениях социальной защиты населения при предоставлении услуг по ЖС «Получение ежемесячной выплаты в связи с рождением (усыновлением) первого ребёнка» были рассчитаны КПЭ достижения показателей целевых производственных процессов (индекс клиентской удовлетворённости (CSI) и индекс клиентских усилий (CES)) и КПЭ достижения показателей целевых сервисных процессов (NPS – показатель клиентской лояльности).

Индекс клиентской удовлетворённости (CSI) услугами Управлений социальной защиты населения на протяжении всего анализируемого периода демонстрировал уровень показателя, превышающий базовое и целевое значения. В целом за период с ноября 2021 г. по II квартал 2022 г. значение индекса имело положительную тенденцию, увеличившись с 3,54 до 3,88. Однако в III квартале показатель снизился на 0,06 пункта и составил 3,82. Важно заметить, что данная динамика обусловлена сокращением индекса CSI в ГУСЗН г.о. Самара (3,83 до 3,68), в то время как в УСЗН м.р. Красноярский за весь анализируемый период индекс рос и к III кварталу 2022 г. достиг значения 3,95. В Управлениях социальной защиты населения муниципальных образований Самарской области индекс клиентской удовлетворённости значительно ниже, чем в пилотных УСЗН, о чём свидетельствуют результаты онлайн мониторинга на портале Госуслуг в 2022 году, следовательно, там есть существенные резервы по росту качества оказываемых услуг. Значение интегрального показателя клиентских усилий говорит о низкой трудоёмкости получения услуги по ЖС «Полу-

чение ежемесячной выплаты в связи с рождением (усыновлением) первого ребёнка». Важно отметить значительное превышение фактически сложившегося уровня индекса CES по сравнению с базовым и целевым значением, а также активный рост показателя в 2022 г. (увеличение в 1,5 раза в III квартале 2022 г. по сравнению с ноябрём 2021 г.).

Онлайн мониторинг показал более высокий уровень трудоёмкости получения услуг по ЖС «Получение ежемесячной выплаты в связи с рождением (усыновлением) первого ребёнка» по сравнению с анализируемыми УСЗН, в то же время этот показатель находится в пределах нормы и даже в 2,3 раза выше целевого значения на 2024 г.

Индекс приверженности потребителей (NPS) в период ноября 2021 г. – II квартал 2022 г. имел положительную динамику, затем в III квартале 2022 г. сократился на 10,8 %, что свидетельствует о снижении готовности респондентов рекомендовать другим людям получение услуг по исследуемой ЖС в данном Управлении социальной защиты населения. В Управлениях социальной защиты населения муниципальных образований Самарской области индекс NPS имеет отрицательное значение, это означает, что число критиков качества оказания услуг по исследуемой ЖС (уровень лояльности ниже 7 баллов) преобладают над числом сторонников УСЗН (лояльность в 9–10 баллов), а следовательно назрела необходимость повышения качества услуг.

Таким образом, по результатам оценки ключевых показателей эффективности, можно сделать вывод в целом о положительных результатах внедрения НСИ в пилотных учреждениях сферы социальной защиты населения Самарской области при получении услуг по ЖС «Получение ежемесячной выплаты в связи с рождением или усыновлением первого ребёнка» и более низких показателях КПЭ в других учреждениях СЗН Самарской области.

Выводы

В ходе исследования была проведена серия замеров удовлетворённости получателей государственных услуг в пяти выбранных государственных профильных учреждениях на территории трёх муниципальных образований Самарской области: г.о. Самара, с. Красный Яр, с. Борское. Методы и инструментарий исследования опирались на рекомендации Агентства стратегических инициатив для использования в рейтинге качества жизни по программе Национальной социальной инициативы агентства. На основе общих подходов к методике расчёта ключевых показателей эффективности были разработаны структура и содержание проведения мониторинга, разрабо-

таны анкеты, творчески переработаны методики сбора данных, проведения интервью, определён дизайн выборки, состав интервьюеров и респондентов, что позволило авторам выявить инсайты и расставить акценты, ретроспективно восстановить хронологию процесса получения услуги, обеспечить репрезентативность результатов опросов. По результатам опросов был определён социально-демографический портрет типичного получателя государственных услуг по всем трём жизненным ситуациям по полу, возрасту, месту проживания, уровню дохода, выявлены различия в зависимости от места проживания и типа жизненной ситуации. Определены источники информации об услугах профильных государственных учреждений, выявлена потребность в большей цифровизации процесса информирования и получения государственных услуг. Приоритетным направлением совершенствования предоставления услуг следует считать большую персонализацию информирования о возможности и правах на получение услуги, в частности, с использованием портала Госуслуг, реформирование структуры и наполнения сайтов профильных ведомств для более полного предоставления информации населению об оказываемых услугах и в понятных формулировках. По ЖС трудоустройства в ходе исследования была подтверждена гипотеза о необходимости расширения спектра оказываемых услуг населению по консультированию и поиску подходящего места работы, профориентации, составлению резюме и прохождению собеседований. Реформирование подходов к деятельности Центров занятости населения будет способствовать повышению индикаторов достойного труда в регионе [24]. Получателями государственных услуг была определена степень лёгкости получения услуг и время ожидания при получении услуги, которые имеют разброс оценок, но достаточно высокие по всем трём жизненным ситуациям. Наиболее труднодоступной для населения из исследуемых ЖС следует отметить услугу по специализированной медицинской помощи, которая вызвала наибольший разброс мнений, особенно в сравнении с пользователями, отвечавшими через он-лайн опрос. Исследование показало спектр проблем, которые вызывают недовольство пользователей, но не требуют существенных материальных и временных затрат на их устранение и были устранены в ходе мониторинга, что повлияло на повышение оценок на последующих этапах мониторинга. Решение этих проблем чаще всего находится в компетенции непосредственных руководителей государственных учреждений и может быть достигнуто в краткосрочном периоде. Ожидаемо наиболее значимыми аспектами удов-

летворённости получения государственных услуг респондентами были названы профессионализм, доброжелательность и время ожидания услуги. По нашему мнению, для повышения удовлетворённости клиентов этот показатель следует внести в КПЭ руководителей государственных учреждений, оказывающих услуги населению. Вместе с тем, результаты расчёта ключевых показателей эффективности в динамике показали тенденцию к росту по всем этапам исследования, а также в сравнении с целевыми показателями для региона и реальность достижения целевых показателей.

В результате исследования было определено, что степень удовлетворённости зависит во многом от уровня цифровизации процесса получения услуги, когда сокращается количество собираемых документов и время, потраченное на получение услуги. Место получения услуги также влияет на удовлетворённость жителей, в сельских учреждениях удовлетворённость посетителей в целом выше, чем в городских, что характеризует локальность проблем и зависимость удовлетворённости получателей услуг от организации процесса получения услуги в конкретном государственном учреждении. Во время проведения мониторинга были собраны замечания и предложения посетителей, полученные в ходе опросов, многие из которых были исправлены достаточно быстро, например, бытовые условия, порядок организации приёма посетителей, навигация, расположение и компоновка внутри помещения для посетителей, что положительно повлияло на показатели удовлетворённости в следующих этапах мониторинга. Достижение запланированных целевых показателей по трём жизненным ситуациям должно повысить положение Самарской области в рейтинге качества жизни по методике АСИ, что уже привело к вхождению региона в ТОП-20 регионов Российской Федерации по итогам 2022 г.

Сравнение предложений посетителей по этапам мониторинга (с декабря 2021 г. по III квартал 2022 г.) показывает увеличение числа предложений и расширение круга проблем, по которым делались предложения. Это можно напрямую связывать с увеличением количества респондентов и повышением качества проводимых опросов. Получение обратной связи от клиентов позволяет периодически корректировать проведение запланированных мероприятий в Дорожной карте региона по достижению целевых показателей НСИ для повышения места Самарской области в рейтинге качества жизни Российской Федерации.

Для решения социально-экономических проблем в рамках исследуемых ЖС и более эффективной реализации предложений получателей услуг и повышения качества жизни в регионе не-

обходимо совершенствовать методику проведения опросов, выделить категории получателей услуг для сегментированного выявления мнений и предложений, совершенствовать структуру и параметры проведения мониторингов, разработать дополнительные аспекты удовлетворённости, кроме выявленных в ходе настоящего исследования, обратиться к лучшим практикам и распространять полученные результаты исследования. Например, можно использовать базу лучших практик АСИ

Смартека, внести в базу Смартеки полученные в ходе проведённого мониторинга результаты по Самарской области для распространения в других регионах (Смартека – это сервис поиска лучших региональных практик для органов власти, государственных и муниципальных учреждений, а также предпринимателей и некоммерческих организаций (Создана по поручению Президента Российской Федерации № Пр-1186 от 2 июля 2019 г.)).

Список литературы

1. Зубец А.Н. Разработка и апробация системы индикаторов качества жизни: на примере российских городов / А.Н. Зубец // Социально-гуманитарные знания. 2022. № 3. С. 166–180. <https://doi.org/10.34823/SGZ.2022.3.51839>; EDN TMBNUF
2. Декман И.Е. Формирование благоприятного социально-психологического климата общества посредством проведения эффективной социальной политики в части предоставления государственных и муниципальных услуг населению / И.Е. Декман, А.В. Барнаш // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2019. Т. 8. № 2(27). С. 297–301. <https://doi.org/10.26140/anip-2019-0802-0069>; EDN UZMBNZ
3. Тимошкина Е.В. Социальная защита населения как важнейший фактор социально-экономического развития в условиях цифровизации / Е.В. Тимошкина // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2022. № 9–1. С. 143–152. <https://doi.org/10.17513/vaael.2405>; EDN RQCGPZ
4. Соловьёв В.И. Автоматизированная система анализа удовлетворённости граждан качеством предоставления государственных и муниципальных услуг на основе видеоаналитики / В.И. Соловьёв, В.Г. Феклин // Известия высших учебных заведений. Серия: Экономика, финансы и управление производством. 2019. № 4(42). С. 108–114. EDN SREWYV
5. Юсифов Ф.Ф. Оценка государственных услуг на основе удовлетворённости граждан / Ф.Ф. Юсифов // Информационное общество. 2020. № 4. С. 38–51. EDN PCEQXK
6. Кислицына О.А. Факторы, оказывающие влияние на удовлетворённость россиян системой здравоохранения / О.А. Кислицына // Социальные аспекты здоровья населения. 2020. Т. 66. № 2. С. 8. <https://doi.org/10.21045/2071-5021-2020-66-2-8>; EDN AKZMBW
7. Яценко С.О. Оценка эффективности функционирования социальной инфраструктуры на основе расчёта комплексного показателя / С.О. Яценко, М.Е. Никифорова // Экономика устойчивого развития. 2019. № 1(37). С. 341–344. EDN QXTRPC
8. Evaluation of Human Capital in the Macregion (on the Example of the Yenisey Siberia) / I.P. Vorontsova, A.R. Semenova, L.K. Vitkovskaya, I.A. Drobyshev // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. 2020. Vol. 13. No. 11. P. 1808–1818. <https://doi.org/10.17516/1997-1370-0686>; EDN TLKFLR
9. Терентьева К.Д. Формирование системы показателей качества жизни для оценки уровня устойчивого развития региона / К.Д. Терентьева, А.Г. Шейкин // Общество: политика, экономика, право. 2022. № 4(105). С. 65–70. <https://doi.org/10.24158/per.2022.4.10>; EDN HBVVQM
10. Казанцева Е.Г. Проблемы качества жизни населения: региональный аспект / Е.Г. Казанцева // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. 2022. № 3(71). EDN JNRLMD
11. Тобиен М.А. Рейтинг качества жизни как способ анализа эффективности социально-экономической политики регионов / М.А. Тобиен // Наука Красноярья. 2022. Т. 11. № 3–3. С. 125–130. EDN FYKZIP
12. Веселова В.Н. Рейтинг качества жизни населения российских регионов / В.Н. Веселова, О.В. Валева, Л.М. Корытный // География и природные ресурсы. 2020. № 4(163). С. 14–24. [https://doi.org/10.21782/GIPR0206-1619-2020-4\(14-24\)](https://doi.org/10.21782/GIPR0206-1619-2020-4(14-24)); EDN OLUUXL
13. Григорьянц Г.Н. Информационное сопровождение независимой оценки качества условий оказания услуг организациями социальной сферы: опыт регионов Российской Федерации / Г.Н. Григорьянц // Экономика и предпринимательство. 2020. № 12(125). С. 637–642. <https://doi.org/10.34925/EIP.2021.125.12.126>; EDN ZKVVOZ
14. Гуппов Т.Б. Государственные социальные услуги: от эволюции теории к практике обеспечения качества / Т.Б. Гуппов, М.З. Шогенов // Государственная служба. 2019. Т. 21. № 4(120). С. 75–81. <https://doi.org/10.22394/2070-8378-2019-21-4-75-81>; EDN PBFDFK
15. Берендеева А.Б. Анализ показателей и рейтингов уровня и качества жизни населения регионов / А.Б. Берендеева, О.С. Воробьева, Ю.С. Руданова // Вестник Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых. Серия: экономические науки. 2020. № 1(23). С. 95–108. EDN KSIRAA
16. Бобылев С.Н., Григорьев Л.М. Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации за 2018 год. М.: Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации. 2018. 172 с.
17. Луценко С.И. На повестке дня – экономические индикаторы благополучия общества / С.И. Луценко // Общество и экономика. 2021. № 8. С. 62–74. <https://doi.org/10.31857/S020736760016140-3>; EDN TYGBKU
18. Уровень и качество жизни населения России: от реальности к проектированию будущего: [монография] / В.Н. Бобков, Т.Е. Бобкова [и др.]. Под ред. В.Н. Бобкова (отв. ред.), Н.В. Локтюхиной, Е.Ф. Шамаевой; ФНИСЦ РАН. М.: ФНИСЦ РАН. 2022. 274 с. ISBN978-5-89697-388-1, <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-388-1.2022>; EDN WOQAYF

19. Айвазян С.А. Индикаторы основных направлений социально-экономического развития и их агрегаты в пространстве характеристик региональной дифференциации / С.А. Айвазян, М.Ю. Афанасьев, А.В. Кудров // Прикладная экономика. 2019. № 2(54). С. 51–69. <https://doi.org/10.24411/2076-4766-2017-10003>; EDN XHEGYO
20. Оценка эффективности регионов РФ с учётом интеллектуального капитала, характеристик готовности к инновациям, уровня благосостояния и качества жизни населения / В.Л. Макаров, С.А. Айвазян, М.Ю. Афанасьев [и др.] // Экономика региона. 2014. № 4(40). С. 9–30. <https://doi.org/10.17059/2014-4-1>; EDN TFGKJZ
21. Айвазян С.А. Анализ качества и образа жизни населения (эконометрический подход) / С.А. Айвазян. – М.: Академический научно-издательский, производственно-полиграфический и книгораспространительский центр Российской академии наук "Издательство "Наука". 2012. 432 с. ISBN 978-5-02-037968-8; EDN WNTANH
22. Рослякова М.В. Удовлетворённость граждан качеством предоставляемых государственных и муниципальных услуг в многофункциональных центрах на основе онлайн-отзывов / М.В. Рослякова // Социодинамика. 2021. № 8. С. 23–41. <https://doi.org/10.25136/2409-7144.2021.8.36286>; EDN SKBYVO
23. Полянскова Н.В. Результаты мониторинга внедрения Национальной социальной инициативы в Самарской области в сфере труда и занятости / Н.В. Полянскова, Г.И. Беляева // Экономика и предпринимательство. 2022. № 9(146). С. 539–545. <https://doi.org/10.34925/EIP.2022.146.9.107>; EDN TXKONI
24. Симонова М.В. Региональные индикаторы достойного труда / М.В. Симонова // Наука XXI века: актуальные направления развития. 2022. № 1–2. С. 26–31. <https://doi.org/10.46554/ScienceXXI-2022.03-1.2-pp.26>; EDN DKGZDY

Информация об авторах:

Наталья Вадимовна Полянскова – кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой региональной экономики и управления, Институт национальной и мировой экономики Самарского государственного экономического университета, Москва, Россия

(e-mail: polynskova@mail.ru) (e-library AuthorID: 412452) (ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1168-6258>)

Марина Викторовна Симонова – доктор экономических наук, доцент, заведующий кафедрой управления персоналом, Институт менеджмента Самарского государственного экономического университета, (e-mail: m.simonova@mail.ru),

(e-library AuthorID: 225111), (ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9662-9820>), (ResearcherID: S-9691-2018), (Scopus ID: 56990446400)

Заявленный вклад авторов:

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Автор, ответственный за переписку, – Симонова Марина Викторовна.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 16.03.2023; одобрена после рецензирования 31.04.2023; принята к публикации 16.05.2023.

References

- Zubets A.N. Development and approbation of a system of quality of life indicators: on the example of Russian cities. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya*. 2022;(2):166-180. (In Russ.) <https://doi.org/10.34823/SGZ.2022.3.51839>
- Dekman I.E., Barnash A.V. Formation of favorable socio-psychological climate of the company by means of carrying out effective social policy in part of providing state and municipal services to population. *Azimuth nauchnykh issledovaniy: pedagogika i psikhologiya = Azimuth of Scientific Research: Pedagogy and Psychology*. 2019;8(2):297-301. (In Russ.) <https://doi.org/10.26140/anip-2019-0802-0069>
- Timoshkina E.V. Social protection of the population as the most important factor socio-economic development in the context of digitalization. *Vestnik altaiskoi akademii ehkonomiki i prava*. 2022;9(1):143-152. (In Russ.) <https://doi.org/10.17513/vaael.2405>
- Soloviev V.I., Feklin V.G. Automated system of analysis of citizens satisfaction with the quality of public and municipal services based on video analytics. *Izvestiya Vysshikh uchebnykh zavedenii. Seriya "Ehkonomika, Finansy i upravlenie proizvodstvom" = Ivecofin*. 2019;4(42):108-114. (In Russ.)
- Yusifov Farhad F. E-services evaluation based on citizens' satisfaction. *Informatsionnoe obshchestvo = Information Society*. 2020;(4):38-51. (In Russ.)
- Kislitsyna O.A. Determinants of healthcare system satisfaction among Russians. *Sotsial'nye aspekty zdorov'ya naseleniya = Social aspects of population health*. 2020;66(2):8. (In Russ.) <https://doi.org/10.21045/2071-5021-2020-66-2-8>
- Yashenko S.O., Nikiforova M.E. Assessment of efficiency of functioning of social infrastructure on the basis of calculation of complex indicator. *Ehkonomika ustoichivogo razvitiya*. 2019;1(37):341-344 (In Russ.)
- Evaluation of Human Capital in the Macregion (on the Example of the Yenisey Siberia). *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. 2020;13(11):1808-1818. <https://doi.org/10.17516/1997-1370-0686>
- Terenteva K.D., Sheykin A.G. Formation of life quality indicators system to assess the level of sustainable development of the region. *Obshchestvo: politika, ehkonomika, pravo = Society: Politics, Economics, Law*. 2022;4(105):65-70. (In Russ.) <https://doi.org/10.24158/pep.2022.4.10>
- Kazantseva E.G. Problems of quality of life: regional aspect. *Regional'naya ehkonomika i upravlenie: ehlektronnyi nauchnyi zhurnal = Regional economics and management: electronic scientific journal*. 2022;3 (71). (In Russ.)
- Tobien M.A. Rating of the quality of life as a way to analyze the efficiency of social and economic policy of the regions. *Nauka Krasnoyarsk'ya = Krasnoyarsk Science*. 2022;11(3-3):125-130. (In Russ.)
- Grigoryants G.N. Information support of an independent assessment of the quality of the conditions of service delivery organizations of the social sphere: the experience of the Russian Federation regions. *Ehkonomika i predprinimatel'stvo = Journal of Economy and entrepreneurship*. 2020;12(125):637-642. (In Russ.) <https://doi.org/10.34925/EIP.2021.125.12.126>

13. Guppoev T.B., Shogenov M.Z. State social services: from evolution of theory to the practice of quality assurance. *Gosudarstvennaya sluzhba = Public Administration*. 2019;21(4):75-81. (In Russ.) <https://doi.org/10.22394/2070-8378-2019-21-4-75-81>
14. Berendeeva A.B., Vorobyova O.S., Rudanova Y.S. Analysis of indicators and ratings of level and quality of life of population of regions. *Vestnik Vladimirskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Aleksandra Grigor'evicha i Nikolaya Grigor'evicha Stoletovykh. Seriya: Ehkonomicheskie nauki*. 2020;1(23):95-108. (In Russ.)
15. Bobylev S.N., Grigoriev L.M. Report on human development in the Russian Federation for 2018. Moscow: Analiticheskiy tsentr pri Pravitel'stve Rossiiskoi Federatsii. 2018. 172 p. (In Russ.)
16. Lutsenko S.I. Putting the economic indicators of society wellbeing on the agenda. *Obshchestvo i ehkonomika = Society and Economics*. 2021;8:62-74. (In Russ.) <https://doi.org/10.31857/S020736760016140-3>
17. Bobkov V.N., Loktyukhina N.V., Shamaeva E.F. (eds.) The level and quality of life of the population of Russia: from reality to the design of the future [Uroven' i kachestvo zhizni naseleniya Rossii: ot real'nosti k proyektirovaniyu budushchego]. Moscow: FNISC RAS. 2022. 274 p. (In Russ.) <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-388-1.2022>, ISBN 9785896973881; EDN WOQAYF
18. Ayvazyan S.A., Afanasiev M.Yu., Kudrov A.V. Indicators of the main directions of socio-economic development in the space of characteristics of regional differentiation. *Prikladnaya ehkonometrika = Applied Econometrics*. 2019;2(54):51-69. (In Russ.) <https://doi.org/10.24411/2076-4766-2017-10003>
19. Makarov V.L., Ayvazyan S.A., Afanasyev M.Yu. [et al.]. Evaluation of the effectiveness of the regions of the Russian Federation, taking into account intellectual capital, characteristics of readiness for innovation, the level of well-being and quality of life of the population. *Ehkonomika regionov = Economy of Regions*. 2014;4(40):9-30. (In Russ.) <https://doi.org/10.17059/2014-4-1>
20. Ayvazyan S.A. Analysis of the quality and lifestyle of the population (econometric approach). Moscow: Akademicheskii nauchno-izdatel'skii, proizvodstvenno-poligraficheskii i knigorasprostranitel'skii tsentr Rossiiskoi akademii nauk "Izdatel'stvo "Nauka". 2012. 432 p. (In Russ.) ISBN 978-5-02-037968-8
21. Roslyakova M.V. Citizens' content with the quality of public and municipal services rendered in multifunctional centers based on the online reviews. *Sotsiodinamika*. 2021;8:23-41. (In Russ.) <https://doi.org/10.25136/2409-7144.2021.8.36286>
22. Polyanskova N.V., Belyaeva G.I. Results of monitoring the national social initiative implementation in the Samara regions' field of labor and employment. *Ehkonomika i predprinimatel'stvo = Journal of Economy and entrepreneurship*. 2022;9(146):539-545. (In Russ.) <https://doi.org/10.34925/EIP.2022.146.9.107>
23. Simonova M.V. Regional'nyye indikatory dostoy'nogo truda. *Nauka XXI veka: aktual'nyye napravleniya razvitiya*. 2022; 1-2:26-31. (In Russ.) <https://doi.org/10.46554/ScienceXXI-2022.03-1.2-pp.26>
24. Simonova M.V. Regional'nyye indikatory dostoy'nogo truda. *Nauka XXI veka: aktual'nyye napravleniya razvitiya*. 2022; 1-2:26-31. (In Russ.) <https://doi.org/10.46554/ScienceXXI-2022.03-1.2-pp.26>

Information about the authors:

Natal'ya V. Polyanskova – PhD in Economics, Associate Professor, Head of the Department of Regional Economics and Management, Institute of National and World Economy, Samara State University of Economics, Moscow, Russia

(e-mail: polyanskova@mail.ru) (e-library AuthorID: 412452) (ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1168-6258>)

Marina V. Simonova – Doctor of Economics, Associate Professor, Head of the Department of Human Resource Management, Institute of Management, Samara State University of Economics, (e-mail: m.simonova@mail.ru), (e-library AuthorID: 225111), (ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9662-9820>), (ResearcherID: S-9691-2018), (Scopus ID: 56990446400)

Authors' declared contribution:

All authors made an equivalent contribution to the preparation of the publication.

The author responsible for the correspondence is Marina V. Simonova.

The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 16.03.2023; approved after reviewing 31.04.2023; accepted for publication 16.05.2023

Оригинальная статья
УДК 338.001.36
DOI: 10.52180/1999-9836_2023_19_2_7_243_253
EDN: LLDLDX

Оценка индекса народосбережения при различных трендах регионального развития

Александр Анатольевич Куклин¹, Сергей Александрович Охотников²

¹ Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия, (alexkuklin49@mail.ru), (ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9794-4774>)

² Оксфордский языковой центр, Екатеринбург, Россия, (sohotnikov@gmail.com), (ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5320-3130>)

Аннотация

В статье рассмотрена возможность использования отобранных модулей при формировании сводного индекса народосбережения для территорий регионального уровня. В качестве модулей предложены следующие составляющие: количество населения, качество населения, качество жизни, здоровье населения и долголетие. За последние годы усилились угрозы регионального характера внутри страны. Заметно ощутилось влияние экономических санкций, наложенных на Россию отдельными странами. Такая ситуация по своим размерам не характерна для развития регионов и требует более чёткой оценки и предвидения. Современное развитие социально-экономической системы сопровождается высоким темпом смены векторов развития экономических процессов и низким уровнем предсказуемости социальных последствий. Все изменения последних лет коснулись демографического роста, благосостояния и структуры населения. В статье использован индексный метод диагностики состояния народосбережения на уровне региона, который включил стационарные составляющие (скорость, ускорение показателей) и учёл дополнительное изменение как отдельных модулей, так и их взаимодействие на вероятностном уровне. Данные изменения характеризуют резкие перепады показателей в годы социально-экономических кризисов и периоды улучшения или ухудшения состояния индекса народосбережения. В качестве типопредставителей выбраны регионы, входящие в Уральский федеральный округ (УрФО): Свердловская и Челябинская области – индустриальные территории с наличием развитых образовательных и научных учреждений; Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа – топливно-энергетические центры, доминирующие в добыче нефти и газа; Тюменская область (рассматриваем без автономных округов) – территория, расположенная рядом и имеющая определённую зависимость от нефтегазовых добывающих территорий, обладающая образовательным и научным потенциалом; Курганская область – территория с большим удельным весом агропромышленного комплекса, хронически отстающая по социально-экономическим показателям от других областей УрФО.

Ключевые слова: угрозы демографического развития, уровни кризисности, математическое моделирование индекса народосбережения, количество населения, качество человеческого потенциала, качество жизни, здоровье населения и долголетие

Благодарность: работа выполнена при поддержке Российского научного фонда, проект № 22-28-01010 «Народосбережение как основа безопасного социально-экономического развития регионов России: анализ, прогноз и система мер по локализации и нейтрализации угроз».

Для цитирования: Куклин А.А., Охотников С. А. Оценка индекса народосбережения при различных трендах регионального развития // Уровень жизни населения регионов России. 2023. Том 19. № 2. С. 243–253. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_2_7_243_253; EDN LLDLDX

RAR (Research Article Report)
DOI: 10.52180/1999-9836_2023_19_2_7_243_253
EDN: LLDLDX

Assessment of the People Saving Index under Various Trends of Regional Development

Aleksandr A. Kuklin¹, Sergei A. Okhotnikov²

¹ Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia, (alexkuklin49@mail.ru), (ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9794-4774>)

² Oxford Language Center, Ekaterinburg, Russia, (sohotnikov@gmail.com), (ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5320-3130>)

Abstract

The article describes how to use the selected modules in the formation of a consolidated index of people saving for the territories of the regional level. The following components are proposed as modules: the number of the population, the quality of the population, the quality of life, the health of the population and longevity. This is caused by increased threats of a regional nature within the country, as well as economic sanctions imposed on Russia by individual countries. Such a situation is not typical for the development of regions in terms of its size and requires a clearer assessment and foresight. The modern development of the socio-economic system is accompanied by a high rate of change in the vectors of development of economic processes and a low level of predictability of social consequences. All the changes in recent years have affected demographic growth, welfare and population structure. The article uses a method of index numbers for diagnosing the state of people saving at the regional level, which included stationary components (speed, acceleration of indicators) and took into account additional changes in both individual modules and their interaction at the probabilistic level. These changes characterize sharp changes in indicators during the years of socio-economic crises and periods of improvement or deterioration of the state of the people saving index. The regions included in the Ural Federal District were selected as type representatives: Sverdlovsk and Chelyabinsk regions – industrial territories with developed educational and scientific institutions; Khanty-Mansi Autonomous District and Yamalo-Nenets

Autonomous District - fuel and energy centers dominating oil and gas production; Tyumen Region (we consider without autonomous districts) – territory, located nearby and having a certain dependence on oil and gas producing territories, with educational and scientific potential; Kurgan region is a territory with a large share of the agro-industrial complex, chronically lagging behind in socio-economic indicators from other regions of the Ural Federal District.

Keywords: demographic development threats, levels of crisis, mathematical modeling of the population saving index, population, quality of human potential, quality of life, population health and longevity

Acknowledgment: the work was supported by the Russian Science Foundation, project No. 22-28-01010 "People's Savings as a Basis for Safe Socio-Economic Development of Russian Regions: Analysis, Forecast and System of Measures for Localization and Neutralization of Threats".

For citation: Kuklin A.A., Okhotnikov S.A. Assessment of the People Saving Index under Various Trends of Regional Development. *Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2023. Vol. 19. No 2. P. 243–253. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_2_7_243_253

Введение

Проблема народосбережения впервые упоминалась в 1761 году Ломоносовым М.В. в письме «О сохранении и размножении российского народа» к графу Шувалову И.И. [1], который ввёл понятие «народосбережение» в государственную политику в 18 веке. За два с половиной века можно увидеть несколько подходов, основанных и направленных на увеличение продолжительности жизни, повышение социально-экономической безопасности, сохранение здоровья людей, а, в конечном итоге, на укрепление российской государственности.

В качестве показателя народосбережения был предложен рост продолжительности жизни. По предложению Глазыриной Т.М., Сапунова В.Б. [2, 3] и Воронова Н.В. [2] основным показателем выступил показатель средней продолжительности жизни, а дополнительным показателем – активный период жизни. Рассмотрены социальные и физиологические причины смертности. Все это увязывалось с качеством жизни. В работе Кремлева Н.Д. [4] народосбережение рассматривалось как инструмент обеспечения устойчивого развития человека, природы, общества и экономики. Стратегической проблемой стало воспроизводство населения и повышение качества жизни. В исследовании Берчун В.В. [5] обоснована необходимость профилактики хронической (не медицинской) патологии человека как образа его жизнедеятельности. Система образования выступала основным звеном такой профилактики в новом социальном управлении воспроизводством населения. По результатам исследования Семеновой И.Ю. [6] сделан вывод, что народосбережение как основа социальной политики государства будет способствовать развитию российского социума в XXI веке. Большое значение приобретает благосостояние граждан, что отмечает Семенова И.Ю. [7].

Автор исследований Потапова О.Н. [8, 9] выделяет социальные, предотвратимые демократические потери, которые можно избежать, прогно-

зируя ситуацию с помощью мониторинга качества жизни населения. В исследовании Гостева Р.Г. и Гостева С.Р. [10] основное внимание сосредоточено на угрозах, вызовах, рисках национальной безопасности с акцентом на продовольственные и экологические проблемы. Сложенкиной М.И. рассматривается повышение безопасности продуктов питания и окружающей среды как одной из главных задач народосбережения [11].

Народосбережение тесно связано с политикой государства в области здравоохранения. Лауреаты Нобелевской премии Shults T. [12] и Becker G.S. [13] предложили делать крупные вложения в здравоохранение, науку и образование в сравнении с материальным производством, что впоследствии должно положительно сказаться на народосбережении. Исследование взаимосвязи средней продолжительности жизни и благосостояния показали, что при снижении средней продолжительности жизни разброс показателей составляет от 16 до 31 % от ВВП; при увеличении – от 12 до 38 % от ВВП и намного превышает национальные расходы на здравоохранение [14]. При разработке теоретических и методологических аспектов реформирования здравоохранения внесли вклад российские и советские ученые Аганбегян А.Г. [15], Садовничий В.А. [16], Шейман И.М. [17]. Работа Стародубова И.И. и Кураковой Н.Г. [18] посвящена механизмам, приоритетам и объёмам финансирования научных разработок для здравоохранения России и США. Цветковым А.И., Голубевым Д.Н., Подгаевой В.А., Голубевым Ю.Д. [19] исследовано влияние медико-биологических и экономических факторов на развитие социально-значимых заболеваний. В работе Кривенко Н.В. и Цветкова А.И. [20] рассмотрены вопросы эффективности финансирования здравоохранения в рамках обеспечения экономической безопасности региона. В исследовании Куклина А.А., Цветкова А.И., Епанешниковой Д.С., Коробкова И.В. обоснована целесообразность комплексного подхода при оказании медицинской психо-

логической и социальной поддержки страдающим ВИЧ-инфекцией [21].

Народосбережение можно обозначить как сохранение и сбережение населения, преодоление причин сокращения коренного населения, поддержание здоровья, ликвидация бедности, развитие национальной системы образования и здравоохранения. В основу ставится саморазвитие человека через расширение возможностей выбора им собственного пути существования. Народосбережение – это не только политика, направленная на выживание населения, повышение качества жизни и человеческого потенциала, но и историческая миссия России – сбережение каждого из её народов и каждой этнокультурной группы [6].

Целью данной статьи является разработка методического инструментария комплексной диагностики народосбережения региона, которая учитывала бы и увязывала различные модули и индикаторы с позиции изменения в регионе количества населения, качества человеческого потенциала, качества жизни и здоровья населения и долголетия. **Объектом** исследования являются регионы, входящие в УрФО, которые выступают типопредставителями отдельных индустриальных территорий, территорий с доминирующим добывающим потенциалом энергоресурсов, а также территории с большим удельным весом агропромышленного комплекса, хронически отстающие по основным социально-экономическим показателям от других регионов. **Предмет** исследований – уровень народосбережения региона при различных, в том числе и кризисных, трендах регионального развития. В качестве **гипотезы** исследования выдвинуто пред-

положение, что сохранение и наращивание уровня народосбережения успешней осуществляется в регионах, не допускающих провалов по отдельным модулям и индикаторам народосбережения, где сложился исторический симбиоз науки, производства и социального развития.

К сожалению, приходится констатировать, что складывается чрезвычайная ситуация в сфере народосбережения. В 2016 году Россия опять столкнулась с убылью населения. В 2021 году по сравнению с 2020 годом численность населения уменьшилась в России на 578 тыс. человек [22]. 2021 год увеличил отрицательное сальдо за счёт коронавируса COVID-19. Рост численности населения страны можно обеспечить только за счёт внешней миграции.

Методы и данные

Для оценки состояния народосбережения в регионе используется индекс народосбережения как обобщающий индикатор, дающий комплексную оценку по направлениям изменения основных модулей (количество населения, качество населения, качество жизни, здоровье населения и долголетие) и индикаторов. Удельный вес их составляет:

- по модулям: количество населения – 0,35;
- качество человеческого потенциала – 0,25;
- качество жизни – 0,2;
- здоровье населения и долголетие – 0,2;

по индикаторам: наибольший вес имеют коэффициент естественного прироста населения (0,7) и уровень ожидаемой продолжительности жизни при рождении (0,5) (таблица 1).

Таблица 1

Состав модулей и индикаторов народосбережения для территории регионального уровня
Table 1
Composition of Modules and Indicators of National Saving for the Territory of the Regional Level

Доля модуля	Наименование модулей и индикаторов	Единицы изменения	Доля индикатора в модуле
0,35	1. Количество населения		
	1.1. Коэффициент естественного прироста населения	на 1 тыс. чел. нас.	0,7
	1.2. Коэффициент миграционного прироста	на 10 тыс. чел. чел. населения	0,3
0,25	2. Качество человеческого потенциала		
	2.1. Уровень общей безработицы	%	0,3
	2.2. Отношение бюджетных расходов на образование к ВРП	%	0,25
	2.3. Отношение бюджетных расходов на здравоохранение к ВРП	%	0,25
	2.4. Уровень участия в составе рабочей силы населения	%	0,2

0,2	3. Качество жизни		
	3.1. Доля населения с доходами ниже величины прожиточного минимума	%	0,6
	3.2. Индекс потребительских цен	%	0,4
0,2	4. Здоровье населения и долголетие*		
	4.1. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении	Кол-во лет	0,5
	4.2. Распространение среди населения наркомании.	На 1 тыс. чел. нас.	0,125
	4.3. Распространение среди населения алкоголизма.	На 1 тыс. чел. нас.	0,125
	4.4. Распространение среди населения онкологии.	На 1 тыс. чел. нас.	0,125
	4.5. Распространение среди населения болезни системы кровообращения.	На 1 тыс. чел. нас.	0,125

Источник: составлено авторами

* Распространение среди населения Covid-19 учтено в 2020–2021 гг.

Расчёт индекса народосбережения выполнен с учётом значимых социально-экономических факторов. Используются скоростные взаимовлияния, описанные Boyd D.W. [23] и Ming Li, Yimin Zhao [24], которые учитывают корреляционные измерения пределов вариации индикаторов. При резкой смене тенденции посредством вычисления скорости изменения индикатора выявлены переходы между кризисными уровнями основных социально-экономических модулей, входящих в состав индекса народосбережения $\theta_i(t) = \frac{dx_i(t)}{dt} = \frac{\Delta x_i(t)}{\Delta t}$, где $\Delta x_i(t)$ – приращение показателя x_i за промежуток времени Δt для каждого из выбранных индикаторов.

С целью выявления скрытых закономерностей при взаимодействии индикаторов авторами предложена следующая математическая зависимость, основанная на работах Jing Qin, Jintian Ge, Xinsheng Lu [25], а также Roger T.D. и William T.M.D. [26]:

$$x_i = \beta_{ij} \sum x_k * C_{jk} + \delta, \quad (1)$$

где x_i – нормализованная оценка основного индикатора, x_k – нормализованная оценка индикатора второстепенного влияния, C_{jk} – коэффициент взаимовлияния j и k индикаторов, β_{ij} – коэффициент влияния второстепенного индикатора на основной, δ – свободный член, i, j, k – номера индикаторов, не равные друг другу.

Согласно предложенной структуре индикаторов и выбору модулей рассчитывается индекс народосбережения по следующей методике:

1) *Расчёт обобщённых индексов, каждого из модулей:*

$$M_I = a_1 x_1 + a_2 x_2, \quad (2)$$

$$M_{II} = a_3 x_3 + a_4 x_4 + a_5 x_5 + a_6 x_6, \quad (3)$$

$$M_{III} = a_7 x_7 + a_8 x_8, \quad (4)$$

$$M_i = a_9 x_9 + a_{10} x_{10} + a_{11} x_{11} + a_{12} x_{12} + a_{13} x_{13}, \quad (5)$$

где M_i – нормализованная оценка основных модулей ($i=I, \dots, IV$), x_i – нормализованная оценка ин-

дикаторов значимых социально-экономических факторов ($i=1, \dots, 13$), a_i – коэффициент влияния значимых индикаторов ($i=1, \dots, 13$).

2) *Расчёт индекса народосбережения:*

$$I_H = 0.35M_I + 0.25M_{II} + 0.2M_{III} + 0.2M_{IV} \quad (6)$$

где I_H – индекс народосбережения.

Результаты исследования

Динамика изменения модулей и отдельных индикаторов на территориях регионального уровня в УрФО представлена в таблице 2. Использовалась отдельная статистика, представленная в аналитическом бюллетени УрФО [27].

1. *Количество населения.* По индикатору «Коэффициент естественного прироста населения на 1 тыс. человек населения» характерно увеличение за последние 10 лет (2010–2020 гг.) только для топливно-энергетических территорий (в ХМАО – в пределах 3–8 % и ЯНАО – в пределах 6–10 %); стабильный спад (в Свердловской и Челябинской областях – до 8 %). Пандемия коронавируса Covid-19 отрицательно отразилась на этом показателе. Критическое положение в Курганской области (индикатор находится ниже нуля, начиная с 2000 года).

Индикатор «Коэффициент миграционного прироста на 10 тыс. человек населения» позволяет незначительно компенсировать уровень падения общего количества населения в Свердловской области и в последние 3 года в ХМАО. Проблемной остаётся территория Курганской области, несмотря на введение ограничений на перемещение населения.

2. *Качество человеческого потенциала.* Индикатор «Уровень общей безработицы» находится в пределах 2–3 % в ХМАО и ЯНАО, 3–5 % в Тюменской области (здесь и далее показатель по области представлен без автономных округов), 5–6 % в Свердловской области, 5–7 % – в Челябинской области, 7–9 % в Курганской области. За период пандемии Covid-19 существенно вырос уровень

регистрируемой безработицы. Рост общей безработицы в Курганской области поднялся больше, чем в других территориях УрФО за счёт коронавирусных ограничений.

Отношение бюджетных расходов на образование и здравоохранение к ВРП не претерпели резких изменений в Свердловской, Челябинс-

кой и Курганской областях. Наметилось некоторое снижение в Тюменской области, ХМАО и ЯНАО.

Индикатор «Уровень участия в составе рабочей силы» имел тенденцию к снижению в последние годы за счет пандемии Covid-19 и миграционных оттоков.

Индекс народосбережения по социально-экономическим модулям (по субъектам УрФО)

Таблица 2

Table 2

Socio-economic Saving Index Modules (by Subjects of the Ural Federal District)

Годы	2007	2008	2009	2014	2015	2016	2017	2019	2020	2021
Свердловская область										
Количество населения	0,12	-0,02	0,04	-0,36	-0,19	-0,09	0,02	-0,09	0,40	0,86
	ПК1	Н	ПК1	Н	Н	Н	ПК1	Н	ПК2	ПК3
Качество человеческого потенциала	0,46	0,50	0,74	0,47	0,58	0,70	0,84	0,73	0,73	0,90
	ПК2	ПК2	ПК3	ПК2	ПК2	ПК3	ПК3	ПК3	ПК3	ПК3
Качество жизни	0,18	0,19	0,24	0,29	0,40	0,71	0,75	0,43	0,38	0,50
	ПК1	ПК1	ПК1	ПК1	ПК2	ПК3	ПК3	ПК2	ПК2	ПК2
Здоровье населения и долголетие	0,82	0,79	0,69	0,49	0,48	0,45	0,27	0,18	0,43	0,63
	ПК3	ПК3	ПК3	ПК2	ПК2	ПК2	ПК1	ПК1	ПК2	ПК2
Индекс народосбережения	0,26	0,21	0,29	0,07	0,17	0,28	0,33	0,21	0,40	0,52
	ПК1	ПК1	ПК1	ПК1	ПК1	ПК1	ПК2	ПК1	ПК2	ПК2
Челябинская область										
Количество населения	-0,10	-0,22	-0,13	-0,68	-0,42	-0,33	0,38	0,02	0,63	0,30
	Н	Н	Н	Н	Н	Н	ПК2	ПК1	ПК2	ПК1
Качество человеческого потенциала	0,58	0,63	0,74	0,35	0,56	0,56	0,80	0,81	1,97	0,90
	ПК2	ПК2	ПК3	ПК2	ПК2	ПК2	ПК3	ПК3	К2	ПК3
Качество жизни	0,25	0,19	0,36	0,59	0,72	1,05	0,93	0,61	0,53	0,50
	ПК1	ПК1	ПК2	ПК2	ПК3	К1	ПК3	ПК2	ПК2	ПК2
Здоровье населения и долголетие	0,88	0,87	0,71	0,49	0,46	0,37	0,22	0,14	0,41	0,58
	ПК3	ПК3	ПК3	ПК2	ПК2	ПК2	ПК1	ПК1	ПК2	ПК2
Индекс народосбережения	0,30	0,26	0,33	0,00	0,18	0,25	0,57	0,36	0,98	0,55
	ПК1	ПК1	ПК2	ПК1	ПК1	ПК1	ПК2	ПК2	ПК3	ПК2
ХМАО										
Количество населения	-1,79	-0,96	-1,65	-0,63	-0,71	-1,78	-0,06	-0,75	-1,56	0,30
	Н	Н	Н	Н	Н	Н	Н	Н	Н	ПК1

Продолжение таблицы 2

Качество человеческого потенциала	1,35	1,33	1,30	1,02	1,06	1,03	1,17	1,16	1,74	0,90
	К1	К1	К1	К1	К1	К1	К1	К1	К2	ПК3
Качество жизни	0,01	0,01	0,14	0,27	0,31	0,63	0,66	0,42	-0,23	0,50
	ПК1	ПК1	ПК1	ПК1	ПК1	ПК2	ПК3	ПК2	Н	ПК2
Здоровье населения и долголетие	0,57	0,50	0,42	0,11	0,06	-0,07	-0,13	-0,31	0,02	0,95
	ПК2	ПК2	ПК2	ПК1	ПК1	Н	Н	Н	ПК1	ПК3
Индекс народосбережения	-0,22	0,09	-0,19	0,11	0,09	-0,32	0,41	0,06	-0,13	0,61
	Н	ПК1	Н	ПК1	ПК1	Н	ПК2	ПК1	Н	ПК2
ЯНАО										
Количество населения	0,48	2,67	1,46	2,38	5,98	1,02	0,47	-0,09	-0,06	0,30
	ПК2	К3	К2	К3	К3	К1	ПК2	Н	Н	ПК1
Качество человеческого потенциала	0,99	1,27	1,13	1,16	1,19	1,19	1,35	1,37	1,70	0,90
	ПК3	К1	К1	К1	К1	К1	К1	К1	К2	ПК3
Качество жизни	-0,04	-0,06	0,01	0,00	0,03	0,21	0,30	0,18	0,10	0,50
	Н	Н	ПК1	ПК1	ПК1	ПК1	ПК1	ПК1	ПК1	ПК2
Здоровье населения и долголетие	0,59	0,58	0,48	0,16	0,19	0,13	-0,08	-0,18	0,16	0,95
	ПК2	ПК2	ПК2	ПК1	ПК1	ПК1	Н	Н	ПК1	ПК3
Индекс народосбережения	0,54	1,38	0,89	1,33	2,78	0,82	0,63	0,37	0,53	0,61
	ПК2	К1	ПК3	К1	К3	ПК3	ПК2	ПК2	ПК2	ПК2
Тюменская область (без автономных округов)										
Количество населения	0,90	0,75	1,43	0,64	-0,59	-0,18	0,17	0,41	0,5	1,5
	ПК3	ПК3	К2	ПК2	Н	Н	ПК1	ПК2	ПК2	К2
Качество человеческого потенциала	1,11	1,17	1,18	1,04	1,11	1,09	1,24	1,32	1,34	0,90
	К1	К1	К1	К1	К1	К1	К1	К1	К1	ПК3
Качество жизни	0,18	0,19	0,24	0,29	0,40	0,71	0,75	0,43	0,38	0,50
	ПК1	ПК1	ПК1	ПК1	ПК2	ПК3	ПК3	ПК2	ПК2	ПК2
Здоровье населения и долголетие	0,69	0,65	0,56	0,22	0,19	0,10	-0,01	-0,16	0,11	0,26
	ПК3	ПК2	ПК2	ПК1	ПК1	ПК1	ПК1	Н	ПК1	ПК1
Индекс народосбережения	0,77	0,72	0,95	0,55	0,28	0,43	0,54	0,50	1,12	0,71
	ПК3	ПК3	ПК3	ПК2	ПК1	ПК2	ПК2	ПК2	К1	ПК3
Курганская область										
Количество населения	2,83	2,23	1,46	2,05	2,20	2,02	2,20	1,42	1,35	2,41
	К3	К3	К2	К3	К3	К3	К3	К2	К1	К3

Окончание таблицы 2

Качество человеческого потенциала	0,13	0,43	0,52	-0,26	-0,15	-0,17	0,25	0,23	-0,1	0,90
	ПК1	ПК2	ПК2	Н	Н	Н	ПК1	ПК1	Н	ПК3
Качество жизни	0,65	0,57	0,66	0,71	0,84	1,09	1,15	0,95	0,86	0,50
	ПК2	ПК2	ПК3	ПК3	ПК3	К1	К1	ПК3	ПК3	ПК2
Здоровье населения и долголетие	0,97	0,97	0,87	0,64	0,60	0,54	0,30	0,28	0,46	0,70
	ПК3	ПК3	ПК3	ПК2	ПК2	ПК2	ПК1	ПК1	ПК2	ПК3
Индекс народосбережения	1,41	1,25	0,97	0,94	1,05	1,00	1,18	0,82	0,69	1,42
	К2	К1	ПК3	ПК3	К1	К1	К1	ПК3	ПК3	К2

Источник: расчёты авторов. Н – относительно нормальная ситуация (от -2 до 0); ПК1 – начальная стадия (от 0,001 до 0,332); ПК2 – развивающаяся стадия (от 0,333 до 0,665); ПК3 – критическая стадия, грозящая переходом в кризисную зону (от 0,666 до 0,999); К1 – нестабильная стадия (от 1 до 1,399); К2 – угрожающая стадия (от 1,4 до 1,799); К3 – чрезвычайная стадия (от 1,8 и более). В таблице представлены нормализованные оценки.

3. *Качество жизни.* По индикатору «Доля населения с доходами ниже величины прожиточного минимума» в наиболее трудном положении находится Курганская область (длительное время в пределах 17–19 %), Тюменская область 11–15 %, Челябинская 10–12 %.

Индикатор «Индекс потребительских цен» имеет заметные колебания во всех субъектах УрФО.

4. *Здоровье населения и долголетие.* По индикатору «Ожидаемая продолжительность жизни при рождении» характерно постоянное преимущество ХМАО, ЯНАО и Тюменской области. Индикатор представляет среднее количество лет жизни, которое осталось прожить новорождённому, если преобладающие структуры смертности во время его рождения оставались бы такими же на протяжении его жизни [4].

Можно выделить следующие типы поведения на территориях УрФО индикатора «Ожидаемая продолжительность жизни при рождении»:

1. В 2008–2010 гг. происходит равномерный рост:

– Свердловская область в среднем на 0,53 лет за 1 год, а для Челябинской области на 0,6;

– ХМАО в среднем на 0,31 лет за 1 год, для ЯНАО на 0,48 лет за 1 год, а для Тюменской области на 0,37;

– Курганская область в среднем на 0,58 лет за 1 год.

2. В 2013–2016 гг. для всех областей кроме Свердловской наблюдается рост индикатора. Для Свердловской области наблюдается выход на плато, что может быть связано со слабым

колебанием уровня общей безработицы (около значения 6 %).

3. В 2019–2021 гг. для всех областей наблюдается спад значения индикатора. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении сократилась в 2020 году до 70,8 года по УрФО, однако для ХМАО и ЯНАО наблюдается выход на плато уже в 2021 г. (соответственно, 72,0 и 71,7 года). Самое низкое значение показателя в Курганской области – 68,8 года.

Заболееваемость в УрФО. Заболееваемость коронавирусной инфекцией Covid-19 в России составила в 2020 году 22 случая на 1 тыс. человек. По состоянию на 1 мая 2021 года в России зарегистрировано 4,8 млн случаев коронавирусной инфекции, из них 6,3 % в УрФО [23]. Показатель «Распространение среди населения Covid-19» (на 1 тыс. человек населения) составил: в 2020 году в Свердловской области 55,4, Курганская область – 39,1, ЯНАО – 112,2, ХМАО – 57,8, Тюменская область – 28,2, Челябинская область – 24,2; в 2021 году в Свердловской области – 120,1, Курганская область – 127,1, ЯНАО – 100,9, ХМАО – 81, Тюменская область – 92,9, Челябинская область – 70,1.

Индикатор «Распространение среди населения наркомании» (на 1 тыс. чел.) не имеет резких скачков среди субъектов УрФО, а имеет тенденцию к незначительному снижению. Индикатор «Распространение среди населения онкологии» (на 1 тыс. чел.) проявляет стационарный характер изменения. Индикатор «Распространение среди населения болезней системы кровообращения»

отмечен высоким уровнем за последние 3 года только в Курганской области.

Динамику изменения индекса народосбережения проследим на примере Свердловской области (рисунок 1). Данный сводный индекс чувс-

ствителен ко всем проявлениям угроз, изменениям социально экономического развития и различным эпидемиям, имеющим место на территории области.

Рисунок 1. Индекс народосбережения по Свердловской области в период 2000–2021 гг.

Figure 1. Socio-economic Savings Index by Sverdlovsk Region in the period 2000–2021

Источник: расчёты авторов. Н – относительно нормальная ситуация (от -2 до 0); ПК1 – начальная стадия (от 0,001 до 0,332); ПК2 – развивающаяся стадия (от 0,333 до 0,665); ПК3 – критическая стадия, грозящая переходом в кризисную зону (от 0,666 до 0,999); К1 – нестабильная стадия (от 1 до 1,399); К2 – угрожающая стадия (от 1,4 до 1,799); К3 – чрезвычайная стадия (от 1,8 и более).

Мировой финансово-экономический кризис 2008–2009 гг. привёл к снижению общего индекса народосбережения в 2009–2010 гг. (уровень кризисности составил ПК2 – развивающаяся стадия). Наибольший вклад в изменение сводного индикатора внёс модуль «Качество человеческого потенциала» за счёт снижения уровня общей безработицы. Далее имело место определённое улучшение в 2011–2014 гг. за счёт модуля «Количество населения», а именно улучшения коэффициента естественного прироста населения. Стабилизация в 2015–2017 гг. произошла за счёт модуля «Качества жизни» (поддержание неизменяющегося уровня доли населения с доходами ниже величины прожиточного минимума. В конечном итоге пандемия Covid-19 привела к снижению индекса народосбережения до границы с ПК2.

Выводы

Индекс народосбережения состоит из модулей: количество населения, качество населения, качество жизни, здоровье населения и долголетие.

Математическая модель позволяет учесть влияние различных индикаторов и их скоростные изменения на динамику поведения не только отдельных модулей, но и в целом общего индекса народосбережения. Скоростные изменения выявляют переходы индексов в кризисные годы, а также замедление динамики отдельных индикаторов.

Данный набор индикаторов адаптирован в период эпидемии Covid-19, т.е. учтено в количестве умерших в коэффициенте естественного прироста в период эпидемии в 2019–2021 годов.

Рассмотренные регионы УрФО можно разделить на три группы:

1. Свердловская и Челябинская области – индустриальные территории с наличием развитых образовательных и научных центров, что позволяет отметить достаточно высокое качество человеческого потенциала, отсутствие резких и продолжительных всплесков миграционного изменения, планомерное улучшение здоровья населения. Это территории с достаточно устойчивым индексом народосбережения.

2. Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа – топливно-энергетические центры, доминирующие в добыче нефти и газа; Тюменская область (рассматриваем без автономных округов) – территория, расположенная рядом и имеющая определённую зависимость от нефтегазовых добывающих территорий, обладающая образовательным и научным потенциалом. Это группа территорий, зависящая от внешних экономических и финансовых факторов, с высоким уровнем ВРП и ожидаемой продолжительностью жизни при рождении, низким уровнем безработицы и доли населения с доходами ниже

величины прожиточного минимума. Постоянно приходится ощущать колебания миграционных потоков.

3. Курганская область – территория с большим удельным весом агропромышленного комплекса, хронически отстающая по социально-экономическим показателям от других областей УрФО. Как следствие, области присуще постоянное уменьшение населения, отрицательный миграционный прирост, высокая доля населения с доходами ниже величины прожиточного минимума, низкий уровень участия в составе рабочей силы населения. Это территория с неустойчивым индексом народосбережения.

Подтверждено выдвинутое предположение, что сохранение и наращивание уровня народосбережения успешней осуществляется в регионах, не допускающих провалов по отдельным модулям

и индикаторам народосбережения, где сложился исторический симбиоз науки, производства и социального развития. Подтверждается предположение, что наиболее значимый вклад в формирование индекса народосбережения вносят модули качество человеческого потенциала и количество населения. Не допустимо хроническое отставание социально-экономического развития отдельных территорий и уменьшение количества проживающего населения.

Таким образом, предложенный в статье методический подход может быть использован для комплексной оценки фактического уровня народосбережения в различных регионах. Это позволит расширить оценку спектра развития социально-экономического положения регионов, особенно в предкризисные и кризисные периоды.

Список литературы

1. Ломоносов М.В. О сохранении и размножении русского народа // Полное собрание сочинений. В 11 т. Т. 6. Труды по русской истории, общественно-экономическим вопросам и географии 1747–1765 гг. Москва-Ленинград: Академия наук СССР, 1952. 689 с.
2. Глазырина Т.М., Сапунов В.В. Народосбережение как национальная идея // Известия Международной академии аграрного образования. 2015. № 22. С. 21–26. EDN ТУКОHP
3. Воронов Н.В., Сапунов В.В., Глазырина Т.М. Интегральная оценка здоровья нации через динамику продолжительности жизни // Здоровье–основа человеческого потенциала: проблемы и пути их решения. 2015. Т. 10. № 1. С. 67–72.
4. Кремлев Н.Д. Народосбережение как основа концепции устойчивого развития региона // Концепция развития производительных сил Курганской области. Материалы научно-практической конференции (Курган, 17 ноября 2017 г.). Курган: Курганский государственный университет. 2017. С. 323–335. EDN YKZWIG
5. Берчун В.В. Народосбережение: здравоохранение через образование // Актуальные проблемы глобальных исследований: Россия в глобализирующем мире. 2019. С. 56–61. EDN ICKVCI
6. Семенова И.Ю. Народосбережение как фактор социальной политики в условиях укрепления Российской государственности // Oeconomia et Jus. 2018. № 2. С. 49–54.
7. Семенова И.Ю. Государственная молодежная политика как важнейшее направление политики народосбережения в современной России // Новая наука: Стратегии и векторы развития. 2016. № 9. С. 214–217. EDN WKQSVR
8. Потапова О.Н. Социально-демографическая структура предотвратимых потерь населения в России // Вестник Саратовского государственного технического университета. 2011. Т. 2. № 1(55). С. 245–249. EDN OFWGTD
9. Потапова О.Н. Социально-демографические проблемы и основы народосбережения России // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2015. № 109(05). С. 171–182.
10. Гостев Р.Г., Гостева С.Р. Национальная безопасность Российской Федерации: угрозы, вызовы, риски, опасности // Социальная политика и социология. 2012. № 2. С. 6–16. EDN PIDEVN
11. Сложеникина М.И. Пути решения экологических проблем при производстве продуктов питания // Экономика в условиях социально-техногенного развития мира. 2017. С. 36–42.
12. Shultz T. Investment in Human Capital. The Role of Education and of Research. New York, The Free Press, London, Collier-Macmillan Limited. 1971. 272 p.
13. Becker Gary S. Human Capital a theoretical and empirical analysis, with special reference to education. National Bureau of Economic Research; distributed by Columbia University Press. 1964. 187 p.
14. Экономический ущерб от плохого здоровья: ситуация в Европейском регионе. Справочный документ / М. Suhrcke, R.S. Arce, M. McKee, L. Rocco // Всемирная организация здравоохранения и Всемирная организация здравоохранения от имени Европейской обсерватории по системам и политике здравоохранения. Копенгаген, 2008. 37 с.
15. Аганбегян А.Г. Демографическая драма на пути перспективного развития России // Народонаселение. 2017. № 3(77). С. 4–23. <https://doi.org/10.26653/1561-7785-2017-3-1>. EDN ZWTFHV
16. Садовничий В.А., Григорьева Н.С., Чубарова Т.В. От традиций к инновациям: реформы здравоохранения в современном мире. М.: Экономика, 2012. 286 с. EDN QMBXYD
17. Шейман И.М. Управление рисками при реструктуризации здравоохранения // Здравоохранение. 2011. № 8. С. 28–34. EDN QBFKNJ
18. Стародубов В.И., Куракова Н.Г. Механизмы, приоритеты и объемы финансового обеспечения научных исследований для здравоохранения в России и США // Менеджер здравоохранения. 2015. № 8. С. 37–46.

19. Индикативное управление противотуберкулезной службой крупного промышленного региона с помощью системы индикаторов / А.И. Цветков, Д.Н. Голубев, В.А. Подгаева, Ю.Д. Голубев // Медицинский альянс. 2015. № 2. С. 38–41. EDN VXGTFK
20. Кривенко Н.В., Цветков А.И. Эффективность финансирования здравоохранения для обеспечения экономической безопасности региона // Экономика региона. 2018. Т. 14. № 3. С. 970–986. <https://doi.org/10.17059/2018-3-20>; EDN UZBOVX
21. ВИЧ/СПИД как угроза демографической безопасности региона / А.А. Куклин, А.И. Цветков., Д.С. Епанешникова, И.В. Коробков // Уровень жизни населения регионов России. 2019. Том 15. № 4. С. 106–116. <https://doi.org/10.24411/1999-9836-2019-10086>; EDN YARBHO
22. Народосбережение как фактор устойчивого социально-экономического развития регионов России (на примере Центрального федерального округа) / Т.А. Гуляева, Е.В. Такмакова, М.А. Козьявин, В.И. Савкин // Статистика и экономика. 2022. Т. 19. № 4. С. 46–56. <https://doi.org/10.21686/2500-3925-2022-4-46-56>; EDN FBDUYE
23. Boyd D.W. Systems analysis and modeling. A macro-to-micro approach with multidisciplinary applications. Elsevier Inc, 2001. 365 p.
24. Ming Li, Yimin Zhao Geophysical Exploration Technology. Applications in Lithological and Stratigraphic Reservoirs. Elsevier Inc, 2014. 480 p. <https://doi.org/10.1016/C2012-0-03328-5>
25. Jing Qin, Jintian Ge, Xinsheng Lu The effectiveness of the monetary policy in China: New evidence from long-range cross-correlation analysis and the components of multifractality // Physica A: Statistical Mechanics and its Applications. 2018. Vol. 506. P. 1026–1037. <https://doi.org/10.1016/j.physa.2018.04.068>
26. Roger T.D., William T.M.D. Dangers and uses of cross-correlation in analyzing time series in perception, performance, movement, and neuroscience: The importance of constructing transfer function autoregressive models // Behav Res Methods. 2016. Vol. 48(2). P. 783–802. <https://doi.org/10.3758/s13428-015-0611-2>
27. Уральский федеральный округ: кризис и устойчивость в 2020 году. Серия: Аналитический бюллетень Уральского федерального округа / В.В. Акбердина, А.В. Суворова [и др.]. Под ред. Ю.Г. Лавриковой, Институт экономики УрО РАН. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2021. 115 с.

Информация об авторах:

Александр Анатольевич Куклин – доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, главный научный сотрудник, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия (e-mail: alexkuklin49@mail.ru) (e-library Author ID: 147036) (ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9794-4774>) (WOS Researcher ID: J-9852-2013) (Scopus Author ID: 7003946617)

Сергей Александрович Охотников – преподаватель математики и физики, Оксфордский языковой центр, Екатеринбург, Россия (e-mail: sohotnikov@gmail.com), (e-library Author ID: 511720) (ORCID: <https://orcid.org/000-0002-5320-3130>)

Заявленный вклад авторов:

Куклин А.А. – разработка теоретико-методологических основ по проблеме народосбережения на территории проживания, постановка задачи, проведение социально-экономических расчётов и интерпретация полученных результатов.

Охотников С.А. – проведение социально-экономических расчётов по данной тематике и интерпретация полученных результатов. Автор, ответственный за переписку, – Александр Анатольевич Куклин.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 20.02.2023; одобрена после рецензирования 02.05.2023; принята к публикации 16.05.2023.

References

- Lomonosov M.V. On the preservation and reproduction of the Russian people. Complete Works. In 11 v. Vol. 6. Works on Russian history, socio-economic issues and geography 1747–1765. Moscow-Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 1952. 689 p. (In Russ.)
- Glazyrina T.M., Sapunov V.B. People saving as a national idea. *Izvestiya Mezhdunarodnoj akademii agrarnogo obrazovaniya*. 2015;(22):21–26. (In Russ.)
- Voronov N.V., Sapunov V.B., Glazyrina T.M. Integral assessment of the nation's health through the dynamics of life expectancy. *Zdorov'e-osnova chelovecheskogo potenciala: problemy i puti ih resheniya*. 2015;(10):67–72. (In Russ.)
- Kremlev N.D. People saving as the basis of the concept of sustainable development of the region. *Koncepciya razvitiya proizvoditel'nyh sil Kurganskoj oblasti*. Material of the scientific and practical conference (Kurgan, November 17, 2017). Kurgan: Kurgan State University. 2017;323–335. (In Russ.)
- Berchun V.V. People saving: health care through education. *Aktual'nye problemy global'nyh issledovanij: Rossiya v globaliziruyushchem mire*. 2019;56–61. (In Russ.)
- Semenova I.Yu. People saving as a factor of social policy in the conditions of strengthening of the Russian statehood. *Oeconomia et Jus*. 2018;(2):49–54. (In Russ.)
- Semenova I.Yu. State youth policy as the most important direction of people-saving policy in Modern Russia. *Novaya nauka: Strategii i vektory razvitiya*. 2016;(9):214–217. (In Russ.)
- Potapova O.N. Socio-demographic structure of preventable population losses in Russia. *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*. 2011;2(1(55)):245–249. (In Russ.)
- Potapova O.N. Socio-demographic problems and the foundations of national economy in Russia. *Politematicheskij setevoy elektronnyj nauchnyj zhurnal Kubanskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta*. 2015.109 p. (In Russ.)

10. Gostev R.G., Gosteva S.R. National security of the Russian Federation: threats, challenges, risks, dangers. *Social'naya politika i sociologiya*. 2012;(2):6-16. (In Russ.)
11. Slozhenkina M.I. Ways to solve environmental problems in food production. *Ekonomika v usloviyah social'no-tekhnogenno-go razvitiya mira*. 2017;36-42. (In Russ.)
12. Shultz T. Investment in Human Capital. The Role of Education and of Research. New York, The Free Press, London, Collier-Macmillan Limited. 1971. 272 p.
13. Becker Gary S. Human Capital a theoretical and empirical analysis, with special reference to education. National Bureau of Economic Research; distributed by Columbia University Press. 1964. 187 p.
14. Suhrcke M., Sauto Arce R., McKee M., Rocco L. Economic damage from poor health: the situation in the European region. Kopenhagen, Evropejskoe regional'noe byuro VOZ ot imeni Evropejskoj observatorii po sistemam i politike zdravoohraneniya. 2008. 37 p.
15. Aganbegyan Abel G. Demographic drama on the path of perspective development of Russia. *Narodonaselenie*. 2017;(3):4-23. (In Russ.) <https://doi.org/10.26653/1561-7785-2017-3-1>
16. Sadovnichij V.A., Grigor'eva N.S., Chubarova T.V. From tradition to innovation: Healthcare reforms in the modern world. Moscow: Ekonomika. 2012. 286 p. (In Russ.)
17. Shejman I.M. Risk management in healthcare restructuring. *Zdravoohranenie*. 2011;(8):28-34. (In Russ.)
18. Starodubov V.I., Kurakova N.G. Mechanisms, priorities and volumes of financial support for scientific research for healthcare in Russia and the USA. *Menedzher zdravoohraneniya*. 2015;(8):37-46. (In Russ.)
19. Tsvetkov A.I., Golubev D.N., Podgayva V.A., Golubev Y.D. Indicative management of the antitubercular service of the large industrial region. *Meditsinskij al'yans*. 2015;(2):38-41. (In Russ.)
20. Krivenko N.V., Tsvetkov A.I. Efficiency of Funding Healthcare for Ensuring the Economic Security of a Region. *Ekonomika regiona = Economy of regions*. 2018;(14):970-986. (In Russ.) <https://doi.org/10.17059/2018-3-20>
21. Kuklin I.A., Tsvetkov A.I., Ypaneshnikova D.S., Korobkov I.V. HIV/AIDS as a Threat to the Demographic Security of the Region. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii*. 2019;(15):106-116. (In Russ.) <https://doi.org/10.24411/1999-9836-2019-10086>
22. Gulyaeva T.A., Takmakova E.V., Kozyavin M.A., Savkin V.I. Saving People as a Factor of Sustainable Socio-Economic Development of Russian Regions (on the Example of The Central Federal District). *Statistika i ekonomika = Statistics and Economics*. 2022;19(4):46-56. (In Russ.) <https://doi.org/10.21686/2500-3925-2022-4-46-56>
23. Boyd D.W. Systems analysis and modeling. A macro-to-micro approach with multidisciplinary applications. Elsevier Inc, 2001. 365 p.
24. Ming Li, Yimin Zhao Geophysical Exploration Technology. Applications in Lithological and Stratigraphic Reservoirs. Elsevier Inc, 2014. 480 p. <https://doi.org/10.1016/C2012-0-03328-5>
25. Jing Qin, Jintian Ge, Xincheng Lu The effectiveness of the monetary policy in China: New evidence from long-range cross-correlation analysis and the components of multifractality. *Physica A: Statistical Mechanics and its Applications*. 2018;506:1026-1037. <https://doi.org/10.1016/j.physa.2018.04.068>
26. Roger T.D., William T.M.D. Dangers and uses of cross-correlation in analyzing time series in perception, performance, movement, and neuroscience: The importance of constructing transfer function autoregressive models. *Behav Res Methods*. 2016;48(2):783-802. <https://doi.org/10.3758/s13428-015-0611-2>
27. Akberdina V.V., Suvorova A.V. [et al.] Ural Federal District: Crisis and Sustainability in 2020. Series: Analytical Bulletin of the Ural Federal District. Ed. by Yu.G. Lavrikova, Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Yekaterinburg: Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 2021. 115 p. (In Russ.)

Information about the authors:

Alexsandr A. Kuklin – Doctor of Economics, Professor, Honoured Science Worker of the Russian Federation, Leading researcher, Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia
 (e-mail: alexkuklin49@mail.ru) (e-library Author ID: 147036) (ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9794-4774>)
 (WOS Researcher ID: J-9852-2013) (Scopus Author ID: 7003946617)
Sergei A. Okhotnikov – Teacher of Mathematics and Physics, Oxford Language Center, Ekaterinburg, Russia
 (e-mail: sohotnikov@gmail.com), (e-library Author ID: 511720) (ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5320-3130>)

Authors declared contribution:

Alexsandr A. Kuklin – development of theoretical and methodological foundations on the problem of the well-being of the individual in the territory of residence, setting the task, conducting socio-economic calculations and interpreting the results.
Sergei A. Okhotnikov – conducting socio-economic calculations on this topic and interpreting the results.
 The author responsible for the correspondence is Alexander A. Kuklin.
 The authors declare no conflict of interest.

The article was submitted 20.02.2023; approved after reviewing 02.05.2023; accepted for publication 16.05.2023

Краткое сообщение
УДК 316.4.066
DOI: 10.52180/1999-9836_2023_19_2_8_254_259
EDN: TCJCOP

Исследование социального времени: современное состояние и практики воздействия

Екатерина Федоровна Шамаева¹, Андрей Аркадьевич Головин², Евгений Борисович Попов³, Владилен Андреевич Прокудин⁴

^{1,2} Центр проектирования устойчивого развития институтов гражданского общества Государственного университета управления, Москва, Россия

¹ (ef_shamaeva@guu.ru), (ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1070-8550>)

² (aa_golovin@guu.ru), (ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3976-6540>)

³ Научно-технический центр «Анклав», Дубна, Россия, (popov@anklav.com), (ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3348-2195>)

⁴ Московский международный университет, Москва, Россия, (prok-v@mail.ru), (ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2347-5370>)

Аннотация

Настоящая статья представляет исследование социального времени (в том числе различных его уровней, выделенных Дж.Д. Льюисом и Э.Дж. Вейгарт: личного времени, времени взаимодействий и регламентированного времени). Предмет исследования – существующие практики воздействия на распределение социального времени, характерные для современного этапа человеческой истории (в контексте возможности формирования на их основе методологии измерения социального времени). Цель работы: выявить возможности воздействия на социальное время в интересах развития человеческого общества. Основная гипотеза исследования заключается в том, что каждый из существующих подходов к изучению социального времени «выхватывает» определённый его аспект (своего рода проекцию в заданную «систему координат»), а их соединение на основе системно-мыследеятельностной (СМД) методологии (представление социального времени как системы) позволит заложить основы методологии измерения и управления социальным временем. Рассматриваются возможности применения различных подходов к изучению социального времени (релятивистского, теоретические основы которого были заложены П. Сорокиным и Р. Мёртоном, и конструктивистского, сформулированного П.Г. Кузнецовым на основании понятия «бюджет социального времени»). В работе выполнено представление социального времени как системы с позиции системно-мыследеятельностной методологии, что позволяет наглядно увидеть место и роль каждого из рассмотренных существующих подходов к изучению социального времени, его свойств и качеств.

Ключевые слова: социальное время, личное время, время взаимодействий, бюджет социального времени, планирование

Для цитирования: Шамаева Е.Ф., Головин А.А., Попов Е.Б., Прокудин В.А. Исследование социального времени: современное состояние и практики воздействия // Уровень жизни населения регионов России. 2023. Том 19. № 2. С. 254–259. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_2_8_254_259; EDN TCJCOP

SCO (Short Communications Article)
DOI: 10.52180/1999-9836_2023_19_2_8_254_259
EDN: TCJCOP

Research of Social Time: Current State and Practices of Influence

Ekaterina F. Shamaeva¹, Andrei A. Golovin², Evgenii B. Popov³, Vladilen A. Prokudin⁴

^{1,2} Center for Designing Sustainable Development of Civil Society Institutions, State University of Management, Moscow, Russia,

¹ (ef_shamaeva@guu.ru), (ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1070-8550>)

² (aa_golovin@guu.ru), (ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3976-6540>)

³ Research and technical center "Anklav", Dubna, Russia, (popov@anklav.com), (ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3348-2195>)

⁴ Moscow International University, Moscow, Russia, (prok-v@mail.ru), (ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2347-5370>)

Abstract

This article presents a study of social time (including its various levels identified by J.D. Lewis and E.J. Weygart: personal time, interaction time and regulated time). The subject of the study is the existing practices of regulating social time, characteristic of the modern stage of human history (in the context of the possibility of forming a methodology for measuring social time based on them). The purpose of this work is to identify the possibilities of influencing social time in the interests of human society development. The main hypothesis of the study is that each of the existing approaches to the study and regulation of social time "snatches" a certain aspect of it (a kind of projection into a given "coordinate system"), and their combination on the basis of a system-based activity (SMD) methodology (representation of social time as a system) will allow laying the foundations of a methodology for measuring and managing social time. The possibilities of applying various approaches to the study of social time (relativistic, the theoretical foundations of which were laid by P. Sorokin and R. Merton, and constructivist, formulated by P.G. Kuznetsov on the basis of the concept of "social time budget") are considered. The presentation of social time as a system from the point of view of the system-based methodology is carried out, which allows us to clearly see the place and role of each of the considered existing approaches to the study of social time, its properties and qualities.

Keywords: social time, personal time, interaction time, social time budget, planning

Введение

Критический анализ терминологии и подходов, обзор исторических примеров показал качественные сходства и различия понимания социального времени [1]. В работе объектом исследования выступает социальное время как характеристика развития человеческого общества, подлежащая изучению. Предмет исследования – существующие практики воздействия на социальное время, характерные для современного этапа человеческой истории (в контексте возможности формирования на их основе методологии измерения и управления социальным временем). Цель работы: выявить возможности воздействия на социальное время в интересах развития человеческого общества.

Основная гипотеза исследования заключается в том, что существующие подходы к изучению и регламентированию социального времени «выхватывают» определённый его аспект (своего рода проекцию в заданную «систему координат»), а их соединение на основе системно-мыследеятельностной (СМД) методологии (представление социального времени как системы) позволит заложить основы методологии измерения и управления социальным временем.

Проблематика социального времени выходит за рамки социологии, как видно из новейших опубликованных работ, так или иначе её затрагивающих. Например, в работе [2] социальное время рассматривается в широком контексте футурологии, работа [3] уделяет внимание философским граням этого явления (в оптимистическом ключе). Статья [4] демонстрирует развитый конструктивистский подход к социальному времени. Также косвенно тематика социального времени фигурирует в монографиях [5] (в аспекте границ между необходимым и свободным временем, а также их взаимного проникновения) и [6] (в разрезе содержательного наполнения времени с использованием современных технологий и технических средств).

Применяемые теоретические и методологические положения

Теоретическую основу настоящего исследования составляет синтез существующих подходов к изучению социального времени (*релятивистского* и *конструктивистского*), а также аксиоматика, включающая следующие утверждения:

– социальное время как явление — едино и единично, а различные подходы к нему «выхватывают» разные «проекции» этого явления посредством применения различной «оптики»;

– соединение этих «проекций» в целостное представление — это задача *конфигурирования* [7, С. 146–149];

– задача конфигурирования в данном случае может быть решена посредством описания социального времени как системы с позиции системно-мыследеятельностной (СМД) методологии, в соответствии с которой каждый объект представляется в пяти планах — (1) процессов или полипроцессов, конституирующих систему как систему, (2) связей и структур связей, (3) набора функций, сфокусированных на каждом элементе этой системы, (4) организованности материала и (5) материала [8, с. 19].

В работе применяются следующие научные методы:

– case study примеров из современности (XX–XXI вв.);

– дедуктивный метод относительно возможностей воздействия на рассматриваемое явление.

Социальное время в социокультурном контексте

Современное состояние характеризуется доминированием массовой культуры потребления, экспортируемой в подавляющее большинство стран мира в виде фильмов, телевизионных шоу (в т.ч. по лицензии), музыки, массовой литературы и мн. др. К. Рапай демонстрирует на эмпирическом материале своих исследований «раскрывающиеся» культурные коды [9, С. 35–39]. В культуре европейского Средневековья период оплачиваемого услужения (сюда относятся пажи, фрейлины, ученики при гильдиях, «прислужники в земледелии» и т.п.) был лишь этапом, через который человек проходил в юношеском возрасте (правда, растянутом на 10–15 лет) ради формирования дисциплины, ответственности и самостоятельности, после чего считался взрослым, мог создавать семью и нанимать прислужников, более не работая на других. Всё изменилось с распространением отношений наёмного труда и перераспределением капитала [5, С. 313–320]. Гребер даже приводит в пример своего отца (человека, вся жизнь которого пришлась на XX в.): тот работал в литографических мастерских и вышел на пенсию «подмастерьем печатника» — при этом свидетельствовал, что мастеров-печатников не было в принципе [5, С. 424].

Главным аспектом современности видится несформированность *критического мышления*, что

облегчает задачу формирования массовой культуры потребления и продажи потребителю товаров и услуг независимо от того, насколько они соответствуют действительным потребностям населения.

Рассмотрим, какие факторы препятствуют формированию критического мышления. Во-первых, к таким факторам можно отнести наличие «ненужной» работы, поскольку (по определению Гребера [5, с. 43], [1]) работник, не находя малейшего оправдания существованию своей деятельности, вынужден притворяться или, возможно, даже пытаться убедить себя в обратном. Интеллектуальные ресурсы работника в этом случае просто распыляются — для выполнения работы они требуются в минимальном объёме, а большая их часть либо расходуется на притворство, либо уходит на поиски, чем бы заполнить рабочее время *вместо* непосредственных обязанностей (и, собственно, заполнение); таким образом, на рабочем месте не происходит ни обучения, ни совершенствования навыков, ни *развития* человека как профессионала и как личности.

Во-вторых, возрастает степень синхронизации времени (по Дж.Д. Льюису и Э.Дж. Вейгарту [10, р. 94]) – увеличивается психологическое давление на индивида, вынужденного иметь дело со всё более и более сложным и точным «расписанием» своего времени (Дж. Урри называет это утратой индивидом «суверенитета времени» [11, с. 353-354]). При этом человек может по-разному справляться со сложившейся ситуацией:

- при оптимистичном сценарии (по В.В. Коромыслову) необходимость «всё успеть» в ограниченное время может создать условия для развития всё большей работоспособности, физиологической активности мозга, увеличения количества умственных операций на секунду времени, вследствие чего человек начинает быстрее анализировать ситуацию, принимать решения, проводить в жизнь действия всё в большем темпе [3, С. 175];
- при пессимистичном сценарии (по Льюису и Вейгарту) человек осуществляет *избегание* включённости [10, Р. 97] в попытке вернуть утраченный «суверенитет времени» (причём — избегание может быть использовано в рамках любой работы, а также в свободное время путем перераспределения его долей, отведённых личному времени и времени взаимодействия).

Если рассматривать критическое мышление не как *мышление per se*, а как *навык*, то для формирования любого навыка требуется *упражнение*, т.е. затраты времени и усилий (в особенности усилий сознания) [12, С. 247–248] — но в условиях,

когда время «расписано по минутам», далеко не каждый сможет адекватно «упражняться», особенно на начальном этапе; таким образом, мы видим, что критическое мышление может «оттачиваться» только при оптимистичном сценарии.

На практике наблюдается, скорее, реализация пессимистичного сценария: избегание широко распространено, один из его вариантов — это погружение в Интернет-среду (социальные сети, блоги, видеоблоги и т.д.). Широчайшее распространение смартфонов сделало этот вариант доступным и привлекательным: смартфоны стали «необходимым злом», переплетённым с человеческим телом и делающим возможной «мобильную коммуникационную жизнь» [11, С. 335]. Но если речь идёт о текстах — подавляющее большинство таких источников культивирует поверхностное «короткое» чтение [6, С. 282], а если затрагивать вопросы межличностной коммуникации — оказывается, что отличительной особенностью сетей «последнего поколения» является резкое снижение объёма текста в сообщениях [6, С. 61]: сама специфика Интернет-общения подчиняет коммуникацию правилу «экономии языка» и ориентирует пользователей на «быстрое неглубокое скольжение по ризоматическим смыслам гипертекста» [6, С. 129–130] (собственно текст не столько дополняется, сколько вытесняется аудио- и видео-формами представления информации). Кроме того, чем сложнее идеи и концепции, излагаемые блогерами и авторами в социальных сетях, тем выше для них риск остаться непопулярными [6, С. 281–282]; поскольку популярность монетизируется, создатели медиаконтента предпочитают придерживаться принципа «чем проще – тем лучше» (редкие и выдающиеся исключения подтверждают правило, т.к. зачастую остаются «нишевыми»). Отсюда следует, что описанное времяпрепровождение не способствует не только формированию критического мышления, но и развитию (в широком смысле слова) человека как личности.

Перейдем теперь к смешению необходимого и свободного времени (в терминологии П.Г. Кузнецова [13, С. 207]). Трата рабочих часов на занятия, не связанные с выполнением служебных обязанностей (в том числе социальные сети), является вполне очевидной их подменой. Необходимое время, в свою очередь, способно «вторгаться» в свободное время человека, если в организации, где он/она работает, регламентировано или принято негласно использование средств мгновенного обмена сообщениями (e-mail и в особенности мессенджеров) — тогда работник оказывается «всегда на связи», и его/её свободное время может «фрагментироваться» его/её руководителем до тех пор, пока он/она соглашается с существу-

ющим *status quo*. Что же происходит в свободное время?

Придерживаясь классификации Льюиса и Вейгарта, получим, что свободное время каждый человек может распределить между временем взаимодействий и личным временем (при этом по воле человека любая из этих долей может быть сведена к нулю). Но как именно происходят взаимодействия в свободное время? Конечно, люди всё ещё собираются вместе в кафе, ресторанах, в домах и квартирах, совместно ходят в кино, театры и т.д. Однако использование мобильных коммуникационных систем, которые некоторые исследователи (в частности, С. Миллер, цитируемый Урри) характеризуют как «устройства для избегания разговоров» (!), приводит к замене непосредственных социальных контактов их виртуальными суррогатами. Смартфоны дают человеку экспансивное расширение географии взаимодействий (собеседник может находиться на другом конце мира), но при этом обедняют неформальное общение — вызывают «упадок беседы» как средства взаимодействия [11, С. 372–373] (действительно, «классическая» беседа лицом к лицу не замыкается только на словах, произносимых её участниками; важнейшими её компонентами являются интонация, мимика, жесты говорящих и их положение в пространстве относительно друг друга). Таким образом, средства дистанционной коммуникации включены в процессы мобильности, порождающие социальное отчуждение [11, С. 354].

Наполнение личного времени оказывается ещё более проблематичным: если индивид выберет провести его за просмотром видеороликов или материалов в социальных сетях, то столкнётся с рассмотренными выше особенностями представления информации в Интернете, в том числе – работой алгоритмов поисковых систем, с одной стороны, выдающих результаты на основании ранее определённых «предпочтений» пользователя (отсекая, тем самым, информацию, признанную «иррелевантной», которая на самом деле могла бы быть полезной или интересной конкретному человеку) [6, С. 132–133], а с другой стороны, показывающей пользователю определённые ценностные установки, необязательно разделяемые им.

Резюмируем: социальное время современного человека в постиндустриальном обществе оказывается объектом *непрямого руководства*, основной целью которого является либо продажа определённых товаров и услуг, либо формирование ценностных установок, которые, будучи принятыми индивидом, ведут к желаемому экономическому поведению.

Заключение

Представим описание социального времени, полученное на основе синтеза двух подходов (релятивистского и конструктивистского подхода):

1. *Материалом* социального времени является время астрономическое;

2. *Организованностью материала* социального времени являются временные отрезки, которые, в силу обусловленности ритмом и цикличностью жизни конкретного общества, как убедительно показали ещё П. Сорокин и Р. Мёртон [14, Р. 616–617], зачастую не совпадают с естественной (природной) цикличностью;

3. *Элемент* социального времени — это *личное время* (в трактовке Льюиса и Вейгарта), поскольку оно является мельчайшей неделимой частью рассматриваемой системы, но при этом лишено важнейшего её качества — собственно «социальности» (в отличие, скажем, от *времени взаимодействий*, которое является уже *функциональной единицей*); *набор функций* личного времени включает в себя следующие:

– *проживание* индивидом настоящего («в моменте»);

– *планирование* им представляемого будущего;

– *рефлексию* над удерживаемым им в памяти прошлым;

4. *Связи и структуры* связей социального времени, с одной стороны, определяются его свойствами вложенности и иерархичности — это «вертикальные» связи между уровнями; с другой стороны, существуют также «горизонтальные» связи между необходимым и свободным временем, которые усложняются по причине смещения и переплетения этих двух долей бюджета социального времени;

5. *Процессы*, конституирующие социальное время как систему, — это, во-первых, процесс сокращения доли необходимого времени и возрастания доли свободного времени в бюджете социального времени (по П.Г. Кузнецову) согласно закону исторического развития [15, С. 229–234]; во-вторых, процесс нарастания *синхронизации* времени (по Льюису и Вейгарту [10, Р. 94]) в постиндустриальном обществе.

Таково решение задачи конфигурирования социального времени в первом приближении. Это решение даёт возможность ясно увидеть роль и место подходов к пониманию социального времени (релятивистского и конструктивистского), а также формировать планируемые управляющие воздействия, направленные на конкретные результаты развития.

Список литературы

1. Шамаева Е.Ф., Головин А.А., Попов Е.Б. Социальное время: попытки исследования и управления — терминология и исторические примеры // Российский экономический журнал. 2023. № 2. С. 109–124. https://doi.org/10.52210/0130-9757_2023_2_109
2. Шестакова И.Г. Новая темпоральность цифровой цивилизации: будущее уже наступило // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2019. Т. 10. № 2. С. 20–29. <https://doi.org/10.18721/JHSS.10202> EDN: XBRISF
3. Коромыслов В.В. Проблема существования социального времени в контексте концепции сущности человека как результата единого закономерного мирового процесса // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2012. № 1. С. 174–177.
4. Головин А.А., Шамаева Е.Ф. Методика расчёта трудового потенциала экономики России с использованием бюджета социального времени // Вестник РАЕН. 2021. Т. 21. № 4. С. 61–66. <https://doi.org/10.52531/1682-1696-2021-21-4-61-66> EDN: RCFJFG
5. Гребер Д. Бредовая работа. Трактат о распространении бессмысленного труда. М.: Ад Маргинем, 2020. 440 с. ISBN 978-5-91103-541-9
6. Мифы о прошлом в современной медиасреде: практики конструирования, механизмы воздействия, перспективы использования / А.Г. Иванов, С.В. Тихонова, А.А. Линченко, И.П. Полякова. СПб.: Алетейя. 2020. 330 с. ISBN 978-5-00165-063-8
7. Щедровицкий Г.П. Методология и философия оргуправленческой деятельности. Основные понятия и принципы. Курс лекций / Из архива Г.П. Щедровицкого. В 5 Т. Т.5. М.: Изд-во «Путь». 2003. 288 с. ISBN 5-93733-020-X
8. Очерки истории становления СМД-методологии: конспекты лекций Г.П. Щедровицкого в МИСИ (1987-1988) / А.А. Пископель, В.Р. Рокитянский, Л.П. Щедровицкий (конспектирование). М.: Наследие ММК. 2009. 198 с. ISBN 978-5-98808-011-4
9. Рапай К. Культурный код. Как мы живём, что покупаем и почему. 3-е изд. / пер. с англ. У. Саламатовой. М.: Альпина Паблишер, 2022. 168 с. ISBN 978-5-9614-7103-8
10. Lewis J.D., Weigert A.J. The Structures and Meanings of Social Time // The Sociology of Time. Ed. John Hassard. New York: Palgrave Macmillan. 1990. P. 77-101. ISBN 978-1-349-20869-2
11. Урри Дж. Мобильности / пер. с англ. А.В. Лазарева; вступ. статья Н.А. Харламова. М.: Издательская и консалтинговая группа «Праксис». 2012. 576 с. ISBN 978-5-901574-98-0
12. Егоров Т.Г. Психология. 2-е изд., доп. М.: Воениздат МО СССР. 1955. 264 с.
13. Кузнецов П.Г. Бюджет социального времени // Наука развития Жизни. В 6 Т. Т. 3. Правильное применение закона / П.Г. Кузнецов. М.: РАЕН. 2015. С. 205-226. ISBN 978-5-905527-11-1
14. Sorokin P.A., Merton R.K. Social Time: A Methodological and Functional Analysis. American Journal of Sociology. 1937. № 42(5). <https://doi.org/10.1086/217540>
15. Кузнецов П.Г. Законы истории и социальное конструирование XXI века // Наука развития Жизни. В 6 т. Т. 3. Правильное применение закона / П.Г. Кузнецов. М.: РАЕН. 2015. С. 227–236. ISBN 978-5-905527-11-1

Информация об авторе:

Екатерина Федоровна Шамаева – кандидат технических наук, доцент, научный руководитель проекта Центра проектирования устойчивого развития институтов гражданского общества, Государственный университет управления, Москва, Россия (e-mail: ef_shamaeva@guu.ru) (e-library AuthorID: 554485) (ResearcherID: O-1031-2016) (Scopus AuthorID: 57196119253) (ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1070-8550>)

Андрей Аркадьевич Головин – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, директор Центра проектирования устойчивого развития институтов гражданского общества, Государственный университет управления, Москва, Россия (e-mail: aa_golovin@guu.ru) (e-library AuthorID: 981462) (ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3976-6540>)

Евгений Борисович Попов – главный технолог ООО «НТЦ «Анклав», Дубна, Россия (e-mail: popov@anklav.com) (e-library AuthorID: 802731) (ResearcherID: F-9590-2015) (Scopus AuthorID: 57202956823) (ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3348-2195>)

Владимен Андреевич Прокудин – доктор экономических наук, профессор Московского международного университета, Москва, Россия (e-mail: prok-v@mail.ru) (e-library AuthorID: 103690) (ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2347-5370>)

Заявленный вклад авторов:

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
 Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
 Автор, ответственный за переписку, – Евгений Борисович Попов.

Статья поступила в редакцию 09.02.2023; одобрена после рецензирования 18.05.2023; принята к публикации 16.05.2023.

References

1. Shamaeva E.F., Golovin A.A., Popov E.B. Social time: attempts of research and management — terminology and historical examples. *Rossiiskij ekonomicheskij zhurnal = Russian Economic Journal*. 2023;(2):109-124. (In Russ.) https://doi.org/10.52210/0130-9757_2023_2_109
2. Shestakova I.G. Novaya temporal'nost' cifrovoj civilizacii: budushchee uzhe nastupilo. *Nauchno-tekhnicheskie vedomosti SPbGPU. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki = St. Petersburg State Polytechnical University Journal: Humanities and Social Sciences*. 2019;10(2):20-29. (In Russ.) <https://doi.org/10.18721/JHSS.10202>
3. Koromyslov V.V. Problema sushchestvovaniya social'nogo vremeni v kontekste koncepcii sushchnosti cheloveka kak rezul'tata edinogo zakonomernogo mirovogo processa. *Vestnik KGU im. N.A. Nekrasova = Vestnik of Kostroma State University*. 2012;(1):174-177. (In Russ.) <https://doi.org/10.34216/1998-0817>
4. Golovin A.A., Shamaeva E.F. Metodika rascheta trudovogo potentsiala ekonomiki Rossii s ispol'zovaniem byudzheta social'nogo vremeni. *Vestnik RAEN = Bulletin of the Russian Academy of Natural Sciences*. 2021;21(4):61-66. (In Russ.) <https://doi.org/10.52531/1682-1696-2021-21-4-61-66>
5. Graeber D. Bredovaya rabota. Traktat o rasprostraneni besmyslennogo truda. Moscow: Ad Marginem, 2020. 440 p. (In Russ.) ISBN 978-5-91103-541-9
6. Ivanov A.G., Tihonova S.V., Linchenko A.A., Polyakova I.P. Mify o proshlom v sovremennoj mediasrede: praktiki konstruirovaniya, mekhanizmy vozdeystviya, perspektivy ispol'zovaniya. St. Petersburg: Aletejya, 2020. 330 p. (In Russ.) ISBN 978-5-00165-063-8
7. Schedrovickij G.P. Metodologiya i filosofiya upravlencheskoj deyatel'nosti. Osnovnye ponyatiya i principy. Kurs lekcij. Iz arhiva G.P. Schedrovickogo. Vol. 5. Moscow: Izd-vo "Put", 2003. 288 p. (In Russ.) ISBN 5-93733-020-X
8. Ocherki istorii stanovleniya SMD-metodologii: konspekty lekcij G.P. Schedrovickogo v MISI (1987-1988). Compiled by A.A. Piskoppel, V.R. Rokityanskij, L.P. Schedrovickij. Moscow: Nasledie MMK, 2009. 198 p. (In Russ.) ISBN 978-5-98808-011-4
9. Rapaille C. Kul'turnyj kod. Kak my zhivem, chto pokupaem i pochemu. 3rd ed. Translated by U. Salamatova. Moscow: Al'pina Publisher, 2022. 168 p. (In Russ.) ISBN 978-5-9614-7103-8
10. Lewis J.D., Weigert A.J. The Structures and Meanings of Social Time. In: *The Sociology of Time*. Ed. John Hassard. New York: Palgrave Macmillan, 1990. P. 77-101. ISBN 978-1-349-20869-2
11. Urry J. Mobil'nosti. Translated by A.V. Lazarev; introduction by N.A. Harlamov. Moscow: Izdatel'skaya i konsaltingovaya gruppa "Praksis", 2012. 576 p. (In Russ.) ISBN 978-5-901574-98-0
12. Egorov T.G. Psihologiya. 2nd ed., exp. Moscow: Voenizdat MO SSSR, 1955. 264 p. (In Russ.)
13. Kuznetsov P.G. Byudzet social'nogo vremeni. In: Kuznetsov P.G. *Nauka razvitiya Zhizni*. Vol. 3. Pravil'noe primenenie zakona. Moscow: RAEN, 2015. P. 205-226. (In Russ.) ISBN 978-5-905527-11-1
14. Sorokin P.A., Merton R.K. Social Time: A Methodological and Functional Analysis. *American Journal of Sociology*. 1937;42(5):615-629. <https://doi.org/10.1086/217540>
15. Kuznetsov P.G. Zakony istorii i social'noe konstruirovanie XXI veka. In: Kuznetsov P.G. *Nauka razvitiya Zhizni*. Vol. 3. Pravil'noe primenenie zakona. Moscow: RAEN, 2015. P. 227-236. (In Russ.) ISBN 978-5-905527-11-1

Information about the authors:

Ekaterina F. Shamaeva – candidate of technical sciences, associate professor, project scientific leader of Center for Designing Sustainable Development of Civil Society Institutions, State University of Management, Moscow, Russia (e-mail: ef_shamaeva@guu.ru) (e-library AuthorID: 554485) (ResearcherID: O-1031-2016) (Scopus AuthorID: 57196119253) (ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1070-8550>)

Andrei A. Golovin – candidate of economic sciences, senior researcher, director of Center for Designing Sustainable Development of Civil Society Institutions, State University of Management, Moscow, Russia (e-mail: aa_golovin@guu.ru) (e-library AuthorID: 981462) (ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3976-6540>)

Evgenii B. Popov – chief technologist, RTC "Anklav" Ltd., Dubna, Russia (e-mail: popov@anklav.com) (e-library AuthorID: 802731) (ResearcherID: F-9590-2015) (Scopus AuthorID: 57202956823) (ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3348-2195>)

Vladilen A. Prokudin – Doctor of Economics, Professor at Moscow International University, Moscow, Russia (e-mail: prok-v@mail.ru) (e-library AuthorID: 103690) (ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2347-5370>)

Authors' declared contribution

The authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

The author responsible for the correspondence is Evgenii B. Popov.

The article was submitted 09.02.2023; approved after reviewing 18.05.2023; accepted for publication 16.05.2023.

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Оригинальная статья

УДК 331.55, 331.91

DOI: 10.52180/1999-9836_2023_19_2_9_260_271

EDN: NSGPFY

Трудовая миграция болгар в ЕС: предпосылки, причины, мотивы, последствия

Ралица Савова^{1,2}

¹ Университет Печ, Печ, Венгрия, (Ralitsa.Savova@tk.hu),

² Европейский культурный маршрут «Дороги лонгобардов по Европе», Чивидале-дель-Фриули, Италия

Аннотация

Целью данной статьи является выявление основных тенденций трудовой миграции десятков болгар в некоторые страны Европейского Союза в период 2019–2022 гг. с точки зрения факторов, формирующих их миграционное поведение. Во время командировок и во время работы за границей, автор статьи, болгарка по национальности, сделала это, используя один из самых распространённых методов качественного исследования: запись в подробных полевых заметках увиденного, услышанного и пережитого среди общин болгарских мигрантов в некоторых странах Европейского Союза, а также интервью с ними. Она лично задала десяткам болгарских трудовых мигрантов в индивидуальном полуструктурированном и неструктурированном интервью ряд вопросов о причинах и мотивах их миграции и на основании их ответов разделила мигрантов на несколько условных групп. В статье представлены тенденции трудовой миграции этих условных групп болгарских трудовых мигрантов и во время пандемии, поскольку пандемия привела к снижению их трудовой мобильности в ЕС в 2020 и 2021 годах, что негативно сказалось как на них, так и на их работодателях. Трудовая миграция болгар показана ни с отрицательной, ни с положительной стороны, а как сложное явление, которое нужно рассматривать с обеих сторон в комплексе, все плюсы и минусы, вытекающие из этого как последствия, и в данном исследовании автора интересуют последствия трудовой миграции для мигрантов и для страны отправления.

Ключевые слова: Болгарские трудовые мигранты, Болгария, миграция, мобильность рабочей силы, зарплата, Евросоюз, пандемия COVID-19

Для цитирования: Савова Р. Трудовая миграция болгар в ЕС: предпосылки, причины, мотивы, последствия // Уровень жизни населения регионов России. 2023. Том 19. № 2. С. 260–271. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_2_9_260_271; EDN NSGPFY

RAR (Research Article Report)

DOI: 10.52180/1999-9836_2023_19_2_9_260_271

EDN: NSGPFY

Labor Migration of Bulgarians to the EU: Background, Causes, Motives, Consequences. Trends During the COVID-19 Pandemic

Ralitsa Savova^{1,2}

¹ Pécs University, Pécs, Hungary, (Ralitsa.Savova@tk.hu),

² European Cultural Route “Longobard Ways across Europe”, Cividale del Friuli, Italy

Abstract

The purpose of this research article is to describe the main trends in the labor migration of dozens of Bulgarians to some countries of the European Union in the period 2019–2022 in terms of the factors that shape their migration behavior. During some of her business trips and work abroad, the author of the research paper, who is Bulgarian, did this according to the methodology of one of the most widespread methods of qualitative research: she wrote down in detailed field notes what she saw, heard and experienced among the Bulgarian migrant communities in some European Union countries; and interviews: she personally asked dozens of Bulgarian labor migrants in a one-to-one semi-structured and unstructured interview a series of questions about the reasons and motives for their migration, and based on their answers, divided the migrants into several conditional groups. The labor migration trends of these conditional groups of Bulgarian labor migrants during the pandemic are also described, as the pandemic led to a reduction in their labor mobility in the EU in 2020 and 2021, which negatively affected both them and their employers. Finally, the labor migration of Bulgarians is shown neither from a negative, nor from a positive side, but as a complex phenomenon that must always be considered from both sides in its entirety, with all pros and cons arising from this as consequences, and in the present case study, the author is interested in the consequences of labor migration for both migrants and the sending country.

Keywords: Bulgarian labor migrants, Bulgaria, migration, labor mobility, wages, European Union, COVID-19 pandemic

For citation: Savova R. Labor Migration of Bulgarians to the EU: Background, Causes, Motives, Consequences. Trends During the COVID-19 Pandemic. *Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2023. Vol. 19. No 2. P. 260–271. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_2_9_260_271

Введение

Объектом исследования в данной статье являются 50 мигрантов, 25 женщин и 25 мужчин, представители 3-х поколений в возрасте от 20 до 67 лет, работающие и/или получившие образование в Италии, Греции, Нидерландах, Венгрии, в том числе несколько студентов, которые учатся в болгарских университетах, но участвуют в оплачиваемых летних стажировках и бригадах за границей. Что будет исследоваться, или предмет исследования в данной статье, – это причины и мотивы, побудившие изучаемые условные группы трудовых мигрантов работать не в Болгарии, а в других странах Европейского союза (ЕС). Цель исследования относится к предмету исследования, а именно, к получению новых знаний о драйверах трудовой миграции изучаемых групп мигрантов.

Автор выдвигает три гипотезы. Во-первых, причины, по которым болгары предпочитают работать в других, более развитых странах ЕС, связаны с оплатой их работы там в виде более высокой заработной платы, высоких гонораров, окладов, пенсий, а в случае высококвалифицированных кадров трудовая миграция, помимо высокой зарплаты, также связана с лучшими условиями и возможностями для профессионального развития и роста. Вторая гипотеза связана с сокращением возможностей трудовой миграции в период пандемии, учитывая сложность перемещения через границы; банкротство многих предприятий, особенно малого и семейного бизнеса; закрытие многих офисов; сокращение штата, использование в основном домашних офисов; заболеваемость ковидом многих рабочих и служащих и т.д. Третья гипотеза связана с тем, что, хотя в болгарском обществе (исключая исследователей и специалистов по этой и другим подобным темам) принято считать, что трудовая миграция имеет для отправляющей страны только негативные последствия (такие как демографические проблемы, например), и только положительные последствия для мигрантов (такие как решение проблемы безработицы, или получение более высокого вознаграждения за границей), последствия миграции могут быть как положительными, так и отрицательными как для мигрантов, так и для отправляющей страны.

Некоторые примеры теоретических утверждений на тему миграции

По мнению Джейсона Лонга (Колби Колледж, штат Мэн, США) и Джозефа Ферри (Северо-западный университет, Иллинойс, США), «мобильность рабочей силы состоит из изменений в расположении работников как в физическом пространстве (географическая мобильность), так

и в диапазоне рабочих мест (профессиональная мобильность)» [1]. Лонг и Ферри подразделяют географическую мобильность на два типа: «короткие и дальние перемещения», а также «добровольную и вынужденную миграцию», а профессиональную мобильность на: «латеральную (в рамках широкого класса работ сходного социально-экономического статуса) и вертикальную (с одной работы на лучшую или худшую работу)» [1]. Опять же, по мнению Джейсона Лонга и Джозефа Ферри, информация о профессиональной мобильности рабочей силы в Европе была скудной до девятнадцатого века. Такие документы, как приходские книги и записи актов гражданского состояния, которые они используют в качестве некоторых источников в своих исследованиях, не дают информации о наличии такой мобильности до этого периода. Что же касается географической мобильности в Европе, то высокие уровни мобильности рабочей силы, по мнению этих учёных, можно было наблюдать задолго до возникновения современной индустриальной экономики [1]. Авторы, Лонг и Ферри, подкрепляют своё утверждение примером того, что молодые рабочие в сельском хозяйстве нанимались за пределы семейной фермы в качестве сельскохозяйственных слуг в Великобритании на протяжении семнадцатого и восемнадцатого веков, переезжая на разные фермы в конце каждого года; в континентальной Европе группы рабочих следовали за урожаем через национальные границы, возвращаясь в свои родные деревни спустя месяцы пути; а как выдающиеся черты европейского промышленного и городского роста они иллюстрируют несколько транснациональных миграций – ирландцев в Великобританию, бельгийцев во Францию, поляков в Германию [1].

По вопросам миграции писали многие известные учёные и исследователи. Несомненно, среди них есть тот, кого заслуженно причислили бы к основоположникам миграционных исследований. Это немецко-британский географ и картограф Эрнст Георг Равенштейн¹ (1834–1913). Он был членом советов Королевского статистического и Королевского географического обществ; профессор географии Бедфордского колледжа² – первое высшее учебное заведение для женщин в Соединённом Королевстве [2]; был первым географом, который получил Золотую медаль Виктории Королевского географического общества (1902 г.) – медаль,

¹ 1922 Encyclopædia Britannica/Ravenstein. URL: https://en.wikisource.org/wiki/1922_Encyclopaedia_Britannica/Ravenstein (дата обращения: 07.02.2023)..

² Бедфорд-колледж был основан в Лондоне в 1849 году Элизабет Джессер Рид (1789–1866), дочерью богатого унитарного торговца скобяными изделиями, как первое высшее учебное заведение для женщин в Соединённом Королевстве. URL: https://www.ucl.ac.uk/bloomsbury-project/institutions/ladies_college.htm (дата обращения: 07.02.2023).

присуждаемая за выдающиеся заслуги в области географических исследований [3]. Среди научных достижений Равенштейна — составленная и нарисованная им *Карта Восточной Экваториальной Африки* (1884), которая считается одной из самых замечательных картографических работ конца девятнадцатого века [4], а также такие значительные труды, как более ранние сочинения «*Русские на Амуре*» (1861 г.) [5], отредактированная им книга «*Журнал первого путешествия Васко да Гамы, 1497–1499*» (1898) [6] и др. Равенштейн остался в истории благодаря своему большому вкладу в картографию, географию, статистику, демографию, преподавательскую и научную работу, в том числе в исследования миграции. Его вклад в области миграционных исследований более, чем значителен. В 1885 году Равенштейн опубликовал в «*Журнал Королевского статистического общества*» (*Journal of the Royal Statistical Society*) статью под названием «*Законы миграции*» (*Laws of Migration*) [7], в которой сформулировал законы, будучи первым учёным, сделавшим это, основываясь на результатах исследования британской переписи 1881 года. В своей знаменитой статье автор делает несколько основных обобщений, например, что экономические факторы являются основной причиной миграции, и что его цель — проследить эти миграционные потоки [7, р. 198]. Уроженцы городов менее мигрируют, чем выходцы из сельской местности, которые тяготеют к быстрорастущим городам, а образовавшиеся пробелы в сельской местности заполняются мигрантами из дальних регионов, резюмирует автор [7, р. 196, 199]. Среди его выводов есть вывод о том, что мигранты, путешествующие на большие расстояния, обычно предпочитают один из крупных центров торговли или промышленности [7, р. 199]. Что касается женской эмиграции, автор обнаружил, что женщины более мигрируют, чем мужчины. Они мигрируют в поисках работы, при этом уже не ищут работу только в качестве домашней прислуги, а мигрируют «в направлении больших городов и в производственные центры» [7, р. 198], «в надежде найти работу в магазины и фабрики» [7, р. 197], например, «в текстильной и подобных отраслях промышленности, где занято много женщин» [7, р. 198]. Мастерская — серьёзный соперник кухни, резюмирует Равенштейн³ [7, р. 196].

Однако в некоторых городах мужской труд более востребован, чем женский. Таковы, например,

³ «Женщина — большой мигрант, чем мужчина. Это может удивить тех, кто связывает женщин с домашней жизнью, но цифры переписи населения ясно доказывают это. Женщины мигрируют из сельской местности в города не только в поисках работы в качестве домашней прислуги, но также часто мигрируют в определенные производственные районы, и мастерская составляет большую конкуренцию кухне и судомойня при кухне» [7, Р. 196].

крупные центры добычи железа и угля металлургических заводов или угольных шахт, машиностроения и других отраслей промышленности, которые ведутся главным образом мужчинами [7 р. 197–198]. В поисках работы больше женщин покидают округ своего рождения, в то время как больше мужчин покидают страну своего рождения. Более того, миграции женщин в границах каждого округа происходят с соответствующей скоростью миграции мужчин, если не с большей скоростью [7, р. 197].

Другой выдающийся специалист в области теории миграции, Эверетт С. Ли (1917–2007), исследователь из Пенсильванского университета, США, писал в своей статье 1965 года «*Теория миграции*» (*A Theory of Migration*) [8], что Равенштейн вернулся в 1889 году к своим исследованиям законов миграции с 1885 года, добавив к ним новые исследования не только из Соединенного Королевства, но и из 20 стран. В той же статье Эверетт С. Ли добавляет, что статья Равенштейна «*Законы миграции*» «выдержала испытание временем и остается отправной точкой для работ по теории миграции» [8, р. 47].

«В какой-то степени миграция является частью обрядов перехода» — писал ещё Эверетт С. Ли [8, р. 57]. Согласно его теории миграции, «человек, однажды переселившийся и однажды нарушивший узы, которые связывают его с местом, где он провел своё детство, с большей вероятностью снова мигрирует, чем человек, который никогда ранее не мигрировавший» [8, р. 54]. Исследуя причины объёмов миграции, он делает ряд выводов, среди которых вывод, что «следует ожидать массовую иммиграцию в развитые страны, где иммиграция разрешена, а внутри таких стран высок уровень внутренней миграции» [8, р. 54].

Два из самых выдающихся современных итальянских учёных, исследователей истории иностранной иммиграции в Италии и итальянской эмиграции в Европу, Микеле Колуччи и Микеле Нани утверждают, что мобильность постоянно переопределяет лицо социальных групп как структурной точки зрения их количественной последовательности, так и с точки зрения их основных характеристик, таких как пол, профили поколений, а также в культурных и политических аспектах их субъективности [9]. И если опять исходить из того, что писал Равенштейн, а именно, что «миграция означает жизнь и прогресс» [10, Р. 288], то всегда будет миграция населения как часть жизни и как часть прогресса.

Некоторые тенденции трудовой миграции болгар в ЕС: предпосылки, причины, мотивы

После 1989 года миллионы жителей Восточной Европы начали переезжать в более крупные города в пределах своих стран или эмигрировать

за границу. Этот процесс не обошёл стороной Болгарию. Исторические события такие, как открытие границ после падения Берлинской стены в ночь с 9 на 10 ноября 1989 г. и вступление Болгарии в ЕС 1 января 2007 г., создали благоприятные предпосылки и условия для поиска новых экономических возможностей, в рамках которых двухмиллионная армия болгар предпочла жить и работать за пределами страны, как в ЕС, так и на других континентах, и их число постоянно пополняется новыми эмигрантами. Будучи членом ЕС, экономика которого в настоящее время является одной из трёх крупнейших экономик мира⁴, болгары также имеют доступ к рынкам труда ЕС, что, безусловно, даёт им более широкий выбор работы, причём более оплачиваемой, за пределами страны. Согласно переписи населения на 01.03.2001 г., Национальный статистический институт резюмирует⁵, что странами, которые болгарская эмиграция выбрала в качестве места назначения, были: Германия – 23 %, США – 19 %, Греция – 8 %, Испания – 8 %, Великобритания – 6 %, Италия – 6 %, Канада 5%, Франция – 4 % и другие. Для тех, кто хотел переехать жить в другую страну, наиболее предпочтительными направлениями были США (25 %); Германия (20 %); Испания, Канада и Великобритания (около 6–7 %), а когда миграция была связана с осуществлением трудовой деятельности (независимо от продолжительности), наиболее предпочтительной страной была Германия – 25 %. Другими странами, которые предпочитались в качестве направления для трудовой миграции и краткосрочной миграции, были США (для 15 % населения), Греция (11%), Испания (9 %), Великобритания (8 %), Италия (5 %) и другие.

Что же касается причин, определяющих сегодня трудовую мобильность болгар, то они не связаны с безработицей, потому что она в Болгарии низкая – административная статистика Агентства занятости сообщает о 4,7 % безработицы в декабре 2022 года. А причинами, которые в Болгарии спровоцировали трудовую миграцию во время пандемии, по крайней мере, когда это было возможно, были, например, сокращение штата во многих компаниях, закрытие многих малых и семейных предприятий из-за неплатежеспособнос-

ти аренды торговых и деловых помещений, невыплата заработной платы работникам, отсутствие рынка сбыта их продукции и т.д. Что касается зарплат в Болгарии, то они являются одной из важных причин трудовой миграции болгар в ЕС. Стоимость рабочей силы значительно различается между отдельными государствами-членами Европейского Союза (рисунок 1). Данные Евростата показывают, что в 2020 году средняя стоимость рабочей силы в час варьировалась от 6,6 евро в Болгарии до 47,7 евро в Люксембурге⁶. Болгария в 2020 году имела самые низкие почасовые затраты на рабочую силу.

В 2021 году почасовая стоимость рабочей силы в ЕС также сильно варьировалась: от самой низкой в Болгарии (7,0 евро в час) до самой высокой в Дании (46,9 евро в час)⁷.

Данные, опубликованные 28 января 2022 года статистическим агентством ЕС Евростат, показали, что 21 государство-член ЕС, в которых установлена национальная минимальная заработная плата, можно разделить на три основные группы в зависимости от её размера в евро (рисунок 2)⁸.

В первую группу входят 13 государств-членов, расположенных в восточной и южной частях ЕС, в которых минимальная заработная плата (до вычета любых налогов и взносов на социальное обеспечение) была ниже 1000 евро в месяц: Болгария (332 евро), Латвия (500 евро), Румыния (515 евро), Венгрия (542 евро), Хорватия (624 евро), Словакия (646 евро), Чехия (652 евро), Эстония (654 евро), Польша (655 евро), Литва (730 евро), Греция (774 евро), Мальта (792 евро), Португалия (823 евро).

Во вторую группу входят страны, где минимальная заработная плата колебалась чуть выше 1000 евро в месяц: Словения (1074 евро) и Испания (1126 евро).

Третья группа состоит из оставшихся шести государств, где минимальная заработная плата превышала 1500 евро в месяц: Франция (1603 евро), Германия (1621 евро), Бельгия (1658 евро), Нидерланды (1725 евро), Ирландия (1775 евро) и Люксембург (2257 евро).

⁶ Структурная статистика затрат на рабочую силу – уровни // Евростат: [сайт]. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Labour_cost_structural_statistics_-_levels (дата обращения: 28.12.2022).

⁷ Средняя почасовая стоимость рабочей силы в Европейском Союзе в 2021 г. по странам (в евро) // Статиста: [сайт]. URL: <https://www.statista.com/statistics/1211601/hourly-labor-cost-in-europe/> (дата обращения: 28.12.2022).

⁸ Уже в сети: первые данные о минимальной заработной плате в ЕС за 2022 год // Евростат: [сайт]. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/web/products-eurostat-news/-/ddn-20220128-2> (дата обращения: 28.12.2022).

⁴ GDP (current US\$) – European Union // The World Bank: [website]. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD?locations=EU> (дата обращения: 07.02.2023). Largest Economies in the World // The Balance: [website]. URL: <https://www.thebalancemoney.com/world-s-largest-economy-3306044> (дата обращения: 07.02.2023).

⁵ Внутренняя и внешняя миграция населения Болгарии (результаты репрезентативного исследования). URL: <https://www.nsi.bg/Census/Vivmigr.htm> (дата обращения: 09.02.2023).

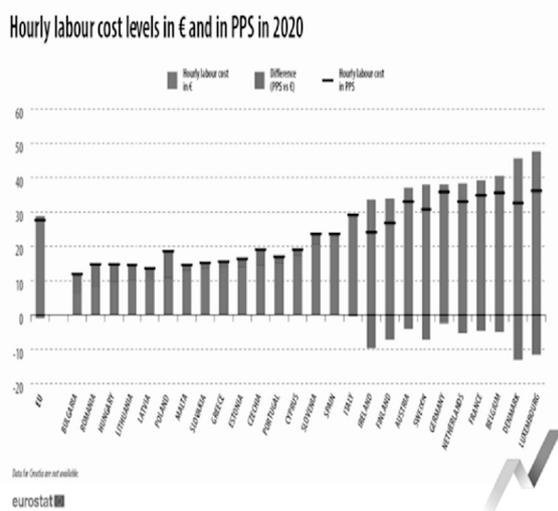

Рисунок 1. Почасовая стоимость труда в евро по ППС в 2020 г.

Figure 1. Hourly Labor Cost in Euros by PPP in 2020

Источник: Евростат.

Рисунок 2. Минимальные зарплаты в Европе, 2022 г.

Figure 2. Minimum Wages in Europe, 2022

Источник: Евростат.

На рисунке 2 показано, что Болгария не только входит в группу из 12 стран-членов ЕС, где минимальная заработная плата ниже 1000 евро в месяц, но также является страной с самой низкой минимальной заработной платой в группе. Более того, в группе из 21 страны ЕС самая высокая минимальная заработная плата в Люксембурге (2257 евро) почти в семь раз выше, чем самая низкая в Болгарии (332 евро). Хотя приведённые выше данные показывают, что в январе 2022 года больше всего можно заработать в Люксембурге, а меньше всего в Болгарии, следует уточнить, что 6 стран ЕС не ввели минимальную заработную плату в 2022 г., поэтому они не включены в эту группировку⁹. Что касается минимальной заработной платы в странах-членах ЕС, то, опять же по данным Евростата, в июле 2022 года она колебалась от 363 евро в месяц в Болгарии до 2313 евро в месяц в Люксембурге. В середине 2022 года произошло повышение минимальной заработной платы в Болгарии – с 332 евро в январе 2022 года до 363 евро в июле 2022 года (рисунок 3). Однако в любом случае страна вновь остаётся последней в рейтинге по уровню минимальной заработной платы в группе стран-членов ЕС.

Стремление к более высокой оплате труда, безусловно, является ведущим мотивом трудовой мобильности и миграции за границу, но есть и другие движущие мотивы. Как уже упоминалось выше, в период с 2019 по 2022 год автор статьи провела

⁹ Minimum wages 2022 in the EU // The Migration Bureau: [сайт]. URL: <https://themigrationbureau.com/2022/05/31/minimum-wages-2022-in-the-eu/> (дата обращения: 28.12.2022).

интервью о причинах и мотивах трудовой мобильности с 50 болгарскими трудовыми мигрантами в ЕС и на основе результатов и вытекающих из них выводов сформировала классификацию четырёх условных основных группы мигрантов, при этом каждая группа имеет свой характерный профиль.

К **первой условной группе** относятся мобильные работники или мигранты, которые осуществляют трудовую мобильность или эмиграцию по необходимости, в связи с отсутствием возможностей трудоустройства на родине или в связи с низким уровнем заработных плат на родине и/или плохими условиями наёмного труда. Некоторые из этих мигрантов находятся в трудоспособном возрасте, а другие являются пенсионерами. Они являлись на родине либо безработными, либо трудоустроенными без трудового договора, либо работающими по гражданско-правовому договору без выплаты социального и медицинского страхования. Они получали там низкую заработную плату, часто за низкоквалифицированный труд, поэтому не могли обеспечить себя и свою семью, погасить банковские или ипотечные кредиты, если такие имеются. В эту условную первую группу входят работающие за границей не только мужчины, выполняющие физическую работу, часто тяжёлую, например водители грузовиков или строители, но и женщины, например, няни или сиделки, ухаживающие за больными людьми в частных домах за границей. Няни в основном находятся в трудоспособном возрасте, а сиделки чаще всего пенсионеры, часто работающие без трудового договора.

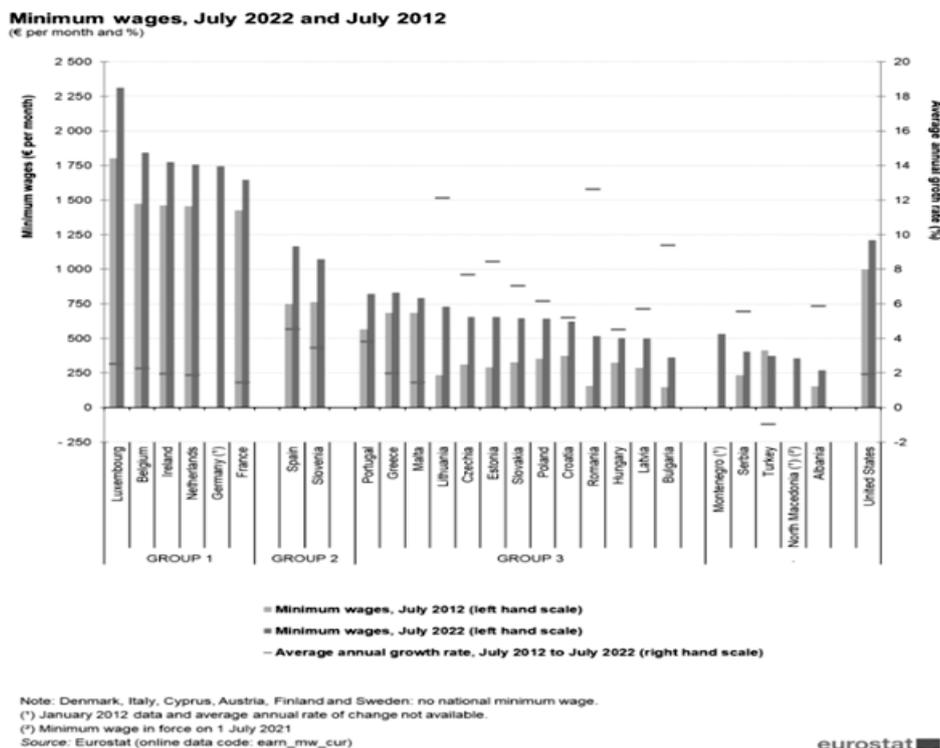

Рисунок 3. Минимальная заработная плата, июль 2022 г. и июль 2012 г. (евро в месяц и %)
 Figure 3. Minimum Wage, July 2022, and July 2012 (Euro per Month and %)

Источник: Евростат.

Во вторую условную группу входят мобильные работники и мигранты, для которых эмиграция является результатом осознанного выбора, поиска лучших возможностей для трудовых отношений за границей, для профессионального развития и карьерного роста. Все они трудоспособного возраста, пенсионеров среди них нет. Эти мигранты не являются безработными у себя на родине, а если они безработные, то это их личный выбор, а не отсутствие возможностей трудоустройства – они ищут лучшие возможности для работы. У них либо высшее образование, либо хорошее среднее специальное образование, либо профессиональная квалификация, а иногда всё это вместе. Представители этой условной группы обычно выбирали работу за границей, чтобы иметь более высокое вознаграждение за труд, чем они получали бы на родине, но это не единственный фактор. Их решение о трудовой мобильности и миграции было связано и с другими, дополнительными факторами, например, с более благоприятной и поддерживающей профессиональной средой, в которой мигрант чувствует себя принятым и оцененным, новым профессиональным коллективом и толерантным обществом. В случае с высококвалифицированными мигрантами, которые во многих случаях имеют не одно высшее образование, владеют иностранными языками и уже имеют некоторый накопленный

профессиональный опыт на родине, выбор в пользу мобильности или миграции основывается, помимо перечисленных выше причин, на том, что это даёт возможности профессионального роста, возможность получить ценный профессиональный опыт, работать вместе с ведущими специалистами, с новыми технологиями и т.д. Представители этой группы с высшим образованием предпочитают и имеют работу за границей по трудовому договору, с оплачиваемым социальным и медицинским страхованием.

Третья условная группа мигрантов – это болгары, получившие высшее образование за границей, обычно ранее окончившие элитные школы в Болгарии, свободно владеющие иностранными языками. После окончания учёбы в университете они сразу остаются работать за границей, уже ознакомившись с культурой, менталитетом, обычаями, законами, условиями работы в стране пребывания, решив, что эмиграция даёт им больше преимуществ и возможностей для профессиональной реализации, чем работа на родине. Представителями этой группы являются либо молодые люди, либо люди среднего возраста, не являющиеся мобильными работниками, а мигрантами, осевшими на постоянное жительство за границей или намеревающиеся поселиться там на постоянное жительство.

Есть ещё **четвёртая условная группа**. Мигрантов в ней нет, только мобильные работники, причём сезонные, – женщины, работающие за границей в сельском хозяйстве, и мужчины, работающие в строительстве. Их цель – за счёт сезонной работы в ЕС покрыть какие-то небольшие банковские кредиты, или вернуть кредиты на родину, или обеспечить определённую сумму денег на расходы в течение нескольких месяцев на родине. В эту группу также входят студенты, но не за границей, а студенты в Болгарии. Во время летних каникул они выбирали работу за границей на несколько месяцев, обычно в сфере туризма и развлечений, чтобы финансово поддержать своё обучение в университете в Болгарии. Эта трудовая студенческая мобильность обычно организуется компаниями в Болгарии в форме международных студенческих бригад.

Конечно, вероятно, можно выделить и другие условные группы мигрантов, с большим количеством дополнительных профилей и мотивов трудовой мобильности и миграции. Что же касается данной классификации из четырёх условных групп, то в неё вошли только мобильные работники и мигранты, опрошенные автором статьи.

Последствия трудовой миграции болгар в ЕС. Трудовая миграция как возможность

Трудовая миграция и мобильность болгар, работающих в ЕС, имеет положительный экономический эффект. С одной стороны, для самих мигрантов – для некоторых из них трудовая мобильность предоставляет возможность справиться с безработицей. Для других из них мобильность рабочей силы связана с возможностью получения более высокого вознаграждения в принимающих странах, достижением социальной стабильности, приобретением нового профессионального и социального опыта. Трудовая мобильность и миграция является преимуществом для мигрантов, поскольку это решение проблемы, связанной с безработицей в Болгарии. Мигранты могут заработать определённую сумму денег, которую могут использовать для своих самых неотложных бытовых нужд, для денежных переводов своим семьям на родину, для оплаты кредитных платежей, для финансовой поддержки своих родителей, особенно, если они нуждаются в медицинской помощи, лечении, а также как инвестиции в образование своих детей. Таким образом, благодаря трудовой миграции мигранты получают более высокую заработную плату в принимающей стране, социальную защиту и международный профессиональный и социальный опыт. Для высокообразованных болгар эмиграция создаёт хорошие шансы на эффективное использование их знаний и навыков в принимающей стране, а также на возврат их

инвестиций в образование и профессиональную подготовку в Болгарии.

Трудовая миграция также является огромным преимуществом для страны происхождения мигрантов из-за денежных переводов, которые могут помочь их родственникам в Болгарии или создать условия для небольших инвестиций в местах их происхождения, тем самым способствуя развитию и экономическому росту Болгарии. Эти денежные переводы оказывают сильное положительное влияние на сокращение бедности в Болгарии. Они особенно полезны для семей из менее экономически развитых регионов Болгарии, где есть высокий уровень безработицы. Денежные переводы болгар, работающих за границей, расходуются их семьями и родственниками в Болгарии на домашнее хозяйство – для заполнения пробелов в семейном бюджете, на текущие расходы, здравоохранение, образование, погашение долга, погашение кредита, открытие небольшого семейного бизнеса. Они также используются в качестве инвестиций в различных секторах, таких как туризм и торговля, или в качестве гарантии банковского кредита для деловых целей. Трудовая миграция болгар, работающих в ЕС, имеет положительный экономический эффект для болгарского государства и из-за передачи навыков и знаний, приобретённых мигрантами в принимающей стране.

Проблемные аспекты трудовой миграции

Одной из серьёзных проблем, стоящих перед Болгарией в последние десятилетия, является демографическая проблема. Среди основных причин убыли населения в Болгарии есть причина, связанная с естественным приростом населения. По данным Национального статистического института (НСИ), в 2021 году естественный прирост в стране был отрицательный: – 90 317 человек при коэффициенте естественного прироста – 13,2 %¹⁰.

Депопуляция является серьёзной проблемой для страны. Она вызвана демографическими процессами, связанными с естественной сменой поколений, а также миграционными перемещениями, которые актуальны для Болгарии в последние десятилетия (рисунки 4 и 5). Убыль населения является устойчивой тенденцией с начала 1991 года. С 7 сентября по 10 октября 2021 года в Болгарии прошла 18-я перепись населения и жилого фонда в стране. Согласно полученной оценке, численность населения страны на 7 сентября 2021 года

¹⁰ Население и демографски прогнози, Население // РЕПУБЛИКА БЪЛГАРИЯ, Национален статистически Институт: [сайт]. URL: <https://www.nsi.bg/bg/content/2989/естествен-прираст-на-1-000-души-от-населението-по-статистически-райони-области-и-местоживее-не> (дата обращения: 11.02.2023).

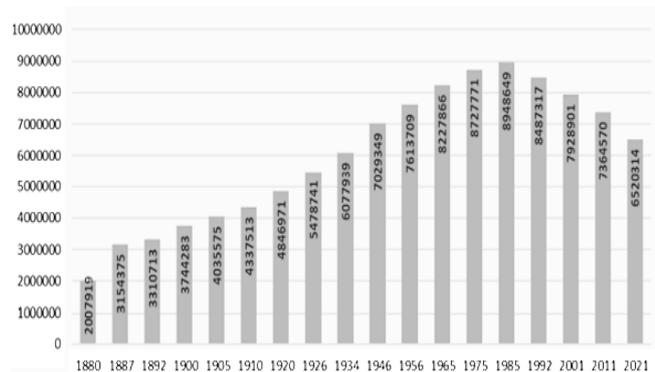

Рисунок 4. Численность населения Болгарии по данным переписей

Figure 4. Population of Bulgaria According to Census Data

Источник: Национальный институт статистики.

Рисунок 5. Численность населения по годам переписи за период 1900–2011 гг.

Figure 5. Population by Census Years for the Period 1900–2011

Источник: Национальный статистический институт Болгарии. URL: <https://census2021.bg/> (дата обращения: 28.12.2022).

составляет 6 520 314 человек¹¹. По данным Национального института статистики, сокращение численности населения наблюдалось в ходе последних четырёх переписей (1992, 2001, 2011, 2021), причём текущая убыль населения была самой крупной по переписи 2021 г. – на 844 тыс. человек, или на 11,5 % по сравнению с 2011 г. Для сравнения, за 10 лет до переписи 2021 года в 2011 году население страны составляло 7 364 570 человек. И например, в начале 1990-х годов (перепись 1992 года), когда миграция и трудовая мобильность были уже возможны, население Болгарии составляло 8 487 317 человек.

Как видно, трудовая миграция даёт не только возможности, но и ставит серьёзные проблемы. Масштабная миграция болгарского населения за последние 30 лет привела к сокращению численности населения Болгарии и оказала глубокое воздействие на страну и её экономику. Как следствие, Болгария переживает демографический кризис как самая депопуляционная страна в Европе. Такие неблагоприятные долгосрочные демографические тенденции приводят к негативным последствиям, сказывающимся на размерах и составе семей. В результате продолжающейся с 1990 года волны эмиграции Болгария также сталкивается с такими проблемами, как замедление экономического роста, сокращение численности трудоспособного населения, и утечка мозгов. Для болгарского государства эмиграция высокообразованных и квалифицированных людей является потерей, что вызыва-

ет необходимость в импорте рабочей силы для многих отраслей. Таким образом, совсем не удивительно, что Болгария в ближайшие десять лет превратится из отправляющей страны в принимающую страну для миграции.

Процесс миграции следует рассматривать не только с точки зрения рынка труда, но и в социокультурном контексте, потому что каждый мигрант привносит свой социокультурный фон со своей родины и встречается с другой социокультурной средой в принимающей стране. Вопросы, касающиеся культуры и цивилизации, например, «*Какие культурные и социальные ценности «привозят» мигранты в принимающие страны?*» требуют большего внимания общественности. Трудовая миграция может быть невыгодной для мигрантов из-за ассимиляции, потери или изменения своей идентичности в принимающей стране. Учитывая это, важно обсудить, какая будет миграционная политика принимающей страны в отношении трудовых мигрантов, которые выберут эти страны в качестве своего будущего дома. Очень важный вопрос, на который нужно ответить: «*Какие государственные механизмы будут функционировать в принимающей стране для интеграции в принимающее общество или для ассимиляции?*» Другой очень важный вопрос: «*Сохранят ли мигранты свою идентичность или примут новую идентичность, связанную с культурой принимающей страны?*» [11]. Проблема миграции включает в себя множество вопросов, ожидающих адекватных ответов и дальновидной государственной политики по решению этих социальных проблем. Следует сместить акцент с негативных последствий трудовой миграции на

¹¹ Перепись 2021 // Национальный статистический институт Болгарии: [сайт]. URL: https://www.nsi.bg/sites/default/files/files/pressreleases/Census2021_predvaritelna_ocenka.pdf (дата обращения: 28.12.2022).

поиск более эффективных государственных механизмов для устранения её причин. А возможности самореализации как для низкоквалифицированных, так и для высококвалифицированных рабочих на рынке труда в принимающей стране зависят от миграционной политики принимающей и направляющей страны, а также от исторических и современных международных отношений между принимающей и направляющей страной.

**Трудовая миграция и пандемия.
Пандемия как фактор, ограничивающий
возможность трудовой миграции группы
условных мигрантов**

Пандемия COVID-19 является беспрецедентным вызовом для обществ во всём мире – она унесла миллионы жизней и вызвала тяжёлые негативные последствия как в сфере здравоохранения, так и во многих других сферах, включая социальную, экономическую и политическую. Пандемия также привела к радикальным преобразованиям, связанным с введением новых условий труда. Цифровизация рабочих процессов, удалённая форма занятости, домашний офис, онлайн-встречи, видеосеминары и конференции, дифференцированный режим рабочего времени – эти новые формы работы, которых требовала эпидемиологическая ситуация в 2020 и 2021 годах, остались в силе во многих административных учреждениях и компаниях и в 2022 году. Пандемия представляла в первую очередь угрозу для здоровья и жизни населения во всех странах мира, но также и финансовую угрозу для трудовых мигрантов, потерявших работу из-за пандемии. На основе интервью в 2019–2022, в том числе в 2020–2021 годах с представителями вышеупомянутых четырёх групп условных мигрантов, автор статьи наблюдала несколько тенденций и факторов, приведших к ограничению трудовой мобильности в ЕС в период пандемии.

Первый фактор с точки зрения ограничения трудовой мобильности связан со страной отправления, т.е. страной происхождения мигранта. Нестабильный рынок труда во многих странах Европейского Союза во время пандемии характеризовался ограниченными возможностями трудоустройства, нехваткой доступных рабочих мест и не очень хорошими перспективами трудоустройства. Пандемия вынудила некоторых мобильных работников или мигрантов вернуться на родину, где они были вынуждены пересматривать свои перспективы трудоустройства, ждать окончания пандемии, когда снова смогут работать в принимающих странах или искать работу на родине, пусть и менее оплачиваемую, чем за границей, но дома и гарантирующую не-

который доход. Были отмечены некоторые сложности, например, уравнивание медицинского страхования в принимающей и отправляющей странах – это занимало много времени и было связано со многими административными вопросами. И пока эти административные вопросы между принимающей и направляющей странами выяснялись, возвращающиеся мигранты без медицинской страховки во время пандемии подвергались риску.

Второй фактор связан с коронавирусом. Многие из опрошенных мигрантов и мобильных работников пострадали от ковида, поэтому не смогли выйти на рынок труда. Мигранты, особенно на низкооплачиваемых и нестандартных работах, были более уязвимы для распространения COVID-19 [12]. Многие мобильные работники из Болгарии до и во время пандемии ковида были заняты в низкоквалифицированных, но базовых профессиях, таких как няни, медицинские работники, уход за больными и пожилыми, водители, транспортные и складские рабочие, работники пищевой промышленности и сельского хозяйства, а также в неформальном секторе. Это – мобильные работники, работающие за границей в силу нужды, под давлением безработицы или низких доходов на родине, попадающие в одну из описанных выше групп условных мигрантов. Пандемия выявила сильную зависимость стран ЕС от таких низкоквалифицированных трудовых мигрантов, например, для сбора сезонных фруктов и овощей и т. д. Соответственно, их отсутствие на рынке труда за рубежом из-за пандемии во многих случаях не восполнялось местными работниками, которые ещё до пандемии отказывались браться за низкоквалифицированную и низкооплачиваемую работу, и эту нишу занимали мигранты. Такую работу невозможно сделать из дома, удалённо или в цифровом формате, как это было возможно среди административных работников во время пандемии в 2020 и 2021 годах. Эта работа связана с ручным трудом и требует присутствия на рабочем месте за границей. Кроме того, сезонные рабочие-мигранты в принимающих странах ЕС часто получают более низкую заработную плату, чем местные работники, и бывают случаи, когда они уязвимы и зависят от своих работодателей, когда работают на них без трудовых договоров, в плохих условиях и без доступа к медицинским услугам, без медицинской страховки, что ставит под угрозу их жизнь, особенно во время пандемии. Физическая и моральная цена, которую они платят за материальные блага, иногда была слишком высока, и не компенсировала вышеуказанные преимущества временной занятости. По причине того, что мобильным работникам не разрешали

работать за границей из-за ковида, на рынке труда возникла определённая степень «мобильной бедности».

Эту «мобильную бедность» предопределил и третий фактор – ограничения работы во время ковида в стране пребывания. Этот фактор относится к ограничительным мерам во многих странах ЕС в отношении режима въезда и пребывания иностранцев, в том числе мобильных работников. К этим ограничительным мерам относилось также наличие тестов на антигены, справок о прививках и т. д., что было абсолютно разумно в контексте сохранения здоровья населения. Однако мобильные работники, которые не имели нужных документов, не могли выезжать за границу и проживать там в соответствии с трудовым законодательством или не могли работать в определённых областях. Такой сферой деятельности является, например, сфера туризма, в которой строго соблюдались санитарные меры как по отношению к туристам, так и по отношению к рабочему персоналу. Другими словами, во время пандемии уровень мобильности четырёх условных групп трудовых мигрантов снизился, в том числе из-за соображений здоровья и антикризисных мер. К третьему фактору можно добавить также то, что пандемия обострила вопрос о медицинском страховании мигрантов в принимающих странах. При высокой степени неопределённости и неформальности на рынке труда здоровью трудящихся-мигрантов нередко угрожало их неустойчивое социально-экономическое положение, отсутствие трудовых договоров и, как следствие, отсутствие медицинской страховки у людей, работающих неполный рабочий день, или на основании гражданско-правового договора, а также у лиц, работающих в сером секторе.

Четвёртая проблема не связана с причинами ограничения миграции во время ковида, а является её следствием и касается отсутствия доходов у мигрантов. Мигрант не мог реализовать своё право на работу по любой из следующих причин: он или был болен ковидом, или переболел ковидом, или находился в постковидном периоде и выздоравливал, что соответственно не позволяло ему быть на рынке труда и снижало его доход, либо вообще лишало его дохода.

Пятая проблема, с которой столкнулись опрошенные болгарские мигранты в Евросоюзе во время пандемии, также является не причиной, а следствием и касается сокращения денежных переводов. Отсутствие работы у мигранта, соответственно, сокращение его занятости по уже перечисленным причинам, приводит к ограничению возможности отправки денежных переводов его родственникам на родине. Некоторые

из опрошенных автором статьи работников даже поделились, что во время пандемии роли между ними и их родственниками на родине поменялись местами. Вместо того, чтобы мигранты отправляли денежные переводы своим родственникам на родину, их родственники присылали им средства, чтобы мигранты могли покрыть финансовые расходы на борьбу с болезнью или компенсировать отсутствие трудовых доходов в результате ковидной безработицы.

Заключение

Масштабная волна трудовой мобильности и миграции болгар, связанная с разъездами, работой, учёбой и проживанием, где они хотят, не случилась бы без наличия политических предпосылок с конца 1989 г., а позднее, и без членства Болгарии в ЕС с 2007 г. После того как Болгария стала членом ЕС 1 января 2007 года, работающие болгары стали полагаться не только на местные рынки труда, а обратили своё внимание на более широкие возможности трудоустройства, связанные с более высокими денежными вознаграждениями, социальным обеспечением, профессиональным развитием и ростом, благоприятной профессиональной средой. Именно более высокое вознаграждение за труд, предлагаемое им на рынке труда в ЕС, является основной причиной трудовой мобильности и миграции, так как Болгария является страной в ЕС, имеющей самую низкую почасовую ставку затрат на рабочую силу и самую низкую минимальную месячную заработную плату.

Заработная плата болгар в результате их работы в качестве мобильных работников или мигрантов в ЕС, используется каждым из них по-разному – для поддержания более высокого уровня жизни, для личных инвестиций в недвижимость или бизнес, инвестирование в образование детей, финансовую помощь престарелым или больным родителям, для погашения банковских кредитов и займов, и т.д. Денежные переводы, которые они отправляют своим родственникам на родину, также положительно сказываются на стране происхождения эмигрантов. Эти средства будут потрачены на родине мигранта, и с этой точки зрения они являются долгожданной финансовой инъекцией как для тысяч болгарских семей, так и для болгарской экономики, но их недостаточно для устойчивого экономического роста в стране. Местные и иностранные инвестиции также необходимы для создания рабочих мест, ответственность за которые, естественно, лежит на болгарском правительстве, а не на мигрантах. Выгоды от регулируемой трудовой эмиграции взаимны, поскольку они способствуют развитию отправки

и приёма мигрантов, а также способствуют улучшению материальной жизни мигрантов.

Помимо возможностей, трудовая миграция также представляет собой проблему, особенно для страны происхождения, с точки зрения убыли населения, демографического кризиса и утечки мозгов. Поэтому явление миграции следует анализировать не односторонне, а с учётом как возможностей, так и рисков или последствий, как для отправляющих и принимающих стран, так и для самих мигрантов.

Миграция как явление может быть рассмотрена не только через призму экономики, но и через призму антропологии, этнографии, междисциплинарных исследований, поскольку это состояние переживается ментально в процессе и в результате миграции индивидуально каждым мигрантом [13]. В этом смысле миграция связана не только с социальными, но и с эмоциональными издержками. Эмоциональную цену миграции сложно измерить. Мигрант находится далеко от дома, семьи, детей, родственников, друзей и родной страны. Семья мигранта, остающаяся на родине, страдает от физической и эмоциональной потери мигранта. Отсутствие мигранта в семье материально компенсируется денежными переводами, отправляемыми мигрантом, которые во многих случаях имеют жизненно важное значение для материального выживания разлучённой семьи.

Что касается пандемии COVID-19, она и спровоцированные ею экономические кризисы изменили ландшафт трудовой миграции и рынок труда [1]. Пандемия резко сократила международную трудовую миграцию и определённо повлияла на количество рабочих-мигрантов и потоки денежных переводов, сократив и то и другое. Кроме того, нередко были случаи, когда из-за плохих условий труда, предоставляемых работодателями, работники, особенно сезонные, становились жертвами пандемии. В силу этого рекомендуется обеспечить равные условия труда и равную оплату для мигрантов и местных работников. Не менее важно в форс-мажорных обстоятельствах, таких как пандемия, чтобы работодатели обеспечивали мобильных работников защитой жилья, а также социальным и медицинским страхованием, так как последнее имеет жизненно важное значение для сохранения здоровья и жизни.

Вероятно, рынки труда сильно изменятся после пандемии не только из-за новых факторов, таких как COVID-19, но и из-за влияния ранее существовавших допандемических факторов на эти новые факторы, и «мир после COVID будет во многом продолжением, а не возвратом к нашей жизни до пандемии» [14].

Список литературы

1. Long J., Ferrie J. "Labour Mobility" Oxford Encyclopedia of Economic History. 2006. URL: <https://faculty.wcas.northwestern.edu/fe2r/papers/Labour%20Mobility.pdf> (дата обращения: 22.02.2023).
2. Bentley L. Educating Women: A Pictorial History of Bedford College University of London 1849–1985. Surrey: Alma Publishers in conjunction with Royal Holloway and Bedford New College University of London. 1991. URL: <http://www.apgrd.ox.ac.uk/productions/sources/1218> (дата обращения: 22.02.2023).
3. Victoria Medal, Society medals and awards, Royal Geographical Society. URL: <https://www.rgs.org/about/medals,-awards-and-prizes/medals-award/> (дата обращения: 22.02.2023).
4. Bederman S.H. The Royal Geographical Society, E.G. Ravenstein, and "A Map of Eastern Equatorial Africa": 1877–1883 // *Imago Mundi*. 1992. Vol. 44. P. 106–119. Published By: Imago Mundi, Ltd. URL: <https://www.jstor.org/stable/1151233> (дата обращения: 22.02.2023).
5. Ravenstein E.G. The Russians on the Amur. London: Trübner and co. 1861. URL: <https://archive.org/details/russiansonamuri00ravegoog> (дата обращения: 22.02.2023).
6. Ravenstein E.G. A Journal of the First Voyage of Vasco da Gama, 1497–1499. Cambridge University Press. 2010. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511708480>
7. Ravenstein E.G. The Laws of Migration // *Journal of the Statistical Society of London*. 1885. Vol. 48. No. 2. P. 167–235. <https://rss.onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/j.2397-2335.1889.tb00043.x>
8. Lee E.S. A Theory of Migration // *Demography*. 1966. Vol. 3, No. 1. P. 47–57. <https://doi.org/10.2307/2060063>
9. Colucci M., Nani M. Lavoro Mobile: Migranti, Organizzazioni, Conflitti (XVIII–XX Secolo). SISLav, Società Italiana di Storia del Lavoro, Introduzione, New Digital Frontiers. Palermo, Italy, 2015, 201 p.
10. Ravenstein E.G. The Laws of Migration // *Journal of the Royal Statistical Society*. 1889. Vol. 52. No. 2. P. 241–305.
11. Savova R. Costs of Bulgarian Labour Migration and Labour Mobility: Challenges and Opportunities // *Journal of Frontier Studies*. 2019. No. 4.2. P. 410–430. <https://doi.org/10.24411/2500-0225-2019-10043>
12. Savova R. Economic and Social Consequences of the COVID-19 Pandemic in Bulgaria // *Transformations of Regional and Local Labour Markets Across Europe in Pandemic and Post-Pandemic Times*. 2021. P. 129–146. Nomos, Baden-Baden, Germany. <https://doi.org/10.5771/9783957104007-129>
13. Savova R. Migration: Condition of Frontier as it is // *Journal of Frontier Studies*. 2021. Vol. 6. No. 2. P. 10–15. URL: <https://doi.org/10.46539/jfs.v6i2>

14. Gromyko A.A. The Pandemic and the Crisis of the Global World // *Philosophical Aspects of Globalization: A Multidisciplinary Inquiry*. Series: Contemporary Russian Philosophy. Vol. 2. P. 110–123. https://doi.org/10.1163/9789004516007_009

Информация об авторе:

Ралица Савова – кандидат экономических и социологических наук, исследователь, университет Печ, Венгрия; официальный представитель в Центральной и Восточной Европе европейского культурного маршрута «Дороги лонгобардов по Европе», Чивидале-дель-Фриули, Италия

(e-mail: Ralitsa.Savova@tk.hu) (MTMT:<https://m2.mtmt.hu/gui2/?type=authors&mode=browse&sel=authors10057657&paging=1;20>)

(Semantic Scholar: 147969228)

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Статья поступила в редакцию 19.12.2022; одобрена после рецензирования 24.03.2023; принята к публикации 16.05.2023.

References

1. Long J., Ferrie J. “Labour Mobility” *Oxford Encyclopedia of Economic History*. 2006. URL: <https://faculty.wcas.northwestern.edu/fe2r/papers/Labour%20Mobility.pdf> (accessed: 22.02.2023).
2. Bentley L. *Educating Women: A Pictorial History of Bedford College University of London 1849-1985*. Surrey: Alma Publishers in conjunction with Royal Holloway and Bedford New College University of London. 1991. URL: <http://www.apgrd.ox.ac.uk/productions/sources/1218> (accessed: 22.02.2023).
3. Victoria Medal, Society medals and awards, Royal Geographical Society. URL: <https://www.rgs.org/about/medals,-awards-and-prizes/medals-award/> (accessed: 22.02.2023).
4. Bederman S.H. The Royal Geographical Society, E.G. Ravenstein, and "A Map of Eastern Equatorial Africa": 1877–1883. *Imago Mundi*. 1992. Vol. 44. P. 106–119. Published By: *Imago Mundi*, Ltd. URL: <https://www.jstor.org/stable/1151233> (accessed: 22.02.2023).
5. Ravenstein E.G. The Russians on the Amur. London: Trübner and co. 1861. URL: <https://archive.org/details/russiansonamuri00ravegoog> (accessed: 22.02.2023).
6. Ravenstein E.G. *A Journal of the First Voyage of Vasco da Gama, 1497–1499*. Cambridge University Press. 2010. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511708480>
7. Ravenstein E.G. The Laws of Migration. *Journal of the Statistical Society of London*. 1885. Vol. 48. No. 2. P. 167–235. <https://rsl.onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/j.2397-2335.1889.tb00043.x>
8. Lee E.S. A Theory of Migration. *Demography*. 1966. Vol. 3, No. 1. P. 47–57. <https://doi.org/10.2307/2060063>
9. Colucci M., Nani M. Lavoro Mobile: Migranti, Organizzazioni, Conflitti (XVIII-XX Secolo). SISLav, Società Italiana di Storia del Lavoro, Introduzione, New Digital Frontiers. Palermo, Italy, 2015, 201 p.
10. Ravenstein E.G. The Laws of Migration. *Journal of the Royal Statistical Society*. 1889. Vol. 52. No. 2. P. 241–305.
11. Savova R. Costs of Bulgarian Labour Migration and Labour Mobility: Challenges and Opportunities. *Journal of Frontier Studies*. 2019. No. 4.2. P. 410–430. <https://doi.org/10.24411/2500-0225-2019-10043>
12. Savova R. Economic and Social Consequences of the COVID-19 Pandemic in Bulgaria. *Transformations of Regional and Local Labour Markets Across Europe in Pandemic and Post-Pandemic Times*. 2021. P. 129–146. Nomos, Baden-Baden, Germany. <https://doi.org/10.5771/9783957104007-129>
13. Savova R. Migration: Condition of Frontier as it is. *Journal of Frontier Studies*. 2021. Vol. 6. No. 2. P. 10–15. URL: <https://doi.org/10.46539/jfs.v6i2>
14. Gromyko A.A. The Pandemic and the Crisis of the Global World. *Philosophical Aspects of Globalization: A Multidisciplinary Inquiry*. Series: Contemporary Russian Philosophy. Vol. 2. P. 110–123. https://doi.org/10.1163/9789004516007_009

Information about the author:

Ralitsa Savova – PhD Candidate, Researcher, Pécs University; Pécs, Hungary; Official Representative for Central and Eastern Europe of the European Cultural Route “Longobard Ways across Europe”, Cividale del Friuli, Italy

(e-mail: Ralitsa.Savova@tk.hu) (MTMT:<https://m2.mtmt.hu/gui2/?type=authors&mode=browse&sel=authors10057657&paging=1;20>)

(ResearcherID: <https://researchid.co/rid40783>) (Semantic Scholar: 147969228)

The author declares no conflicts of interests.

The article was submitted 19.12.2022; approved after reviewing 24.03.2023; accepted for publication 16.05.2023.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Оригинальная статья

УДК 316.334.2

DOI: 10.52180/1999-9836_2023_19_2_10_272_283

EDN: PWYLQC

Доверие студенческой молодёжи к транспортной экономике совместного потребления

Яна Сергеевна Иванова¹, Валерия Павловна Антонюк², Александр Георгиевич Тюриков³

^{1,2,3} Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия

¹ (YaSivanova@fa.ru), (ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8740-7169>)

² (VPAntonyuk@fa.ru), (ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5258-4007>)

³ (AGTyurikov@fa.ru), (ORCID: <https://orcid.org/0000000183889543>)

Аннотация

Статья раскрывает основные результаты авторского социологического исследования оценки формирования доверия московских студентов к транспортной шеринг-экономике (каршерингу, велошерингу, кикшерингу и райдшерингу). Феномен доверия – явление не новое в социологии и экономике, но недостаточно изученное в развивающихся экономических отношениях совместного потребления. Это обуславливает актуальность проведённого исследования вследствие растущей популярности данного типа экономики в повседневной жизни. Доверие в шеринг-экономике играет важную роль, ведь без него не мыслимы конструктивные и плодотворные общественные отношения. Результаты проведённого исследования свидетельствуют о том, что институт доверия сегодня находится на начальных стадиях формирования и развития, а, значит, не позволяет экономике совместного потребления добиваться должного прогресса и эффективности. Опрошенные московские студенты показали низкую удовлетворённость услугами райдшеринга; к тому же, этот вид услуг оказался наименее популярным среди остальных. Также было отмечено, что многие студенты не проявляют должного внимания к нормативной стороне пользования шеринг-услугами, что очень важно, ведь нормативная составляющая является одной из ключевых при определении развитости того или иного социального института. На основании анализа материала, полученного при проведении со студентами фокус-групп, авторами статьи сформулированы рекомендации и меры по формированию институционального доверия в транспортной экономике совместного потребления по 4 направлениям: рекомендации по улучшению инфраструктуры и сервиса, рекомендации по работе с постоянными клиентами, рекомендации по ведению маркетинговой деятельности и рекомендации по повышению безопасности и кибербезопасности пользователей.

Ключевые слова: доверие, студенты, молодёжь, экономика совместного потребления, институт доверия, каршеринг, велошеринг, кикшеринг, райдшеринг

Благодарности: статья подготовлена по результатам научных исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.

Для цитирования: Антонюк В.П., Иванова Я.С., Тюриков А.Г. Институт доверия студенческой молодежи в транспортной sharing-экономике // Уровень жизни населения регионов России. 2023. Том 19. №2. С. 272–283. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_2_10_272_283; EDN PWYLQC

RAR (Research Article Report)

DOI: 10.52180/1999-9836_2023_19_2_10_272_283

EDN: PWYLQC

Student Youth Trust in The Transport Sharing Economy

Yana S. Ivanova¹, Valeriya P. Antonyuk², Aleksandr G. Tyurikov³

^{1,2,3} Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

¹ (YaSivanova@fa.ru), (ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8740-7169>)

² (VPAntonyuk@fa.ru), (ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5258-4007>)

³ (AGTyurikov@fa.ru), (ORCID: <https://orcid.org/0000000183889543>)

Abstract

The article reveals the main results of the author's sociological study of assessing the formation of Moscow students' trust in the transport sharing economy (carsharing, bike sharing, kicksharing and ridesharing). The phenomenon of trust is not a new phenomenon in sociology and economics, but it has not been sufficiently studied in the developing economic relations of sharing. This determines the relevance of the study due to the growing popularity of this type of economy in everyday life. Trust in the sharing economy plays an important role, because constructive and fruitful social relations are not conceivable without it. The results of the study indicate that the institution of trust is currently at the initial stages of formation and development, which means that it does not allow the sharing economy to achieve proper progress and efficiency. The Moscow students surveyed showed low satisfaction with ridesharing services; in addition, this type of service turned out to be the least popular among the rest. It was also noted that many students do not pay due attention to the regulatory side of using sharing services, which is very important, because the regulatory component is one of their key when determining the development of a particular social institution. Based on the analysis of the material obtained during focus groups with students, the authors of the article formulated recommendations and measures for the formation of an institution of trust in the transport economy of shared consumption in 4 directions: recommendations for improving infrastructure and service, recommendations for working with regular customers, recommendations for marketing activities and recommendations for improving the security and cybersecurity of users.

Keywords: trust, students, youth, sharing economy, institute of trust, carsharing, bike sharing, kicksharing, ridesharing

Acknowledgements: the research article was executed based on the results of scientific research carried out at the expense of budgetary funds under the state assignment of the Financial University under the Government of the Russian Federation.

For citation: Antonyuk V.P., Ivanova Ya.S., Tyurikov A.G. Student Youth Trust in The Transport Sharing Economy. *Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2023. Vol. 19. No 2. P. 272–283. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_2_10_272_283

Введение

Сегодня, даже несмотря на экономический и потребительский спад в период пандемии и санкций, экономика совместного потребления продолжает активно развиваться. Сегодняшние шеринг-сервисы отличаются не только высокой цифровизацией в виде функционирования на цифровых платформах, но и значительной зависимостью от доверия к ним пользователей и их репутацией. От доверия зависит то, будут ли в экономике совместного пользования вовлекаться новые пользователи и возвращаться «опытные» или нет. Актуальность исследования состоит в новизне и недостаточной изученности феномена института доверия в транспортной экономике совместного потребления – степень научной разработанности сущности, социально-экономического влияния института доверия на транспортную шеринг-экономику, на уровень и качество жизни людей. Исследование доверия в связке с экономикой совместного потребления направлено на разрешение социальных и иных противоречий, которые возникают из-за недостаточной сформированности института доверия и его институциональной среды. Поэтому исследование значимо не только с теоретической точки зрения, но и с практической, ведь оно направлено на улучшение условий жизнедеятельности человека во многих сферах: социальной, экономической, экологической и др.

Доверие – это основа социально-экономических отношений между людьми, а институт доверия является одним из основных источников модернизации современного общества. Транспортная экономика совместного пользования сегодня стремительно развивается особенно в столичном мегаполисе – появилось много сервисов каршеринга, велошеринга, кикшеринга и т. д. Но есть ли доверие в шеринговых отношениях, как оно влияет на развитие транспортной шеринг-экономики, как формируются отношения между людьми и институтами в рамках этого вида шеринг-экономики.

Теоретическим объектом исследования выступает доверие как социальное явление, *эмпирическим объектом* – обучающиеся Финуниверситета очной формы обучения бакалавриата, магистратуры и аспирантуры, а *предметом* – сфор-

мированность доверия студенческой молодёжи к транспортной шеринг-экономике. *Цель исследования:* изучить сформированность доверия к транспортной шеринг-экономике при пользовании студентами услугами каршеринга, велошеринга, кикшеринга и райдшеринга. В качестве гипотезы было выдвинуто предположение, что доверие студенческой молодёжи к транспортной экономике совместного потребления ещё только формируется – при пользовании услугами основных видов транспортной шеринг-экономики студенты не испытывают полного доверия и уверенности в данных видах транспорта или их «поставщиках».

При разработке теоретической основы и концептуальной модели социологического исследования были рассмотрены и проанализированы: общетеоретические подходы к исследованию концепции доверия, разработанные в трудах А. Байера, Б. Барбера, Р. Бахманна, Э. Гидденса, Ф. Найта, Дж. Коулмана, Ф. Фукуямы и др.; теоретические подходы к классификации доверия, изложенные в работах зарубежных исследователей Б. Ротштейна, П. Штомпки, О. Уильямсона, П. Холла, Д. Столле; отечественная классификация видов доверия, содержащаяся в трудах В. Шапошниковой, А. Олейника, В. Давыденко, А. Трапковой, А. Ляско и др.; нормативный подход к понятию «института», изложенный в работах Д. Норты, У. Митчелла Т. Веблена, Дж. Коммонса; исследования развития транспортной шеринг-экономики, описанные А.И. Нефедовой, К.С. Фурсовым, И.З. Аюшеевой, С.В. Илькевичем, Л.А. Брушковой, М.Д. Пологойко, С.Р. Сатюковым и др.

Изучение института доверия в рамках транспортной шеринг-экономики позволит внести вклад в социологическую и экономическую науки, так как экономика совместного потребления – явление само по себе новое и недостаточно изученное, а её связь с исследуемым институтом пока ещё не является объектом пристального внимания исследователей. Результаты данного исследования несут практическую значимость в первую очередь для отделов маркетинга и стратегического развития шеринговых компаний для лучшего понимания проблем использования их сервисов и

выработки стратегии привлечения новых пользователей и удержания старых с помощью повышения уровня доверия. Также, результаты данного исследования могут быть полезны самим пользователям (как реальным, так и потенциальным) шеринговых сервисов для того, чтобы быть информированными о тенденциях и нюансах транс-портной шеринг-экономики.

Основные теоретические и методологические положения

Одним из устоявшихся научных подходов к изучению феномена доверия является нормативный, в рамках которого рассматривается институциональное доверие. Видным представителем нормативного подхода является американ-

ский социальный философ Д.С. Норт, который сводит понятие института к нормам, правилам и т. п. [1, с. 73]. Такой подход позволяет рассматривать не только доверие к конкретным институтам (власть, СМИ, собственность и т.д.), но включать в исследование понимание того, что доверие базируется на совокупности конкретных норм и правил, которые «помогают» людям оптимальнее ориентироваться в сложных, зачастую плохо предсказуемых экономических, социальных и иных отношениях.

Так как в основу исследования было решено заложить именно нормативное понимание институтов, рассмотрим, что другие представители указанного подхода вкладывают в определение «института» (таблица 1).

Таблица 1

Основные определения дефиниции «институт» с позиции нормативного подхода

Table 1

The Main Definitions of the Term of "Institute" from the Perspective of the Normative Approach

Теоретик	Предметная область	Сущностное определение
Р. Рихтер	Институт рассматривается как правила и механизмы их соблюдения	Институт – «это набор формальных и неформальных правил, включая устройства, которые обеспечивают их соблюдение» [2, С. 178].
Т. Парсонс	Институт рассматривается как модель норм поведения	Институты – «всеобщие модели норм, которые очерчивают категории предписанного, разрешённого и запрещённого поведения в социальных отношениях, для людей в их взаимодействии с друг другом как членов общества и его различных подсистем и групп» [3, С. 30].
В. Тамбовцев	Институт рассматривается как набор правил и внешний механизм принуждения	«Институт состоит из совокупности правил или нескольких правил и внешнего механизма, который заставляет индивидов исполнять данные правила» [4, С. 27].
А. Олейник	Институт рассматривается как ограничивающие правила и система мер, направленных на их выполнение	«Институт – это правила игры в обществе или созданные человеком ограничительные рамки, которые организуют взаимоотношения между людьми, а также система критериев, обеспечивающих их выполнение» [5, С. 8].
В. Вольчик	Институты рассматриваются как правила, расширяющие возможности обработки информации	«Институты – это не мистические правила, которые даны нам свыше и должны быть неизменными всегда или длительное время. Их информационная природа заключается в том, что с помощью институтов индивиды могут значительно расширить возможности по извлечению и обработке релевантной информации» [6, С. 129].
А. Аузан	Институт рассматривается как совокупность правил и механизма принуждения	«Институт – это совокупность, состоящая из правил или нескольких правил и внешнего механизма принуждения по выполнению этих правил» [7, С. 134].
А. Шаститко	Институт рассматривается как сумма ограничительных и упорядоченных правил	«Институт – это совокупность правил, которые ограничивают поведение экономических агентов и упорядочивают взаимодействие между ними, а также соответствующих механизмов контроля за соблюдением данных правил» [8, С. 29].

Источник: составлено авторами

Среди представленных определений понятия «институт» общим является то, что все авторы сходятся во мнении, что институт – это некая совокупность правил или норм, которых должны придерживаться субъекты общественных отношений. Большинство рассматриваемых авторов (Р. Рихтер, В. Тамбовцев, А. Олейник, А. Аузан, А. Шаститко и др.) включают в понятие «институт» ещё и механизмы, которые будут способствовать выполнению правил и норм. Таким образом, нормативный подход к пониманию институтов имеет обоснованную теоретическую базу, а также активно используется в различных проявлениях во многих сферах жизни, поскольку мы живём в обществе, где важны и главенствуют дисциплина и закон.

Феномен доверия – это не только абстрактная научная категория, но и сложившаяся и функционирующая каждодневная социальная практика, и она либо делает социальные связи прочнее, устойчивее, предсказуемыми либо ослабляет их и в итоге приводит к деформациям, если субъекты не имеют возможности прийти к компромиссу во мнениях. Поэтому необходимо понимать, какие условия формируют и развивают доверительные отношения [9, с. 88].

Польский социолог П. Штомпка определяет доверие в деятельностном аспекте, «как “залог” (уверенность и опирающиеся на неё действия), свидетельствующий о том, что неопределённые будущие действия других людей ... будут нам полезны». Доверие обязательно предполагает совершение действий, влекущих за собой результаты, которые заранее нельзя проверить. Доверие всё больше приобретает значение способа, с помощью которого можно справиться с неуверенностью, неопределённостью и минимизировать риски [10, с. 125].

Заслужой Д. Норта и А. Дензао является не только тщательное изучение институтов и их особенностей, но и описание феномена общих моделей мышления. Сущность данного феномена заключается в следующем: даже если люди не знакомы между собой, они принадлежат множествам сообществ, которые находятся в непрерывном взаимодействии, то есть находятся в одном «социальном пространстве», при этом имея те или иные ожидания относительно поведения друг друга [11, с. 3].

Многое в экономике зависит от института доверия, который выступает регулятором взаимоотношений между участниками практически во всех процессах – особенно он проявляется при взаимном обмене благ. Такой институт нередко включает в себя множество неформальных правил поведения человека, характерных для определённой экономической системы [12, с. 467].

Таким образом, в рамках данного исследования, институт доверия определяется, как совокупность правил и механизмов, обеспечивающих их выполнение, и норм поведения, которые структурируют повторяющиеся взаимодействия между людьми и дают им уверенность в том, что неопределённые будущие действия других людей или функционирование оборудования либо учреждения будут им полезны.

Для понимания, что собой представляют различные виды транспортной шеринг-экономики, было дано операциональное определение этим видам и рассмотрены различные аспекты их использования. Так, к основным видам шеринг-экономики относятся: каршеринг, велошеринг, кикшеринг и райдшеринг.

Каршеринг – это вид краткосрочной аренды автомобиля с поминутной тарификацией, реализуемый через мобильное приложение [13, с. 124]. В Московском мегаполисе компаниями-лидерами на рынке каршеринга по данным столичного департамента транспорта за 2020–2021 гг. являются: «Делимобиль» (доля по числу поездок – 40,5 %), «Яндекс.Драйв» (39,9 %), «BelkaCar» (15,9 %), «Ситидрайв» (бывший YouDrive) и другие операторы (3,7 %) и др.¹

Широкое распространение получили и другие шеринговые сервисы транспортной сферы – велошеринг (вид краткосрочной аренды велосипеда с поминутной тарификацией) и самокатошеринг или кикшеринг (вид краткосрочной аренды самоката / электросамоката с поминутной тарификацией). Во многих городах нашей страны имеется большое количество пунктов велопроката, где любой желающий может взять на время велосипед [14, с. 383]. В исследовательский поиск был включён относительно молодой вид групповых поездок на транспорте – райдшеринг, базирующийся на совместном использовании частного автомобиля и предполагающий привлечение дополнительных пассажиров в поездку с помощью онлайн-сервисов поиска попутчиков ещё на стадии планирования [15, с. 5].

Райдшеринг становится популярнее с появлением и внедрением в практику важнейших цифровых достижений человечества (рисунок 1). Именно научно-технический прогресс позволяет совершенствоваться экономике не только в целом, но и отдельным её элементам, таким как каршеринг, велошеринг, кикшеринг и райдшеринг.

¹ «Яндекс.Драйв» уступил лидерство «Делимобилю» по числу поездок в Москве // РБК: [сайт]. Июнь 2021. URL: <https://www.rbc.ru/business/18/06/2021/60cbffa79a7947a96e97c8b3> (дата обращения: 01.12.2021).

Рисунок 1. Драйверы развития райдшеринга

Figure 1. Drivers of Ridesharing Development

Источник: составлено авторами.

Таким образом, благодаря применению передовых электронных информационно-коммуникационных технологий делиться автомобилями и другими видами транспорта стало проще вне зависимости от того, социальные или рыночные принципы лежат в основе этого взаимодействия [16, с. 28].

Использованные данные и методы работы с ними

В исследовании применены общенаучные методы сбора и анализа информации, а также количественная и качественная стратегии социологического исследования. К общенаучным методам исследования относятся: анализ и синтез, индукция и дедукция, абстрагирование и конкретизация, вторичный анализ результатов исследований.

В авторском исследовании был использован метод массового количественного опроса в формате онлайн-анкетирования. Преимуществами данного метода являются: 1) широта охвата респондентов; 2) соблюдение принципа анонимности (минимизация субъективного влияния на личность); 3) небольшой срок сбора информации; 4) выбор времени и места проведения зависят от самого респондента; 5) соблюдение антиковидных мер безопасности.

Помимо количественного метода в исследовании был использован и качественный – фокус-группа. Участниками выступили студенты Финансового университета, имевшие опыт пользования услугами транспортной шеринг-экономики. Для их отбора была использована мини-анкета с вопросами-фильтрами. Те студенты, которые пользуются шеринговыми сервисами, были рекрутированы для участия в фокус-группах. Проведение фокус-групп регистрировалось аудиозаписью, которая позднее была транскрибирована в текст, который и послужил материалом для анализа.

В качестве информантов при проведении массового опроса и фокус-групп были выбраны студенты Финансового университета, так как выбранная совокупность отражает основные характеристики типового студенческого конгломерата пользователей московских сервисов транспортной экономики совместного потребления ввиду территориального фактора: обучающиеся проживают компактно в общежитиях минимум вблизи с 8 станциями метро, учатся в 7 корпусах университета, расположенных в разных административных округах г. Москвы.

Перед тем, как освещать результаты анализа и обработки эмпирических данных авторского исследования, необходимо отметить ограничения исследования, которое реализовывалось в условиях пандемии коронавируса и «несезона» некоторых транспортных шеринг-услуг, что могло сказаться на неоднозначном восприятии респондентами некоторых вопросов инструментария.

Результаты исследования

По результатам количественного исследования ($n = 417$ студентов) портрет среднестатистического респондента можно представить следующими характеристиками:

- 1) представитель женского пола (68,1 % от числа всех опрошенных);
- 2) представитель города-миллионника (43,4 % от числа всех опрошенных);
- 3) студент, уровень дохода которого позволяет приобрести товары длительного пользования – крупную бытовую технику, автомобиль и т. д. (51,1 % от числа всех опрошенных).

В фокус-групповом исследовании приняли участие 23 студента. Все участники качественного исследования приехали для поступления в Финансовый университет из разных регионов России и описывали свой опыт пользования транспортными сервисами шеринг-экономики в г. Москве.

Прежде чем выявлять наличие доверия у студентов во время пользования транспортными шеринг-сервисами, необходимо было оценить вовлечённость студентов в практику пользования данными услугами. Каршеринг, велошеринг и кикшеринг пользуются большей популярностью среди студентов нежели райдшеринг. Так, почти четверть респондентов имеют опыт пользования каршерингом в прошлом или в данный момент. Опыт краткосрочной аренды велосипедов и самокатов (или электросамокатов) имеют 40,3 % и 35,7 % студентов соответственно. И менее 10 % опрошенных имеют опыт совместных поездок с заранее найденным в специальном приложении попутчиком. Стоит также отметить и студентов, которые в будущем планируют попробовать транспортные шеринг-сервисы: около трети студентов планируют воспользоваться каршерингом, 1/5 студентов хотят попробовать взять в аренду велосипед, 15,6 % – желают в будущем арендовать самокат/электросамокат и лишь 7 % студентов хотели бы воспользоваться райдшерингом.

Для описания роли и места шеринг-сервисов в жизни студентов была выявлена частота пользования респондентами различными видами транспортной шеринг-экономики (рисунок 2). Что касается каршеринга, то каждый день им пользуются всего лишь 0,5 % респондентов, практически каждый десятый студент (9,6 %) пользуется им несколько раз в неделю, и каждый двенадцатый участник опроса прибегает к каршерингу только несколько раз в месяц. Говоря о велошеринге, важно отметить следующий факт: каждый пятый (21,3 %) участник опроса арендует велосипед реже, чем раз в месяц, в то время как каждый шестой (16,1 %) студент делает это несколько раз в месяц. Кикшерингом же большинство (не считая тех, кто не пользуется (59,2 %))

пользуются либо несколько раз в месяц (18,5 %), либо реже, чем раз в месяц (19,2 %). Реже всего студенты прибегают к райдшерингу – 93,3 % не имеют опыта пользования этим сервисом. Полученные данные говорят – несмотря на то, что сегодня студентов нельзя назвать каждодневными пользователями транспортных шеринг-услуг, многие из них имеют практику аренды автомобилей, велосипедов и самокатов и являются потенциалом для данного вида экономики. Вполне возможно, что это связано с относительно недавним появлением и стартом активного развития рассматриваемых транспортных сервисов, особенно райдшеринга.

В ходе исследования недостаточно было выявить частоту пользования тем или иным видом транспортной аренды – важно проанализировать был ли опыт пользования положительным и сформировал доверие или что-то принесло серьёзный дискомфорт. Так, проведённый анализ оценок студентов, принявших участие в фокус-группах, позволил описать типовые практики использования различных транспортных шеринг-сервисов.

Большинство информантов посчитали опыт пользования каршерингом положительным (*“Пользовался каршерингом, чтобы добраться до университета. Опыт в основном положительный. Это очень удобно, быстро и экономно, так как обычно я добираться на машине тоже со студентами Финашки”* – Эмиль, ВШУ; *“Из моего опыта очень дешево выходит, когда, например, арендуешь машину покататься с друзьями, и все потом пият эту сумму на количество человек. Получается и отдохнули, и покатались, и недорого. Таких случаев, чтобы были проблемы – я не припомню”* – Евгения, ФСНиМК).

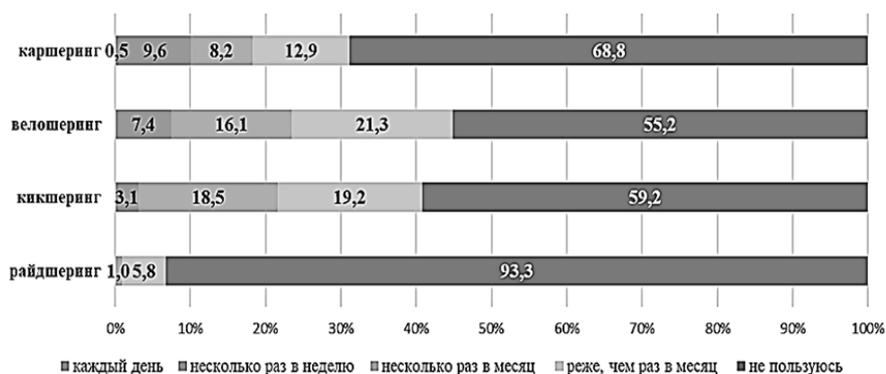

Рисунок 2. Частота пользования студентами различными видами транспортной шеринг-экономики

Figure 2. The Frequency of Students' Use of Various Types of the Transport Sharing Economy

Источник: построено авторами на основании данных опроса.

Что касается велошеринга, то тут также наблюдается преобладание положительного опыта пользования (“Я активный пользователь велошеринга, мне он доставляет только положительные эмоции...” – Светлана, ВШУ), хотя иногда случаются различного рода неприятности (“В общем, опыт скорее разный... так как те, что у метро – ну, не очень... во-первых, он не очень удобный, но это скорее субъективное, а во-вторых, у меня в конце поездки возникли проблемы с оплатой, то есть я вроде его поставила, а в приложении этого не отобразилось. Я попыталась связаться со службой поддержки, но мне не ответили” – Настя, ФСНиМК).

Кикшеринг, в свою очередь, уже имеет больше негативных отзывов, нежели каршеринг или велошеринг (“Скажу так – опыт интересный, но дорожек реально нет, я ехал по неудобным тротуарным плиткам, один раз упал, но ушибся не сильно и раз 5 наверное чуть не упал” – Влад, МЭО; “Самокатам негде кататься – люди косо смотрят, возмущаются, иногда даже матом кроют” – Евгения, ФСНиМК; “Цены на самокаты, они слишком большие для среднестатистического студента, да и ездить мало где удобно” – Анна, ФСНиМК), но находятся и те, кому аренда самокатов доставляет больше удовольствия (“Мне нравятся самокаты, часто их беру. Люблю промчаться по улице на скорости... стараюсь никого не сбить...” – Олег, НАиБ).

Говоря о райдшеринге, стоит отметить, что хотя информантов, имеющих опыт пользования данным сервисом, оказалось найти не так просто, в основном высказывания о нём имеют негативную окраску (“Когда я узнала о таком виде путешествий, то подумала, что это очень удобно и не так дорого – перемещаться из одного населённого пункта в другой. Но на деле меня ждали разочарования, потому что здесь многое зависит от людей... от попутчиков” – Лера, МЭО; “Тоже были проблемы и негативный опыт с райдшерингом. Хорошо он был

единичный – в ближайшем будущем не планирую прибегать к нему. Это тот случай, когда хочешь что-то упростить и получаешь вагон трудностей с последствиями” – Марина, МЭО).

Очень важным и показательным является вопрос о доверии студентов исследуемым видам транспортной шеринг-экономики, ведь именно доверие лежит в основе многих человеческих поступков и предопределяет их. Полученные результаты опроса фиксируют (рисунок 3), что: респонденты склонны больше доверять, чем нет каршерингу (55,7 % против 10,1 %), велошерингу (71,7 % против 9,1 %) и кикшерингу (58,2 против 16,1 %). Ситуация с райдшерингом складывается обратной – доверяют лишь 16,7 %, а недоверие высказали 47,1 % студентов. Но также велика доля тех, кто “не определился” в перевесе доверия или недоверия – каждый третий студент, имеющий опыт пользования сервисами каршеринга (34,3 %) и райдшеринга (36,2 %), каждый четвёртый пользователь кикшеринга (25,7 %) и каждый пятый велошеринга (19,2 %). Всё это говорит о скорее положительном отношении студентов к первым трём видам транспортной шеринг-экономики, хотя есть к чему стремиться – высока доля тех, кто и доверяет, и не доверяет им в равной степени. Райдшеринг же оказался наиболее “проблемным” среди всех видов транспортных шеринг-сервисов, возможно это связано с крайне высокой долей его “непользователей” и относительно недавним его появлением в России.

При изучении реальных или гипотетических практик пользования теми или иными транспортными шеринг-сервисами необходимо понимать, какие факторы способны оказать положительное или негативное влияние на доверие этим сервисам. Так, практически каждый третий студент при решении пользоваться шеринг-услугой в первую очередь будет обращать внимание на личный опыт (36,5 %) и на отзывы и рейтинги о компании (27,8 %) (рисунок 4). Наименее важными при

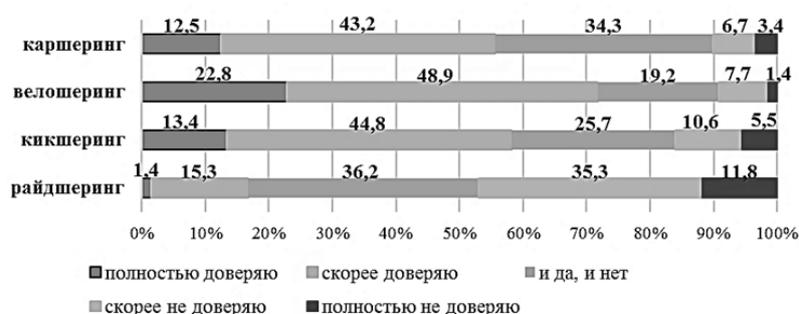

Рисунок 3. Доверие разным сервисам транспортной шеринг-экономики

Figure 3. Trust in Various Services of the Transport Sharing Economy

Источник: построено авторами на основании данных опроса

аналогичном решении оказались новости в СМИ (43,2 % респондентов поставили их на 6 место из 6-ти) и интерфейс сайтов и приложений (42 % респондентов поставили их на 6 место из 6-ти).

Исследование показало – большинство респондентов считают, что личный негативный опыт (65,9 % респондентов ставят его на 1 или 2 место по важности) способен оттолкнуть их от аренды транспортных средств сильнее остальных факторов (рисунок 5). Также одними из наиболее ярких отталкивающих факторов являются стоимость услуг, предоставляемых сервисом (47,3 % респондентов ставят его на 1 или 2 место по важности) и негативные отзывы пользователей услуг (39,8 % респондентов ставят его на 1 или 2 место по важности). Негативные новости в СМИ оказались наименее отталкивающими среди перечисленных 7-ми факторов (66,1 % респондентов ставят его на 6 или 7 место по важности).

Необходимо отметить, что в развивающейся сравнительно новой экономике совместного пользования большое значение для соблюдения требований к качеству услуг и их безопасности в жизни человека играет нормативная база и зна-

ние своих прав и обязанностей. Несмотря на этот факт, каждый второй студент (53,7 %) при встрече с нормативными документами, предоставляемыми поставщиками шеринг-услуг, обращает на них лишь поверхностное внимание и стремится подписать эти документы как можно скорее. Каждый четвёртый респондент (27,1 %) всегда читает такие документы, и почти каждый пятый (19,2 %) студент даже никогда не обращал на них внимания (рисунок 6). Причём, анализ данных при помощи хи-квадрата показывает, что женщины и мужчины по-разному относятся к прочтению нормативных документов от шеринг-сервисов – каждая третья женщина (31,7 %) всегда читает их при пользовании, в то время как среди мужчин это делает только каждый шестой (17,3 %).

Чувство защищённости имеет принципиальное значение при анализе доверия, ведь человеку важно верить в то, что шеринг-компания заботится о клиентах и в случае непредвиденных обстоятельств, случившихся не по вине пользователя – его не обвинят в случившемся и не заставят за это отвечать. Так, почти две трети респондентов (64,5 %) выражают позицию, что если подобная

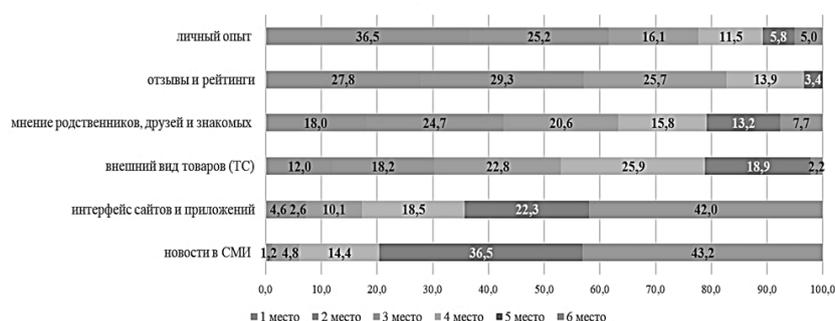

Рисунок 4. Факторы, способные привлечь студентов к использованию шеринг-сервисами

Figure 4. Factors That Can Attract Students to Use Services of the Sharing Economy

Источник: построено авторами на основании данных опроса

Рисунок 5. Факторы, способные оттолкнуть студентов от использования шеринг-сервисами

Figure 5. Factors That Can Discourage Students from Using Services of the Sharing Economy

Источник: построено авторами на основании данных опроса

ситуация произойдёт в жизни, они будут чувствовать себя защищёнными, но в то же время, им придётся приложить усилия, чтобы доказать свою непричастность к поломке (рисунок 7). Важно, что каждый четвёртый студент не верит в личную защищённость и думает, что ему в любом случае придётся понести потери. Эти данные говорят о том, что сегодня велика доля тех, кто не доверяет компаниям по вопросу их честности и добропорядочности. Анализ данных при помощи хи-квадрата позволяет выявить, что девушки более скептически относятся к вопросу защищённости в условиях непредвиденности: каждая третья студентка (32,7 %) думает, что понесёт ответственность в любом случае – даже если не виновата в поломке транспортного средства, но с ними солидарен лишь каждый пятый (18,8 %).

Методом проективного мышления было выявлено мнение студентов относительно того, что следует предпринять владельцам транспортных шеринговых компаний, чтобы выстроить доверительные отношения с реальными и потенциальными клиентами. Все рекомендации условно разделены на 4 типа, которые, в свою очередь, содержат в себе несколько отдельных идей.

Первый тип – *рекомендации по улучшению инфраструктуры и сервиса*. К ним относятся следующие идеи:

– контроль за состоянием парка транспортных средств – данную идею поддерживает большинство информантов (*«Если я владею велосипе-*

ринговой компанией, то для меня очень важно, чтобы велосипеды были целыми, современными, удобными, чтобы была прикольная расцветка и так далее...» – Светлана, ВШУ);

– создание простого и удобного приложения, поддержание его работоспособности (*«Также стоит помнить о приложении – оно не должно «тупить» и «виснуть», списывать лишние деньги. И вообще было бы классно, если оно будет простым в использовании – кому захочется разбираться полчаса куда нажать, чтобы арендовать велосипед на час или даже меньше?»* – Светлана, ВШУ);

– улучшение качества обслуживания, в том числе работы службы поддержки (*«Ещё очень важный аспект – это обустройство служб поддержки... их качественное и быстрое реагирование на запросы клиентов...»* – Никита, ВШУ);

– выявление проблем путём мониторинга отзывов на сайте или в приложении (*«Я бы ещё, наверное, может какой-нибудь мониторинг делала отзывов на сайтах или в приложении давала бы возможность их оставлять, чтобы выявлять частые проблемы и решать их...»* – Яна, ФСНиМК);

– укрупнение бизнеса, расширение сети стоянок транспортных средств, так как многие пользователи больше доверяют крупным компаниям (*«Ещё постоянный рост в плане количества точек проката, потому что сегодня их и так много, слишком много конкуренции – надо как-то соответствовать и перегонять...»* – Владимир, МЭО).

Следовательно, студенты полагают, что более качественные услуги будут не только пользо-

При использовании транспортными шеринговыми сервисами обращали ли Вы внимание на нормативные документы, предоставляемые поставщиком услуги?
(в % от опрошенных)

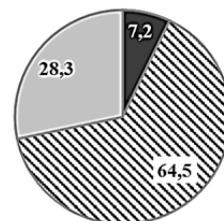

Рисунок 6. Рассмотрение опрошенными нормативной стороны пользования транспортными шеринг-сервисами

Figure 6. Consideration by Respondents of the Regulatory Side of the Use Services of the Transport Sharing Economy

Источник: построено авторами на основании данных опроса.

Чувствуете ли Вы себя защищенным в случае, если арендованное Вами транспортное средство окажется непригодным/неисправным НЕ по Вашей вине?
(в % от опрошенных)

■ Да, у меня не возникнет никаких проблем с его заменой
 ■ Да, но придется приложить усилия, чтобы доказать свою непричастность к поломке
 □ Нет, мне в любом случае придется понести потери (финансовые, моральные и т. д.)

Рисунок 7. Оценка студентами личной защищённости при непредвиденных ситуациях, в которых они не виноваты

Figure 7. Students' Assessment of the Personal Security in Case of Unforeseen Situations in Which They Are not Blame

Источник: построено авторами на основании данных опроса.

ся бóльшим спросом, но и будут повышать уровень доверия пользователей.

Второй тип – рекомендации по работе с постоянными клиентами. К ним относятся:

- создание и ведение программы лояльности (“Я бы сделала приятную программу лояльности для постоянных клиентов... например, приятные бонусы и скидки за количество поездок или за тайминг...” – Мария, ФСНиМК);

- введение системы скидок для определённых категорий лиц (студенты, пенсионеры и т. д.) (“Ещё сейчас все смотрят на скидки – я бы тоже какую-нибудь программу разработал с категориями типа студентов, пенсионеров и так далее...” – Влад, МЭО);

- использование метода соревновательного пользования (бонусы за количество использования, рейтинги пользователей и т. д.) (“Можно было бы запустить акции и скидки, чтобы привлекать ребят в свою компанию, чтобы пользовались самокатами, по типу: проедь 10 км, 10 км – в подарок... как вот есть в приложениях какие-то достижения “проехать столько-то”, и вот за эти достижения какие-то бонусы получить...” – Полина, ФСНиМК).

По мнению участников фокус-групп, хорошее отношение компаний к пользователям (например, предоставление им определённых привилегий) направлено на поддержание долгосрочных доверительных отношений.

Третий тип – рекомендации по ведению маркетинговой деятельности. К ним можно отнести следующие предложения:

- создание и распространение рекламы (“Я думаю, было бы неплохо сделать какую-нибудь забавную рекламу, знаете как у Теле2, например, или дезодоранта с неожиданным афроамериканцем, мне кажется, это тоже влияет на доверие положительным образом, но тут главное не «переборщить»...” – Лера, МЭО);

- ведение страниц в социальных сетях (с учётом интересов целевой аудитории) (“Вот если мне интересна молодёжь – моя компания бы вела ТикТок, потому что он популярен сегодня. Важно показать человеку, что ты понимаешь его и плывешь на одной волне...” – Марк, ВШУ);

- проведение розыгрышей и конкурсов в социальных сетях (“Может какие-нибудь розыгрыши устраивать в социальных сетях, я читала, что это помогает и работает на большую аудиторию...” – Мария, МЭО);

- освещение деятельности компании в СМИ (“Мне кажется, сегодня важно светиться в новостях, давать о себе знать таким образом. Главное делать это в хорошем свете...” – Денис, НАиБ);

- создание коллабораций (“Ещё можно различные коллаборации делать, как мировые бренды одежды с фильмами или мультиками, например...” – Марина, МЭО);

- проведение благотворительных акций (“К примеру [можно] заниматься благотворительными акциями, дарить подарки, может предлагать свои услуги нуждающимся, ну и подобное...” – Денис, НАиБ).

Таким образом, по мнению студентов, способы привлечения потенциальных клиентов также являются путями формирования доверительных отношений между компаниями и их клиентами.

И четвёртый тип – рекомендации по повышению безопасности и кибербезопасности пользователей. К ним относятся:

- страхование пользователей от несчастных случаев за дополнительную плату (по согласию самих клиентов) (“Я бы делала акцент на страховке... я бы возможно говорила, что у вас будет страховка от несчастных случаев за дополнительную плату...” – Виктория, ФСНиМК);

- публичное освещение способов защиты данных пользователей (“Я бы, например, на месте владельца такого сервиса рассказывала о том, как защищаются данные пользователей...” – Мария, ФСНиМК);

- введение способов контроля пользователей райдшеринга (сбор паспортных данных и т. д.) (“Если говорить про райдшеринг – то, наверное, проверять регистрирующихся пользователей – требовать паспортные данные, номер и документы на машину, возможно справку об отсутствии судимости...” – Анжелика, ВШУ).

Иначе говоря, информанты уверены, что чувство безопасности укрепляет доверие в отношениях, и если компании будут обеспечивать безопасность пользователям, то пользователи будут больше доверять компаниям.

Заключение

Сегодня институциональное доверие в транспортной шеринг-экономике находится в процессе формирования, ещё не достигло оптимального уровня среди студенческой молодёжи и зависит от конкретного её вида. Для сформированности доверия к транспортной экономике совместного пользования недостаточно доверять лишь одному виду аренды транспорта, необходимо иметь целостное доверительное отношение к отрасли. Исследуемое институциональное доверие не может быть развитым и вследствие достаточно низкой доли молодых людей, знакомящихся с нормативными документами, предоставляемыми поставщиком услуги, что не даёт сформироваться чувству ответственности за чужое имущество

и не гарантирует безопасность аренды. Учитывая тот факт, что капитал шеринг-экономики всё меньше воплощается в материальных благах, а становится всё более социальным и базируется на нематериальном феномене доверия, то выявленные характерные свойства отношения сту-

денческой молодёжи к транспортной экономике совместного пользования необходимо учитывать для обеспечения качества предоставляемых услуг, социально-экологического просвещения молодёжи и выстраивания маркетинговых компаний.

Список литературы

1. Норт Д.С. Институты и экономический рост: историческое введение / Пер. с англ. Николаенко Е.И. // THESIS. 1993. Т. 1. № 2. С. 69–91.
2. Фуруботн Э.Г., Рихтер Р. Институты и экономическая теория: достижения новой институциональной экономической теории; пер. с англ. под ред. В.С. Каткало, Н.П. Дроздовой. СПб.: Изд. дом С.-Петерб. гос. ун-та, 2005. 702 с.
3. Нестеренко Е.С. Теоретические основы становления социальных институтов. Теоретическая экономика, 2021, 76 (4), 27–37. EDN YJOBZP
4. Тамбовцев В.Л. Институциональный рынок как механизм институциональных изменений // Общественные науки и современность. 2001. № 5. С. 25–38.
5. Олейник А.Н. «Бизнес: по понятиям»: об институциональной модели российского капитализма // Вопросы экономики. 2001. № 3. С. 4–25.
6. Вольчик В.В. Институционализм: вторичность нового мифа? (возможности и пределы институциональной экономики) // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2003. Т. 1. № 1. С. 126–134. EDN HOGPRF
7. Аузан А. Институциональная экономика: новая институциональная экономическая теория. М.: ИНФРА-М, 2007. 416 с. EDN QRWJOV
8. Шаститко А. Предметно-методологические особенности новой институциональной экономической теории // Вопросы экономики. 2003. № 1. С. 24–41. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2003-1-24-41>; EDN PJEQLT
9. Полюшкевич О.А. Доверие в меняющемся мире // Социология. 2021. № 2. С. 87–92. EDN UPQMKG
10. Бькова О.Е. Концепция доверия Петра Штомпки // Философия и общество. 2021. № 2 (99). С. 119–134. EDN EGOTFQ
11. Левин М.К. Влияние института доверия на экономическое поведение // Управление экономическими системами. 2014. № 12 (72). EDN TFWYZJ
12. Таханова О.В. Оценка института доверия как фактора благосостояния и развития экономики России // Экономика. Информатика. 2018. № 3. С. 465–472. <https://doi.org/10.18413/2411-3808-2018-45-3-465-472>; EDN VMRCAP
13. Кирова И.В., Ростова Д.В. Московский каршеринг: вчера, сегодня, завтра // Экономика и бизнес: теория и практика. 2019. № 3-1. С. 124–130. <https://doi.org/10.24411/2411-0450-2019-10414>; EDN JZBOOM
14. Помыткина Л.Ю. Исследование возможности использования велошеринга / Л.Ю. Помыткина, Л.М. Долженко, Н.В. Семенюк // Актуальные направления научных исследований XXI века: теория и практика. 2018. № 3. С. 382–385. EDN REPKNP
15. Сатюков С.Р. Проблемы и перспективы развития райдшеринга в рамках формирования экономики совместно-го потребления // Московский экономический журнал. 2019. № 4. 47 с. <https://doi.org/10.24411/2413-046X-2019-14015>; EDN FOTANO
16. Перепёлкин В.А. Постиндустриальное совместное потребление как результат эволюции потребления на основе доступа к благам // Вестник ВГУ. Серия: Экономика и управление. 2020. № 1. С. 26–31. <https://doi.org/10.17308/econ.2020.1/2750>; EDN BHDRMS

Информация об авторах:

Яна Сергеевна Иванова – главный специалист Учебно-научной социологической лаборатории Департамента социологии Факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия

(e-mail: YaSlvanova@fa.ru) (e-library AuthorID: 936691) (ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8740-7169>)

Валерия Павловна Антонюк – главный специалист Учебно-научной социологической лаборатории Департамента социологии Факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия

(e-mail: VPAntonjuk@fa.ru) (e-library AuthorID: 1157157) (ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5258-4007>)

Александр Георгиевич Тюриков – д-р соц. н., профессор, главный научный сотрудник Департамента социологии Факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия (e-mail: AGTyurikov@fa.ru) (e-library AuthorID: 891574) (ORCID: <https://orcid.org/0000000183889543>)

Заявленный вклад авторов:

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Автор, ответственный за переписку, – Александр Георгиевич Тюриков.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 04.12.2022; одобрена после рецензирования 18.05.2023; принята к публикации 16.05.2023.

References

1. North D.S. Institutions and Economic Growth: A Historical Introduction. Translated from English by Nikolaenko E.I. *THESIS*. 1993;1(2):69-91. (In Russ.)
2. Furubotn E.G., Richter R. Institutions and economic theory: achievements of the new institutional economic theory; translated from English, edited by V.S. Katkalo, N.P. Drozdova. St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg State University, 2005. 702 p. (In Russ.)
3. Nesterenko E.S. Theoretical foundations of the formation of social institutions. *Zhurnal «Teoreticheskaya ekonomika» = Journal "Theoretical Economics"*, 2021;76(4):27-37. (In Russ.)
4. Tambovtsev V.L. Institutional market as a mechanism for institutional changes. *Obshchestvennye nauki i sovremennost' = Social sciences and modernity*. 2001;(5):25-38. (In Russ.)
5. Oleinik A.N. "Business: according to concepts": about the institutional model of Russian capitalism. *Voprosy ekonomiki = Questions of Economics*. 2001;(3):4-25. (In Russ.)
6. Volchik V.V. Institutionalism: secondary nature of a new myth? (opportunities and redistribution of institutional economics). *Ekonomicheskij vestnik Rostovskogo gosudarstvennogo universiteta = Economic Bulletin of the Rostov State University*. 2003;1(1):126-134. (In Russ.)
7. Auzan A. Institutional economics: a new institutional economic theory. M.: INFRA-M, 2007. 416 p. (In Russ.)
8. Shastitko A. Subject-methodological features of the new institutional economic theory. *Voprosy ekonomiki = Questions of Economics*. 2003;(1):24-41. (In Russ.) <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2003-1-24-41>;
9. Polyushkevich O.A. Trust in a changing world. *Sotsiologiya = Sociology*. 2021;(2):87-92. (In Russ.)
10. Bykova O.E. The concept of trust by Peter Sztompka. *Filosofija i obshchestvo = Philosophy and Society*. 2021;2(99):119-134. (In Russ.)
11. Levin M.K. Influence of the institution of trust on economic behavior. *Upravlenie ekonomicheskimi sistemami = Management of Economic Enterprises*. 2014;12(72). (In Russ.)
12. Takhanova O.V. Evaluation of the institution of trust as a factor in the welfare and development of the Russian economy. *Ekonomika. Informatika = Economics. Informatics*. 2018;(3):465-472. (In Russ.) <https://doi.org/10.18413/2411-3808-2018-45-3-465-472>
13. Kirova I.V., Rostova D.V. Moscow car sharing: yesterday, today, tomorrow. *Ekonomika i biznes: teorija i praktika = Economics and business: theory and practice*. 2019;(3-1):124-130. (In Russ.) <https://doi.org/10.24411/2411-0450-2019-10414>
14. Pomytkina L.Yu. Study of the possibility of using bicycle sharing. Pomytkina L.Yu., Dolzhenko L.M., Semenyuk N.V. *Aktualnye napravlenija nauchnyh issledovanij XXI veka: teorija i praktika = Actual directions of scientific research of the XXI century: theory and practice*. 2018;(3):382-385. (In Russ.)
15. Satyukov S.R. Problems and prospects for the development of ridesharing in the framework of the formation of the sharing economy. *Moskovskij ekonomicheskij zhurnal = Moscow Economic Journal*. 2019;(4):47. (In Russ.) <https://doi.org/10.24411/2413-046X-2019-14015>
16. Perepyolkin V.A. Post-industrial joint consumption as a result of the evolution of consumption based on access to goods. *Vestnik VGU. Serija: Ekonomika i upravlenie. = Vestnik VGU. Series: Economics and Management*. 2020;(1):26-31. (In Russ.) <https://doi.org/10.17308/econ.2020.1/2750>

Information about the authors:

Yana S. Ivanova – Chief Specialist of the Educational and Scientific Sociological Laboratory of the Department of Sociology of the Faculty of Social Sciences and Mass Communications of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia (e-mail: YaSIvanova@fa.ru) (e-library AuthorID: 936691) (ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8740-7169>)

Valeriya P. Antonyuk – Chief Specialist of the Educational and Scientific Sociological Laboratory of the Department of Sociology of the Faculty of Social Sciences and Mass Communications of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia (e-mail: VPAntonyuk@fa.ru) (e-library AuthorID: 1157157) (ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5258-4007>)

Aleksandr G. Tyurikov – Doctor of Social Sciences, Professor, Chief Researcher of the Department of Sociology of the Faculty of Social Sciences and Mass Communications of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia (e-mail: AGTyurikov@fa.ru) (e-library AuthorID: 891574) (ORCID: <https://orcid.org/0000000183889543>)

Authors' declared contribution:

The authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

The author responsible for the correspondence is Aleksandr G. Tyurikov.

The article was submitted 04.12.2022; approved after reviewing 10.04.2023; accepted for publication 16.05.2023

ФИЛОСОФСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Оригинальная статья

УДК 172.1

DOI: 10.52180/1999-9836_2023_19_2_11_284_293

EDN: TFDEBS

Эпоха постчеловека как трансгуманистический образ будущего

Екатерина Николаевна Гнатик¹, Игорь Константинович Лисеев²

¹ Российский университет дружбы народов, Москва, Россия, (ekaterinagnatik@rambler.ru), (ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0745-5019>)

² Институт философии РАН, Москва, Россия, (lik6841@mail.ru), (ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2272-1250>)

Аннотация

Статья посвящена обсуждению тенденций и проблем современной экспансии трансгуманистических идей. Анализируя феномен трансгуманизма, авторы отмечают, что это интеллектуальное направление обозначило одним из главных своих ориентиров создание искусственного разума, превосходящего естественный, с целью использования его как инструмента для достижения полной власти над человеком. Подчеркивается, что наряду с этим трансгуманизм заявляет о себе в качестве международного общественно-политического движения, масштабы и активность которого коррелируют с темпами развития NBIC-технологий. При этом в различных ассоциациях и движениях имеется целый спектр версий и разночтений в оценках возможностей, эффективности и необходимости применения новейших открытий в сфере нанотехнологий, генетической инженерии, технологий искусственного интеллекта, робототехнике, нейронауке и пр. с целью трансформации человеческой природы. В работе рассматриваются основные научно-технологические направления, где адепты трансгуманизма и технократы рассчитывают на успех. Обсуждаются гуманистические и иные аспекты проблематики киборгизации человека. Авторы полагают, что реальная цель создания киберсистем и киберпротезов состоит не в том, чтобы облегчить жизнь инвалидам, как это декларируется, а в том, чтобы связать компьютер с мозгом человека и создать единую биоконвергентную систему с обратной связью. Это может открыть невиданные ранее возможности внешнего воздействия на человека и программирования социальных процессов, что может означать наступление эры постчеловека. В статье подчеркивается, что проблема создания сильного искусственного интеллекта, так называемых человекоподобных и превосходящих человека машин, на деле сводится к разработке комплекса мероприятий, позволяющих принудить человека подчиняться. В этой связи, с точки зрения авторов, усиливающаяся мировая тенденция погружения молодого поколения в виртуальный мир вызывает серьезные опасения, поскольку таким образом реализуется подготовка основы, субстрата трансгуманистического социума будущего.

Ключевые слова: трансгуманизм, постчеловек, киборгизация, NBIC-технологии, техносфера, искусственный интеллект, нейроинпланты, модификация природы человека

Для цитирования: Гнатик Е.Н., Лисеев И.К. Эпоха постчеловека как трансгуманистический образ будущего // Уровень жизни населения регионов России. 2023. Том 19. №2. С. 284–293. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_2_11_284_293; EDN TFDEBS

RAR (Research Article Report)

DOI: 10.52180/1999-9836_2023_19_2_11_284_293

EDN: TFDEBS

The Posthuman Era as a Transhumanist Image of the Future

Ekaterina N. Gnatik¹, Igor K. Liseev²

¹ RUDN University, Moscow, Russia. (ekaterinagnatik@rambler.ru), (ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0745-5019>)

² Institute of Philosophy of the RAS, Moscow, Russia, (lik6841@mail.ru), (ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2272-1250>)

Abstract

The article is devoted to the discussion of trends and problems of the modern expansion of transhumanist ideas. Analyzing the phenomenon of transhumanism, the authors note that this intellectual direction has designated as one of its main guidelines the creation of an artificial mind that surpasses the natural one, in order to use it as a tool to achieve complete power over a person. It is emphasized that, along with this, transhumanism declares itself as an international socio-political movement, the scale and activity of which correlate with the pace of development of NBIC technologies. At the same time, in various associations and movements, there is a whole range of versions and discrepancies in assessing the possibilities, effectiveness and necessity of applying the latest discoveries in the field of nanotechnology, genetic engineering, artificial intelligence technologies, robotics, neuroscience, etc. in order to transform human nature. The paper considers the main scientific and technological areas where adherents of transhumanism and technocrats count on success. Humanistic and other aspects of human cyborgization are discussed. The authors believe that the real goal of creating cyber systems and cyber prostheses is not to make life easier for the disabled, as it is declared, but to connect the computer with the human brain and create a single bio-cybernetic system with feedback. This may open up previously unprecedented opportunities for external influence on a person and the programming of social processes, which may mean the onset of the posthuman era. The article emphasizes that the problem of creating a strong artificial intelligence, the so-called human-like and superior machines, actually comes down to developing a set of measures to force a person to obey. In this regard, from the point of view of the authors, the growing global trend of immersion of the young generation in the virtual world raises serious concerns, since in this way the preparation of the basis, the substratum of the transhumanist society of the future is realized.

Keywords: transhumanism, posthuman, cyborgization, NBIC-technologies, technosphere, artificial intelligence, neuroimplants, modification of human nature

For citation: Gnatik E.N., Liseev I.K. The Posthuman Era as a Transhumanist Image of the Future. *Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2023. Vol. 19. No 2. P. 284–293. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_2_11_284_293

Введение

Целью настоящей статьи является философский анализ тенденций и проблем современной экспансии трансгуманистических идей. Объектом исследования является трансгуманизм, активность и масштабы распространения которого на современном этапе коррелируют с темпами развития NBIC-технологий. Предметом исследования служат основные научно-технологические направления, где адепты трансгуманизма и технократы рассчитывают на успех: нанотехнологии, генетическая инженерия, технологии искусственного интеллекта. Гипотеза исследования заключается в том, что потенциал новейших открытий в сфере конвергентных технологий, и особенно создания киберсистем, способен генерировать невиданные ранее возможности внешнего целенаправленного воздействия на человека и программирования социальных процессов, что может означать наступление эры постчеловека.

С момента принятия конвергентной парадигмы (2002 г., США) человечество стало свидетелем расширения «мира возможного», заложенного при планировании исследовательских программ, базирующихся на синергетическом объединении NBIC-областей. Происходит формирование качественно новой техносферы. Мир, подвергаясь стремительным трансформациям, становится всё более сложным и неопределённым. Набирает обороты процесс становления кластера, где сосредоточены нано-, био-, информационные технологии, когнитивная наука. Конвергенция ключевых технологических платформ способствует нивелированию границ между классическими разделами науки, созданию новых объектов познания и преобразования, что свидетельствует о наступлении нового этапа интеграции знания. В фокусе внимания находится человек: он – и объект, и главная цель, и средство, и ориентир технауки. Среди иных целей – поиск новых источников энергии, снижение техногенных рисков и угроз, предотвращение деградации природной среды, климатических катастроф и др.

Развитие конвергентных технологий благоприятствует расширению экспансии трансгуманизма. Данный проект, стартовавший ещё в середине прошлого века, получает в своё распоряжение постоянно пополняющийся арсенал научно-технических средств и возможностей. Воздейс-

твие новых технологий на мировоззрение современного человека усиливается, осуществляясь, в том числе, посредством явной или завуалированной пропаганды трансчеловеческого и постчеловеческого существования. Концептуальное ядро трансгуманистической картины мира, по большому счёту, составляют два принципа, перекликающиеся с магистральными направлениями NBIC-инициативы: представление о том, что на основе технологий возможно, допустимо и целесообразно улучшение вида *Homo sapiens*, и убеждение в необходимости применения новых технологий на пути решения целого ряда глобальных проблем. Трансгуманизм ориентирован на пересмотр традиционных представлений о жизни, в частности – на отказ от неприкосновенности и неизменности человеческого тела, провозглашение необходимости когнитивной, психической и телесной трансформации человека, значительное продление жизни, стремление к бессмертию и пр. Знакомство с концепциями адептов трансгуманизма (Дж. Хаксли [1] (основоположник), М. Мински [2; 3], Г. Моравек [4], Р. Курцвейл [5; 6; 7], Н. Бостром [8], Ф.М. Эсфендиари [9], Р. Эттингер [10], М. Мур¹, Д. Харауэй [11] и др.), позволяет констатировать, что это специфическое интеллектуальное направление довольно разномастно, и, строго говоря, его вряд ли возможно квалифицировать как целостное мировоззрение. В определённой мере трансгуманизм можно рассматривать в качестве разновидности конструктивистского постмодернизма, унаследовавшего от эпохи Просвещения идею всемогущества разума, при этом ориентированного на создание искусственного разума, превосходящего естественный, и использование его как инструмента для достижения полной власти над человеком.

Трансгуманизм довольно громко заявляет о себе не только в философской сфере, но и в качестве международного общественно-политического движения, масштабы и активность которого коррелируют с темпами развития NBIC-технологий. Всемирная ассоциация трансгуманистов (World Transhumanist Association, а позже – «Humanity+») ведёт свою историю с 1998 г., будучи основанной Н. Бостромом и Д. Пирсом². Спустя два года эта общественная неправительственная организация появилась и в нашем отечестве в рамках Россий-

¹ URL: <http://www.extropy.org> (дата обращения: 04.04.2023).

² URL: [http://Человечность+ \(humanityplus.org\)](http://Человечность+ (humanityplus.org)) (дата обращения: 04.04.2023).

ского трансгуманистического движения³, а в 2011 г. было создано так называемое Стратегическое общественное движение «Россия 2045»⁴. 2012 год – время начала формирования первой трансгуманистической платформы «Longevity Party» («Партия продления жизни») ⁵. Особая политическая активность трансгуманистов пришлась на 2014 год. Именно тогда была основана «Космическая партия США»⁶; впервые на выборы в Конгресс США выдвигалась кандидатура представителя трансгуманистов Г. Ротблатта⁷, а в Великобритании был обнародован Манифест трансгуманистической партии⁸. В том же году возникла наднациональная организация The Transhumanist Party (Global), ориентированная на поддержку и координацию деятельности национальных трансгуманистических партий⁹. Под формальным организационным единством завуалировано многообразие авторских версий трансгуманизма, различие в интерпретациях возможностей применения новейших открытий в сфере нано- и биотехнологий, технологий искусственного интеллекта и пр. В различных ассоциациях и движениях существуют разночтения в оценках эффективности и необходимости использования NBIC-технологий с целью трансформации человеческой природы. Под разным углом зрения обсуждаются метафизические, морально-нравственные, гуманистические, религиозные и иные аспекты данной проблематики. Таким образом, довольно широкая идейная и медийная трансгуманистическая платформа, генерирующая информационный шум, сегодня являет собой целый спектр разнородных течений (анархическое, демократическое, либертарианское, феминистское и др.).

Представляется, что главными бенефициарами технологий модификации биологической природы человека являются те, кого принято называть «представители глубинного глобализма», «сильные мира сего», «элита транснациональных корпораций» и т.п. Строго говоря, социальные и социобиологические концепции, ориентирован-

ные на путь создания контролируемого и управляемого человека (или ликвидации традиционного человека), разрабатывались ещё до формирования трансгуманистического движения. На наш взгляд, мощным катализатором внедрения в общественное сознание подобных идей послужил первый доклад Римского клуба «Пределы роста» [12], обнародованный полвека назад, в 1972 г. Появление этого документа, где вполне откровенно была осуществлена попытка обосновать целесообразность политики депопуляции и деиндустриализации в глобальном масштабе, вызвало во всём мире довольно ожесточённую полемику. Последующие концепции Римского клуба принципиально не изменили первоначально озвученного сценария. Претворение этих планов в жизнь человечество наблюдает на протяжении последних десятилетий. Непростой, но вполне выполнимой задачей оказалась разработка способов «красивой» подачи этих идей мировой общественности. Так, планы по «зачистке» промышленности наиболее развитых стран были упакованы в изящную обёртку теории постиндустриального общества. Объёмы промышленного производства многих государств Старого Света были резко снижены под лозунгом «строительства общего европейского дома и интеграции». А для реализации планов по сокращению населения планеты апологетами неомальтузианства, «устойчивого развития» и «нулевого роста» были использованы широко разрекламированные и «научно обоснованные» программы планирования семьи. Нынешняя активная деятельность, направленная на разрушение двуполой семьи, замена традиционных семейных отношений формальным сожительством, контроль над «многодетной» семьёй (в идеале – ликвидация института семьи), а также всемерная поддержка ЛГБТ-сообщества (включая вовлечение в их ряды детей), движение «child-free» – всё это объявлено незыблемыми либерально-демократическими ценностями западной цивилизации. В действительности эти мероприятия, базирующиеся на постулатах философии богемы постмодернистской эпохи, ориентированы на подчинение процесса воспроизводства «человеческих ресурсов» и резкое сокращение численности населения планеты. Технократы не скрывают и других своих далекоидущих целей: создание высокотехнологичной системы социального контроля и программирование поведения людей.

Конвергентные технологии как научная база трансгуманистической платформы

На пути к трансформации природы человека просматривается несколько основных научно-технологических направлений, где адепты трансгуманизма рассчитывают на успех. Среди них – значи-

³ URL: <http://www.transhumanism-russia.ru> (дата обращения: 04.04.2023).

⁴ URL: <http://www.2045.ru/> (дата обращения: 04.04.2023).

⁵ Hank Pellissier. Who are the “Longevity Party” Co-Leaders, and What do They Want? (Part 1). Institute for Ethics and Emerging Technologies (20 August 2012). URL: <http://ieet.org/index.php/IEET/more/pellissier20120820> (дата обращения: 04.04.2023).

⁶ URL: <http://spacepartyusa.blogspot.ru> (дата обращения: 04.04.2023).

⁷ URL: <http://hplusmagazine.com/2014/07/01/interview-gabriel-rothblatt-congressional-candidate-in-floridas-8th-district/> (дата обращения: 04.04.2023).

⁸ URL: <http://motherboard.vice.com/read/a-transhumanist-manifesto-for-the-uk-general-election> (дата обращения: 04.04.2023).

⁹ URL: <http://transhumanistpartyglobal.org> (дата обращения: 04.04.2023).

тельное расширение когнитивных и физических способностей, замедление и приостановка процесса старения, создание систем контроля над эмоциональными и психическими состояниями и т.п. Разрабатываются концепции модификации и киборгизации человека, становясь идеологической базой для грандиозной программы, поддерживаемой гигантскими финансовыми вливаниями со стороны всевозможных фондов и частных спонсоров. На создание дорожной карты и обслуживание этого глобального заказа мобилизована целая армия мыслителей и идеологов, несущих в массы позитивный образ технологий переделки человека и кардинального переустройства общества. Скорость движения по этим рельсам коррелирует с успехами в сфере нанотехнологий, технологий искусственного интеллекта, робототехнике, нейронауке и генетической инженерии.

Попытаемся несколько подробнее рассмотреть возможности и перспективы в этих областях. На сегодняшний день фундаментом для важнейших отраслей технауки служат нанотехнологии. Исследовательско-технологическая база здесь ориентирована на разработку принципиально нового способа создания материалов путём направленного манипулирования атомами и молекулами. Приоритетной задачей в процессе данного инновационного производства становится кардинальное снижение энерго- и ресурсоёмкости. Грандиозный размах проекта демонстрирует, что важнейшей стратегической целью нанотехнологий является осуществление контроля над физическими и химическими процессами, происходящими на атомно-молекулярном уровне. Иными словами, задача, поставленная перед нанотехнологами, весьма амбициозна: не много, не мало – достижение полного и всеобъемлющего господства над структурой вещества, из которого соткан весь неживой мир. Вместе с тем, природа не очень-то торопится поделиться своими заветными тайнами, и на сегодняшний день, несмотря на все усилия и капиталовложения, ассемблеры для сборки молекул из атомов ещё не созданы. Т.е. до конца понять и покорить мир неживой природы человеку пока не удаётся.

В основе другой важнейшей составляющей нанопроекта заложена идея сближения и взаимопроникновения неорганического и биоорганического мира. Нанобиотехнологические разработки ориентированы на поиск возможностей воспроизведения принципов функционирования систем живой природы на основе использования относительно простых неорганических материалов. На данный момент речь, прежде всего, идёт о соединении твердотельной микроэлектроники со сложными «конструкциями» живых организмов.

Предполагается, что успех в этой сфере позволит человечеству в будущем существовать за счёт принципиально новых, неистощимых технологий и ресурсов, созданных по образцу живой природы. Таким образом, ещё одной стратегической задачей нанотехнологий является достижение в технологических приборах того совершенства, которое заложено в биологических объектах.

В генноинженерной сфере, также, как и в нанотехнологиях, господствует идея об овладении структурой вещества. Только в данном случае речь идет о веществе, находящемся на самом высоком уровне развития – живой материи. Иными словами, генетическая инженерия – та сфера, где шаг за шагом идёт движение по пути реализации мечты о создании технологий управления биотой. Но здесь стоит отметить, что биология – чуть ли не единственная наука, где главный предмет исследования до сих пор не имеет единого, общепризнанного определения. Феномен жизни настолько сложен, что на сегодняшний день существует около двухсот его дефиниций. Соответственно, создание живых организмов из неживой материи – задача, на сей момент для науки непосильная. Однако генноинженерные методы позволяют вмешиваться в уже существующие живые организмы, изменяя их свойства в заданном направлении [13]. И одной из важнейших задач, стоящих перед технологиями рекомбинантных ДНК, является редактирование генома человека. Приблизятся ли люди, подвергнутые генноинженерной корректировке, к сверхлюдям, если эта процедура избавит их от каких-то болезней или придаст некие новые качества, улучшенные физические или когнитивные способности? На этот вопрос внятного ответа пока нет. Кроме того, крайне важно осознавать, что «большинство признаков, или характеристик человека, которые предполагается менять, с генетической точки зрения представляют собой результат взаимодействия большого числа генов и внешнесредовых факторов, ещё не идентифицированных» [14, С.91].

Проблема эффективного и безопасного использования генноинженерных методик применительно к человеку не сходит с повестки дня, требуя всё более глубокого и всестороннего изучения. В этой связи уже около трёх десятилетий назад на международном уровне было выработано строгое разграничение в плане разрешения генетической модификации соматических клеток и запрета на любое вмешательство в «зародышевую линию». Однако ситуация может измениться кардинальным образом. В частности, вызывают серьёзные опасения последствия разработки технологической платформы CRISPRCas9, спровоцировавшей довольно радикальное изменение в подходах к

инновационным процессам в этой сфере. Активное и стремительное внедрение новых методов в практику лабораторной молекулярной биологии инициирует серьёзные трансформации в подходе к генетическим манипуляциям [15, С. 94–95]. Благодаря низкой стоимости, высокой скорости, простоте и доступности данной технологии, генетическая инженерия клеток, тканей и целых организмов выходит на качественно иной уровень, расширяя масштаб и области своего применения. Недаром открытие метода CRISPR удостоено Нобелевской премии по химии 2020 г. Увеличение возможностей межвидового и межпоколенческого манипулирования генами ведёт к постепенному размыванию границ как между организмами, так и между «естественным» и «синтетическим». Значительно возрастает потенциал создания искусственной жизни, точнее, – форм гибридной жизни. Кроме того, новые возможности, предоставленные технологией CRISPRCas9 медицине, беспрецедентно ускорили переход к экспериментальному применению этих методик на людях. Но, пожалуй, самая опасная тенденция связана с открывшимися перспективами пересмотра международного моратория на манипуляции с эмбрионами. Это означает дрейф в сторону разрешения редактирования зародышевой линии, т.е. в направлении формирования новой и весьма небезопасной архитектуры научной практики, трансформации сложившихся морально-этических норм и правил, а также возрождение евгеники [16]. Уже известны случаи применения методов генной инженерии зародышевой линии (о рождении первых в мире «CRISPR-младенцев», «устойчивых» к ВИЧ, было сообщено в ноябре 2018 г. китайским учёным Хэ Цзянькуем (HeJiankui)). Эксперимент по редактированию генов эмбрионов человека, проведённый в нарушение биоэтических норм и законов, завершился для учёного большим штрафом и тремя годами тюремного заключения. Однако это серьёзный шаг на пути к реализации самой амбициозной цели технократов – добиться господства над человеком.

Наряду с идеей генноинженерной модификации человека, трансгуманисты одержимы мечтой об обретении «сверхразума» и уделяют особое внимание технологиям искусственного интеллекта. Успехи проекта так называемого Слабого искусственного интеллекта широко известны: созданы системы, не уступающие человеку в решении целого спектра прикладных задач. Так, искусственный интеллект уже практически сравнялся с человеком в процессе распознавания лиц, разговорной речи, идентификации объектов на изображениях со сложным фоном и т.п. Техноло-

гии искусственного интеллекта широко применяются во многих сферах человеческой деятельности (медицина, здравоохранение, военное дело, строительство, разработка и добыча полезных ископаемых и многое другое). Преимущества микроэлектроники в плане быстродействия очевидны: скорость работы искусственного интеллекта на порядки превосходит человеческий разум. При этом, как известно, Слабый искусственный интеллект способен работать исключительно с алгоритмами (в общем смысле под алгоритмом подразумевается конечный набор упорядоченных шагов).

В свою очередь технологии Сильного искусственного интеллекта ориентированы на решение креативных интеллектуальных задач, что подвластно исключительно человеку. А потому система должна работать в неалгоритмизированном пространстве, в различных неформализованных ситуациях [17, с. 200]. Создание Сильного искусственного интеллекта в виде программы на электронно-вычислительной машине на современном этапе развития науки и техники нереально, поскольку целевая установка алгоритма может исходить только от человека. Другой путь – создание биокибернетических систем, весьма существенно расширяющих возможности человека в различных видах его деятельности. К настоящему времени создано множество устройств, способных помочь людям с неврологическими и иными недугами. Активно развивается бионика – сфера, где инженерия сближается с медициной. Например, известно о нейробионических устройствах, предназначенных для электронной замены повреждённых нервов или нейронов, с целью преодоления сбоев в обработке информации. На основе достижений наноиндустрии и микроэлектроники созданы устройства, восстанавливающие слух [18], зрение [19], аппаратура для лечения различных двигательных расстройств [20] и др. Для анализа мыслительной деятельности применяются различные сканеры, электроды, томографы и т.п. Разработки аналоговых устройств для нейросистем, когнитивных роботов, нейрокомпьютеров являются воплощением в реальные объекты и механизмы самых смелых идей, которые можно почерпнуть из научной фантастики.

Задача наделения человека сверхспособностями наиболее активно реализуется сегодня в сфере технологий двойного назначения. Из недр передовых супер-лабораторий мира (DARPA и др.) эпизодически просачиваются сведения о разработке военных новшеств, которые впоследствии могут применяться и в иных целях. В частности, речь идёт о проведении различными институтами и фондами исследований по созданию робототех-

нических платформ, способных оказывать поддержку в плане усиления выносливости, расширения адаптивных способностей человека и пр. В рамках проекта биомикророботов осуществляется изучение естественных биологических механизмов для создания искусственных объектов со свойствами сопротивления к старению и смерти, а также клеточных «включателей» мгновенной смерти. В стенах российского Фонда перспективных исследований ведётся разработка основ медицинских технологий для обеспечения управляемых гипобиотических состояний человека, т.е. возможности обратимого замедления всех основных процессов жизнедеятельности организма. Уделяется большое внимание созданию новых методов конструирования эволюционных систем и технологий получения синтетических биоматериалов. В рамках проекта «Когнитивная технология предупреждения об угрозе» изучаются способы технологического совмещения в одном приборе оптического сенсора и электроэнцефалографа, регистрирующего импульсы коры головного мозга человека¹⁰. На базе Массачусетского технологического института осуществляются разработки по существенному расширению возможностей имеющихся органов чувств человека, а также по изобретению и установке искусственных (инфракрасное зрение и пр.). Ведутся эксперименты по вживлению в человеческий организм биологических, электромагнитных и химических наносенсоров.

Киборгизация как стратегическое направление на пути к совершенствованию технологий управления человеческим поведением

Трансгуманисты возлагают большие надежды на радикальные прорывы в разработке технологий киборгизации. Однако имплантация всевозможных искусственных органов едва ли приведёт к реализации их вождельной цели – созданию сверхчеловека. Совершенствование организма при помощи технологических устройств в целом вряд ли способно кардинально изменить личность человека. И, судя по всему, реальная цель создания киберсистем и киберпротезов состоит не в том, чтобы облегчить жизнь больным людям, как это декларируется, а в том, чтобы связать компьютер с мозгом человека и создать единую систему с обратной связью, что откроет невиданные возможности внешнего воздействия на человека. Испытательным полигоном для подобных технологий служит военная сфера. Скупые сведения,

поступающие из недр лабораторий, подтверждают, что внедрение различного рода имплантов в человеческий мозг предоставляет определённые возможности управления сознанием. В частности, речь идёт о психическом или физиологическом воздействии посредством радиокommunikационных устройств на расстоянии (например, осуществление моторно-двигательной блокады или вызов болевого шока).

В качестве наиболее эффективной технологии, предоставляющей возможность поставить человека под контроль машин, а значит, в некотором смысле сделать его частью машинного разума, рассматривается нейроинтерфейс, напрямую связывающий человека и компьютер. Техноэнтузиасты считают, что создание такой биокрибернетической системы позволит реализовать их мечту об искусственном интеллекте, способном превзойти мозг по всем характеристикам. По идее, прямой нейрокомпьютерный интерфейс должен невероятно расширить потенциал человека, предоставив ему фантастические возможности получения и хранения гигантского объёма информации, проведения сложнейших математических расчётов и пр. Трансгуманисты полагают, что станет реально осуществимой передача мыслей, образов непосредственно через интерфейс. Далее полёт мечты устремляется на глобальный уровень – создание сети Brain-net.

И надо признать, что некоторые успехи в сфере технологий киборгизации в виде нейроимплантов и непосредственной (напрямую) связки организма человека с искусственными системами уже достигнуты. Так, широко разрекламирован проект Neuralink, направленный на разработку компьютерного чипа для имплантации в мозг¹¹. Созданный в лаборатории Илона Маска интерфейс мозг-машина, при условии успешного завершения испытаний, предполагается использовать для улучшения когнитивных способностей человека. Известно, что метод является инвазивным: вживление проводов и электродов проводится через небольшое (в несколько миллиметров) отверстие в черепе. Приём сигналов и передача данных на компьютер осуществляется посредством небольшого блока, расположенного за ухом. Реализация данного проекта служит яркой демонстрацией принципиальной возможности непосредственной передачи информации между машинами и мозгом человека. В настоящее время команда Neuralink ориентирована на совершенствование этой технологии: идёт разработка устройства, способного при помощи относительно несложной автоматизированной процедуры существенно увеличивать число задействованных нейро-

¹⁰ Сергеев О. Инноград Сколково: российская ДАРПА, да не та // Промышленные ведомости. 2010. № 7–9. URL: <https://www.promved.ru/articles/article.phtml?id=1950&nomer=66> (дата обращения: 04.04.2023).

¹¹ URL: Нейралинк Общее описание Компания и Члены (ruwiki.press) (дата обращения: 04.04.2023).

нов, из которых можно извлекать информацию и осуществлять необходимые стимулирующие действия. Одно из препятствий на пути реализации проекта И. Маска состоит в небезопасности инвазивных методов: возможны воспалительные реакции тканей, кровоизлияния и иные нарушения мозговой деятельности. Однако не приходится сомневаться, что для специалистов устранение этого недостатка – лишь дело времени. Другие техноэнтузиасты (исследователи из компании Synchron), пытаясь «обойти» эту проблему, направили свои усилия на разработку устройства для введения зонда, избегающего прямого проникновения в ткань мозга, и, следовательно, на минимизацию травматичности процедуры¹². Еще одна компания (Openwater), занимающаяся в том числе нейроинтерфейсами, нацелена на создание системы телепатии¹³. В случае успеха проекта это будет прорыв на данном направлении.

В целом, перспективы применения биокибернетических систем для эффективного повышения уровня интеллектуальных способностей человека, безусловно, впечатляют. Вместе с тем, на сегодняшний день у специалистов нет чёткого представления о том, как в реальности может осуществляться непосредственное взаимодействие между мозгом и компьютером. Дело в том, что принципы работы компьютера, способы хранения информации, обмен данными, передача смысловых значений и т.п. кардинально отличаются от принципов функционирования мозга. Процесс мышления для современной науки и сегодня является terra incognita. Так, например, обеспечив доступ мозга к существенно большему объёму информации, разработчики могут столкнуться с ограничением скорости её обработки, которая лимитирована скоростью прохождения нервного импульса. Вопрос, возможно ли принципиальное усовершенствование механизма обработки получаемой мозгом информации, является открытым. Кроме того, у каждого человека существуют свои индивидуальные способы формирования и передачи смыслов, которые зависят от генетических факторов, особенностей физиологии, социокультурных условий [17, С. 200–201] и т.д. В целом, на данном этапе проблем, стоящих на пути воплощения этого замысла, великое множество.

Вместе с тем, на наш взгляд, пока ящик Пандоры не открыт, необходимо задуматься о том, что последствием недостаточно осмысленного

¹² Митчелл П., Мед М., Ли С.К.М., Питер Э.Ю. и др. Оценка безопасности полностью имплантированного эндоваскулярного интерфейса мозг-компьютер при тяжёлом параличе у 4 пациентов. URL: <https://synchron.com/research> (дата обращения: 04.04.2023).

¹³ URL: <https://www.openwater.cc> (дата обращения: 04.04.2023).

внедрения новых технологий может оказаться смена социальной парадигмы и формирование общества, в котором искусственный интеллект и синтетическая реальность начнут доминировать во всех значимых сферах человеческой деятельности. Потенциально использование прямых интерфейсов мозг-компьютер способно привести к трансформации личности человека. Каким будет мир, в котором можно будет расшифровывать психические процессы людей, манипулировать эмоциями или действиями, общаться друг с другом без слов? Что будет представлять собой человек, управляемый компьютерными программами? Как будет работать мозг, сознание «самостоятельно», когда нейроинплант будет отключён? Ответов нет. Кроме того, широкое распространение услуг «физической гаджетизации» может создать угрозу внедрения в мозг системы тотального контроля. А значит, это приведёт к увеличению способов манипулирования массами людей, породит новые возможности их эксплуатации и пр. Соответственно, все это повлечёт за собой изменение способа бытия человека в мире и кардинальную трансформацию устройства общества. Иными словами, на наш взгляд, Сильный искусственный интеллект в виде биокибернетических устройств вовсе не превзойдёт разум человека и не превратит человека в сверхчеловека. Ведь какой бы совершенной ни была машина, функционировать она способна лишь благодаря определённым техническим параметрам и тем алгоритмам, которые в неё заложены разработчиками. А вот наступление эпохи постчеловека, столь воспеваемой трансгуманистами, не кажется столь уж невероятным, когда и если, благодаря таким устройствам, станет возможным управление людьми и программирование социальных процессов. В этой связи представляется, что проблема создания Сильного искусственного интеллекта, так называемых человекоподобных и превосходящих человека машин, на деле сводится к разработке комплекса мероприятий, позволяющих принудить человека подчиняться. И эта политика вполне успешно реализуется. Под видом улучшения человеческих способностей адепты трансгуманизма предлагают сращивание мозга с компьютерными системами (киборгизацию) и повествуют, как это замечательно и перспективно – жить под управлением сверхмашины. Детей с самого раннего возраста активно погружают в виртуальный мир, замещая им, по сути, мир настоящий. Эта политика навязывания сверхума и его продуктов (имитаторов человеческого мышления и деятельности) в качестве основной реальности, собственно, и есть политика апологетов постчеловеческой эры, которая ведёт к когнитивному подчинению человека машине. В со-

знании молодых людей формируется приоритет виртуальной реальности, приоритет имитации деятельности и мышления [21, С. 50]. Широкое внедрение IT-платформ в сферу образования, применение технологий дополнительной реальности, геймификации и пр. всё более погружает юное поколение в виртуальный мир, постепенно и методично закрывая возможности его реализации и совершенствования в мире реальном. Движение по этому пути может привести к тому, что человек будет рассматриваться в перспективе как существо, обязанное подчиняться качественно превосходящему его искусственному интеллекту (сверхразуму). На этом и базируется подготовка основы, субстрата трансгуманистического социума будущего. Молодёжи часто рассказывают о необозримых, фантастических возможностях творчества в виртуальной среде. При этом умалчивается о том, что творить в киберпространстве можно лишь в определённых рамках, тех, что заложены в программе. Уже сейчас в среде увлечённых компьютерными играми наблюдается определённая переориентация развития навыков и способностей – от тех, которые человек мог бы выбрать для себя сам, к тем, которые определяет для него система, задаваемая искусственным интеллектом. Т.е. сам человек постепенно будет переделываться под алгоритм («Watson», «Siri» или некий другой). В итоге нельзя исключить, что искусственный интеллект может использоваться не только как корректор поведения людей, но и как суррогат личности. На наш взгляд, именно в этом и есть реальная задумка технологий сверхразума, продвигаемых представителями трансгуманизма (Р. Курцвейл, Н. Бостром и др.): человек должен (желательно, конечно, добровольно) принять над собой когнитивное превосходство распределённого сетевого Сверхразума.

Заключение

Итак, прогресс конвергентных технологий предоставляет трансгуманизму определённые объективные основания для достижения успеха. Новые технологии развиваются стремительно, при этом оперативное осмысление возможных негативных последствий и угроз, которые они за собой влекут, непозволительно запаздывает. Человек оказывается не защищённым перед серьёзными угрозами, которые ещё совсем недавно трудно было вообразить. Адепты трансгуманистического проекта наращивают темпы внедрения подобных идей в общественное сознание, стремятся расширить спектр своего влияния. Их целевая аудитория – молодёжь, именно здесь ментальное заражение чуждыми смыслами идёт наиболее успешно. Происходит эволюция мировоззрения, и повернуть её вспять будет крайне сложно, если вообще возможно. Фактически встаёт вопрос о демонтаже мироустройства, основанного на понимании, что такое человек, человеческая культура, что такое традиционная основа общества, его ценности и приоритеты. В случае если научное сообщество не будет владеть ситуацией, обеспечивая безопасность и сохранность природы человека, то нам вряд ли удастся создать позитивный контур будущего, своевременно увидеть угрозы, а также отличить конструктивные инициативы по применению конвергентных технологий от деструктивных. Мы должны, опираясь на знания и здравый смысл, действовать на опережение, формируя повестку, исходя из наших интересов, с тем чтобы трансгуманистические идеи не стали неизбежной частью воспроизведения грядущего, в котором будет господствовать искусственная реальность, созданная талантом учёных, для укрепления власти «элитарного меньшинства», для реализации их мечты о наступлении эры постчеловека.

Список литературы

1. Huxley J. *New Bottles for New Wine*. London: Chatto&Windus, 1957. 318 p.
2. Minsky M. *The Society of Mind*. New York: Simon and Schuster, 1986. 339 p. ISBN 0671607405
3. Minsky M. *The Emotion Machine: Commonsense Thinking, Artificial Intelligence, and the Future of the Human Mind*. New York: Simon & Schuster, 2007. 400 p. ISBN 9781416579304
4. Moravec H. *Robot: Mere Machine to Transcendent Mind*. New York: Oxford University Press, 1999. 227 p. ISBN 9780195136302
5. Kurzweil R. *The Age of Intelligent Machines*. Cambridge, MA: MIT Press, 1990. 580 p. ISBN 0-262-11121-7
6. Kurzweil R. *The Age of Spiritual Machines: When Computers Exceed Human Intelligence*. New York: Viking, 1999. 400 p. ISBN 0-670-88217-8
7. Kurzweil R. *The Singularity is Near: When Humans Transcend Biology*. New York: Viking, 2005. 652 p. ISBN 9780670033843
8. Бостром Н. Искусственный интеллект: этапы, угрозы, стратегии. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2016. 490 с. ISBN 978-5-00057-810-0
9. FM-2030. *Optimism one; the emerging radicalism*. N.Y.: Norton, 1970. 249 p. ISBN 0393086119
10. Эттингер Р. Перспективы бессмертия. М.: Научный мир, 2003. 261 с. ISBN 5-89176-222-6
11. Харлауэй Д. Манифест киборгов. Наука, технология и социалистический феминизм 1980-х. М.: Ад Маргинем, 2017. 128 с. ISBN 978-5-91103-374-3

12. Пределы роста: Докл. по проекту рим. клуба "Слож. положения человечества" / Д.Х. Медоуз, Д.Л. Медоуз, Й. Рэндерс, В.В. Беренс III. М.: Изд-во МГУ. 1991. 207 с. ISBN 5-211-02014-6
13. Гнатик Е.Н. Некоторые философско-гуманитарные проблемы генетики человека // Вопросы философии. 2004. № 7. С. 125–135. NDVDCC
14. Редактирование генома эмбрионов человека: междисциплинарный подход / Е.Г. Гребенщикова, Д.С. Андреюк, П.Ю. Волчков, М.В. Воронцова, Е.К. Гинтер, В.Л. Ижевская, А.А. Лагунин, А.В. Поляков, О.В. Попова, С.А. Смирнихина, П.Д. Тищенко, Д.Ю. Трофимов, С.И. Куцев // Вестник РАМН. 2021. Т. 76. № 1. С. 86–92. <https://doi.org/10.15690/vramn1269>
15. Гребенщикова Е.Г. 2020.04.011. Редактирование генома: динамика преемственности, конвергенция и изменения в инженерии жизни / Мартин П., Моррисон М., Тёркмендаг И., Нерлих Б., Макмэн А., Сайлли С., де, Бартлетт Э. Genome editing: The dynamics of continuity, convergence, and change in the engineering of life / Martin P., Morrison M., Turkmendag I., Nerlich B., McMahon A., Saille S., de, Bartlett A. // New geneticsandsociety. 2020. Vol. 39, N 2. P. 219-242. <https://doi.org/10.1080/14636778.2020.1730166> // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 8: Науковедение. Реферативный журнал. 2020. № 4. С. 94-108. EDN SEVNAW
16. Гнатик Е.Н. Философские проблемы евгеники: история и современность // Вопросы философии. 2005. № 6. С. 93-106. EDN HRZMNV
17. Дурнев Р.А., Крюков К.Ю., Титов А.Е. Искусственный интеллект: комплексный анализ состояния и перспектив разработки // Инноватика и экспертиза. 2019. Вып. 1. № 26. С. 190–202. <https://doi.org/10.35264/1996-2274-2019-1-190-202>
18. Wilson B.S., Finley C.C., Lawson D.T. Better speech recognition with cochlear implants // Nature. 1991. No. 352. P. 236–238. <https://doi.org/10.1038/352236a0>
19. Weiland J.D., Cho A.K., Humayun M.S. Retinal Prostheses: Current Clinical Results and Future Needs // Ophthalmology. 2011. Vol. 118. No. 11. P. 2227-2237. <https://doi.org/10.1016/j.ophtha.2011.08.042>
20. A Randomized Trial of Deep-Brain Stimulation for Parkinson's Disease / G. Deuschl, C. Schade-Brittinger, P. Krack [et al.] // New England Journal of Medicine. 2006. Vol. 355. P. 896-908. <https://doi.org/10.1056/NEJMoa060281>
21. Лисеев И.К. Экологическое мышление в формировании цивилизационных ориентаций российского общества цифровой эпохи // Вопросы философии. 2023. № 4. С. 48–59. <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2023-4-48-59>

Информация об авторе:

Екатерина Николаевна Гнатик – д-р филос. наук, профессор, кафедра онтологии и теории познания, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
(e-mail: ekaterinagnatik@rambler.ru) (e-library AuthorID: 250219) (ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0745-5019>), (ResearcherID: A-6561-2017) (Scopus ID: 6506175741)

Игорь Константинович Лисеев – д-р филос. наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт философии РАН, Москва, Россия
(e-mail: lik6841@mail.ru) (e-library Author ID: 72155) (ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2272-1250>) (ResearcherID: V-6134-2017), (Scopus ID: 57195835812)

Заявленный вклад авторов:

Авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
Автор, ответственный за переписку, – Игорь Константинович Лисеев.

Статья поступила в редакцию 06.04.2023; одобрена после рецензирования 08.05.2023; принята к публикации 16.05.2023.

References

1. Huxley J. New Bottles for New Wine. London: Chatto & Windus, 1957. 318 p.
2. Minsky M. The Society of Mind. New York: Simon and Schuster, 1986. 339 p. ISBN 0671607405
3. Minsky M. The Emotion Machine: Commonsense Thinking, Artificial Intelligence, and the Future of the Human Mind. New York: Simon & Schuster, 2007. 400 p. ISBN 9781416579304
4. Moravec H. Robot: Mere Machine to Transcendent Mind. New York: Oxford University Press, 1999. 227 p. ISBN 9780195136302
5. Kurzweil R. The Age of Intelligent Machines. Cambridge, MA: MIT Press, 1990. 580 p. ISBN 0-262-11121-7
6. Kurzweil R. The Age of Spiritual Machines: When Computers Exceed Human Intelligence. New York: Viking, 1999. 400 p. ISBN 0-670- 88217-8
7. Kurzweil R. The Singularity is Near: When Humans Transcend Biology. New York: Viking, 2005. 652 p. ISBN 9780670033843
8. Bostrom N. Artificial intelligence: stages, threats, strategies. Moscow: Mann, Ivanov and Ferber, 2016. 490 p. (In Russ.) ISBN 978-5-00057-810-0
9. FM-2030. Optimism one; the emerging radicalism. New York: Norton, 1970. 249 p. ISBN 0393086119
10. Ettinger R. Perspectives of immortality. Moscow: Scientific world, 2003. 261 p. (In Russ.) ISBN 5-89176-222-6
11. Haraway D. The Cyborg Manifesto. Science, technology and socialist feminism in the 1980s. Moscow: Ad Marginem, 2017. 128 p. (In Russ.) ISBN 978-5-91103-374-3
12. Meadows D.H., Meadows D.L., Rendens J., Behrens III V.V. Limits of growth: Dokl. according to the project of Rome Club "Difficult position of mankind". Moscow: Publishing House of Moscow State University, 1991. 207 p. (In Russ.) ISBN 5-211-02014-6
13. Gnatik E.N. Some philosophical-humanitarian problems of genetic. *Voprosy Filosofii = Questions of Philosophy*. 2004;(7):125-135. (In Russ.)
14. Grebenshchikova E.G., Andreyuk D.S., Volchkov P.Yu., Vorontsova M.V., Ginter E.K., Izhevskaya V.L., Lagunin A.A., Polyakov A.V., Popova O.V., Smirnikhina S.A., Tishchenko P.D., Trofimov D.Yu., Kutsev S.I. Editing the genome of human embryos: an

- interdisciplinary approach. *Vestnik RAMN = Bulletin of the Russian Academy of Medical Sciences*. 2021;76(1):86–92. (In Russ.) <https://doi.org/10.15690/vramn1269>
15. Grebenshchikova E.G. 2020.04.011. Genome editing: continuity dynamics, convergence and changes in life engineering convergence, and change in the engineering of life. Martin P., Morrison M., Turkmendag I., Nerlich B., Mc Mahon A., Saille S., de, Bartlett A. New genetics and society. 2020;39(2):219–242. <https://doi.org/10.1080/14636778.2020.1730166>
16. Gnatik E.N. Philosophical problems of eugenics: history and modernity. *Voprosy Filosofii = Questions of Philosophy*. 2005;(6):93–106. (In Russ.)
17. Durnev R.A., Kryukov K.Yu., Titov A.E. Artificial intelligence: a comprehensive analysis of the state and development prospects. *Innovatika i ekspertiza = Innovation and expertise*. 2019;1(26):190–202. (In Russ.) <https://doi.org/10.35264/1996-2274-2019-1-190-202>
18. Wilson B.S., Finley C.C., Lawson D.T. Better speech recognition with cochlear implants. *Nature*. 1991;(352):236–238. <https://doi.org/10.1038/352236a0>
19. Weiland J.D., Cho A.K., Humayun M.S. Retinal Prostheses: Current Clinical Results and Future Needs. *Ophthalmology*. 2011;118(11):2227–2237. <https://doi.org/10.1016/j.ophtha.2011.08.042>
20. Deuschl G., Schade-Brittinger C., Krack P. et al. A Randomized Trial of Deep-Brain Stimulation for Parkinson's Disease. *New England Journal of Medicine*. 2006;355:896–908. <https://doi.org/10.1056/NEJMoa060281>
21. Liseev I.K. Ecological Thinking in the Formation of Civilizational Orientations of the Russian Society of the Digital Age. *Voprosy Filosofii = Questions of Philosophy*. 2023;(4):48–59. (In Russ.) <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2023-4-48-59>

Information about the author:

Ekaterina N. Gnatik – Doctor of Philosophy, PhD Professor of the Department of Ontology and Epistemology at RUDN University, Moscow, Russia

(e-mail: ekaterinagnatik@rambler.ru) (e-library AuthorID: 250219) (ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0745-5019>) (ResearcherID: A-6561-2017) (Scopus ID: 6506175741)

Igor K. Liseev – Doctor of Philosophy, Leading Researcher at the Institute of Philosophy of the RAS, Moscow, Russia

(e-mail: lik6841@mail.ru) (e-library Author ID: 72155) (ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2272-1250>) (ResearcherID: V-6134-2017) (Scopus ID: 57195835812)

Authors' declared contribution:

The authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

The author responsible for the correspondence is Igor K. Liseev.

The article was submitted 06.04.2023; approved after reviewing 08.05.2023; accepted for publication 16.05.2023

Оригинальная статья

УДК 167.7

DOI: 10.52180/1999-9836_2023_19_2_12_294_302

EDN: UBOTIF

Жизнь как жизнедеятельность: взаимосвязь качества населения и качества его жизни (Часть I)

Николай Серафимович Маликов¹, Иван Федорович Маликов²

¹ Москва, Россия

² Высшая школа экономики, факультет гуманитарных наук, Москва, Россия, (ifmalikov@yandex.ru)

Аннотация

Представленная первая часть статьи посвящена рассмотрению теоретических вопросов, раскрывающих понятия «качество населения» и «качество жизни», а также их взаимосвязь. В центр исследования поставлены человек и исторический анализ социального развития. В отличие от экономократического подхода, авторы опираются на гипотезу о комплексном влиянии демографических процессов рождаемости, смертности, миграции, семьи, отношений мужчины и женщины, поколений на качество населения и качество его жизни. Показано, что влияние экономики на поведение человека, включая собственно демографические процессы: рождаемость, смертность и миграцию, велико, но не всеобъемлюще и далеко не линейно. Авторы привлекают внимание читателя к взаимозависимости качества населения и качества его жизни. Их позиция состоит в том, что необходимо признание демографии в соответствии с её изначальным смыслом в науку по описанию народа, а не по его «обсчитыванию», которое продолжает доминировать в общественной практике. Подчеркнуто, что демографическая наука, в центре которой находится исследование населения как системы, его количества и качества, позволяет получить результаты долговременного влияния демографических процессов на экономику и политику, необходимые для повышения качества населения на основе роста качества его жизни. Качество населения и качество его жизни в представленном исследовании рассматриваются во взаимодействии и взаимовлиянии. Методологический посыл авторов – идти от человека, означает развертывание исследования человека от демографических процессов к анализу взаимозависимости и взаимодействия народонаселения, экономики и политики.

Во второй части статьи жизнедеятельность человека будет рассмотрена в единстве комплекса потребностей, интересов и ценностей, определяющих его качество, а степень удовлетворённости их реализацией – качество его жизни.

Ключевые слова: качество населения, качество жизни населения, потребности, интересы, ценности, демография, народонаселение, уровень жизни населения

Для цитирования: Маликов Н.С., Маликов И.Ф. Взаимосвязь качества населения и качества его жизни (часть I) // Уровень жизни населения регионов России. 2023. Том 19. № 2. С. 294–302. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_2_12_294_302; EDN UBOTIF

RAR (Research Article Report)

DOI: 10.52180/1999-9836_2023_19_2_12_294_302

EDN: UBOTIF

Life as a Vital Activity: the Relationship between the Quality of the Population and the Quality of Its Life (Part I)

Nikolai S. Malikov¹, Ivan F. Malikov²

¹ Moscow, Russia

² Higher School of Economics, Faculty of Humanities, Moscow, Russia, (ifmalikov@yandex.ru)

Abstract

The presented first part of the article is devoted to the consideration of theoretical issues that reveal the concepts of "quality of population" and "quality of life", as well as their relationship. At the center of the study is a person and the historical analysis of social development. In contrast to the econocratic approach, the authors rely on the hypothesis of the complex influence of demographic processes of fertility, mortality, migration, family, relations between men and women, generations on the quality of the population and the quality of its life. It is shown that the influence of the economy on human behavior, including the actual demographic processes: fertility, mortality and migration, is large, but not comprehensive and far from linear. The authors draw the reader's attention to the interdependence of the quality of the population and the quality of its life. Their position is that it is necessary to recognize demography in accordance with its original meaning in the science of describing the people, and not by its "calculation", which continues to dominate in public practice. It is emphasized with a fact that demographic science, in the center of which is the study of the population as a system, its quantity and quality, allows to obtain the results of the long-term impact of demographic processes on the economy and politics necessary to improve the quality of the population based on the growth of the quality of its life. The quality of the population and the quality of its life in the presented study are considered in interaction and mutual influence.

The methodological message of the authors – to go from a person, means the deployment of human research from demographic processes to the analysis of the interdependence and interaction of population, economics and politics.

In the second part of the article, a person's life will be considered in the unity of a set of needs, interests and values that determine his quality, and the degree of satisfaction with their implementation will be the quality of their life.

Keywords: quality of the population, quality of life, needs, interests, values, demography, population, standard of the living of the population

For citation: Malikov N.S., Malikov I.F. Life as a Vital Activity: the Relationship between the Quality of the Population and the Quality of Its Life (Part I). *Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2023. Vol. 19. No 2. P. 294–302. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_2_12_294_302

Введение

Первая часть представленного исследования посвящена жизнедеятельности как взаимосвязи качества человека и качества его жизни. **Объектом исследования** является человек, влияющий на все стороны развития страны: экономику, социум, политику в отличие от экономократической постановки в центр исследований материальных факторов жизнедеятельности. **Предмет исследования** – взаимообусловленность качества населения и качества его жизни. **Гипотеза исследования** – на качество населения и качество его жизни оказывают комплексное влияние демографические процессы рождаемости, смертности, миграции, семьи, отношений мужчины и женщины, взаимодействия поколений. **Цель исследования** – раскрыть жизнедеятельность человека в единстве комплекса потребностей, интересов и ценностей, определяющих его качество, а степень удовлетворённости их реализацией – качество его жизни.

Становление новой России сопровождалось похоронным звоном по качеству её населения. В публикациях и выступлениях адептов "бега вдогонку по западному пути" оно превратилось из «творца истории» в «совка», «рабскую психологию» которого можно было выдавить, лишь вода его 40 лет по пустыне. Нашлось немало пытающихся объяснить неудачи перехода к рынку второсортностью населения, прежде всего, его государствообразующего этноса. В исследованиях и публикациях центральное место заняло утверждение о таких «исконных» характеристиках российского народа, как сакральность власти, низкий уровень общей и экономической культуры, «непривитость» должного уважения к частной собственности, лень и генетическое пьянство, коррупция и воровство и тому подобное. В общественное мнение упорно внедрялась мысль, что мы люмпены и маргиналы, ставился вопрос – евразийцы мы или азиопы, или же народ-маятник, качающийся в ту или другую сторону в зависимости от ориентации властей? Но во всех этих случаях место России и россиян определялось «в прихожей» Западной Европы, США, других динамично развивающихся стран мира. Чёрное пятно сталинизма 30-х годов, постепенно расширяемое недовольной своим положением частью советской элиты, превратилось в чёрный квадрат и переросло в годы застоя и распада СССР в оголте-

лый антикоммунизм. В пропрезидентской прессе в начале 90-х годов, в канун "шоковой терапии", утверждалось, что народ, победивший фашизм, болен коммунофашизмом и ему необходимо «хирургическое вмешательство». Провластные ораторы, которых немало во все времена, настойчиво формировали мнение о том, что население страны Советов состояло исключительно из «сидящих» и «охраняющих». Обвальное падение уровня жизни, рост смертности, резкое сокращение рождаемости и продолжительности жизни в 90-е годы, лицемерно названными «святыми», объяснялось сервильными обществоведами следствием захвата власти большевиками в октябре 1917 года, которые 70 лет занимались лишь сохранением собственной власти, жестоко подавляя инакомыслие внутри страны и цинично жертвуя миллионами человеческих жизней, защищая себя от внешнего врага. Заморский обыватель сегодня возмущается неблагодарностью России, «освобождённой США во второй мировой войне от фашизма», позволяющей себе ставить на своей территории ракеты против военных баз НАТО. Очернение своей истории усилило межпоколенческий разрыв между «совковыми» родителями и их детьми. Воссоединение Крыма, взятие «под свое крыло» Сирии, показавшие способность страны отстаивать собственные интересы на мировой арене и сорвавшее стремление Запада «справедливо» распорядиться нашими сырьевыми и людскими ресурсами, радикально углубили негативную оценку западными оппонентами качества россиян: мы, в их устах, стали агрессивными и коварными, сеющими зло в мире, разрушающими права и свободы человека. И только весной 2018 года, когда История вместе со сменой поколений сделала свой виток, и мы вернулись в ещё более, чем в дореформенный период, жёсткое противостояние с Западом, население страны возвращающегося в президенты В.В. Путина после многолетнего молчания превратилось из «дерьмового замеса» в талантливый и творческий народ, обладающий колоссальным потенциалом развития. Эта оценка приостановила громогласное поношение собственного народа, но не сняла остроту общественного запроса на понимание того: кто мы? как живём? и как будем жить?¹ Специальная военная операция в Малой

¹ Статья Владимира Путина «Об историческом единстве русских и украинцев» // kremlin.ru: [сайт]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/66181> (дата обращения: 08.05.2023).

России усилила русофобию в т. н. недружественных странах. Критический анализ ряда вышеприведенных оценок сделан в работах прогрессивных российских и зарубежных учёных, посвящённых философии, социологии, структурам [1–6]. Эта проблематика нуждается в дальнейшем исследовании. Пытаемся привлечь внимание к взаимозависимости качества населения и качества его жизни.

Взаимосвязь демографии, качества населения и качества его жизни

Хаос становления новой России предопределил и хаотическое появление множества научных школ и направлений, активно выдающих «на-гора» быстро сменяющиеся концепции как свидетельство неспособности новой власти создать единую основу для теоретического обеспечения эффективной социальной политики и устойчивого роста качества населения и качества его жизни. Сформированный выдающимися мыслителями прошлых веков различными мировоззрениями и политических убеждений диалектический метод познания и исторический подход к анализу явлений действительности, понимание прогресса как движения человечества из царства необходимости в царство свободы [7, С. 286–287] были отброшены, а их место занял отвечающий на конкретные вызовы времени прагматизм, как его понимает политическая элита.

Отказ от формационной теории развития, активное использование во внешней и внутренней политике понятия русского мира вызвали широкое распространение в обществе цивилизационной теории, согласно которой всё общественное развитие определяется способностью творческого меньшинства конкретной цивилизации находить ответы на вызовы природы, социальных противоречий и вызовы со стороны других цивилизаций. Наиболее признанной основой каждой цивилизации выступает господствующая в ней религия, духовный потенциал которой имеет многовековую историю. Основоположник современной цивилизационной теории А. Тойнби (1889–1975) считал, что экспансия коммунистических идей является лишь одним из неизбежных ответов на противоречие «между западной цивилизацией как агрессором и другими цивилизациями как жертвами» [8] и не исключал, что «русский залп в форме коммунизма» покажется нам чем-то несущественным, когда гораздо более мощные цивилизации Индии и Китая, в свою очередь, ответят на этот западный вызов. Обе эти страны, в конечном итоге, окажут значительно более глубокое воздействие на западную жизнь, нежели то, на которое может претендовать Россия с её коммунизмом [8].

В результате конституционного запрета государственной идеологии и подмены её прагматизмом утратилось целеполагание в социальном развитии, стратегия заменилась тактикой, «ручным управлением», а процесс роста качества населения и качества его жизни развивается стихийно, реагируя на конкретные обстоятельства.

Корневое единство, взаимосвязь и взаимозависимость демографических, экономических, социальных и политических процессов оказались на периферии исследований, а попытки создать долгосрочную стратегию развития в значительной мере неадекватными. Экономократический подход к социальному развитию игнорирует это единство, что создаёт возможность одностороннего анализа реальности, ведущего в конечном итоге к её искажению.

Анализ состояния и изменения качества населения и качества его жизни, как правило, идёт от материальных условий жизни к человеку, что в своё время не позволило научному сообществу определиться с сущностью и содержанием этих базовых категорий для социального развития [9]. Доминирование экономики, материальных условий жизни в исследованиях проблем социального развития обеспечивало власть в узком диапазоне, что сужало и её социальную политику.

Выдвижение в центр развития человека, его качества и качества его жизни ставит задачу комплексного влияния собственно демографических процессов рождаемости, смертности, миграции, семьи, отношений мужчины и женщины, поколений на социальное развитие.

Комплексный анализ позволяет получить реальную картину качества населения, его потребностей, интересов, ценностей (ПИЦ) и ценностных ориентаций. При таком синтезе движение мысли идёт от человека к условиям его жизни, что соответствует более эффективному пониманию содержания и сущности качества населения и качества его жизни. Идти от человека – значит идти от его качества к качеству его жизни, от демографических процессов к анализу взаимозависимости и взаимодействия народонаселения, экономики и политики. Влияние экономики и политики на качество населения и качество его жизни велико и конкретно, но не линейно и не абсолютно, тогда как влияние населения на экономику и политику основополагающе и долговременно. Такой подход предполагает признание демографии в соответствии с её изначальным смыслом как науку по описанию народа, а не по его «обсчитыванию», которое продолжает доминировать в общественной практике.

Именно демографии наряду с экономическими и политическими науками принадлежит пол-

ное право на системное и комплексное изучение качества населения, неотрывно связанное с качеством его жизни.

Попытка признания демографии как самостоятельной науки была предпринята в 60-е годы, когда население было признано открытой системой, в основе которой находится его материальный состав, структура как некий способ связи элементов в системе и функциональные свойства этой системы [10–12]. Эти три составляющие системного подхода позволяют получить целостную картину факторов, раскрывающих качественную определённость предмета, явления или процесса, соответствующих относительной устойчивости системы во времени и пространстве.

В научном обороте произошла замена термина «население» на «народонаселение», что отражало качественный рост значимости всей совокупности граждан СССР в жизни общества, его демократизацию, возросшее влияние населения во всех его сферах, появление и становление такой общности как советский народ, а также и рост зависимости экономической, социальной и политической жизни от демографических процессов. Однако, накопив значительный объём информации, демография так и не вышла на крупные научные обобщения. Она так и не получила статуса научной отрасли, во многом оставшись информационным агентством, регистрирующим количественные изменения демографических процессов в стране, прежде всего, для государственных органов. Открытый Росстатом доступ к широкой информации о демографических процессах в стране вызвал множество различного рода научных и околонаучных публикаций, трактующих её в соответствии с собственными мировоззренческими взглядами. В последнее время эта ситуация начинает меняться в лучшую сторону. Разработаны Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года, Концепция государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года, Национальный проект «Демография» и ряд других государственных инициатив. Это явилось результатом значительного прогресса демографических исследований, которые создали серьёзные научные заделы, реализованные и ещё не реализованные в государственных документах [13–21].

В России немало высокопрофессиональных, известных и в мировом сообществе, демографов, но среди них нет ни одного непосредственно учёного демографа. Профессиональные демографы, чаще всего, имеют степень кандидата или доктора экономических наук, что изначально предполагает от отправной точкой исследований материальные

условия, уровень жизни человека. Однако, влияние экономики на поведение человека, включая собственно демографические процессы: рождаемость, смертность и миграцию, велико, но не всеобъемлюще и далеко не линейно. Это поле «возделывают» в той или иной степени многие науки, прежде всего, экономика и социология, но демография как наука о качестве народа и его воспроизводстве остаётся для власти предрержащих «бухгалтерской ведомостью» учёта прихода и расхода человеческих ресурсов.

Анализ качества населения и качества его жизни особенно значим для современной России, где независимое от государства гражданское общество всё ещё не сложилось, несмотря на то что государство конституционно признало себя социальным. Поэтому управление социальным развитием общества требует единства, совмещения подходов от человека к условиям его жизни, также как и от условий жизни к человеку, включения в систему научных знаний собственно демографической науки, в центре которой находится исследование населения как системы, его количества и качества, позволяющей получить результаты долговременного влияния демографических процессов на экономику и политику, необходимых для повышения качества населения на основе роста качества его жизни.

Росстат, публикации которого служат основой нашего исследования, в недавнее время перешел в подчинение Минэкономразвития и понизил свой статус, что повлекло за собой корректировку отдельных понятий и терминов, существенно осложнив анализ долговременных демографических процессов.

Крайне сложно выйти за пределы неразрешимых в рамках отдельного анализа демографических, социальных и экономических процессов двух дилемм: население для экономики или экономика для населения; население для власти или власть для населения. Все политики заявляют, что они действуют исключительно в интересах народа. Предприниматели более честны, действуя в собственных интересах, которые не могут быть реализованы без эксплуатации наемных рабочих.

Это предполагает и выход за пределы экономократического подхода ко всем процессам и явлениям, реального признания и анализа растущей роли населения в общественном развитии, корневой взаимосвязи между экономическим, социальным и демографическим воспроизводством, что, в свою очередь, диктует необходимость целенаправленных совместных усилий социологов, экономистов, демографов, политологов, психологов, как и масштабных и комплексных межпредметных исследований больших коллективов.

Мы же лишь пытаемся привлечь внимание к взаимозависимости качества населения и качества его жизни, предложить новые акценты во взаимозависимости уровня и качества жизни и демографических процессов: рождаемости, миграции, функционирования института семьи, находящихся в неразрывном единстве с собственно экономическими и социальными процессами в целях поиска контуров теоретического обеспечения устойчивого социального развития и эффективной социальной политики на основе независимого анализа [22, С. 229–268].

Исходным положением исследования выступает жизнь как жизнедеятельность, как деятельность человека по воспроизводству и развитию социальных, материальных, духовных и других связей и отношений.

Всякая деятельность включает в себя цель, средство, результат и сам процесс деятельности, т.е. деятельность всегда выступает как осознанная деятельность. Основанием деятельности выступает цель, а основанием самой цели являются потребности, интересы и ценности человека, семьи, социальных групп, общества.

Ещё в начале 60-х годов прошлого века один из основателей теории человеческого капитала лауреат премии по экономике памяти Альфреда Нобеля Т. Шульц в своих трудах показывал на примере экономики США возрастание доходности от человеческого капитала по отношению к физическому [23].

На современном этапе в значительной мере акцент смещается от качественных характеристик рабочей силы: способности человека к трудовой деятельности; состояние здоровья, его умения, знания, навыки, которые в совокупности в современной научной литературе принято рассматривать как человеческий капитал, в сторону некогнитивных навыков [24]. По оценкам специалистов в России доход от человеческого капитала в настоящее время значителен – он достигает половины всех доходов страны [25].

Жизнедеятельность человека объективно направлена на повышение качества жизни и своего качества, на сохранение и улучшение условий собственной жизни и жизни своих детей и близких, что и представляет собой процесс общественного развития. Устойчивое повышение качества жизни и качества населения – есть прогресс, снижение – регресс.

В основе жизнедеятельности находится нераздельный комплекс потребностей, интересов и ценностей (ПИЦ), определяющих качество его носителя, а степень удовлетворённости их реализацией – качество его жизни. Этот комплекс уникален у каждого индивидуума, различных слоев и

групп общества. В классической диалектике потребности выступают внутренней причиной, интересы – основной, а ценности – направляющим фактором жизнедеятельности людей. Все составляющие этой триады неразрывны и действуют одновременно, но с разной силой и интенсивностью в разных исторических условиях жизни.

Для углублённого изучения того или иного процесса общественные науки избирали и избирают в качестве базовой ту или иную составляющую этой триады. Для экономистов это потребности, для социологов – интересы. Всего несколько десятилетий назад в стране получила развитие аксиология, наука, изучающая ценности. Диалектическое единство демографических, экономических и социальных процессов предполагает поиск теоретического обеспечения устойчивого социального развития и эффективной социальной политики на основе непредвзятого анализа взаимодействия и взаимовлияния качества населения и качества его жизни.

Для России, где сохраняется перспектива сокращения численности населения и продолжается процесс старения [26], политика «лучше больше и лучше» должна стать категорическим императивом.

Всё это требует переосмысления места половозрастной структуры и функций, составляющих её страт в общественном развитии, отказа от существующих стереотипов отношения к ним, формирования новых стратегий развития, создание условий для более полного развития и реализации потенциала каждого из поколений, что должно стать одним из главных приоритетов государственной социальной политики.

Еще Декарт в своей работе "Règles pour la direction de l'esprit" писал: «Эти вопросы о названиях возникают так часто, что, если бы философы всегда были согласны со значением слов, почти все их споры прекратились бы»². Недостаточная корректность существующих научных подходов проявляется уже в том, что в них, зачастую, не учитывается необходимость непротиворечивости сущности и содержания используемых одних и тех же понятий в разных по объёму изучаемых объектов в таких науках как философия, экономика, политология.

В классическом понимании качество выступает как категория, выражающая неотделимую от бытия объекта его существенную определённость, благодаря которой он является именно этим, а не иным объектом. Можно оценивать качество населения, но нельзя признавать существование

² Règles pour la direction de l'esprit. P. 288-289. URL: https://fr.wikisource.org/wiki/R%C3%A8gles_pour_la_direction_de_l'esprit (дата обращения: 10.03.2023).

некачественного населения или его части, как, например, «некачественного электората» или определять элиту как «качественную» часть общества. Далеко не правописание, а именно сущность качества предопределяет, на наш взгляд, функционирование при президенте Совета по русскому языку.

В основе качества определённого предмета, явления или процесса находится его материальный состав, структура как способ связи элементов в системе и функциональные свойства этой системы. Эти три составляющие системного подхода позволяют получить целостную картину факторов, раскрывающих качественную определённость предмета, что и предопределяет необходимость функционирования демографии как общественной науки, углубления и расширения её взаимодействия и взаимосвязи с экономическими, политическими и другими науками

Категория «качество» неразрывно связана с категорией «количество» как характеристики степени развития или интенсивности явлений, предметов, процессов, выражаемой в величинах и числах. Вместе с тем, стремление отдельных исследователей к приведению всего и вся к количественному знаменателю рождает порой такие оригинальные выводы, как утверждение о том, что слово «семья» возникло из численности её членов в «семь Я». Или: самолюбие невысокого человека будет удовлетворено только тогда, когда на каждый недостающий ему до среднего роста сантиметр он будет получать зарплату выше средней оплаты труда окружающих.

Измерение процессов на основе множества постоянно меняющихся социальных и экономических показателей не в состоянии в полной мере отразить динамику его развития в виде каких-либо чётко выраженных, математически определённых формул. Подчас задача авторов таких формул сводится к тому, чтобы количественно аргументировать, доказать эффективность предлагаемой им модели расчётов, а спустя некоторое время столь же убедительно объяснить причины её неработоспособности. Составляемый исследователями и социологами алгоритм не может не нести даже подсознательно предполагаемого результата. Современный уровень цифровизации позволяет практически мгновенно по заданной программе просчитать тысячи показателей и получить определённые результаты. Предпринятая в "нулевые" годы попытка одного из крупных отечественных исследовательских институтов оценить качество жизни на основе расчёта более чем 200 различных индикаторов показала, что главными факторами, негативно влияющими на качество жизни населения, являются коррупция и преступность. Безу-

словно, эти антисоциальные явления раздражают население, но вряд ли их можно признать базовыми для характеристики качества жизни, тем более в стране, уровень материальной обеспеченности значительного большинства населения и продолжительность жизни в которой существенно отстают от экономически развитых стран мира.

Всё это, естественно, не отрицает значимости практической пользы количественного измерения социальных процессов в т.ч. и для методического обеспечения государственной социальной политики по повышению качества населения и качества его жизни. Но абсолютизация цифры, доминирование количественного подхода в конечном итоге ведёт к отрицанию качественного многообразия процессов и явлений, что не снимает высокой значимости количественного измерения социальных процессов. Необходимо лишь принимать во внимание относительность выводов, полученных в результате таких расчётов.

Количественный подход не даёт убедительного ответа о границе, за которой начинается качественно иное состояние объекта, требующее и качественно новых подходов к его развитию. Количественные изменения непрерывны, качественные изменения дискретны, что соответствует непрерывности и дискретности смены поколений в процессе развития общества в целом.

Качество и количество являются неразделимо связанными, однако парадоксальным образом противоположными, характеристиками предметов, явлений и процессов. Эта связь в философии выражается понятием «мера» как диалектического единства качества и количества, в пределах которого сохраняется качественная определённость предмета [27]. Постоянно идущие постепенные количественные изменения, не меняющие до поры качество того или иного предмета или процесса, по достижению границ этой меры приводят к их качественным изменениям. В классической диалектике переход количественных изменений в качественные означает развитие, которое связано с обновлением системы, с её внутренним структурным и функциональным изменением, т.е. превращение в нечто новое, иное. Развитие – это не разовое изменение, а процесс длительных, накапливающихся, необратимых, поступательных изменений сложных системных объектов в достаточно больших интервалах времени. В процессе развития последовательно сменяют друг друга фазы, ступени процесса, закономерно изменяется уровень организации системы.

Прогрессивное развитие предполагает накопление качественных новообразований, которые необратимо уводят систему от её исходного состояния в направлении повышения уровня орга-

низации системы, то есть повышает степень её целостности, функциональную результативность и обеспечивает высокий потенциал последующего развития [28]. Если в процессе развития в системе усложняется её структура и возрастает набор функций, то такое развитие системы представляет собой прогресс [29]. Применительно к обществу этот критерий направленности развития означает, что прогрессивное развитие общества представляет собой процесс дифференциации, усложнения его структуры при одновременном повышении уровня организации, усилении взаимосвязи, взаимозависимости социальных слоев, групп, индивидов друг от друга [30, С. 218–220.]

Происходит существенная трансформация и в собственно демографических процессах. Высокая динамика сокращения смертности происходит в условиях существенного падения рождаемости. Миграционные потоки, в основе которых находится желание жить в странах с более высоким качеством жизни, не имеют себе равных в истории и фактически охватили все страны мира.

В основе нашего анализа находится естественное родительское стремление обеспечить своим детям лучшие условия жизни, что представляет собой главный механизм всего прогрессивного социального развития. В 1995 году на Копенгагенском саммите глав государств было решено рассматривать устойчивое социальное развитие как процесс, в ходе которого каждое последующее поколение должно иметь, по крайней мере, не худшие условия жизни [31]. В связи с этим взаимодействие социально-экономической и половозрастной структуры в современных условиях, с точки зрения исторического подхода к социальному развитию, приобретает важное значение для изучения и понимания качества населения и качества его жизни.

Во второй части статьи жизнедеятельность человека будет рассмотрена в единстве комплекса потребностей, интересов и ценностей, определяющих его качество, а степень удовлетворённости их реализацией – качество его жизни.

Список литературы

1. Дугин А.Г. Воображение. Философия, социология, структуры: Учебное пособие для вузов. Серия: Теории общества. М.: Академический проект, 2015. 636 с. ISBN 978-5-8291-1828-0
2. Тощенко Ж.Т. Общество травмы: между эволюцией и революцией опыт теоретического и эмпирического анализа). М.: Издательство «Весь Мир», 2020. 352 с. ISBN 978-5-7777-0801-4
3. Субетто А.И. Качество жизни человека, общества и человечества как проблема стратегии выживания в XXI веке. СПб.: Астерион, 2022. 40 с.
4. Уровень и качество жизни населения России: от реальности к проектированию будущего: [монография] / В.Н. Бобков, Т.Е. Бобкова [и др.]; Под ред. В.Н. Бобкова, Н.В. Локтюхиной, Е.Ф. Шамаевой; ФНИСЦ РАН. М.: ФНИСЦ РАН, 2022. 274 с. ISBN 978-5-89697-388-1, DOI 10.19181/monogr.978-5-89697-388-1.2022, EDN WOQAYF
5. Инглхарт Р. Культурная эволюция. Как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир / Пер. с англ. С.Л. Лопатиной. 2-е изд. Москва; Челябинск: Социум, 2020. 348 с.
6. Региональные особенности демографического развития России в XXI веке / Под ред. Л.Л. Рыбаковского. М.: Эконом-Информ, 2019. 162 с.
7. Тойнби А.Дж. Цивилизация перед судом истории. Мир и Запад: [пер. с англ.]. М.: АСТ: Астрель; Владимир: ВКТ. 2011. 318 с.
8. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Том 14. Москва-Ленинград: Государственное социально-экономическое издательство. 1931. 701 с.
9. Мухачёва А.В. Качество жизни населения как научная категория: теоретические подходы к определению // Вестник Кемеровского государственного университета. 2012. № 4(52). С. 303–307.
10. Валентей Д.И. Теория и политика народонаселения. М.: Высшая школа, 1967. 184 с.
11. Валентей Д.И., Зверева Н.В. Изучение народонаселения: вопросы методологии. М.: Изд-во МГУ, 1987. 156 с.
12. Елизаров В.В. Теория и практика демографической политики в СССР // Статистика и Экономика. Т. 14. № 5. 2017. С. 71–84. <https://doi.org/10.21686/2500-3925-2017-5-71-84>
13. Вишневский А.Г. Воспроизводство населения и общество: История, современность, взгляд в будущее. М.: Финансы и статистика, 1982. 287 с.
14. Демографическая модернизация России, 1900-2000 / Под ред. А. Вишневского. М.: Новое издательство, 2006. 601 с. ISBN 5-98379-042-0
15. Ионцев В.А. Международная миграция населения: теория и история изучения. М.: Диалог-МГУ, 1999. 370 с.
16. Елизаров В.В. Избранные труды: сборник статей. Серия «Демографические исследования». Вып. 30 / Редакторы-составители Н.Г. Джанаева, Н.А. Затонских, О.С. Чудиновских. М.: Экономический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, 2023. 228 с.
17. Стратегия демографического развития России / В.Н. Архангельский [и др.] / Под ред. В.Н. Кузнецова, Л.Л. Рыбаковского; Рос. акад. наук, Ин-т соц.-полит. исслед. М.: Центр соц. прогнозирования, 2005. 206 с. ISBN 5-98201-007-5, EDN QOPAUT
18. Экономические аспекты смертности и инвалидности: потери здоровья и нагрузка на здравоохранение / Под ред. Ю.В. Михайловой, А.Е. Ивановой. М., 2006.

19. Антонов А.И., Медков В.М. Социология семьи. М.: Статистика, 1996. 303 с.
20. Рязанцев С.В., Ростовская Т.К. Эволюция демографической политики России: проблемы и перспективы // Российская молодежь: социально-демографический портрет и система ценностей в контексте многонациональной основы российского государства. М.: Издательско-торговый Дом «ПЕРСПЕКТИВА», 2017. С. 197–214. EDN XWHDAJ
21. Рыбаковский Л.Л. Миграция населения (вопросы теории). М.: ИСПИ РАН, 2003. 238 с.
22. Качество и уровень жизни населения в новой России: (1991 - 2005 гг.) / В.Н. Бобков, Денисов Н.А., Маликов Н.С. [и др.]. М.: Всероссийский центр уровня жизни, 2007. 719 с. ISBN 978-5-87227-033-1, EDN YOZLJR
23. Schultz T.W. Investment in Human Capital // The American Economic Review. 1961. Vol. 51. No.1. P. 1–17.
24. Сценарии роста российской экономики с учётом вклада человеческого капитала [Текст]: доклад к XX Апрельской международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества (Москва, 9–12 апреля 2019 г.) / Н.В. Акиндинова, Е.Г. Ясин, Д.А. Авдеева [и др.]; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2019. 51 с. ISBN 978-5-7598-1891-5
25. Насколько богата Россия. Комплексная оценка богатства России с 2000 по 2017 годы // Всемирный банк. URL: <https://www.vsemirnyjbank.org/ru/country/russia/publication/how-wealthy-is-russia> (дата обращения: 12.04.2023).
26. Экономические и социальные проблемы России: Сб. науч. тр. № 2: Старение населения: Социально-экономические последствия / Ред. сост. вып. С.С. Костяев / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.- информ. исслед. Отд. Экономики. М., 2013. 148 с.
27. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. В 3 т. Т. 1. Наука логики. М.: Мысль, 1974. 452 с.
28. Гегель Г.В.Ф. Сочинения. В 14 т. Т. 8. Философия истории. Москва-Ленинград: Государственное социально-экономическое издательство, 1935. 468 с.
29. Зборовский Г.Е., Орлов Г.Г. Введение в социологию: учеб. пособие. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 1992. 224 с.
30. Спиркин А.Г. Философия: учебник. 2-е изд. М.: Гардарики, 2006. 736 с.
31. Copenhagen Declaration on Social Development. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/copdecl.shtml (дата обращения: 26.04.2023).

Информация об авторе:

Николай Серафимович Маликов – кандидат философских наук, доцент

Иван Федорович Маликов – студент, факультет гуманитарных наук, бакалаврская программа «философия» Высшей школы экономики. (E-mail: ifmalikov@yandex.ru)

Заявленный вклад авторов:

Маликов Н.С. – постановка проблемы, разработка концепции, сформулированные выводы.

Маликов И.Ф. – сбор и анализ источников, редакционная работа, анализ публикаций по теме.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

Автор, ответственный за переписку, – Иван Федорович Маликов.

Продолжение следует

Статья поступила в редакцию 19.03.2023; одобрена после рецензирования 14.05.2023; принята к публикации 16.05.2023.

References

1. Dugin A.G. Imagination. Philosophy, sociology, structures: Textbook for universities. Series: Theories of Society. Moscow: Academic project, 2015. 636 p. ISBN 978-5-8291-1828-0 (In Russ.)
2. Toshchenko Zh.T. The Society of Trauma: Between Evolution and Revolution (Experience of Theoretical and Empirical Analysis). Moscow: Publishing house "The Whole World", 2020. 352 p. ISBN 978-5-7777-0801-4 (In Russ.)
3. Subetto A.I. Quality of life of a person, society and humanity as a problem of survival strategy in the XXI century. St. Petersburg: Asterion, 2022. 40 p. (In Russ.)
4. The level and quality of life of the population of Russia: from reality to the design of the future: [monograph]. V.N. Bobkov, T.E. Bobkova [et al.]; Ed. by V.N. Bobkov, N.V. Loktyukhina, E.F. Shamaeva; FCTAS RAS. Moscow: FCTAS RAS, 2022. 274 p. ISBN 978-5-89697-388-1, DOI 10.19181/monogr.978-5-89697-388-1.2022 (In Russ.)
5. Inglehart R. Cultural evolution. How human motivations change and how it changes the world / Transl. from Eng. by S.L. Lopatina. 2nd ed. Moscow; Chelyabinsk: Society, 2020. 348 p.
6. Regional features of demographic development of Russia in the XXI century. Ed. by L.L. Rybakovsky. Moscow: Publishing house "Econom-Inform", 2019. 162 p. (In Russ.)
7. Toynbee A. J. Civilization before the judgment of history. The World and the West: [transl. from English]. Moscow: ACT: Astrel; Volodymyr: VKT. 2011. 318 p.
8. Marx K., Engels F. Works. Vol. 14. Moscow-Leningrad: State Social and Economic Publishing House. 1931. 701 p. (In Russ.)
9. Mukhacheva A.V. Quality of life of the population as a scientific category: theoretical approaches to definition. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Kemerovo State University*. 2012;4(52):303-307. (In Russ.)
10. Valentey D.I. Theory and policy of population. Moscow: Vysshaya shkola, 1967. 184 p. (In Russ.)
11. Valentey D.I., Zvereva N.V. Study of population: questions of methodology. Moscow: Lomonosov Moscow State University Publishing House, 1987. 156 p. (In Russ.)
12. Elizarov V.V. Theory and practice of demographic policy in the USSR. *Statistics and Economics*. 2017;14(5):71-84. <https://doi.org/10.21686/2500-3925-2017-5-71-84> (In Russ.)
13. Vishnevsky A.G. Reproduction of the population and society: History, modernity, a look into the future. Moscow: Finance and statistics, 1982. 287 p. (In Russ.)

14. Demographic modernization of Russia, 1900-2000. Ed. by A. Vishnevsky. Moscow: New Publishing House, 2006. 601 p. ISBN 5-98379-042-0 (In Russ.)
15. Iontsev V.A. International migration: population: theory and history of study. Moscow: Dialog-Lomonosov Moscow State University, 1999. 370 p. (In Russ.)
16. Elizarov V.V. Selected works: collection of articles. Series "Demographic Studies". Issue 30. Ed. by N.G. Dzhanayeva, N.A. Zatonskikh, O.S. Chudinovskikh. Moscow: Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, 2023. 228 p. (In Russ.)
17. Strategy of demographic development of Russia. V.I. Arkhangelsky [et al.] Ed. by V.N. Kuznetsov, L.L. Rybakovsky; Russian Academy of Sciences, In-t soc.-polit. research. Moscow: Social Forecasting Center, 2005. 206 p. ISBN 5-98201-007-5 (In Russ.)
18. Economic aspects of mortality and disability: loss of health and burden on health care. Ed. by Yu.V. Mikhailova, A.E. Ivanova. Moscow, 2006. (In Russ.)
19. Antonov A.I., Medkov V.M. Sociology of the family. Moscow: Statistics, 1996. 303 p. (In Russ.)
20. Ryazantsev S.V., Rostovskaya T.K. Evolution of Russia's Demographic Policy: Problems and Prospects. Russian youth: socio-demographic portrait and system of values in the context of the multinational basis of the Russian state. Moscow: Limited Liability Company "Publishing and Trading House "PERSPECTIVE". 2017;197-214. (In Russ.)
21. Rybakovsky L.L. Migration of the population (questions of theory). Moscow: ISPI RAN, 2003. 238 p. (In Russ.)
22. The quality and standard of living of the population in the new Russia: (1991-2005). V.N. Bobkov, N.A. Denisov, N.S. Malikov [et al.]. Moscow: All-Russian Center for Living Standards, 2007. 719 p. ISBN 978-5-87227-033-1 (In Russ.)
23. Schultz T.W. Investment in Human Capital. *The American Economic Review*. 1961;51(1):1-17.
24. Scenarios for the growth of the Russian economy, taking into account the contribution of human capital [Text]: report to the XX April International Academic Conference on the Development of the Economy and Society (Moscow, April 9-12, 2019). N.V. Akudinova, E.G. Yasin, D.A. Avdeeva [et al.]; National Research University Higher School of Economics. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics, 2019. 51 p. ISBN 978-5-7598-1891-5 (In Russ.)
25. How rich is Russia. Comprehensive assessment of Russia's wealth from 2000 to 2017. World Bank. URL: <https://www.vsemirnyjbank.org/ru/country/russia/publication/how-wealthy-is-russia> (accessed: 12.04.2023). (In Russ.)
26. Economic and social problems of Russia: Sat. sci. tr. No. 2: Aging of the population: Socio-economic consequences; Ed. comp. S.S. Kostyaev. RAS. INION. Center social. Sci.- Inform. Research. Otd. Economy. Moscow, 2013. 148 p. (In Russ.)
27. Hegel G.V.F. Encyclopedia of Philosophical Sciences. In 3 vols. Vol. 1. The Science of Logic. Moscow: Thought. 1974. 452 p. (In Russ.)
28. Hegel G.V.F. Works. In 14 vols. Vol. 8. Philosophy of history. Moscow-Leningrad: State Social and Economic Publishing House, 1935. 468 p. (In Russ.)
29. Zborovsky G.E., Orlov G.G. Introduction to sociology: textbook. allowance. Ekaterinburg: Ural University Press, 1992. 224 p. (In Russ.)
30. Spirkin A.G. Philosophy: textbook. 2nd ed. Moscow: Gardariki, 2006. 736 p. (In Russ.)
31. Copenhagen Declaration on the Social Development. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/copdecl.shtml (accessed: 26.04.2023).

Information about the author:

Nikolai S. Malikov – PhD in Philosophy, Assistant Professor

Ivan F. Malikov – Student, Faculty of Humanities, Bachelor's program "Philosophy" of the Higher School of Economics.
(E-mail: ifmalikov@yandex.ru)

Authors' declared contribution:

Nikolai S. Malikov – problem statement, concept development, formulated conclusions.

Ivan F. Malikov – collection and analysis of sources, editorial work, analysis of publications on the topic.

The authors declare no conflicts of interests.

The author responsible for the correspondence is Ivan F. Malikov.

To be continued.

The article was submitted 19.03.2023; approved after reviewing 14.05.2023; accepted for publication 16.05.2023

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Материалы конференции

DOI: 10.52180/1999-9836_2023_19_2_13_303_304

EDN: XFIJNK

VII Санкт-Петербургский международный форум труда

Вячеслав Николаевич Бобков^{1,2}, Олеся Васильевна Вередюк³

¹ Институт экономики РАН, Москва, Россия (bobkovvn@mail.ru), (ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7364-5297>)

² Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Россия

³ Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, (o.veredyuk@spbu.ru), (ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9862-633X>)

Для цитирования: Бобков В.Н., Вередюк О.В. VII Санкт-Петербургский международный форум труда // Уровень жизни населения регионов России. 2023. Том 19. № 2. С. 303–304. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_2_13_303_304; EDN XFIJNK

CNF (Conference proceedings)

DOI: 10.52180/1999-9836_2023_19_2_13_303_304

EDN: XFIJNK

The VII St. Petersburg International Labor Forum

Vyacheslav N. Bobkov^{1,2}, Olesya V. Veredyuk³

¹ Institute of Economics of the RAS, Moscow, Russia, (bobkovvn@mail.ru), (ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7364-5297>)

² Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia

³ St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia, (o.veredyuk@spbu.ru), (ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9862-633X>)

For citation: Bobkov V.N., Veredyuk O.V. The VII St. Petersburg International Labor Forum. *Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2023. Vol. 19. No 2. P. 303–304. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_2_13_303_304

13–17 марта 2023 года в г. Санкт-Петербурге проходил VII Санкт-Петербургский Международный Форум Труда. Институт экономики РАН являлся партнёром двух мероприятий Форума, состоявшихся 16 марта: 1) «Дестандартизация занятости в условиях переформатирования экономики» (академическая дискуссия, сомодераторы д.э.н. В.Н. Бобков, д.э.н. И.В. Соболева, к.э.н. О.В. Вередюк (СПбГУ)) и 2) «Социальные резервы производительности труда: стимулирование, приспособление, имитация» (круглый стол, сомодераторы: чл. корр РАН Ж.Т. Тощенко, (ФНИСЦ РАН, РГГУ), к.э.н. Анисимов (РГГУ), д.э.н. В.Н. Бобков (ИЭ РАН, РЭУ им. Г.В. Плеханова).

Сотрудники института экономики РАН выступили с докладами:

Соболева Ирина Викторовна: д.э.н., г.н.с. «**Модификация вызовов в сфере труда в условиях изменившегося контекста развития национальной экономики**» (ак. диск.);

Бобков Вячеслав Николаевич, д.э.н., г.н.с.; Одинцова Елена Валерьевна к.э.н., в.н.с.: «**Занятость в устойчивых и неустойчивых сегментах и её влияние на уровень жизни**» (ак. диск.);

Бобков Вячеслав Николаевич, Одинцова Елена Валерьевна (ИЭ РАН, РЭУ им. Г.В. Плеханова,

г. Москва) «**Потенциал образования и занятости в поколенных группах населения**» (кр. стол).

Черных Екатерина Алексеевна, к.э.н., в.н.с.: «**Качество трудовой жизни и удовлетворённость трудом на российском рынке труда**» (ак. диск.);

Рязанцев Вадим Игоревич, м.н.с. (ИЭ РАН, ИС ФНИСЦ РАН) «**Телесность человека с инвалидностью как социальный резерв производительности труда?**» (кр. стол).

По результатам научных мероприятий участниками были внесены следующие предложения в Программный комитет Форума:

1. По изменению законодательства и практики применения законов: ввести в законодательные акты по труду и занятости (ФЗ «О занятости...») понятие «неустойчивая (прекарная) занятость» и зафиксировать положение о том, что государственная политика в Российской Федерации в сфере занятости направлена на уменьшение её остроты (концентрации признаков) и сокращение масштабов и др.

2. *Управленческие идеи:* при реформировании системы профессионального образования добиваться опережения повышения его качества по сравнению со сложностью рабочих мест, а также ускоренного перевооружения технико-техно-

логической и информационной среды для реализации профессионально-квалификационных характеристик работников; внедрять в организациях систему мониторинга оценок работниками условий труда и здоровья; распространять наиболее эффективные здоровьесберегающие технологии на рабочих местах с учетом значимости психологического комфорта; активизировать работу по модернизации центров занятости населения, в т.ч. в направлении повышения эффективности и популяризации формальных каналов трудоустройства, расширения доступности предоставляемых услуг и зоны охвата местного населения; стимулировать занятость населения за пределами крупных городов за счет реализации промышленных, инфраструктурных и социально-значимых проектов, что позволит повысить привлекательность малых городов и сельских поселений для постоянного проживания и будет способствовать равномерному тер-

риториальному развитию страны; стимулировать развитие профсоюзного движения (прежде всего, повышение степени юнионизации населения и содействие созданию новых профсоюзных организаций); реализовывать программы по профессиональной подготовке, переподготовке и повышению квалификации работников (в т.ч. возобновить программу «Цифровые профессии») с целью предоставления дополнительных возможностей для карьерного роста и профессиональной мобильности и др.

3. *Новые научно-исследовательские направления и темы междисциплинарных исследований:* занятость в устойчивых и неустойчивых сегментах и её влияние на уровень жизни; самозанятость и фрилансерство как способы адаптации работников на рынке труда; платформенная занятость в единстве технологической, экономической и социальной составляющих; дистанционная занятость и удовлетворённость работой и др.

Информация об авторах:

Вячеслав Николаевич Бобков – д-р экон. наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, главный научный сотрудник, заведующий Сектором социально-экономических исследований качества и уровня жизни Центра развития человеческого потенциала, Институт экономики РАН; директор научного центра Экономики труда Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова, Москва, Россия (e-mail: bobkovvn@mail.ru) (e-library AuthorID: 275902) (ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7364-5297>) (ResearcherID: U-6527-2019)

Олеся Васильевна Вередюк – канд. экон. наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, Москва, Россия (e-mail: o.veredyuk@spbu.ru) (e-library AuthorID: 287329) (ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9862-633X>) (ResearcherID: K-7044-2013)
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Материалы конференции поступили в редакцию 07.05.2023; приняты к публикации 16.05.2023.

Information about the author:

Vyacheslav N. Bobkov – Doctor of Economics, Professor, Honoured Science Worker of the Russian Federation, Chief Research Worker, Head of the Department of Socioeconomic Research of Living Standards and Quality of Live at the Centre of Development of Human Potential of Institute of Economics of the RAS; Director of the Scientific Centre of Labour Economics at the Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia (e-mail: bobkovvn@mail.ru) (e-library AuthorID: 275902) (ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7364-5297>) (ResearcherID: U-6527-2019)

Olesya V. Veredyuk – PhD in Economics, Associate Professor, St. Petersburg State University. o.veredyuk@spbu.ru, St. Petersburg, Russia (e-mail: o.veredyuk@spbu.ru) (e-library AuthorID: 287329) (ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9862-633X>) (ResearcherID: K-7044-2013)

Authors' declared contribution:

The authors declare no conflicts of interests.

The Conference materials submitted 07.05.2023; accepted for publication 16.05.2023

Материалы конференции

DOI: 10.52180/1999-9836_2023_19_2_14_305_306

EDN: YWZXVU

XII Международная научно-практическая конференция «Абалкинские чтения»

Вячеслав Николаевич Бобков^{1,2}

¹ Институт экономики РАН, Москва, Россия (bobkovvn@mail.ru), (ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7364-5297>)

² Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Россия

Для цитирования: Бобков В.Н. XII Международная научно-практическая конференция «Абалкинские чтения» // Уровень жизни населения регионов России. 2023. Том 19. № 2. С. 305–306. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_2_14_305_306; EDN YWZXVU

CNF (Conference proceedings)

DOI: 10.52180/1999-9836_2023_19_2_14_305_306

EDN: YWZXVU

The XII International scientific and practical conference «Abalkin Readings»

Vyacheslav N. Bobkov^{1,2}

¹ Institute of Economics of the RAS, Moscow, Russia, (bobkovvn@mail.ru), (ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7364-5297>)

² Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia

For citation: Bobkov V.N. The XII International scientific and practical conference «Abalkin Readings». *Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2023. Vol. 19. No 2. P. 305–306. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_2_14_305_306

Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова 26–27 апреля провёл XII Международную научно-практическую конференцию «Абалкинские чтения» на тему «Приоритеты и механизмы стратегического планирования в Российской Федерации». Конференция организована совместно с Российской академией наук, Вольным экономическим обществом, Институтом экономики Российской академии наук.

В рамках конференции на площадке РЭУ 26 апреля работала секция «Сбережение народа и развитие человеческого потенциала как приоритет стратегического развития России», которую организовали сотрудники Института экономики РАН Бобков В.Н., д.э.н., проф., г.н.с., зав. Сектором социально-экономических исследований качества и уровня жизни Центра развития человеческого потенциала и Соболева И.В., д.э.н., г.н.с., зав. Центром развития человеческого потенциала.

На Секции были обсуждены механизмы повышения рождаемости, снижения смертности и роста продолжительности здоровой жизни; проблемы повышения качества медицинского обслуживания и обеспечение лекарственного суверенитета; пути преодоления недостатков «болонской системы» профессионального образования; модификация вызовов в сфере труда в условиях

изменившегося контекста развития национальной экономики; роль трудовой миграции в развитии трудовых ресурсов Российской Федерации и стран ближнего зарубежья; пути сокращения масштабов неустойчивой (прекарной) занятости; пути снижения уровня бедности и расслоения общества по уровню доходов и развитие адресной поддержки малоимущих семей с детьми.

С докладами, помимо Бобкова В.Н. и Соболевой И.В., выступили Чубарова Т.В., д.э.н., г.н.с., зав. Центром экономической теории социального сектора, Одинцова Е.В., к.э.н. г.н.с. и Черных Е.А., к.э.н., г.н.с. Сектор социально-экономических исследований качества и уровня жизни. Всего на секции в очном и заочном форматах было сделано 19 докладов. Кроме сотрудников ИЭ РАН доклады представили представители ОАО «РЖД» (к.э.н. Никитин В.Н.), ИСЭПН ФНИСЦ РАН (д.э.н. Александрова О.А.), МГУ им. М.В. Ломоносова (д.э.н., проф. Молчанов И.Н., к.э.н. Архангельский В.Н.), ИДИ ФНИСЦ РАН (д.э.н. Иванова А.Е.), Ташкентского филиала РЭУ (д.э.н., проф. Абдурахманов К.Х., PhD, Карабаева Г.Ш.), Краснодарского филиала РЭУ (к.э.н. Пидяшева О.П.), Национально-исследовательского Нижегородского государственного университета (д.э.н., проф. Золотов А.В.), Российского экономического университета (д.э.н., проф. Бобков В.Н., Кожевнико-

ва М.О. к.э.н. Шичкин И.А.); РАНХ и ГС (к.э.н. Карцева М.А.), Финансового университета (д.э.н., проф. Соловьев А.К.), НИФИ (к.э.н. Гришина Е.Е., к.с.н. Цацура Е.А.), Российской экономической школы (к.э.н. Денисова И.А., Вариошкин Н.А.)

Также Институт экономики в рамках этой международной конференции на своей площадке 27 апреля провёл **круглый стол на тему: «Стратегическое планирование в условиях внешних вызовов: задачи, возможности, инструменты».**

Информация об авторе:

Вячеслав Николаевич Бобков – д-р экон., наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, главный научный сотрудник, заведующий Сектором социально-экономических исследований качества и уровня жизни Центра развития человеческого потенциала, Институт экономики РАН; директор научного центра Экономики труда Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова, Москва, Россия
(e-mail: bobkovvn@mail.ru) (e-library AuthorID: 275902) (ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7364-5297>) (ResearcherID: U-6527-2019)
Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Материалы конференции поступили в редакцию 07.05.2023; приняты к публикации 16.05.2023.

Information about the author:

Vyacheslav N. Bobkov – Doctor of Economics, Professor, Honoured Science Worker of the Russian Federation, Chief Research Worker, Head of the Department of Socioeconomic Research of Living Standards and Quality of Live at the Centre of Development of Human Potential of Institute of Economics of the RAS; Director of the Scientific Centre of Labour Economics at the Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia
(e-mail: bobkovvn@mail.ru) (e-library AuthorID: 275902) (ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7364-5297>) (ResearcherID: U-6527-2019)

Authors' declared contribution:

The author declares no conflicts of interests.

The Conference materials submitted 07.05.2023; accepted for publication 16.05.2023

Разное

DOI: 10.52180/1999-9836_2023_19_2_15_307_308

EDN: RTOHTG

Конкурс эссе «Образование будущего»

Ренат Рифович Газизов

НАУКА-1, Нижневартовск, Россия (ceo@nauka.one)

Для цитирования: Газизов Р.Р. Конкурс эссе «Образование будущего» // Уровень жизни населения регионов России. 2023. Том 19. № 2. С. 307–308. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_2_15_307_308; EDN RTOHTG

MIS (Miscellaneous)

DOI: 10.52180/1999-9836_2023_19_2_15_307_308

EDN: RTOHTG

Essay Contest «Education of the Future»

Renat R. Gazizov,

NAUKA.ONE, Nizhnevartovsk, Russia (ceo@nauka.one)

For citation: Gazizov R.R. Essay Contest «Education of the Future». *Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2023. Vol. 19. No 2. P. 307–308. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_2_15_307_308

Темп жизни современного общества стремительно ускоряется. В связи с этим происходит быстрый рост объёма знаний, что требует поиска новых подходов к организации образовательных процессов. Куда движется образование сегодня? Каким оно может стать в будущем? Ответы на эти вопросы попытались дать участники Конкурса эссе «Образование будущего» (<https://nauka.one/events/obrazovanie-v-xxi-veke-2023>), реализованного с 03.04.2023 по 26.05.2023 на площадке научно-образовательного проекта «НАУКА-1» (<https://nauka.one>).

Конкурс проводился с целью привлечения внимания молодого поколения к актуальным вопросам образования будущего, а также развития мотивации молодёжи к научным исследованиям. К участию были приглашены студенты, обучающиеся на очных отделениях в высших учебных заведениях России. На приглашение откликнулись студенты из Екатеринбурга, Нижневартовска, Новосибирска, Оренбурга, Пензы, Саратова, Сургута, Томска, Челябинска и других городов. Всего к конкурсному отбору было допущено 35 участников из 18 городов и 23 вузов страны. Рассуждая на заявленную тему, конкурсанты затронули вопросы инноваций в образовании, сформировали портреты ученика и педагога будущего, описали их роли, поделились другими своими идеями.

Согласно сформировавшемуся рейтингу представленных на конкурсный отбор работ победителем был объявлен Дедюхин Данил Дмитриевич, студент ФГБОУ ВО «Шадринский государствен-

ный педагогический университет», г. Шадринск. Его работа «Образование как основа настоящего и будущего социально-экономического развития общества» набрала наибольшее количество баллов (<https://nauka.one/events/works/206>).

Все эссе оказались по-своему интересны. Некоторые из них были выделены экспертами по оригинальности, содержательности, практической значимости и другим отдельным критериям оценивания их эссе, что позволило отдельно отметить авторов: Валерию Горягину, ФГБОУ ВО «Амурский государственный университет», г. Благовещенск; Дениса Козюкина, ФГБОУ ВО «СГУ им. Н.Г. Чернышевского», г. Саратов; Веронику Корякину, Миасский филиал ЧЕЛГУ, г. Миасс; Полину Моисееву, ФГБОУ ВО «Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет», г. Челябинск; Василия Пепеляева, ФГБОУ ВО «Северо-Восточный государственный университет», г. Магадан; Ангелину Петранину, ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет архитектуры и строительства», г. Пенза; Марину Ротину, ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный педагогический университет», г. Оренбург; Анастасию Туманову, ФГБОУ ВО «Уральский государственный университет путей сообщения», г. Екатеринбург; Анастасию Уженцеву, ФГБОУ ВО «Сибирский государственный университет телекоммуникаций и информатики», г. Новосибирск; Анастасию Яковлеву, ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный университет экономики и управления», г. Новосибирск.

В авторитетную экспертную комиссию, проводившую оценку конкурсных работ, входили представители научной и педагогической общест-венности, бизнеса, государственных органов

управления, средств массовой информации, об-щественных организаций и фондов.

Благодарим всех, кто участвовал в мероприя-тии: участников, экспертов и партнёров.

Информация об авторе:

Ренат Рифович Газизов – кандидат экономических наук, руководитель и основатель НАУКА-1, Нижневартовск, Россия (ceo@nauka.one)
Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Материалы конференции поступили в редакцию 15.06.2023; приняты к публикации 15.06.2023.

Information about the author:

Renat R. Gazizov – PhD in Economics, CEO and Founder of the NAUKA.ONE, Nizhnevartovsk, Russia (ceo@nauka.one)

Authors' declared contribution:

The author declares no conflicts of interests.

The Conference materials submitted 15.06.2023; accepted for publication 15.06.2023